

Миры Четырёх
времен

Мир Зимы

Юлия Эльм

Юлия Эльм

Мир Зимы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70455292

SelfPub; 2024

Аннотация

Вы когда-нибудь гадали, что находится там, перед смертью? Не после, а на самом её пороге. Нет, эта книга не о загробной жизни. Она о мире. О мире Зимы... О его хозяйке, что не знала, как строятся города, и старалась дать людям второй шанс. О Жаре и Вселенском холоде, о кораблях и поездах в звёздном небе. О душах, живых и чуть менее, о времени... И конечно, о любви.

Содержание

Глава 1. Иней.	4
Глава 2. Снег.	47
Глава 3. Лёд.	67
Глава 4. Крепости.	94
Глава 5. Звёзды.	109
Глава 6. Дыхание.	131
Глава 7. Сугробы.	163
Глава 8. Встречи.	213
Глава 9. Тьма.	277
Глава 10. Жар.	298
Глава 11. Книги.	328
Глава 12. Глинтвейн.	357
Глава 13. Поезда.	385
Глава 14. Полуночный экспресс.	436
Глава 15. Костёр.	458
Глава 16. «Всегда».	478
Глава 17. Солнце.	516
Глава 18. Время.	555
Эпилог.	567

Юлия Эльм

Мир Зимы

Глава 1. Иней.

Она прожила в этом городе жизнь. Сегодня он убил её.

Она лежала посреди тротуара, раскинув руки. Текла кровь. Выла сирена скорой помощи. Медленно падал снег. А город возвышался над сбитым телом, проглатывая пар её последних вздохов. Значит это... Конеч?

Вот и всё. Сказать больше нечего. Жизнь... Было бы чему проноситься перед глазами в последние секунды. Умираешь, а вздохнуть не о чем. Какая всё-таки досада.

Очнулась она на том же тротуаре. Просто открыла глаза, совершенно ничего не чувствуя. Та же зима... Тот же снег... Только город стал иным.

Она смотрела и не узнавала. Того маленького кусочка неба и пары крыш, что различали её глаза, было достаточно, чтобы их не узнать. Неужели такое бывает?

Несколько минут она глядела вверх. Лишь для того, чтобы осознать – вот она, здесь, лежит на тротуаре, смотрит в небо, и продолжает идти её время. Не так просто вновь обрести эту мысль, когда только что с ней простился.

Совершенно ничего не понимая, она рывком села на зем-

ле. Да, это всё ещё она. Без сомнений. Ещё помнит, ещё чувствует себя до самых кончиков пальцев. Ещё бьётся в груди её... Она резко спохватилась.

Оглядывая себя, она заметила разительную перемену.

– Это... Уже смерть? – невпопад вырвалось у неё.

– Нет, – отозвался прохожий, случайно услышавший её слова, – Ты горишь. Значит – живая.

Действительно, девушка горела. Она даже встала с обледеневшего тротуара, чтобы лучше осмотреть себя.

В целом, всё осталось как прежде. За исключением нескольких деталей. Всё её тело покрывали узоры инея, и оттого кожа приобрела волшебный, голубоватый оттенок. А в груди... Горел огонь.

Складки одежды, плоть, артерии и вены – всё это в верхней части груди превратилось в прозрачный лёд. И внутри... Полыхало настоящее пламя. Из алого в рыжий, его всполохи танцевали, что за слоем голубовато прозрачного льда казалось особенно хрупким и завораживающим.

Можно было принять это за бред. За феерические, запутанные галлюцинации, что преподносит мозг перед смертью, но... Всё казалось слишком реальным.

Осознав себя в мире, теперь она могла осознавать мир. Знакомая улица выглядела иначе. Ночь рассыпалась над городом огромным звёздным небом, иссиня-чёрным и завораживающим. На нём теснилось столько звёзд, что казалось, кто-то щедро, с любовью разбрасывал их здесь. Переполнен-

ные небеса вздыхали тяжело и удовлетворённо, впечатлённые масштабом собственной красоты.

Ночь покрывала такой же тёмный, в синеватой мгле город. Облепленные инеем дома скукожились и подрагивали. Редкие золотые огни горели в провалах окон. Все здешние здания казались отдалённо знакомыми, ведь она видела их бесчисленное количество раз. Но эти другие.

Контактные провода трамваев паутиной оплетали небольшой перекрёсток. На них поселилась наледь и снежные узоры. А по скрещению дорог ходил народ.

Люди не сильно отличались от неё. У всех на коже синеватый иней – отпечаток зимы. Кто-то, как и она, горит, но у многих в груди пусто. Однако, это не мешает пустым, не горящим людям так же смеяться, встречая своих знакомых, и весело шутить на прощание.

Людей проходило много. Кто-то улыбался ей, старомодно приподнимая шляпу, кто-то кивал, кто-то не замечал её вовсе. Она была обычным явлением в этом мире, отмеченном зимой. Хотя сама не видела ничего обыкновенного.

Больше всего удивляли, пожалуй, деревья. Они заменяли фонари. Нестройные ряды раскидистых, но совершенно мёртвых стволов с почерневшими ветками стояли по обе стороны улицы. И не было бы в них ничего примечательного, если б не... Жилы света.

Мощные, золотые артерии тянулись под снегом между деревьями. Полные тёплого сияния, они проходили сквозь

ствол, распускаясь на ветках каплеобразными плодами. За-
вораживающее зрелище.

Ошеломлённая красотой, она захотела на секунду закрыть глаза. И лишь с темнотой почувствовала... Как по миру рокотом прокатывалось дыхание зимы. Нет, не холодное и обжигающее, но мягкое. Морозное, сияющее, весёлое... Таинственное. В этом мире в каждой тени прятались чудеса, за каждым отблеском скрывалась своя история. В убаюкивающей тишине снег представлялся живым, но притаившимся. Как нечаянная радость.

У этого мира была душа. Она чудилась девушке такой же обворожительно прекрасной, как волшебная зимняя ночь.

Улица кипела жизнью. Замёрзшие светофоры регулировали движение, пускай застывшие под слоем снега на дороге машины и не собирались куда-то уезжать. Зато пешеходы свято соблюдали правила. Собираясь на одной стороне перекрёстка, они терпеливо ждали, когда загорится зелёный свет.

Только она стояла посреди дороги. Мысль это заставила резко ступешаться. Девушка решила, что стоит куда-нибудь пойти, дабы сильно не выделяться. Но из трёх дорог совершенно не могла выбрать направления.

Пока она оглядывалась, следующая неожиданность прочно пригвоздила её к месту.

Повернув из-за угла здания, на морозную улицу вышла настоящая рысь. Она была огромной... В высоту не меньше пяти метров, и полностью состоящая из тонкого, хрупкого

инья. Узоры на ледяной шкуре придавали ей величия. Живое воплощение зимы.

Она шла. Тяжело и грациозно ступали по снежному тротуару её мощные лапы. Кисточками на ушах она задевала контактные провода трамваев, те искрились. Рысь подергивала ухом.

И только девушка смотрела на неё во все глаза. Прохожие совершенно не удивлялись присутствию настоящего чуда, словно ледяная пятиметровая кошка была здесь обычным делом. А может, так и есть?

Идущие навстречу люди приветливо улыбались ей. На пешеходном переходе рысь присела на заметённую снегом плитку, вместе с остальными дожидаясь зелёного света. Десять секунд... Двадцать... Устав ждать, она совсем по-кошачьи завалилась на спину, играя лапками с замёрзшими проводами. От такого зрелища глаза округлялись.

Наконец, зелёный. Пешеходы с обеих сторон улицы двинулись навстречу друг другу. Снежная кошка тоже поднялась на лапы. Переходя проезжую часть, она вдруг повернула голову, и... Посмотрела прямо на девушку. На мгновение их взгляды встретились. Стремительный, но томительно долгий миг. И показалось девушке в ту секунду, что это невероятное создание отчего-то очень печально. Пламенное сердце отчаянно защемило.

Впрочем, ощущение быстро прошло. Рысь отвела взгляд, перешла улицу и двинулась дальше, скрываясь за домами.

Девушка схватилась за голову. Слишком много всего. Слишком! Это уже ни в какие...

Мимо неё лихо пролетел человек. Совершенно невероятный хотя бы тем, что выглядел вполне нормально. Без льда в груди и узорov инея на коже. У него даже был морозный румянец. По крайней мере это то небольшое, что она успела заметить, помимо коричневого расшитого сюртука, невообразимого количества шестерёнок и цилиндра. Парень проверял часы, умудряясь попутно держать в руках толстую тетрадь в кожаном переплёте, что-то в неё записывая.

– Странно... Странно... – бормотал он про себя, выходя прямо на проезжую часть, – Не сходится, не сходится. Куда оно могло деться?

Пускай машины по этим дорогам не ездили, девушка забеспокоилась. Не просто так тут все ходят только на зелёный, верно?

– Постойте, – окликнула она незнакомца, – Вам стоит быть осто...

Не успела она договорить, как парень резко, на каблуках развернулся к ней.

– А! Это ты! – он обличающе наставил на неё перо, – Да, верно.

Девушка в замешательстве подняла руки. Незнакомец сделал короткую пометку в тетради:

– Зайди ко мне потом, есть разговор.

Она хотела спросить, какой, но не успела. Парень развер-

нулся, и, не оглядываясь, стремительно потопал через проезжую часть, не переставая бормотать. Она провожала его недоуменным взглядом.

– Та-а-ак, – протянула девушка, хватаясь за голову повторно, – Чем дальше – тем страннее.

Она сделала пару шагов в сторону. Остановилась. Ещё несколько шагов обратно. Снова встала. Нужно как-то привести мысли в порядок, потому что в голове царил полнейших хаос. Из страхов, недоумения и непонимания. Но этот мир не хотел давать ей такой возможности.

Первыми изменились деревья. Они стали наливаться ещё большим светом, пульсировать, как лампочки от сильного напряжения. Затем девушка услышала вертолёт. Очень близко и так... Внезапно.

Многочисленные прохожие, все как один, посмотрели на небо. Она тоже перевела взгляд вверх, но там всё ещё не было ничего, кроме пригоршни колючих звёзд. А остальные почему-то стали разбегаться.

Особенно напуганы были те, кто обладал огнём. Они металась по улицам, забегая в дома или прячась в любом подходящем месте. Погасшие тоже суетились. Стройный мир в одночасье захватила беспорядочная паника. Только она стояла, не двигаясь. Мимо пробегали люди, но девушка не пыталась спросить, что происходит.

Шум лопастей становился оглушительнее. Вертолёт где-то совсем рядом. Так близко, что... Уже вылетает ей на-

встречу.

Светящийся шар. Такой, что от одного взгляда глаза резало, будто смотришь на настоящее солнце. Он вырुливал на опустевшую улицу, и вертикальный столб света падал от него вниз.

По мере приближения шара девушка смогла различить детали. Это было нечто среднее между вертолётom и золотой колесницей. На переднем корпусе сияли четыре полупустые сферы и одна полная в самом центре. Вертолётные лопасти образованы, казалось, из двух полумесяцев. Золотой штурвал был в руках... Прекрасного юноши. Девушка почти не видела его лица, но в красоте незнакомца не сомневалась.

При одном взгляде на него сердце наполнялось теплом. Стало так уютно... Не хотелось сходить с места. Душа разразилась ликованием, и великая радость растеклась по всему, что наполняло её личность.

Очарованная до беспамятства сияющим великолепием, она не сразу поняла, что вертолёт... Летит к ней.

– Беги! – крикнул кто-то.

Больших усилий стоило оторвать глаза от неба.

– Беги! Чего стоишь?! – кто-то мчался к ней с другой стороны улицы.

Столб света был совсем рядом. В миг вселенская радость сменилась животным ужасом. Она поняла, все боялись его... Этого юноши. Если он доберётся до неё, с ней случится что-то плохое. По-настоящему плохое.

Паника накрыла сознание, и девушка побежала. Прочь, не разбирая дороги.

– Да куда ж ты! Не туда! – услышала она всё тот же голос, – Ко мне беги! Вот ненормальная.

Пришлось резко остановиться. Затравленно озираясь, она наконец нашла глазами кричащего. Высокий парень отчаянно махал ей руками с другой стороны улицы, и она стремглав помчалась к нему.

Вертолёт преследовал её. Оглушительный рокот лопастей становился всё страшнее. Юноше наверху сложнее резко сменить траекторию, и девушка чувствовала, как грузно поворачивает в воздухе колесница, пока сама она бежит через проезжую часть.

«На зелёный» – отметила она, и что-то внутри неё тихо рассмеялось.

– Наконец-то! – крикнул парень, хватая её за руку, когда девушка настигла его, – Бежим, скорее!

Единственное, что она успела заметить – он высокий. На голову выше неё, а может и больше. Все остальные его черты скрывал ослепляющий свет. Она уже не видела, куда бежит, оставалась надежда только на спасителя.

В белом мареве очертания мелькали бешено. От бега должно сбиться дыхание, но девушка не чувствовала этого. В один миг свет коснулся её. Боль была дикая. Несравнимая, даже с тем грузовиком рядом не стояла. Это что-то на ином, более глубинном уровне. Словно от одного прикосновения

каждая клеточка тела щетинится, выпуская когти, лишь бы не чувствовать такого больше.

Она закричала. Услышав, парень с силой рванул её руку вперёд.

Свет померк так же внезапно, как появился. Секунду спустя девушка сообразила, что они забежали за здание, и теперь находятся в его тени. Её спаситель резко сбавил ход, уволакивая девушку куда-то вниз. Она отчётливо ощутила ступеньки.

Ослеплённые глаза не сразу привыкли к темноте.

– Тс-с-с, – парень резко остановился, притянул её к себе поближе, для верности закрывая ей рот рукой.

Она не возражала. После всего происходящего орать хотелось сильно. А ведь она в этом мире от силы десять минут.

Смертоносный свет шарил по земле в отдалении. Постепенно девушка осознала, что они стоят на лестнице в подвал здания, надёжно спрятанные его козырьком. Решётчатая дверь с витиеватыми прутьями на самом верху была настежь распахнута, и девушка побоялась, что это могло их выдать, но... Не закрывать же её сейчас в самом деле?

Постепенно глаза привыкли. Она выглядывала в маленькую щель между козырьком лестницы и снегом, видя, как тщательно юноша обшаривает каждый уголок внутреннего двора.

Тянулись минуты... Постепенно отступила паника. Звук лопастей вертолётa стал удаляться.

Парень наконец опустил руку, и девушка смогла выдохнуть. Она уже развернулась к нему, чтобы поблагодарить, но как только раскрыла рот...

– Ты что, совсем ненормальная?! – накинулся он на неё.

Она обомлела.

– Нет, ну я не могу. Просто стояла и смотрела! – он всплеснул руками, – Стояла и тарасилась! И...

– ...и спасибо, – перехватила она фразу, – Что спас мне жизнь. Но почему ты кричишь на меня? Я в этом мире не больше получаса, какого... вообще здесь происходит?! И что случилось со мной? Это... Это...

Переходя на крик, она указала на пламя в своей груди:

– Что это вообще?

– Это... огонь, – отозвался незнакомец с интонацией, словно ему задали самый глупый вопрос.

– Да ладно! А то я сама не вижу! – взорвалась она, – Что он делает во мне? Почему я такая... Ледяная? Почему...

– Так-так, ну всё понятно, – он резко выставил вперёд руку, прерывая её, – Диагноз – тупость новичка третьей степени.

От его невозмутимости у девушки слова застряли в горле.

– Ну... Это... Уже... Вообще... Я как бы не виновата, что я тут... Новенькая! Слушай, ты спас меня, но это не даёт тебе права безнаказанно наезжать на меня!

– У-у.

Он взмахнул рукой, и жест его выражал нечто среднее

между: «У-у, каюк» и «Ты безнадежная тупица»:

– Слушай, девочка, с таким характером ты здесь долго не протянешь.

Она открыла рот. Вздёрнула кверху палец. Потом закрыла рот и опустила руку. Обиженно пробурчала:

– Удивляюсь, как ты с таким протянул.

Парень взбежал вверх по лестнице, опасливо высовываясь наружу:

– Вроде улетел. Можно идти.

Девушка поднималась, скрестив руки на груди. Да, он спас её, но нельзя быть таким грубияном! Повезло так повезло.

– Кто это был? – спросила она прежде, чем подумала, что услышит очередную насмешку.

– Это Солнце, – тем не менее ответил парень, – Он в последнее время взбесился. На своей колеснице летает по городу и собирает огонь. Вот такие новенькие, как ты, для него лакомый кусочек. Они же ничего не знают, не понимают. А нет бы подумать, что раз все бегут, то и тебе тоже надо.

– Стадный инстинкт до добра ещё не доводил, – пробурчала девушка.

– Что-что?

– Ничего.

Они выбрались наверх. Во внутреннем дворе таких знакомых, и в то же время неизвестных домов было пусто. Первые люди выглядывали наружу, с опаской косясь на небо.

– Чего погасшим бояться, если Солнце охотится за огнём?

– Сама подумай. Он ведь не смотрит, на кого направлена его тепловая пушка. А погасший попадёт под этот свет и сгорит. Тогда уж точно каюк. Идём.

Девушка следовала за парнем, не опуская скрещенных рук. Они вышли на ту же улицу, откуда убежали, и парень посмотрел на небо.

– Вроде бы никого нет, – сказала она с интонацией: «Неужели ты не видишь, это же очевидно?».

Тот обернулся на колкость. Смерил девушку взглядом свысока и резко пошёл прочь:

– Пока.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы переварить такую наглость.

– Эй, стой! – крикнула она, бросаясь следом, – Ты не можешь так оставить меня!

– Вообще-то могу.

У него были широкие шаги, и даже бегом девушка едва поспевала за ним.

– А объяснить? Сам сказал, я здесь новенькая. И я...

Парень резко остановился. Она чуть не налетела на него.

– Что тебе объяснить?

– Ну для начала, – торопливо отходя на шаг, девушка вдруг осознала – вопросов так много, что она не знает с чего начать, – Кто ты?

– Зови меня Гео, – лаконично отозвался он, потопав по улице дальше.

Девушке вновь пришлось бежать:

– Гео? И всё?

– Да. Больше ничего.

– Ладно... Скажи мне, Гео, а какого... Вообще здесь происходит? Где мы? Что это за мир?.. город, место, я даже не знаю, что ближе.

– Это мир Зимы.

– Ага, – это было так очевидно и невероятно, что девушка на секунду застопорилась, – То есть прям мир... И прям зимы?

– Не зимы... Зимы.

На слух семантической разницы не чувствовалось.

– Ладно. И что мы здесь делаем?

– Мы... Идём по улице.

– Спасибо, капитан очевидность! – взорвалась она, но выдохнув, постаралась не реагировать на провокации.

Пусть так, но он отвечает на вопросы.

– Хорошо. Тогда что лично я здесь делаю? О том, что я иду с тобой рядом, я как-то догадалась.

Парень снова остановился, с шумом выдохнул, устало потирая пальцами висок.

В погоне за новым знакомым девушка не заметила, как пейзаж сменился. Тротуар увёл их в небольшой сквер, и теперь проезжую часть отделял кованный заборчик. Деревья невообразимо светились, а их асимметрия и хаос придавали картине особую атмосферу. Чувственную и загадочную.

– Ты... Умерла, – развернувшись, сказал парень ей в лицо.

От неожиданности ноги подкосились. Она почувствовала лишь секунду падения, и... Жёсткость чего-то под спиной, на что она упала. Вернее присела. Не без удивления девушка нашла под собой заметённую снегом парковую скамейку. Интересно, парень специально остановился именно здесь?

А кроме этих, никаких других мыслей и не было. Абсолютно пустая голова... Вот как это бывает?

– Ну, формально ты ещё не умерла, но умираешь. Пока горит твой огонь, – Гео ткнул новую знакомую пальцем в грудь, – Твоё тело в том мире ещё живо. Но сама ты... Здесь. Сюда попадают те, кто умирает посреди зимы.

– То есть?..

– То есть зимой на улице. По любым причинам, – он глянул куда-то в сторону, потом снова на собеседницу, – Ну, чего расселась? Вставай давай, пошли.

– А... Я... – от наглости у неё перехватило дыхание.

Мысли набросились, стоило только подняться. Они налетели, закрутили, захватили и держали её сознание в том же хаосе, что при пробуждении. Невероятно... Неужели так бывает? И это та самая смерть? Это?! Слишком живописно она выглядит.

На задворках сознания тревожно билась одна лишённая эмоций мысль: «Значит, я всё-таки умираю? Прямо сейчас?».

Удивление сменилось страхом, страх – отчаянием. Уми-

рать всегда страшно. И грустно. Живёшь себе беззаботно, и вот в один момент кто-то говорит тебе: «Хватит!». А что за этим «Хватит!»? Вдруг дальше ничего нет? И даже тебя там... Нет.

В горьком супе отчаяния варились обычные мысли. «Как?», «Зачем?», «За что?». Плакать ещё не хотелось. Хотелось... С кем-то поговорить. Чтобы просто почувствовать, что ты, тот самый ты, ещё жив. Но помимо её вредного собеседника рядом никого не было.

Чтобы продолжить разговор, она сказала первое, что пришло в голову.

– Если подумать. Зимой на улице чаще умирают... Бездомные, – девушка посмотрела на прохожих, вспомнила тех, кого видела до появления Солнца, – Люди здесь не похожи на бездомных.

– О, наконец-то включила мозги, – отозвался Гео раздраженно, словно она давно должна была это сделать, – Да. Не похожи. Внешности людей здесь верить не стоит. Зима забирает умирающих и... Возвращает их душам облик того времени, когда они были наиболее прекрасны. Потому здесь все такие...

– Красивые?

– Да. По этим улицам ходят не люди, а лучшие версии людей.

Она заметила в его взгляде капельку злости. Но решила, что ей просто показалось.

– Как тогда выглядишь ты? В реальности.

Гео бросил на неё быстрый взгляд, не останавливаясь. Словно размышлял, стоит ли говорить.

– Так же. Моё тело под аппаратом ИВЛ.

– А-а, – многозначительно протянула она.

Что-то смутило её в этих словах, но она пока не понимала, что именно.

– А что насчёт тебя?

Девушка запоздало ответила:

– Я такая же. Хотя, на моём теле сейчас следы бампера грузовика.

Она надеялась на толику сочувствия, но Гео промолчал.

«Он всё-таки тот ещё грубиян» – скрестив руки на груди, она какое-то время шла молча.

Спальные районы сменились высотками. небоскрёбы из тонированного стекла выглядели здесь особенно волшебно – чистое, огромное пространство для рисунков инея. Всматриваясь всё больше, девушка, казалось, могла различать цветы и животных. Но прекрасно понимала, что все эти картины рисует воображение.

Медленно начинался снегопад. Мягкие хлопья закрывали вид плотнееющими занавесями, и мир становился уже, меньше, уютнее.

– А зовут тебя как? – празднично поинтересовался парень.

– Меня зовут... – она осеклась.

Застыла, как вкопанная, и спутник остановился чуть даль-

ше от неё.

– Меня зовут... Я не помню.

– Это нормально, – Гео вновь пошёл вперёд, его голос зазвучал отдалённо, – После перемещения всегда так. Постарайся вспомнить с чем у тебя ассоциируется твоё имя.

– С чем ассоциируется?.. – ей пришлось догонять собеседника, – С зимой.

– Ну да, – фыркнул он, но девушка пропустила колкость.

– Да... Но это только моя ассоциация.

– Ты родилась зимой?

– Нет. И характер у меня не «зимний». Как же... Это что-то связанное с происхождением имени.

– Из холодной страны?

– Да! Из... Из... – в её голове проносились сумбурные образы.

Мама... Она не видела её лица, но чувствовала тепло от воспоминой. Сестра... Маленькая сестра называла её «Снежка». Вновь легонько кольнула грусть. Нет, всё не то.

– Из... И... Инга! – осенило её, и девушка внезапно готова была прыгать от счастья, – Меня зовут Инга!

– С чем я тебя и поздравляю.

– Бе-бе-бе, – по-детски буркнула она, но быстро переключилась.

Итак, её зовут Инга. Как радостно было найти имя! Словно обрести целостность своего «я». Вложить в мозаику последний кусочек, и наконец увидеть картину целиком. Ин-

га... Обычная девушка. У неё есть мама и сестра. Она живёт в этом городе всю жизнь. Вернее... Эта мысль перекрыла нечаянно вспыхнувшую радость. Теперь она в этом городе умирает.

Возможно, быть Ингой ей уже не долго.

– Куда мы идём? – задалась она вопросом, – Я даже не спросила.

– Увидишь, – внезапно Гео сказал необычайно для своей грубой манеры ласково, – У тебя, должно быть, голова кругом.

– Да, – с недоверием отозвалась она.

– Вот ты пока переваривай и топай следом.

Но как варить информацию, когда вокруг такое чудо? А может, Инга просто хотела отвлечься от мыслей о смерти. В любом случае, зимний городской пейзаж привлёк её гораздо больше.

Она во все глаза смотрела на дома, деревья и провода. На лица прохожих... Такие разные и такие красивые. Со временем она стала замечать на них одежду разных эпох.

Любопытство закономерно привело внимание на её грубоватого собеседника. Стараясь казаться максимально отстранённой, Инга тайком разглядывала Гео.

У него были огненно-рыжие отросшие волосы. Цвета лисьей шерсти или осенних листьев. Убранные в хвост и с наледью холодного инея они казались таким же огнём, законным в льды, что горел сейчас в груди девушки. Во всём

остальном её новый знакомый был совершенно непримечательным. Лицо худое и осунувшееся, скулы выпирали из-под бледной кожи. В груди, под футболкой и расстёгнутой олимпийкой с капюшоном покоилась зияющая пустота. Словно опустевшая клетка с зыбкой памятью о птице. Смутившись, Инга отвела глаза.

Снег всё шел. Переливаясь в красно-зелёных отсветах светофоров, он мерно падал, заботливо укрывая мир, будто одеялом перед сном. Снегопад смазывал очертания, и оттого город казался ещё более волшебным.

Пару кварталов спустя Гео остановился на пешеходном переходе. Им нужно было перейти широкую, но совершенно пустую трассу.

Бросив беглый взгляд на красный светофор, Инга спросила:

- Почему здесь ходят только на зелёный? Машин же нет.
- Все хотят быть полезными.

Туманный ответ в его духе. Но расспрашивать она не стала.

Загорелся зелёный. Парень невозмутимо шагнул на зебру, Инга хвостиком следовала за ним. Их путь лежал к высокому зданию – многоэтажному, но до небоскрёба недотягивающему. В нём светилось особенно много окон, а весь первый этаж занимали небольшие атмосферные магазинчики. В самом центре сверкала стеклянная витрина ресторана.

Когда Инга поняла, что её спутник направляется туда, то

немало удивилась:

– Решил подкрепиться? К твоему сведению, я не голодна.

– Тут никто не голоден, – многозначительно отозвался он, открывая ей стеклянную дверь, – Заходи, живо!

Подгоняемая, она пробежала в зал.

Ресторан был небольшим, но безмерно уютным. Белые столики теснились в окружении красных кожаных диванов. Из-за вездесущего инея и они казались огнём под коркой льда, как волосы Гео. Широкая стеклянная витрина, неожиданно чистая и прозрачная, открывала атмосферный вид на снегопад. На двери висел колокольчик, оповещавший о приходе гостей. Он звенел особенным хрустальным звоном, и казалось, сделан был из шариков прозрачного льда.

В глубине зала на небольшой сцене играл одинокий пианист. Его окружал целый рой музыкальных инструментов, что создавало впечатление жизни помимо его собственной.

Посетителей в ресторане было много. Почти все столы оказались заняты, и официанты в такой же красной, под инеем, форме споро сновали между ними.

– Садись, – Гео бесцеремонно плюхнулся за небольшой столик чуть вдалеке от витрины, указывая девушке на место напротив себя, – Платишь ты.

– Что? – очередная наглость заставила стушеваться и разозлиться одновременно, – Ах, прости, кошелёк у своего тела забыла.

– Здесь не нужны деньги. Ты расплатишься огнём.

– Но разве?..

– Нет, ты не погаснешь. Начинай уже соображать! У тебя просто заберут часть огня. Маленькую. Но здешние напитки её быстро восстановят.

– Тогда в чём смысл?

Гео закатил глаза. Инга решила дальше не спрашивать.

В ожидании официанта, девушка оглядывала ресторан. Как ни странно, из всех посетителей лишь она обладала огнём.

«Чем же расплачиваются остальные?» – закономерный вопрос, который она тоже не задала.

Приглядевшись внимательнее, Инга вспомнила этот ресторан в своём мире. Он был таким же. Разве, за исключением инея. Тот же красно-белый интерьер, та же стойка, и официанты в той же форме. В своём мире она никогда здесь не была, но часто проходила мимо. Такую выразительную витрину невозможно забыть. За ней как будто кипела неведомая жизнь.

От мыслей отвлекла официантка, подошедшая к столику:

– Что-то уже выбрали?

Милая девушка с жидкими светлыми волосами и синими двойными стрелками на глазах держала наготове блокнотик с карандашом. Несмотря на яркость, на её светлом лице такой макияж не выглядел броско.

– А... Нам... – опешив, Инга хотела сказать, что им не предложили меню, но Гео перебил её.

– Нам два глинтвейна. Она платит.

– Хорошо, – кивнула официантка, протягивая гостье руку.

Смутившись ещё сильнее, Инга переводила быстрый взгляд с Гео на девушку. Парень саркастически закатил глаза:

– Ты точно новенькая на всю голову. Руку ей дай.

– Так говоришь, будто это плохо.

– Вообще-то да.

Отвечать она не стала. Инга неуверенно протянула официантке правую ладонь как для рукопожатия, и парень приснул едким смешком.

Сотрудница оказалась более понимающей. Перехватив руку девушки, она развернула её ладонью вверх. Осторожно засучив рукав пальто, официантка положила два пальца на тонкую кожу запястья Инги, как если бы хотела измерить пульс.

Глухой удар в ушах заставил вздрогнуть. Это... Бьётся её сердце? То, которое огонь?

Один, два... Девушка взглянула на сплетение рук и увидела, как пламя сочится из груди в кончики ногтей. На линии запястья оно поднимается, уходя в тонкие пальцы официантки.

Три, четыре... Девушка считала биение вен, и ей становилось зябко. Будто она теряла тепло. С ужасом и иронией Инга осознала, что так и есть.

На четвертом ударе всё прекратилось. Милая девушка от-

пустила запястье Инги, и та кожей почувствовала, как огонь вернулся обратно в грудь.

Она выдохнула тяжело и с облегчением. Официантка удалилась, быстро бросая пару слов бармену за стойкой, и де-вушка проследила за ней взглядом. Оставалось ждать.

Возвращая внимание к собеседнику, Инга неожиданно наткнулась на выжидающий взгляд Гео.

– Чего?

– Ну... – протянул он.

– Что «ну»?

– Ну давай, рассказывай.

– Что рассказывать?

– Кто ты такая, откуда взялась, как умерла.

– Вот ещё, – фыркнула она, вновь скрешивая руки, – Стану я изливать тебе душу.

Но вообще-то хотелось. От испытующего взгляда Инга от-вернулась, однако протянуть смогла от силы полминуты.

– Ну... Ладно-ладно. Зачем тебе обо мне знать?

– Просто так. Интересно.

– Надо же, – саркастически усмехнулась она, – Я польще-на.

Вновь появилась официантка, поставив на столик два аро-матных, дымящихся бокала. Насыщенный красно-коричне-вый напиток за толстым стеклом завораживал. В нём тону-ла, скрываясь, коричневая палочка, игриво выставляя напоказ лишь небольшой кончик. Сочно и контрастно всплывал кру-

жок апельсина, борясь за место на поверхности с сушеными бутонами гвоздики.

Пользуясь шансом отсрочить разговор, девушка пригубила глинтвейн. Он был... Восхитителен. Пряность, сладость и горечь хлынули в сознание, и Инга ощутила, как разгорается огонь. Прошел озноб... На душе потеплело.

– Здешний глинтвейн – просто чудо, – Гео сделал небольшой глоток.

– Да... Ты тоже чувствуешь это тепло?

Парень промолчал. Инга запоздало сообразила, что Гео нечем его чувствовать. В его груди нет огня.

– Извини, я...

– Да ничего, – он отвёл невидящий взгляд в сторону, – Знаешь, с одной стороны этот ресторан кажется театром абсурда. Людям этого мира не нужна ни еда, ни вода, ни сон. Им ничего уже не нужно. И всё-таки многие приходят сюда.

– Зачем?

– За чувством спокойствия. Я думаю, это то единственное, что осталось в нас от прежней жизни. Глинтвейн не зажжет погасшего. Ты скажешь, что это пустая трата времени, но в этом и смысл. Время... Проведённое здесь, время наедине со своей душой, позволяет тебе вспомнить, что ты ещё человек. Не тень на этом чёртовом снегу... Человек.

Пораженная длинной тирадой, Инга молчала. Она ждала, что вот сейчас-то Гео расскажет ей, как здесь всё устроено. Но надежда не оправдалась.

– Так каким ты была человеком?

– Я... – она задумалась.

Ответ не так прост. Девушка вспомнила что, умирая, ей не о чем было вздохнуть.

– Наверное, мне стоит просто рассказать о своей жизни, – горько усмехнулась она, – И ты сам всё поймёшь.

Инга сделала длинный глоток:

– Я родилась в этом городе и прожила в нём всю жизнь. У меня есть мама и младшая сестра Лера. Папа ушел от нас, когда мне было тринадцать.

– Почему ушел?

– Сложно объяснить. Мама всегда говорила – чувства остыли. Но это слишком похоже на отговорку. В общем... Мои родители прожили вместе тринадцать лет. Я родилась в самом начале их брака. Пелёнки и бессонные ночи с ребёнком, потом бытовые проблемы охладили их едва теплящуюся любовь, и папа начал гулять.

– Стандартная история.

Инга пожала плечами:

– Может быть. Мама хотела вновь разжечь огонь благодаря второму ребёнку, но это заведомо гиблый план. Ребёнка она получила, но отец не хотел проходить через заботы о младенце по второму кругу. И ушел к другой женщине.

Сделав ещё глоток, девушка грустно рассмеялась:

– Знаешь, я тогда так разобиделась на него. Хотела показать ему, чего он лишился. Хотела везде быть первой. Отлич-

ницей, лучшей в классе, разносторонней, творческой. Чем только не увлекалась в те годы. Танцами... Но не случилось. Стрельбой из лука, но тоже не срослось. Даже шахматным гроссмейстером хотела стать – не вышло. Отличницей сделаться тоже не получилось. Вечно были какие-то проблемы.

– И ты бросала попытки, наткнувшись на маломальские трудности? – сарказм в голосе собеседника резко вывел девушку из меланхолической задумчивости, – Ненавижу таких людей. Ты хоть чем-то увлекалась всерьёз?

– Да. Раз уж спросил, – фыркнула она со злостью, – Скульптурой. В художественной школе по этому классу я была лучшей.

– Наверное здесь ты препятствий не встретила.

– А вот и нет! Ещё как встречала, – она обиженно отвернулась, но подумала...

Верно, скульптура всегда давалась ей легко. То ли был у неё талант от природы, то ли дело ей нравилось больше других. Отцу она этим ничего не доказала, но вряд ли можно доказать что-то человеку, которому на тебя давно плевать. А приятное увлечение осталось.

– Между прочим, я и сейчас творю. Даже в университетском конкурсе выиграла.

– Поздравляю, – на грани с сарказмом отозвался парень.

– Спасибо, – зло буркнула она.

Но надо признать... Несмотря на грубость и придирки Гео, Инга не думала развернуться и уйти. В глубине души

она понимала, уходить ей сейчас некуда.

– Мама и Лера жутко скучают по мне, – выдохнула она, – Как я могла умереть так не вовремя? Скоро у сестры день рождения, она расстроится. Короче... Можно как-то выбраться отсюда? И поскорее. Ты сказал, что пока я горю – я жива.

Парень саркастически вскинул бровь:

– Надеешься успеть к сестрёнке на день рождения? Забудь. Быстро ты отсюда не выберешься.

– Но...

За грубость и невозмутимость его хотелось придушить. Но от таких слов просто опускались руки.

– Но, – он перехватил её фразу, – Шанс всегда есть. Готовься к тому, что это будет непросто. И мой тебе совет, если начинаешь что-то делать в этом мире, будь добра пойти до конца. Даже если кажется, что шансов нет, если невозможно, или все говорят, что нет надежды... Не сдавайся. Никогда.

Инга смотрела на него с недоверием и непониманием. Грубая манера Гео порой сменялась проблесками заботы или мотивирующих речей. Это странно... Так что же в нём было напускное – грубость или забота?

– Я... Постараюсь, – опасливо улыбнулась она.

Гео вновь отвернулся:

– Пей, а то остынет.

***

– По этим улицам ходят не люди, а лучшие версии людей. Сейчас он был не лучшей версией себя. Сейчас он совершал самую большую подлость.

Гео смотрел на свою собеседницу, и она его... Злила. Девчонка была глупой и наивной до безобразия. Больше всего раздражало то, что он когда-то был таким же.

Его доверчивость и доброта сыграли с ним злую шутку в первые дни пребывания в этом мире. А теперь он застрял здесь... И, казалось бы, нет надежды, но он не собирался сдаваться. Ни за что.

– Ну?

Отвлёкшись на мысли, Гео потерял нить разговора. Лишь выжидающий взгляд новой знакомой заставил вернуться в «здесь и сейчас».

– Что «ну»?

– Ну давай, рассказывай, – скопировала она его интонацию, и это тоже бесило, – Теперь ты всё про меня знаешь, а я о тебе ничего.

– Я...

Он немного замешкался, но резко вспомнил, кто тут главный, скрещивая руки на груди:

– И что тебе рассказать?

– Хм... Хотя бы то, как ты здесь оказался.

– Умер.

Она всплеснула руками:

– А то я не додумалась. Как умер? И что делал здесь до нашей встречи?

Парень намеренно пропустил её первый вопрос, отвечая на второй:

– Пытался выбраться.

– Выбраться? – она посмотрела на его грудь.

Вернее, на зияющую в ней пустоту. Он ощутил её взгляд кожей и поспешно закрыл ледяную клетку скрещенными руками. Та смутилась, отвела глаза. Но играть в любезность ей явно надоело.

– Как выбраться? Ты же... Умер.

– Ты тоже умерла.

– Я умираю, – Инга акцентировано ткнула пальцем в стол, – Это большая разница. А ты уже... Погас. И думаешь, что сможешь выбраться отсюда?

– Да, – уверенно отозвался он.

Обезоруживающе уверенно. Так, что девчонка лишь пожалала плечами. Она отмахнулась с выражением лица, мол: «Ладно, пусть верит во что хочет», и уставилась взглядом в чашку.

А он смотрел на неё и видел себя. Тот же ресторан, тот же столик, та же официантка... Только в прошлый раз на его месте сидела пятилетняя девочка.

Гео не умел сдаваться. Это было его основным правилом.

Можно рассматривать любые варианты, но сдаться и опустить руки – нет. Он был воином по натуре. Принадлежал к той породе людей, что принимают мир, как бой, как вечное стремление вперёд и борьбу за своё счастье.

Он родился в небольшом городке. В одном из тех мест, что и городом назвать можно с натяжкой. Но всё же сумел пробиться в столицу – на учёбу. Когда все говорили ему:

– Пф-ф, да ладно!

– Ты, конечно, можешь попытаться, но там не место для таких ребят, как мы.

– Просто признай, что это невозможно.

Он воспринимал это, как вызов. Ему всегда хотелось большего.

Его семья имела крохотный бизнес – автомастерскую. Деньги небольшие, но их все родители готовы были отдать, чтобы поддержать сына.

И вот он приехал домой... Перед началом семестра с документами о зачислении в один из самых престижных ВУЗов страны. Бывшие друзья поскрипели зубами. А в лицо сказали с добродушно и улыбочиво:

– Ну что ты, я всегда тебя поддерживал.

– Я знал, что у тебя всё получится!

К сожалению, люди большого города оказались не лучше. Для столичных щёголей паренёк из захолустья с большими амбициями навсегда оставался презируемым и опасным. Жаль, Гео понял это слишком поздно.

Однажды его одноклассник, представитель золотой молодёжи, позвал его на тусовку. Гео стоило заподозрить неладное. Но он был слишком наивен... И почему-то уверен, что с ним хотят подружиться. Как глупо!

Новые «друзья» просто накачали его наркотой в клубе. Именно «просто», потому что для них это было обычным делом. Хотели, наверное, заснять на камеру его «пьяные выкрутасы», чтобы отравить жизнь. Но всё оказалось гораздо хуже.

В ту ночь они играли в пьяные шахматы. Те самые, где фигуры заменяют шоты текилы, и, если ты «съедаешь» противника, то обязан выпить содержимое рюмки. Партию Гео выиграл, а войну с треском проиграл. От передозировки у него случился сердечный приступ. Друзья выкинули его на улицу, на мороз, но хотя бы озаботились вызвать скорую. Парня доставили в больницу. Врачи надеялись, что он выкарабкается, но Гео впал в кому, и... Оказался здесь. Его тоже чуть не сожгло Солнце. «Чуть», потому что тогда его спасла маленькая, милая девочка.

– Допила? – шум воздуха в пустой трубочке вывел из мыслей, – Тогда пошли.

– А? Куда? – совсем расслабившаяся Инга совершенно не ожидала, что её резко схватят под руку и куда-то поволокнут.

Но Гео больше не мог здесь находиться. Всё в ресторане напоминало ему о том, какой он подлец и обманщик. Такой же... Как та маленькая девчонка.

Конечно, она не была ребёнком. Сидя напротив него тогда, она совершенно по-взрослому смеялась, говоря:

– Нет-нет, не переживай. На самом деле я – взрослая женщина. Но так уж вышло, что наиболее прекрасной я была вот... В этом возрасте.

Она рассказывала ему о своей дочери, что осталась в том мире. А Гео с грустью наблюдал в её груди сосущую пустоту. Он тоже выложил ей свою жизнь. Она проводила его до Башни Часовщика.

– Куда мы на этот раз? – снова спросила Инга.

Она такая болтливая, от неё столько вопросов. Ужас!

– Тебе же хочется отдохнуть от потрясений, – не сбавляя хода, отозвался парень так, словно убеждал её в этом.

– Ну... Да. А есть где?

– Я знаю одну квартиру недалеко. Там ты сможешь поспать.

– Поспасть? Квартиру? – Инга вырвала свой локоть из его руки, – Ничего не понимаю. Когда ты успел обзавестись здесь квартирой?

– Ну конечно, я копил на неё пять лет, а в итоге взял ипотеку, – он страдальчески закатил глаза, – Квартиры здесь свободные, дубина. Можно занимать любую.

– Вообще? – она так удивилась, словно это было самым странным событием в её жизни.

Какое-то время девушка молчала, потом вспомнила:

– Подожди, а что ты говорил про поспать? Люди здесь не

нуждаются во сне.

Гео протяжно выдохнул. Спокойствие, только спокойствие. Она ему ещё нужна, нельзя её спугнуть.

– Пока ты горишь, – отозвался он медленно, – Твоя связь с тем миром сильна. Ты можешь увидеть во сне своих близких и, если повезёт, проникнуть в их сознание.

– Зачем?

– Послание передать. Что-то вроде: «Мама, не волнуйся, я умираю, но попробую как-нибудь выкрутиться».

Девушка пропустила саркастический тон, но к словам прислушалась. Теперь она шла молча, основательно о чём-то думая.

Верно, пока горит огонь, ты связан с миром живых. Как только пламя гаснет – всё обрывается. Погасшему не уснуть, и не увидеть во сне тех, кто всё ещё ждёт его на той стороне. Мама... Папа... Ждут ли они его? Лежит ли под аппаратом ИВЛ его тело, или Гео уже похоронили? Он не знал... Но всё равно не собирался сдаваться.

А мир, по которому они шли, был до отвращения красив и холоден. В золотом свете деревьев мерцал снег. Метель закончилась. В домах загорались и гасли огни. С уходом Солнца каждый живёт по своему расписанию – когда захотел, тогда и ночь. Или день. Сам Гео давно потерялся в том, что сейчас для него – утро или вечер. Небо было постоянно тёмным, и плотная кавалькада звёзд никогда не меняла расположения.

– Я тут вспомнила кое-что, – тихо отозвалась Инга, – Я встретила парня, как только проснулась. Он был... В таком коричневом сюртуке с множеством шестерёнок, и просил меня зайти к нему.

– А, это Часовщик. Он... Как бы это сказать. Хранитель времени.

Какой бы очевидной ни была эта мысль, девушка не фыркнула.

– Его Башня на востоке, – Гео пространно махнул рукой в сторону примерного направления, – Можешь сходить к нему, как проснёшься.

Верно. Когда она проснётся, её жизнь уже не будет его касаться. Когда она проснётся – всё будет кончено. Как с ним, так и он. Всё честно... И, если повторять это чаще, он сам в это поверит.

Башня Часовщика стала для него местом осознания печальной действительности. До похода к нему, окрылённый возможностью вернуться, Гео был уверен, что ему повезло. У него был огонь, и всё, что нужно для возвращения – это выпросить у Часовщика способ перемещения. Хранитель спустил его с небес на землю.

– Боюсь, тебе уже не возвратиться, – сказал он, постаравшись напустить на себя как можно больше сожаления, – Твоё время на исходе.

– Ч... Что? – в первую секунду Гео не поверил.

Но хозяин Башни показал ему часы. Его часы. Он сказал,

что модель выбирается исходя из личности человека. Часы Гео оказались дорогими и прочными, из тех, что дарят военным или полицейским. Но на циферблате было отнюдь не двенадцать цифр. Числа уходили вниз по спирали, и только одна изящная стрелка гуляла по этим измерениям. Гео заметил, что его стрелка спустилась в самую глубь и застряла на окончании ленты.

– Видишь? – Часовщик показал на середину механизма, – У тебя осталось два дня, потом ты умрёшь.

– Как... – голос сбился и предательски хрипел, – Как это произойдёт?

– Ты почувствуешь. Твой огонь погаснет, – видя, что парень совсем посмурнел, Часовщик пытался его приободрить, – Да ладно тебе, не расстраивайся. По крайней мере ты останешься здесь, а не уйдёшь туда... Ну, куда отправляются другие покойники. Нет, там тоже мило, но здесь, по-моему, лучше.

Гео всё равно хотел вернуться. Хотя бы на два дня... Да хоть на час прийти в себя, обнять маму и за всё попросить прощения.

– Почти пришли, – парень с тоской и злостью смотрел на знакомый дом и дверь подъезда.

Сюда она привела его в прошлый раз. Маленькая бестия говорила ни в коем случае не сдаваться. Может, Часовщик что-то перепутал, и вдруг всё ещё будет хорошо. Она поселила в нём надежду... Которую сама же растоптала.

– Ты здесь живёшь? – ответ был, казалось бы, очевиден, но нет, Инге обязательно надо спросить.

– Заглядываю иногда.

Дом – обычная девятиэтажка. Ни в одной квартире не горел свет, и только раскидистое дерево палило золотистым светом в слепые окна. Здание стояло на отшибе, рядом с ним небольшой сквер с фонтаном, за ним пустырь и бесконечный снег. При взгляде всё это накатывало ощущение одиночества. Да... Лучшее место для самого гадкого дела в жизни.

Он снова открыл перед девушкой дверь. Из-за темноты подъезда она остановилась.

– Давай, давай, не тормози! – Гео подгонял её... Хотелось побыстрее с этим закончить.

В подъезде кромешная мгла, но он знал дорогу на ощупь. На первой же лестничной клетке их настиг свет дерева с улицы. Но тьма проглатывала его лучи с жадностью охотника. Потому светлее не становилось.

– Люди здесь совсем не устают? – где-то на пятом этаже спросила Инга, – У меня даже дыхание не участилось.

– Нет. Мы же не живые, потому и усталости не чувствуем. Ты можешь хоть весь день вагоны разгружать и не запыхаться.

Квартира приближалась неумолимо быстро. Её дверь была первой на лестничной площадке последнего этажа, и коричневая обивка с ледяными узорами ударила по сознанию. Больно... Чем ближе к цели, тем тяжелее.

Дверь не заперта. Здесь вообще не существует замков. В этом мире если к тебе кто-то пришел, значит это судьба. Ничего не случается случайно. Здесь всё хитро сплетено, и жизнь наполнена неожиданностями.

В квартире темно и тихо. Кожей ощущалось одиночество, как в тех местах, где давно никто не живёт. На скудной мебели лежал тонкий слой снега, наметённый через открытые окна. Это он оставил их открытыми... В прошлый раз.

– Ну что ж располагайся где хочешь, – Гео пространно махнул рукой на диван в гостиной, сам же плюхнулся в кресло, – Как отдохнёшь, двинемся дальше.

– Но я... А-а-ампф, – девушка смачно зевнула, присаживаясь на краешек дивана, – Совсем не устала.

– Устала-устала. Засыпай давай.

Квартира располагала к сну. В тот раз Гео тоже заснул быстро. Девочка обнадёжила его тем, что завтра они снова пойдут к Часовщику и постараются убедить его. А там, может он возьмёт у кого-то из погасших дополнительного времени, которое им уже не нужно... Всегда можно найти выход. Всегда.

В ту ночь он попал в сновидение мамы. Ей снилось озеро, на котором они купались в детстве, и яркий, розовый закат. Гео пришел к ней, она долго и надрывно плакала... А он сказал тогда:

– Мам, не переживай. Я найду способ вернуться. Ты только не теряй надежды, слышишь? Что бы ни случилось, не

отключай меня от аппарата ИВЛ. Я вернусь, обещаю тебе.

– Я буду ждать. Даже если для этого потребуется вся моя жизнь, я буду ждать тебя, сынок.

А проснувшись... Гео уже погас. Он был опустошен. В запыстье ещё теплились следы украденного огня. Девчонки нигде не было.

Она выкачала у него всё пламя и ушла. Она внушила ему надежду, ходила с ним, рассказывала ему всё... Усыпляла его бдительность лишь для того, чтобы он заснул. Ей нужен был огонь, и она его получила. Предательство... Второе предательство в его жизни.

От отчаяния он побежал к Часовщику, но тот лишь развёл руками. Верно, без огня ему не вернуться домой. Но Гео не собирался сдаваться.

Инга заснула сразу. Сейчас, свернувшись калачиком на диване, она выглядела очень мило. Бежевое пальто начинало покрываться узорами инея, во всю плясавшего на коже. Короткие кудрявые волосы разметались по подушке. Она дышала тихо и скомкано, будто не желая, чтобы её слышали. И, положив руки под голову... Спала.

Гео смотрел на неё и думал – что ей снится? Мать? Сестра? Они, наверное, сейчас в больнице в тревожном ожидании новостей. А может, она войдёт в сон к отцу, которого так долго не видела. Кто знает...

В какой-то момент ему стало жаль. Но парень резко отогнал эту мысль. Нет, если он будет жалеть, то не сможет сде-

лать задуманное. А он должен. Как поступили с ним, так же поступит он. Всё честно! У него забрали огонь, значит и он его отберёт... Лишь ради этого он спас эту назойливую девочку от Солнца!

Рука Инги свалилась с дивана. Задравшийся рукав призывно обнажил запястье. Всё, пора. Дальше тянуть нельзя.

Гео упруго поднялся с кресла. Подошел, опускаясь на корточки рядом с девушкой. На её спящем лице было спокойное-безмятежное выражение. Ей снится что-то хорошее. Интересно, его лицо было таким же?

Парень положил два пальца на тонкое запястье. Весь огонь человека можно выкачать за шестьдесят ударов. Но если останется хоть один, ничего не изменится. Пятьдесят девять ударов не зажгут сердце погасшего. И пока в горящем теплится единственный удар, он не потухнет. Хотя бы один удар...

Раз, два, три...

Огонь в груди Инги забился сильнее. Он текуче струился по руке к запястью и проникал... В его тело. Парень ощутил это тепло. Такое нежное, такое долгожданное и вожделенное. Тепло жизни, возвращающейся к нему.

Четыре, пять, шесть, семь...

От наслаждения он хотел закрыть глаза, но не смог. Перед взором упрямо поселилось лицо Инги, такое же безмятежное и спокойное. К нему возвращается жизнь... Которую он отнимает у другого.

Десять, одиннадцать, двенадцать...

Нет, всё правильно! Всё справедливо. Его обманули, и он имеет право обмануть. Имеет... Да... Он же хочет вернуться домой?

Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять...

Удары бежали бешено. Гео едва успевал их считать. Эта скорость... Напор, с которым девчонка лишалась жизни, невольно пугал и завораживал.

Сорок шесть, сорок семь, сорок восемь...

Он смотрел на неё. На изгиб щеки, плотно прилегающей к подушке, на сонную улыбку. Он смотрел, словно пытался запомнить до черточки лицо, что будет являться ему в кошмарах.

Пятьдесят один, пятьдесят два...

Стоит ли оно того? Стоят ли слёзы её родных его кратковременного возвращения?

Пятьдесят шесть, пятьдесят семь, пятьдесят восемь...

Ничего не случается случайно. Но если судьба подкинула ему эту девчонку, чтобы парень мог вернуться, то он... Не сможет этого сделать.

Пятьдесят девять...

Гео одернул руку. Та слабо упала с досады.

Он не сумел. Всё резко кончилось. Тепло оборвалось, огонь из пятидесяти девяти ударов в его теле погас. Всё верно, без одного, последнего удара всё бесполезно... Глупо было пытаться. Нужно найти другой способ. Но на эту девчон-

ку у него больше нет времени.

Резко поднявшись, Гео пошел прочь.

***

Она заснула сразу. То ли мозг так устал от потрясений, что ему требовалось «выключить» творящийся вокруг абсурд, то ли... Ей просто хотелось вернуться. Очень-очень сильно.

Ей снилась мама. Они с сестрой сидели у её кровати в больнице. А Инга витала эфемерным духом по другую сторону окна. Она стала снежинкой, мерно пролетающей мимо холодного стекла.

Сон был коротким. В том мире ночь, но её родные не спали, и она... Не смогла бы с ними связаться. Изображение в окне казалось застывшей картинкой. Она не слышала ни звука кардиомонитора, ни шагов врачей по коридору, ни стука дверей. Ничего. Лишь видела, как мама и сестра вместе вцепились в её руку. Ей так хотелось к ним.

Во сне она не чувствовала себя, но всеми силами пыталась приблизиться к окну. Её нес и кружил безжалостный ветер, она не могла совладать с ним. Но отчаянно, до боли рвалась туда... За холодное стекло, в мир живых людей, в... Своё тело. Ничего не получалось.

От невообразимой тяжести хотелось опустить руки, но... Она вдруг поняла, что делала так всегда. Да, она отступала, столкнувшись с препятствием. Всегда сдавалась... Но только

не в этот раз! Она выберется. Вернётся! Она даёт себе слово. Себе... И сестрёнке, что так отчаянно держит в своей тёплой ладони её холодные пальцы.

На самом пороге сна Инга почувствовала её нежные прикосновения. И... Проснулась.

Глава 2. Снег.

Она ощутила это в первые секунды. В квартире пусто... Гео ушел. Бросил ли он её, уволокли ли его силой, или он решил выйти за порцией глинтвейна – она не знала. Просто поняла – рядом его нет. И уже не будет. Он не вернётся, ждать бесполезно, и она это знала. Если за свою короткую жизнь она что-то и научилась различать наверняка, так это то, как люди уходят, чтобы не возвращаться. Гео ушел именно так.

Инга поднялась с дивана, покачнувшись. В теле поселились слабость, и... Она не сразу это поняла... Холод. Такой опустошающий, словно её высосали. Всю. Вернее, почти всю. В подтверждение догадкам – огонёк в груди едва теплится. Кажется, она чудом избежала огромной опасности.

В любом случае, Гео больше с ней нет. Она взъерошила волосы, и с них в печальном трепетании блёстками посыпались снежинки.

Глубоко вздохнув, Инга отправилась в ванную. Не потому, что требовалось, а по привычке. После сна нужно умыться.

Открыв кран на раковине и закономерно не обнаружив там воды, она сначала удивилась, потом... Расстроилась. Здесь прекрасная ванна, но в ней нет воды. Это навевало мысли о детской игре в куклы. Будто имитация жизни... Это теперь навсегда?

Закрыв кран, потому что так полагалось, Инга вернулась в гостиную. В распахнутое окно суровыми порывами залетал ветер. Она подошла к створкам, чтобы закрыть их, но остановилась.

По ту сторону было темно. Лишь снег переливчато блеснул в далёком свете деревьев. Снег... Бескрайний, нетронутый. Он лежал отсюда и до горизонта, сливаясь с ночным небом в единое полотно. Зрелище затягивало и пугало. От него веяло величием, безысходностью, и... Одиночеством. Такой иссушающе печальной была картина, что сознание само дорисовало две тёмные фигуры, встречающиеся на смазанном горизонте. Но разве могли они там быть?

Девушка рывком захлопнула окно. До боли захотелось вернуться в город. Там не ощущалась безнадёжность, там всё было иначе. Другой мир, красивый и сказочный.

Нет, не так. Больше очарования этого города она бы сейчас предпочла прозаичность своего. С выметенными тротуарами и грязными от реагента дорогами, с бездушными электрическими фонарями, метелями и зимним дождём. С их маленькой квартиркой... С мамой и сестрой.

Как же ей вернуться? Инга остановилась на этой мысли, и её поразила догадка. Верно... Гео так и не ответил ей, как выбраться! Она спрашивала – он сказал, что это будет не быстро, и всё. А что дальше?

Верно, что?.. Гео больше с ней нет. Она совершенно одна и спросить не у кого. Она никого здесь не знает, кроме...

Мысль пронеслась второй стрелой. Кроме Часовщика!

Тот странный парень на улице приглашал её к себе на разговор. Гео что-то говорил о его Башне... На востоке. Она понятия не имела, где тут восток, но полагала, что уж башню-то она найдёт. Или на такое значимое сооружение ей любой укажет. А там... Кто знает, может Часовщик поможет ей выбраться? Иначе зачем он её приглашал?

Из дома девушка выбегала на всех парах. Ей хотелось скорее сбросить оковы безысходности этого дома и вновь окунуться в волшебный городской мир. Пускай она оказалась здесь по несчастливой случайности, всё-таки... Всё-таки.

Но волшебный мир показываться не торопился. Нет, всё было, как вчера. Те же невообразимые узоры, тот же иней на домах и проводах. Но ощущение сказки исчезло. Пропало... Испарилось. Словно чего-то не хватало. Может, его забрал с собой Гео? А что... Этот грубоватый парень, раздражающий, бесивший, но помогающий, был своего рода центральной частью картины... Опустевшей без него.

Инга шла по улицам, чувствуя, как возвращается тепло. Огонь потихоньку разгорался. Хоть на том спасибо. Ей не хотелось думать, почему она его едва не лишилась, ибо мысли в голову лезли одна хуже другой.

Город вырастал перед девушкой. Как снежные горы, как бушующее море зимы. Выйдя на людные улицы, Инга остановилась на тротуаре, стараясь понять, куда ей идти.

– Башня должна быть большой. Верно? – спросила она се-

бя, чтобы как-то заполнить тишину, – Если я заберусь выше, я увижу её?

В голове созрел план, стоило увидеть фешенебельную девятиэтажку с зигзагом кованой пожарной лестницы. Девушка побежала к ней. Потянулась в сознании вереница ступенек.

Вид с высоты завораживал. Поднявшись, Инга ощутила, как в лицо порывисто пахнул морозный воздух. Освежающий, колючий и... Наполненный. Девушка не знала, чем именно, но ей это нравилось.

На крыше лежал свежий, нетронутый снег. В первую секунду ей стало жаль нарушать его покой своими следами, но ничего не поделаешь.

До звёзд отсюда было рукой подать... Лишь протягивай и зачерпывай в своё удовольствие полные ладони иссиня-чёрного неба.

Девятиэтажка оказалась длинной, и, как змея, растянувшейся ломаной линией. Инга шла, утопая в снегу по колено. Башня не виднелась... Девушке ничего не оставалось, кроме как двигаться вперёд по крыше, уходящий по направлению к центру города. Пройдя её всю и остановившись на противоположном краю, Инга невольно залюбовалась.

Город... Какой же он красивый. Дома вздымались ввысь резными, хрустальными шпилями, улицы наполнял свет, плескавшийся между зданий золотым морем. Потоки людей, изумрудные и рубиновые вкрапления светофоров. Отсюда

девушка различила снежные гусеницы трамваев, ползущие по путям. И казалось ей, что она видит, как искрят провода под их ромбовидными рогами.

Ветер внизу расходился пьяным гулякой. Подхватывая колкую порошу с верхушек сугробов, он крутил её залихватски, словно буйный кавалер в танце стеснительную барышню. Весело.

Одного только Инга не замечала... Башни. Да, такой хороший план провалился. На горизонте не было ничего, хоть отдалённо напоминающего обиталище Часовщика, и девушка... Расстроилась. Немного.

– Что ж, – протянула она, – Не сработало.

Да уж... В довершение к побегу Гео, она умудрилась сбиться с пути. Резко накатило жгучее желание всё бросить.

Инга притоптала снег у края крыши и бесцеремонно плюхнулась в него. Подобрала под себя ноги.

Надо признать, вариант сдаться избавлял от проблем. Но и приносил новых... Если она больше не ищет Часовщика, значит ей абсолютно некуда идти. И нечего делать.

Осознание свалилось многотонным грузом. Некуда идти... Люди часто употребляют эту фразу в обычной жизни, но редко осознают её истинный смысл. Только вдумайтесь... Некуда идти. То есть совершенно. Ей ничего не нужно, её нигде не ждут. Она могла бы слоняться без дела или просидеть здесь остаток вечности, никто её не осудит... И не окликнет. Невероятно тяжело стало от понимания, что ей некуда по-

даться.

Нужно что-нибудь придумать. Найти дело. Может, пойти в ресторан? Официанты наверняка знают, где Башня Часовщика.

Инга поймала себя на мысли: «Ах значит Башню мы всё-таки ищем! Ну что, стоило похныкать над первой неприятностью и ты поняла, что сдаваться проблематичнее, чем пытаться?». Ей хотелось распекать себя и дальше, но она воздержалась.

Да, всё это из-за... Из-за всего происходящего! Она умирает, попала в этот странный мир, её бросил Гео, так ничего и не объяснив. Инга имеет полное право расстраиваться! Но это не повод сдаваться. Да. Такая вроде бы простая истина, а девушке пришла в голову далеко не сразу.

За размышлениями она не заметила, что катает между пальцами комочек снега. Сразу вспомнилась зима на старой даче. Сёстры играли в снежки, лепили снеговика, а из дома доносился упоительный аромат пирогов и плюшек с сахаром. Детство...

Инга положила комочек на снег. Взялась катать второй, но неожиданно наткнулась на что-то твёрдое в сугробе. Пальцы совсем не чувствовали холода, потому очистить предмет труда не составило. Им оказался кусочек льда, но очень необычный. Словно осколок ледяной скульптуры, он походил на отломанное кошачье ушко. Девушка с интересом порылась в снегу. Вдруг, здесь есть что-нибудь ещё?

Чутьё её не обмануло. Недалеко от себя она нашла осколки глаза с третьим веком и несколько кусочков с узором, напоминавшим крылья.

Что ж, лепка её успокаивала, а расслабиться сейчас не помешает. От тягостных мыслей она чувствовала себя совершенно разбитой. Потому с наслаждением позволила стихийному желанию завладеть собой.

Найти все осколки не удалось. Она быстро перестала пытаться. С другой стороны, у девушки был большой простор для творчества в виде полной крыши снега.

Ей не хотелось чего-то тривиального. Она жаждала волшебства! Найденные кусочки располагали к тому же. И пускай снег близко не стоял по текстуре с глиной или гипсом, Инга неплохо справлялась с этим капризным материалом. Осколки тоже пришлись кстати. Девушка нашла место каждому, лишь кусочек с третьим веком пришлось облепить снегом, чтобы придать ему нужный размер. Глаз ледяного животного был слишком большим для её замысла.

Она слепила кота. Самого фантастического из всех, которых когда-либо придумывала. Отразил ли этот образ её нынешнее состояние, или окружающий мир навеял идею, было уже не важно.

Творение получилось... Подходящим. Жилистый, прогонистый кот, размером с домашнего, с гладкой шерстью и воинственным видом. Острые уши настороженно прижимались к голове. Левое ухо отломано, как боевой шрам. На спи-

не ближе к передним лапам крепились четыре острых крыла, словно широкие кривые сабли. Вторая пара – свободные, первая срасталась с передними лапами. Инга добавила изогнутый коготь на сгибе. Лишь в процессе она поняла, что, прикрепляя крылья к лапам, она делала те неестественно выгибающимися в бок. Но это же просто фигура из снега, что здесь такого? В завершение образа, девушка сделала коту длинный, извилистый хвост.

– Хм... Очень миленько, – отстраняясь, она обозрела плоды своих трудов.

Получившееся творение вряд ли можно назвать «милым». Но в снежной кошачьей мордочке уже была очаровательная хитринка.

Инга любовалась... Любовалась, но вскоре поняла, что пора идти. От любимого дела эмоции улеглись. Она успокоилась, и пора было двигаться дальше. Но как же не хотелось заканчивать! Со вздохом поднимаясь на ноги, она не удержалась, и, согнувшись, погладила снежного кота по холке на прощание.

Вдруг... Девушка заметила, как огонь из груди пролился в пальцы. Тепло жадно опалило фигуру, и Инга в страхе одёрнула руку. Подтаявший снег застыл маленькими сосульками в разные стороны, на манер приглаженной шерсти. Удивительно, но чуть не уничтожив её случайное творение, огонь сделал его более живым.

Пару секунд она просто смотрела. Словно, если отведёт

взгляд, всё разрушится.

Но вспышка страха улеглась. Кот вроде не собирался таить, значит всё в порядке.

Она выдохнула... Разогнулась, и, отряхнув снег с пальто, повернула на обратную дорогу. Длинная цепочка следов приветствовала её долгим путём. Девушка шагнула в первую ямку, как вдруг...

– Э-эй. Ты ничего не забыла?

Она застыла, как вкопанная. Голос был насмешливым и недовольным:

– Создала меня и решила бросить?

Инга порывисто обернулась.

Да-да, всё так, как можно подумать. На её глазах крылья кота встрепенулись, а из мордочки прорезались тонкие ледяные усы. Он помял лапками снег, словно проверяя, действуют ли они, и... Повернувшись, открыл ярко-желтые с хитринкой глаза.

Инга рухнула в снег. Вот это сюрприз.

Объятия сугроба встретили приятной мягкостью.

– Ты... Как... Вообще... Это...

– Ну здравствуйте, приехали, – кот устойчивее встал на лапы, отряхиваясь от лишних снежинок, – Сама меня создала. Только что.

– Но я...

– Огонь, – подсказало творение, уберегая девушку от участи мучиться догадками, – Это живая сила. Живая и дающая

жизнь.

Инга посмотрела на свои уже остывшие ладони. Получается, пламя не только поддерживает жизнь, но и может давать её другим? По этому принципу здесь всё устроено?

– Ну... – девушка не сразу поняла, что кот смотрит на неё выжидающе.

Совсем как Гео.

– Что «ну»?

Зверёк закатил большие глаза:

– Люди. Почему я, только что появившийся, смыслю больше тебя?

Это было уже слишком.

– Знаешь, что? – вспыхнула Инга, – Почему-то все здесь думают, что они самые умные. Нет уж! Спасибо. Вы тут со своими мозгами оставайтесь, а я пошла!

Она встала, резко разворачиваясь и топя прочь. Уйти красиво мешали полметра снега, но прорываться по своим следам было легче.

– Я лишь хотел, чтобы ты дала мне имя! – раздалось сзади.

Девушку уколола совесть. Стало стыдно за свою детскую обидчивость.

Мы слишком легкомысленно относимся к тому, что создаём из снега. Должно быть, не желая привязываться к чему-то настолько недолговечному. А между тем наши творения несут в себе отпечаток наших миров. И это наши следы на снегу... Что могут нас окликнуть.

– Миль, – Инга опустила голову, – Как сокращение от «фамильяр». В детстве хотела быть ведьмой, и чтобы у меня был настоящий колдовской кот.

– Ну вот, мечты сбываются, – зверёк легко подбежал к ней по слою снега, задрал мордочку.

Он двигался с хищной грацией, присущей всем кошачьим.

– Да, – она опустила на него взгляд и улыбнулась, – Это точно. Сбываются.

В этот момент... Недоумевая от её улыбки, Миль поднял уши вверх. Это сделало его таким до неузнаваемости милым, что девушка... Рассмеялась. Тепло, весело. С этим смехом уходило напряжение последних дней. С этим смехом Инга осознавала, что она больше не одна.

Они вместе преодолели крышу. Заленившись топтать по ступеням, Миль прыгнул создательнице на плечо, но та не возражала. Они спускались по лестнице, и с каждой минутой зима связывала их невидимыми нитями. Девушка и кот становились ближе.

Людные, шумные улицы открывались перед ними. А они шли молча... И к концу квартала словно были уже давно знакомы.

С Милем город вновь наполнился сказкой. Она прокрадась в сознание, так, чтобы казалось, что она всегда здесь была. Из снежных волн тротуаров вырастали деревья. По разросшимся дорогам неспешно текли заиндевшие трамваи,

и внутренний свет создавал узорам на стёклах особый, неповторимый шарм. Ромбовидные прутья изредка искрились на стыке проводов.

Девушка проводила трамвай взглядом. На нём не было номера, и в водительском кресле никто не сидел. В стальном брюхе плескалась пара-тройка погасших пассажиров, явно не собиравшихся выходить ближайшие... Лет сто. Отчего-то стало тоскливо.

– Ты есть хочешь, может пообедаем? – неожиданно спросил Миль из капюшона.

Девушка не торопилась с ответом. Ей больше не нужна еда. Да и Милю тоже. Тогда почему?.. До неё неожиданно дошло. Он предлагает ей не поесть. Он предлагает провести время за едой.

– А знаешь, ты прав! Я хочу есть. Пошли в ресторан, я выпью глинтвейна. И для тебя, уверена, у них что-нибудь найдётся.

Благо она помнила дорогу.

Величественно и неспешно начинался снегопад. Снежинки сыпали теперь по отдельности, и в каждом неповторимом рисунке скрывалась целая вселенная.

Ближе к центру города толпа разрослась. На пешеходных переходах собирались большие группы прохожих, и разномастные жители безропотно дожидались зелёного света. Инга видела у некоторых совершенно отсутствующий взгляд. Казалось, они слонялись без цели по одному и тому же марш-

руту. Но большинство направлялось куда-то осмысленно, что не могло не радовать.

Стайка озорных мальчишек обстреливала снежками стоящие на дороге машины. Инга задумалась, зачем они здесь стоят? Дополняют картину? Да, при беглом взгляде они создают атмосферу движения, но потом... Ты понимаешь.

Внезапно она осознала. В этом мире вообще много нелогичного. Словно кто-то, никогда не выдавший настоящего города, пытался создать его, подглядев внешнюю картину в щёлочку у реального мира. Не понимая при этом и половины увиденного. Странно, и в то же время... Обворожительно.

Мелодичным переливом отозвался колокольчик. За мыслями Инга не заметила, как они пришли. На пороге ресторана девушка стряхнула с полы расстёгнутого пальто снег, а кот фыркнул оттого, что его потревожили. Сегодня посетителей было меньше. Но Инга всё равно направилась к тому же столику. Гео теперь не было, но появился Миль.

Плюхнувшись на диван, она беззастенчиво ссадила снежного кота на столешницу.

Тот быстро заметил салфетницу. Коготками вытащив пару салфеток, он озорно повалился на спину, забываясь игрой. Инга нежно улыбнулась, поглаживая его по открывшемуся животу. Матёрый котяра умилительно разомлел под тонкими девичьими пальчиками.

– Что-нибудь выбрали? – у столика появилась всё та же официантка.

– Несите самого вкусного, что у вас есть, – мурлыкнул Миль, махнув снежной лапкой.

Инга усмехнулась:

– И бокал глинтвейна. Я плачу.

Официантка подхватила её улыбку, взяла с девушки плату и ушла.

Пустой диванчик напротив отчаянно взывал к разговору.

– Знаешь, меня сегодня бросил... – Инга на секунду оставилась.

Как называть Гео? Друг, товарищ, приятель?

– ...знакомый, – наконец нашлась она, – Он сначала спас меня от Солнца, показал этот мир, а потом вдруг ушел. Ни с того, ни с сего. Может я ему надоела?

– М-м? – Миль вскинул мордашку, – Может быть.

Инга прыснула:

– Вот спасибо тебе, друг, поддержал!

– А, то есть я уже друг?

– Ну... – она закусила губу.

Да, парень, которого она знала один день – знакомый, а кот, которого вылепила из снега полчаса назад – уже друг.

– А ты против?

Миль хитро прищурился:

– Нужно поразмыслить.

Девушка лишь улыбнулась:

– Зараза.

– И что же, – кот ещё млел под пальцами Инги, подставляя

то один бок, то другой, – Он ходил-ходил за тобой, а в итоге бросил?

– Да! Даже ничего не объяснил. Не понимаю.

– А чего тут понимать? Люди. У вас такое сплошь и рядом. Это прозвучало более осмысленно, чем простая придирика. Словно у Миля уже был такой опыт. Но он ведь только родился, разве нет?

– Прошу, вкуснейшая курица в медово-бальзамической глазури с картофелем для Вас.

Возникшая из ниоткуда официантка поставила перед Милем блюдо с ароматной запечённой курицей, которая была... Больше него вдвое.

– И глинтвейн для Вас.

Еда тоже имела снежный отблеск, тогда как глинтвейн казался совершенно обыкновенным. Как Инга вчера не обратила на это внимание?

– Мр-р-р-я-я-у! – глаза Миля налились хищным блеском, и он набросился на курицу, как на ещё живую добычу.

Только крылья подрагивали от вожделения. Это выглядело ужасно забавно.

– Эм... Постойте, – прежде, чем официантка успела уйти, Инга решилась-таки её окликнуть.

– Да-да?

– М-м... Можно задать Вам пару вопросов? – судорожно размешивая напиток трубочкой, неуверенно проговорила девушка.

Гео отучил её спрашивать. Но официантка действительно оказалась понимающей.

– Да, конечно, – она оглянулась на полупустой зал, – А Вы, кажется, вчера со спутником были.

– Мы... Немного... Как бы это?.. Разошлись. Присядете?

– Заказов всё равно нет, – сотрудница пожала плечами, аккуратно усаживаясь напротив, – Меня зовут Лена, кстати. Можно на «ты».

– Инга, – девушка пожала протянутую руку, приятно удившись такому радушию, – Тоже можно на «ты». Ух... Не ожидала. Даже не знаю, с чего начать. Вот скажи, а... Чем платят здесь погасшие?

Этот вопрос был далеко не главным из тех, что занимали её сейчас. Но нужно с чего-то начинать.

– Снегом, – отозвалась Лена без... Всего.

Без закатанных глаз и саркастического вздоха. Инга уже отвыкла, что на её вопросы могут просто отвечать.

– То есть?

– Снегом с окраины города. Его там... – она красноречиво очертила глазами полукруг, – До самого горизонта. Снег – это основной материал в этом мире. Из него всё создано. Из него же мы готовим блюда. Погасшие приносят нам снег, а повара превращают его в еду. Но поверь, если сейчас ты попробуешь эту курицу, на вкус она будет курицей. Снег здесь может стать чем угодно.

– Получается, мой глинтвейн тоже из снега?

– Не совсем, – она немного замялась, – Глинтвейн, кофе, чай и какао готовят с использованием огня, что горит в сердце ресторана. Для создания еды пламя тоже нужно, но это другое. И потому горячие напитки могут разжечь пламя внутри вас.

Одной фразой Лена легко провела черту между горящими и погасшими. И Инга ощутила, какие они разные.

Девушка отпила из высокого бокала. Неожиданная мысль пришла ей в голову:

– То есть всё здесь создано из снега? Люди просто приходят, берут снег с окраины, и творят из него всё, что хотят?

– Из неодушевлённых предметов – да. Жизнь в творение может вдохнуть лишь пламя. Но я смотрю, ты с этим уже разобралась.

Она недвусмысленно указала взглядом на Миля:

– С другой стороны, что ещё делать погасшим? Здесь тебе нужно хоть какое-то занятие, чтобы не сойти с ума. Счастливы те, кто находят работу. Или те, у кого есть любимое дело, которым они могут продолжать заниматься. Художники пишут картины, писатели – книги. В паре кварталов отсюда есть отличное ателье, в котором создают одежду. А у нас команда шикарных поваров, что отдали делу кулинарии свои жизни. И им это нравится. Понимаешь? Здесь каждому нужно дело. Иначе свихнёшься и будешь слоняться по улицам, как призрак призрака самого себя.

– Да... – протянула Инга, – Теперь понимаю.

– Угу. Кстати, некоторые расплачиваются не просто снегом, а своими творениями. Вон, взгляни, – Лена указала на высокий стеллаж в глубине зала до самого потолка, – Там почти всё, что приносят гости. Видишь, статуэтки? У нас здесь был погасший скульптор. Пока горел – создавал чудесные скульптуры и оживлял их. Когда погас – стал просто лепить фигурки из снега. Любил приходить к нам, каждый раз приносил что-то новое.

Инга обернулась. На тонких полках стояло множество прекрасных статуэток. От изящных танцовщиц, до милых бегемотиков. В каждой вещице чувствовалась душа мастера, его непреодолимая любовь к своему искусству. Оттого, несмотря на слой инея, они казались тёплыми. И лишь при одном взгляде Инга почувствовала душевное единение с этим неизвестным творцом. Да... Она такая же.

– А почему в прошедшем времени? – девушка вернула взгляд к новой знакомой.

Та вздохнула:

– Больше не приходит. Можем только догадываться почему. Может, Солнцу попался?

На душе мертвенно похолодело.

– А что... Почему Солнце решило нападать на людей?

– «Решил». Это юноша, сын Зимы. И кто ж его знает? Он был очень хорошим раньше. Служил нам всем ориентиром во времени. А теперь... Слово заменили. Он собирает огонь с горящих, а до погасших ему совершенно нет дела.

Так что, если он кого-то и сожжёт, то не расстроится.

Инга протяжно вздохнула:

– Я тоже из его лап еле вырвалась. И то не сама, меня... Спасли. В следующий раз не знаю, как быть. Меня парализует, когда я его вижу.

– Не тебя одну. Он специально так делает, – официантка задумалась, – А знаешь... Тебе ведь так и придётся от него бегать по всему городу.

Инга фыркнула:

– Спасибо, утешила.

– Если только... – Лена продолжила, не обратив внимания на колкость, – Есть одно место, куда Солнце точно не сунется.

Девушка хотела задать другой вопрос, но передумала.

– Депо, – сказала собеседница, – На северной окраине города. Оно находится среди снегов, а Солнце не может покидать городские кварталы. Думаю, там ты будешь в безопасности.

Инга медленно кивнула:

– Спасибо, но... Я всё-таки надеюсь, что мне укрытие не понадобится. Я хочу выбраться отсюда, а для этого мне нужно к Часовщику.

Она хлопнула себя по лбу. Часовщик! Точно! Девушка так расслабилась, что не спросила о самом главном!

– Кстати, а ты не знаешь... – громкий, сытый мурк прервал её, – ...как найти его Башню?

– Я укажу тебе путь, – между делом отозвалась Лена.

Обе смотрели во все глаза на Миля. Бессовестно сытый кот развалился на совершенно пустой тарелке, сложив на груди пушистые лапки.

– Миль, – Инга чуть не поперхнулась, – В тебя как столько влезло?

– Не знаю... Ик! – замурлыкал кот, – Просто вкусно.

Глава 3. Лёд.

Лена точно указала направление. Сказала ориентироваться на Звезду Рандеву, что ярче всех сияла в той части горизонта. Инга была безмерно благодарна официантке. Но, чтобы отправиться в путь, лишь через час смогла вытащить на руках из ресторана объевшегося Миля. Довольного, весёлого, и пьяненько распевающего песни:

– Ай, полюби меня, красотка, и на ушко промурчи, – он залихватски махал лапами, – Что не спрыгнуть мне с окошка, не согреться на печи!

– Миль, – смеялась Инга, – Ты это сам придумал?

– А что? Может быть у порядочного снежного кота страсть и увлечение?

– Не спорю, не спорю.

Они топали на восток. Улицы петляли и обрывались, заканчиваясь в самых необычных местах. В первые десять минут дороги Инга поняла: логичный путь – неверный путь. То, что девушка всегда принимала за логику, здесь не работало от слова «совсем». Приходилось, яростно чертыхаясь, выходить из тупиков, или кричать от негодования, поняв, что сделала круг.

Усилившийся снегопад видимости не прибавлял. А подлая Звезда похикивала над её потугами, то проступая, то игриво скрываясь за занавесом небесного снега.

– Спокойно, – увещевала себя девушка, – Спокойно. Никто не говорил, что это будет легко.

Улица, уходящая вглубь по спирали, особенно убила. Во всей этой ситуации Инга радовалась лишь одному – она не устаёт. Хотя бы топтать можно бесконечно ведь всегда будут физические силы исправить ошибку. Насчёт эмоциональных сил девушка была не уверена.

Переложенный в капюшон, Миль блаженно посапывал.

«Хоть кому-то хорошо» – со вздохом думала она, выходя из спирали обратно.

Солнце не объявлялось. Инга была начеку, но горизонт оставался чистым, и дьявольский звук лопастей не нарушал тихое шуршание снегопада.

В домах горел свет. Метель смазывала очертания, и окна казались падающими звёздами с горячим шлейфом огня. Глядя на них, Инга думала, одинокие ли они? Или это свет надежды, что после смерти сводит любящие сердца? Ведь людям здесь уже ничего не нужно. А если рядом есть человек, с которым можно разделить вечность, это... Самое большое счастье.

Наконец, изрядно пожевав, город выплюнул их на окраину. Окончание кварталов опоясывала рваная кромка снега. Меж нетронутых сугробов шла тропинка к Башне, будто к маяку.

Девушка загляделась. Башня оказалась... Впечатляющей. Не самая высокая, но очень аутентичная. От земли основное

строение отрывали внушительные металлические подпорки, расходящиеся в ширину, так, что здание казалось домиком над водой. Каменный, в иное, цилиндр украшали круглые витражные окна и венчала крытая, как на маяке, галерея. Часов нигде не было.

– Часовая башня без часов, – бросила девушка, на что получила лишь сонный мям из капюшона.

Дорожка между сугробами напоминала тропу по морю в отлив. Особого эффекта добавляли... Волны. Да, снег был не таким уж нетронутым. Сугробы вздымались и прижимались, кое-где имея конкретные очертания. Будто кто-то извалял в них что-то большое.

Ко входу вела кованная лестница. Куполообразная дверь оказалась гостеприимно приоткрыта. Девушка дёрнула за кольцо, инстинктивно приготовившись, что холод металла обожжет пальцы. Не обжог.

Холл впечатлял не меньше. Хотя бы потому, что часы были... Повсюду. На полу, на стенах, на потолке. Самые разные – напольные, настольные, карманные, будильники, ночники с часами. Их были... Тысячи. Они заполняли всё пространство. Некоторые столы, тумбы или напольные часы, привинченные к стенам, будто это пол, вызывали особенно много вопросов. Между ними стихийно сложились узкие тропинки, которые также тянулись по всем поверхностям. По полу, по стенам, разве что на потолке их не было. Тропинки вели к многочисленным проходам – дверям, проёмам, люкам, ла-

зам, тоже неизвестного назначения. В целом казалось, что в Башне царил полнейший хаос.

– Это не хаос, – упрекнула себя девушка, – Это своеобразный порядок.

В глубине холла особой торжественностью блистали две полукруглые лестницы, уходящие вверх. Синие ковровые дорожки с изображением звёздного неба венчали композицию.

За всем этим великолепием Инга забыла зачем пришла. Спасли голоса, разносившиеся сверху. Осторожно, чтобы случайно что-то не задеть, девушка направилась на звуки.

Винтовая лестница змеёй струилась сквозь комнаты. У неё не было отдельной шахты, и, поднимаясь, Инга могла видеть весь интерьер башни.

– ...Почему мы все должны страдать из-за его дурацких выходов?! – раздавался сверху громкий, недовольный вскрик.

– Послушай, – второй голос, более вкрадчивый и более уставший, отвечал ему чуть тише, – Он тоже часть этого мира.

– Ерунда! Это подарок дражайшей тётки. А теперь она идёт на нас войной! Не из-за него, скажешь?

– Ты сам прекрасно знаешь, что это не так.

Разговор казался важным. Инге не хотелось в него вступать. Замешкавшись в одной из комнат, она будто случайно загляделась на часы.

– Мама переживает. А я не хочу, чтобы она расстраивалась из-за этого идиота, – в гневном голосе зазвучали нежные ноты.

– Сделать то, о чём ты просишь, я не могу. Не потому, что не хочу – не могу.

– Но всё-таки хочешь?

– Нет, – прозвучало очень категорично.

Инга остановилась в комнате с особенно монументальными часами. Большинство из них были напольными или парили в сферах над землёй. Взгляд девушки привлекли три похожие башни коричневых оттенков, от тёмного до светлого с рыжиной. Словно осенняя листва. Резные, с множеством плавных линий и замысловатых украшений.

На стенках первых часов в дереве застыли складки ткани. Инга прочла небольшую надпись под циферблатом: «Швеяткальщица». Цифровая линейка уходила глубоко внутрь. Стрелки на ней не было.

У вторых часов украшения напоминали вязанные цветочки. Стрелки вновь не оказалось. На табличке значилось: «Швея-вязальщица».

Третьи часы несколько отличались. На их корпусе прорезы и царапины образовывали вышитый крестом рисунок. Сам механизм выглядел особенно ветхим, и... Уставшим. Линия циферблата шла неправильной спиралью, и там, где у неё должен был быть конец, она перетекала в начало. По ней мерно, натужно бродила изящная стрелка, говорящая в

пользу жизни. Надпись гласила: «Швея-вышивальщица».

– Тогда я просто отдам его тётке. Она ведь за ним пришла!

– Аргх, Лёд, послушай. Я устал с тобой спорить. Но... Пойми одно, твоя мать любит твоего брата. И тебя тоже. Она очень расстраивается, когда вы оба совершаете глупости.

– Может, ты ему это скажешь?

Оглушительно скрипнула половица. Инга поняла, что под ней. Что ж, задерживаться дальше не имело смысла. Девушка побежала обратно к лестнице.

– Ко мне пришли, – в голосе второго человека слышалось облегчение.

– Не уходи от разговора!

Говорившие находились прямо над Ингой, и за очередным витком лестницы она их встретила.

– Э-эм, здравствуйте, – начала она, как только выглянула из проёма, – Извините, не хотела мешать. Но Вы просили меня зайти.

Комната представляла собой просторный кабинет. Здесь тоже мебель имела причудливое расположение. Например, два красных кресла и чудный чайный столик прикручены к боковой стене, а книжный шкаф к потолку. Но всё же основной ориентир был на пол, тот самый нормальный пол.

У круглого окна с синим витражом стоял рабочий стол с секретером, за ним стул. На стуле, закинув ноги на столешницу, а руки за голову, восседал парень. Нагловатого и необычного вида. Он был несколько прозрачнее остальных

жителей этого мира. И от него веяло холодом... Хотя куда уж больше? Взгляд его острый, колючий, вцепился в девушку, и ей тут же захотелось отвести глаза. Из-под капюшона ледяной олимпийки выбивались необычайно светлые волосы.

– Здравсьте, – отозвался он.

Девушка неуверенно кивнула.

Рядом с парнем стоял хозяин Башни. Часовщик прислонился к столу, сложив руки на груди.

– У меня работа, Лёд. Давай мы продолжим этот разговор...

– ...никогда, – фыркнул незнакомец, – Все вы одинаковые. Что ты, что мать. Никогда не ищите лёгких путей из-за каких-то там моральных принципов. Бесите меня.

Он скинул ноги со стола. Встал, убрал руки в карманы олимпийки, и спускаясь, толкнул девушку плечом. Она так удивилась, что возмутиться не успела.

Часовщик сжал пальцами переносицу:

– Не сердись на него. Лёд у нас с характером.

– Со скверным... характером. Но я начинаю привыкать. У вас здесь все такие?

– Нет, – улыбнулся хозяин Башни, – Только избранные.

Часовщик и сам выглядел немногим старше неприветливого Льда. Непослушные тёмные вихры торчали в разные стороны, портя аристократический образ. Шестерёнки на сюртуке, как выяснилось, были не просто украшением, а своего рода инструментами первой помощи. Среди прочего

Инга разглядела пинцеты, крохотные отвёртки и молоточки. Как раз сейчас он оказывал первую помощь древним часам с кукушкой, разобранным на столе.

– Проходи, присаживайся, – Часовщик указал на своё рабочее место, – Мы, видишь ли, не ждали гостей, потому извини за неудобства.

Инга кинула взгляд на привинченные к стене кресла:

– А нельзя?..

– Не... Башня должна повернуться, а она у меня дама с характером, – он сам подтолкнул девушку к стулу, словно хотел, чтобы та быстрее села, – Так что...

Но опуститься Инге не удалось. Пол заходил ходуном, снизу раздался жуткий треск, и стоять стало сложно.

– Ну спасибо! – Часовщик обиженно перекрикивал шум движущихся камней.

Он успел послать в затрясшиеся на столе детали шар фиолетового света. Магия обволокла шестерёнки, застывая в воздухе, как желе, и не позволяя им разбежаться в разные стороны.

Инга пыталась схватиться за что-нибудь, но не успела. Башня начала двигаться. Словно коробка с безделушками, переворачиваемая неосторожным ребёнком. Комната постепенно клонилась в бок. Девушка упала, не удержав равновесия. Часовщик, давно привыкший к таким поворотам, спокойно спускался по наклонявшемуся полу к стене, которая теперь становилась полом.

Инга скатилась по одной поверхности и кубарем выкатилась на другую. От жуткого шума в ушах звенело, и на мгновение все звуки пропали.

– Значит, как я прошу, так мы капризничаем. А девушке не удобно – так это пожалуйста! – возмутился Часовщик.

Постепенно всё приходило в норму. Ну... Относительную норму. Башня наклонилась на бок, и теперь всё резко оказалось по-другому. Лестница вниз стала проходом в стене. Высокое окно находилось на уровне земли, а на рабочий стол можно было смотреть сверху.

Девушка пыталась собрать в голове это перемещение.

– Женская солидарность, – фыркнул парень, подавая Инге руку, – Ты как?

– Вроде... Ничего, – она потёрла ушибленную голову.

Боль была настоящей.

– Что ж, зато теперь гораздо удобнее. Присаживайся.

Часовщик вновь повёл гостью, но на этот раз за чайный столик в окружении красных кресел. В шоке от происходящего, девушка плюхнулась в нежные бархатные объятия.

Миль так и не проснулся. Вот же соня!

– Что ж, – Хранитель опустил напротив, – Зачем ты пришла?

Инга на секунду опешила:

– То есть как? Вы сами меня позвали.

– Только поэтому?

– А разве недостаточно? – девушка глубоко вдохнула, по-

тирая пальцами висок, – Послушайте. Я хочу выбраться отсюда. Гео сказал, что пока у меня есть огонь, я могу это сделать.

– Гео, – многозначительно протянул собеседник, – Георгий, да... Помню, грустная история. А он?..

– Так Вы можете мне выбраться? – не утерпев, она перебила его.

Ей показалось, что Часовщик уходит от ответа.

– Выбраться? Выбраться... Пу-пу-пу.

Он прикусил губу, постучал пальцами по подлокотнику, и его виноватый вид Инге совершенно не понравился.

– Понимаешь ли. Тут сложилась такая ситуация...

Заметив, что собеседница побледнела, Хранитель поспешил её успокоить:

– Ты только не волнуйся.

Спокойнее не стало. Девушка вцепилась пальцами в обивку кресла.

– Ты, разумеется, ещё сможешь вернуться. У тебя есть огонь, и он не погаснет – будет гореть. Ты не умрёшь. И твоё тело в том мире тоже, я об этом позаботился.

Она прохрипела с замирающим сердцем:

– А плохая новость?

– У тебя есть жизнь, но нет времени.

– То есть как?

Она действительно не понимала, о чём он.

– Давай я объясню. Как смогу, – Часовщик подался кор-

пусом вперёд, упирая локти в колени, – Видишь ли, куда-то пропало твоё время. Много – пятьсот шестьдесят тысяч шестьсот сорок часов. Шестьдесят четыре года. Они просто взяли и исчезли. Причем ещё до твоего появления здесь. Из-за отсутствия времени ты стала привлекать к себе смерть. Тот грузовик – лишь один из её вариантов. Спасись ты от него, всё равно бы умерла в ближайшие несколько дней.

– Но... Как же так вышло?

– Это самое странное. Понимаешь, ты не должна была умирать. Я проверил все расчеты, у тебя оставалось достаточно времени на жизнь. Но оно будто испарилось. Я уже везде проверил. Всю башню излазил, все полки просмотрел. Если бы оно завалилось куда-то, я бы уже нашел.

– Но как?.. Как может потеряться время? – она едва не закричала, но резко осеклась, – Нет, не говорите. Это уже не удивительно. То есть у Вас хранилось моё время, и Вы его потеряли?

Категоричный тон гостя выдавил из хозяина виноватую улыбку:

– Ну-у... Не совсем так. Да, конечно, можно предположить, что я, от Истока Времени исправно выполнявший свою работу, за сотни тысяч лет мог один раз ошибиться, но... Я подозреваю, что твоё время просто украли.

Голова у Инги шла кругом. Упёршись локтями в колени, она подпёрла лоб пальцами, пытаясь хоть как-то осмыслить услышанное. Внезапная догадка заставила её вскинуть голо-

ву:

– Постоите-постоите, получается... Украв моё время, меня как бы... Убили?

– Формально, да. Повезло, что Зима забрала тебя к нам. Если бы разбирались наверху, мороки было б гораздо больше. Чаю?

Из шкафа на столик на шестерёночных колёсиках приехал очаровательный чайник с сервизом.

– Нет, спасибо.

Инга наблюдала за медово-коричневым чайным потоком, собиравшемся в белой чашке с золотистой каймой. И думала, думала... В голове роилось бесчисленное множество мыслей, но все были такими бестолковыми. В основном вечные вопросы: «Как?», «Почему?», «За что?». На их фоне выделялся лишь один логичный: «Что теперь делать?».

– И что мне теперь делать?

– Ждать, – Часовщик кинул в чашку кусочек рафинированного сахара, – Я ещё раз переверну башню. Может, время найдётся. Мог же я ошибиться в конце концов?

Она безнадежно опустила руки:

– А если его всё-таки украли?

– Тогда тоже ждать. Мы найдём твоё время, оно не могло исчезнуть без следа. Просто это будет не быстро. А пока ты можешь пожить здесь. Главное – сбереги огонь. Иначе не сможешь вернуться.

Не сможет... Она не придёт к сестре на день рождения.

Как же так? Девушка уронила голову в ладони:

– Гео был прав.

– Не знаю, что он сказал тебе, но не принимай его слова близко к сердцу, – Инга услышала где-то далеко беззастенчивое хлюпанье горячим чаем, – Его обманули. Он зол, и имеет на это полное право.

Ещё минуту девушка пребывала в коконе своего отчаяния. Не вернуться... Подождать... Задержаться... Она не сможет... Но потом слова Часовщика дошли до сознания. Инга подняла глаза:

– Обманули? Гео обманули?

– Да, – кивнул Хранитель, – Грустная история. Георгий должен был умереть молодым. У него было столько планов, и он бы всего добился, будь его жизнь чуточку длиннее. Но Судьба, как говорят, распорядилась иначе.

– А разве не Вы этим распоряжаетесь?

– Я? – Часовщик рассмеялся, – Что ты. Я всего лишь счетовод. Храню, пересчитываю, записываю, но уж точно не управляю. Все эти вопросы решаются... Сама знаешь. Наверху.

Он многозначительно указал взглядом в небо.

– Так что, Гео была уготована трагичная судьба. За несколько дней до гибели он впал в кому. Вроде друзья опоили его и бросили на мороз. В общем не важно.

Ещё как важно. Инга слушала Часовщика заворуженно, не в силах оторвать глаз.

– Зима забрала его в наш мир. Он – парень амбициозный, точно добился бы здесь многого. Если бы не ненавидел всех нас. Но в этом нет его вины. Когда он пришел ко мне впервые, с ним была девочка лет пяти. Погасшая. Я заподозрил недоброе, но в конце концов – какое моё дело? Я сказал Гео, что вернуться он скорее всего не сможет. Что время его на исходе, и переход просто не имеет смысла. Он ушел очень подавленным. Позже я встретил его погасшим. Хотя время ещё оставалось.

– То есть его...

– Я думаю, та девочка забрала его огонь. Не знаю зачем, потому что ко мне с просьбой вернуться в тот мир она так и не пришла. А для чего ещё здесь кому-то чужое пламя?

– Получается, – девушка тронула ледяную стенку в груди, – Пламя – это билет на ту сторону?

– Не совсем. Огонь – это... Как бы сказать? Жизнь. Во всех смыслах. Это не значит, что отсутствие огня – смерть. Это просто значит, что пламя даёт жизнь. И точка.

– Ладно, хорошо, – история парня немного отвлекла Ингу от собственного горя, – Мне нужно не потерять его. Хотя тут над городом носится обезумевшее Солнце.

– Да, задачка не из лёгких. Но, к сожалению, пока ничем не могу помочь. Могу извиниться, но вряд ли тебе от моих слов станет легче.

– Не станет. По большому счёту Вы же не виноваты.

– Так может чаю?

– А знаете, не откажусь!

***

Инга выходила от Часовщика полностью раздавленной. Да, Гео говорил, что это будет не легко... И не быстро. Но так хотелось верить в лучшее.

Теперь же руки опускались по-настоящему. Предыдущие неприятности были разминкой перед тем, что свалилось на неё в Башне.

Спрятав ладони в карманах, Инга брела по тропинке обратно к городском кварталам. Миль так и не проснулся. Хотя кошки – известные сони, и после такого банкета это не мудрено.

Наличие кота, пожалуй, единственное, что радовало в этой ситуации. Она хотя бы не одна. Потому что сколько ждать нахождения её времени было совершенно не понятно. А если его вообще не найдут? Она застрянет здесь?

Подумать только, всего пару дней назад всё было хорошо. Она ходила на занятия, встречалась с подругами... Готовила Лере подарок на день рождения.

Сестра... При одной мысли о ней в груди защемило. Обжигающая слеза жидким стеклом скатилась по холодной щеке. Сестра... Мама... Как же теперь?

Как так получилось? Почему она? За что убили именно её? Мог быть кто угодно. Она не понимала... И ради чего?

Не ради кошелька, страсти или мести. Ради времени! Это не укладывалось в голове.

Но большее всего было не от мысли об убийстве. Страшнее оказалась беспомощность. Сейчас Инга совершенно бессильна перед обстоятельствами, и вынуждена ждать, полагаться на других и надеяться... В общем, делать всё то, что она ненавидела.

Что же оставалось ей? Задержаться... Пожить здесь. С другой стороны, этот мир не так плох. За исключением Солнца, Инге здесь ничего не угрожает. Да и компания уже появилась. Но что-то подсказывало – всё далеко не так радужно, как хотелось бы.

Горячее отчаяние с прожорливостью болота глотало проблески светлых мыслей. Надежды тонули. Подмываемая страхами вера в лучшее рушилась, как песочный замок. Горе наседало, поглощало, закручивало... Оно сужало сознание, и девушка совершенно ничего вокруг не замечала, кроме снежного тротуара под своими ногами. Не заметила она и свет.

Вертолёт появился из-ниоткуда. Его дьявольский, оглушительный шум ворвался в мысли, когда стало уже мучительно поздно.

Мгновенно опомнившись, Инга оглянулась. Она зашла глубоко в город, но улица была пуста, а за её спиной... Нёсся столб света.

Зрачки сузились от ужаса. Как она не заметила?

«И чего стоим? – спросила она себя, – Побежали!».

Инга отчаянно рванулась с места. Понеслась, не разбирая дороги, куда подальше. Лишь бы убежать... Лишь бы! Но на прямой траектории у Солнца было преимущество. Он быстрее... Инга захлёбывалась страхом, видя, как солнечный ореол всё больше и больше обнимает её фигуру. Ещё не свет, лишь его отблеск. Но даже от него становилось жарко.

Справа мелькнул невзрачный проулок. Не думая ни секунды, Инга прыгнула в его сторону, а по её свежим следам прокатился солнечный круг. Дальше! Дальше! Она должна убежать! Она не может потерять огонь вот так! Просто не может!

Девушка схватилась обеими руками за грудную клетку. Пламя в ледяных стенках волновалось, чувствуя опасность. Нет, она не отдаст его! Не так просто!

Проулок оказался на удивление длинным. Здания плавно заворачивали по полукругу, но девушка не обращала на это внимания. Она бежала. Хотелось ощущать, как колотится сердце и вздымаются лёгкие. Но она ничего не чувствовала... Кроме животного страха. Почему ей казалось, что она была дичью на охоте, и сейчас Солнце загонял её в капкан?

Улица в очередной раз круто повернула. Оглядываясь через раз, Инга видела, как тяжело даются колеснице манёвры. Может, от того он свою жертву ещё не догнал? На секунду появилась мысль о спасении. А что? Вдруг она действительно сможет?

Дома казались смутно знакомыми. Хотя здесь все улицы на одно лицо. Но эта... Девушка не успела додумать. Лишь бы убежать. Не важно куда, главное – как можно дальше.

Снова поворот, а за ним... Тупик. Это невозможно! Инга встала, как вкопанная. Нет, она отказывалась в это верить! Но путь ей неумолимо преграждала стена такого же многоэтажного дома. Девушка бросилась к ней сквозь сугробы газона. Она надеялась на дверь, открытое окно, на что-нибудь! Но окна квартир начинались на два метра выше, а перед ней была лишь жестокая стена.

– Нет... Нет! Нет! – она долбила руками по холодному бетону, – Нет...

Солнечные отблески крались по снегу. Они яростно разгоняли завораживающую зимнюю темноту, оставляя просто снег. При свете всё выглядит прозаичнее.

Девушка обернулась... Медленно-медленно. Обречённо. Вот почему он не торопился её догнать. Вот почему дал убежать подальше. Всё сразу стало ясно. Он знал, что эта улица – спираль. Да, та самая, из которой Инга, чертыхаясь, выходила обратно на пути к Часовщику. Она уже говорила, что в этом мире много нелогичного? Смертельно много.

Ноги подкосились. Инга стекла спиной по бетонной стене в снег. Ослепляющий столб приближался мучительно неспешно. Девушка смотрела на смертоносную кромку света и думала... Думала о том, как ужасно не хочет умирать. Глаза застилали слёзы. Будто желали, чтобы их хозяйке не так

страшно было принимать неизбежное. Ведь бежать больше некуда.

Вдруг... Белая стрела пронеслась над её плечом. Миль выпрыгнул из капюшона, вставая между светом и Ингой. Прижав уши, кот ощерился в дугу, зашипел, выпустил когти. Он пытался укусить или оцарапать световой поток. А тот стал ярче, насыщеннее. Горячее...

Девушку накрыло отчаяние.

– Нет, Миль! Не надо! – надрывно кричала она сквозь слёзы, – Не надо! Уходи!

Кот не улетал. Он в животной ярости полосовал воздух, и пускай пытался к ногам девушки, но она понимала... Он не отступит. Он умрёт здесь вместе с ней, но не бросит её.

Он... Умрёт? На секунду эта мысль перекрыла все остальные. Инга смотрела на выгнувшуюся спину кота, на торчком стоящий хвост, на расправленные задние крылья. И думала – он... Умрёт? Вот этот прощельга? Хитрюга, и самая милая по кошачьим меркам зараза? Его... Тоже не станет? Это осознание оказалось много страшнее, чем мысли о собственной смерти.

Миль упёрся девушке в подобранные колени. Всё. Дальше отступать некуда... Солнце надёжно припёр их к стенке, и от их жизней оставались считанные секунды. Кот обернулся на Ингу... Посмотреть на прощание. Но от её взгляда кошачьи зрачки сузились. Он всё понял.

Три... Миль прыгнул девушке на руки.

Два... Она поднялась, вытягиваясь спиной по стене. Жар наседавал, больно обжигая. Свет уже совсем близко. Ближе, чем вытянутая рука.

Один. Она прыгнула в сторону. Боком прошлась кромке света, но в последний миг облетела горячий круг, шлёпнувшись в соседний сугроб. Не успев остановиться, Солнце налетел пушкой на дом, а когда вырулил обратно... В стене осталась большая оплавленная дыра на всех этажах.

Миль с Ингой быстро переглянулись. Это шанс! Лучше, чем мчаться обратно по спирали. Солнце наверху замешкался на секунду, перенаправляя колесницу. Похоже, его адский луч мог бить строго вниз, оттого требовалось каждый раз разворачивать вертолёт. Пока он пытался поймать девушку в поле луча, она уже забегала в открывшийся проход.

Инга оказалась в пустом подвале. Внутри было темно, но смертоносный свет за спиной в этот раз сыграл ей на руку. В нём она смогла разглядеть маленькую лесенку и дверь. Миль вспорхнул с рук, на крыльях следуя за ней. Она рванулась по ступенькам, выбежала на лестничную клетку первого этажа, захлопнула за собой дверь. Её запала хватило, чтобы пробежать ещё несколько пролётов. Лишь на пятом она остановилась.

Окна лестничных клеток выходили в сторону тупика. В них яростно и беспомощно бил свет, но девушка... Его больше не боялась. Резко сообразив, что она в укрытии, Инга смогла протяжно и тревожно выдохнуть. Словно ничего ещё

не кончилось, но передышка у неё была.

Она не задыхалась... Но оперлась ладонями о широкий подоконник. Миль тоже поставил на него лапы. Солнце был наверху, и под таким острым углом не мог их видеть. На это она надеялась.

– Фух, – выдохнул кот, выглядывая наружу, – Оторвались вроде?

– Вроде, – она прислушалась.

К её удивлению, свет не торопился улетать. До затравленного сознания лишь сейчас долетел шум лопастей, что становился... реже.

– Он что?... – посмотревший на неё Миль будто прочитал мысли, – Садится?

– Да он... Издевается! – едва смогла выдохнуть она.

Воздух застрял в горле от вновь накатившего страха, и... Возмущения. словно это было не по правилам. Будто она, маленькая девочка, уже выиграла, а проигравший большой и злой мальчик всё не может смириться с поражением.

Свет палил. Шум вращающихся месяцев становился ближе и реже. Девушка всё стояла и тарасилась в окно, пока... Мимо него не проплыла колесница. Её золочёный корпус сиял бешено, величественно. И на одну секунду... Инга встретила глазами с Солнцем.

Сложно сказать, что она в них увидела. Они обожгли её, но не физически. Это был горячий, полный решимости взгляд. Он не ненавидел её... И кажется, не хотел убивать.

Он лишь пытался достичь своей цели – любой ценой.

– Скорее! – до сознания долетел очень далёкий голос.

Кто-то хлестнул её лапкой по щеке.

– Бежим! Чего застыла?! – перед лицом маячил Миль.

Девушка спохватилась. Ах да, точно. Надо бежать, ведь ничего ещё не кончено!

Она бросилась вверх по лестнице. Но чувствовала... Чувствовала, как силы покидали её. Она смотрела ему в глаза, может дело в этом? Инга знала, что надо сопротивляться, но медленно теряла волю. Хотелось остановиться. Просто встать и стоять столбом. В теле поселилась слабость.

– Миль, – на последнем этаже девушка отчаянно схватилась за перила, опуская голову, – На вторую гонку меня не хватит.

Летевший впереди кот резко развернулся. Он подлетел снизу, заглядывая ей в лицо:

– Э, э, ты чего? Ну-ка побежали!

– Нет, – и всё же сдаваться она не собиралась.

Лестница под крышу заканчивалась дверью на чердак. В таких домах чердаки совмещённые – один на весь подъезд, и через него можно выйти с другой стороны. Но девушка сделала иначе.

Взбежав наверх, она распахнула дверь чердака и так же споро спустилась вниз. Прихватив Миля, Инга забежала в пустую квартиру рядом. Закрыла высокую дверь, но запереть её так и не смогла. Рука беспомощно схватила воздух в ме-

сте, где должна быть защёлка замка.

– Но почему мы?.. – начал, было, кот, однако Инга прервала его:

– Думай на несколько ходов вперёд. На шахматах научилась.

У двери был глазок. Она понимала, что рискует, но что-то заставило её подняться на цыпочки и заглянуть в него. Мир томительно замер. Притаился в тиши в ожидании развязки.

На площадке было пусто. Но даже сквозь стены слышались тяжёлые, усталые шаги.

Она замерла. Судьба её решалась в этот момент.

Солнце грузно поднимался по лестнице. Он выглядел прекрасно. Совсем ещё юноша, в золотых, торжественных одеяниях и с длинными струящимися волосами. Он нёс в руках всё ту же пустую сферу, излучающую странное сияние.

Юноша остановился у лестницы на чердак. Девушка затаила дыхание, не в силах оторвать от него взгляда. У него оказался поразительный для этого места цвет волос. В них прятались и колосющаяся пшеница, и поля одуванчиков, и весь тот тёплый, удивительный мир, которого касается своими лучами летнее солнце. Юноша был прекрасен... И смертоносен.

Солнце переводил взгляд с одной двери на другую. Напряжённое ожидание заставляло нервничать и сомневаться. Но Инга знала – она выдаст себя, если дёрнется.

Юноша медлил. Но наконец... Порывисто зашагал по

лестнице к чердаку.

Девушка с облегчением выдохнула. Вот теперь она победила.

Он обойдёт чердак и двинется в соседний подъезд. По его лестнице спустится вниз, и, поняв, что потерял добычу, вернётся к колеснице. Кухонные окна выходили на другую сторону улицы, и девушка прильнула к ним, надёжно спрятанная цветастым тюлем.

Верно, так и есть... Через пять минут Солнце вышел из двери подъезда. Огляделся, никого не нашёл, и каким-то образом позвонил к себе колесницу. Та даже без пилота смогла облететь здание, аккуратно приземлиться, и увести раздосадованного Солнце восвояси.

Инга с облегчением выдохнула. Всё... На этот раз точно. Пускай отступление временное, ей и Милью была жизненно необходима эта передышка.

Квартира оказалась пустой и такой же нежилой как та. Найдя спальню, девушка с размаху плюхнулась лицом в кровать, раскинув по бокам напряженные руки. Миль следом прыгнул на покрывало.

– Надо же. Мы с тобой чуть не погибли сегодня, котяра, – гулко отозвалась она в ткань.

– Как видишь, «чуть» – не считается.

Миль прильнул к её правому боку и, она отчётливо это почувствовала, ткнулся мордочкой в пальто.

– А ты молодцом, – она поднялась на левый локоть, пра-

вой рукой потрепав кота по холке, – Если бы не ты, я бы умерла.

Миль довольно мурлыкнул, коротко зевая:

– Аналогично. Подруга.

***

Часовщик давно проводил силуэт гостьи взглядом, но всё равно остался стоять на верхней галерее. Башня вновь приняла вертикальное положение, и теперь он видел город... Прекрасный город. Подумать только, ещё несколько сотен лет назад здесь ничего не было. Ни домов, ни людей, ни огня. Лишь вечный ровный снег. И Зима – одинокая и печальная. А потом... Капля пламени, и посмотрите какое великолепие выросло в мире, совершенно для него не предназначенном. Всё было совсем недавно.

– Ты думаешь, будет война? – она появилась не неожиданно.

Будто всегда здесь была. Непостижимо, но так умела приходить только она. Рысь, теперь немногим больше реальных размеров, тоже выглянула за перила галереи.

– Боюсь, что да. Этого трудно избежать. Разве только...

– Сестру не переубедить, – вздохнула Зима, – Она полна решимости спасти меня.

Её холодное дыхание застыло в воздухе ворохом снежных искр, а на город пролилось метелью. Нежной... Сказочной.

Она любила насыпать такие.

– Любовь затмевает разум, – пожал плечами Часовщик.

– Может быть. Или сестра не хочет винить себя в моей смерти.

Руки произвольно сжали перила. Под опушкой свежего снега холодный металл казался не таким обжигающим. Часовщик постарался, чтобы слова прозвучали с надеждой:

– Это будет не скоро.

– Ей это объясни.

Он усмехнулся, подавшись головой вперёд:

– Где-то я слышал сегодня эти слова. Вы со Льдом похожи.

– Он мой сын, – веско заметила Зима.

Она помедлила. Словно собиралась с духом, чтобы спросить:

– Зачем он приходил?

– Уверена, что хочешь знать?

– Нет, – вздохнула рысь, покачав массивной головой, – Их размолвки с Солнцем огорчают меня. Но как помирить их, я не знаю.

– А Солнце?.. – начал, было, Часовщик, но замолк, встретившись с Зимой взглядом:

– Ты уверен, что хочешь знать?

Её натиск он выдерживал не дольше секунды:

– Нет.

Всё верно. Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответ.

Они с Зимой слишком давно знакомы. Хорошие друзья, порой они понимали друг друга лучше, чем могли себе представить.

– Не хочу войны, – рысь опустила голову, прикрывая бездонные синие глаза, – Кто-то обязательно погибнет.

– Никому не будет жаль умирать за тебя. Ты сделала им столько хорошего.

– Мне будет жаль, – веско заметила она, – Но мы ведь об этом знали, правда? Знали, когда начинали это.

Она вздохнула, вновь устремив взгляд на возвышающийся город. Её любимый город. И небо над ним, обречённо затягивающееся защитным куполом.

– Некоторые события неизбежно случаются. Независимо, хотим мы того или нет.

Глава 4. Крепости.

Гео шел, не разбирая дороги. От старого плана он отказался, нового у него не было.

Он не знал, сколько уже слонялся без цели по городу. Парень не боялся встретить Ингу. Не столкнулся же он с той маленькой бестией за всё время своего пребывания здесь. Если они встретятся – судьба свела. Значит пришло время. Не встретятся – соответственно, не судьба, время не пришло. И в покорности этому вынужденному фатализму было больше свободы, чем в сопротивлении.

Теперь он не знал, что делать. Где раздобыть огонь? Сдаваться парень не собирался, но от многочисленных неудач руки опускались. Подумать только, он сам, по своей воле упустил такой редкий шанс. Не единственный вообще, но единственный представившийся. Однако Гео не жалел. Было бы куда паршивее, если б он довёл дело до конца.

Что же с ним стало? Он готовился убить человека, лишь бы спастись самому. Эгоистичный выбор... А Гео никогда не считал себя эгоистом.

Хотелось винить во всём этот дрянной мир. Куда легче свыкнуться со смертью и не трепыхаться, если б он действительно умер. Но нет! Мир Зимы дал ему надежду. Надежду... Из тех, что убивает, лишь вдоволь насладившись агонией, страданием своих жертв. Это ужасно злило, но ему всё

ещё до боли хотелось... Надеяться.

На тротуаре он налетел на прохожего. Не услышав гневного возгласа, Гео начал первым:

– Эй, ты чего стоишь на... – но застыл на полуслове, – ... дороге?

Мужчина, придерживая шляпу, смотрел на небо. В вышине звёздные кущи затягивал неплотный купол. Там, где он накрывал город, переставал падать снег.

Гео проследил за последними снежинками, обречённо свалившимися из темноты.

Звёзды всё ещё виднелись, но были размытыми и нечеткими. Купол казался очень толстым, словно водная толща, и рассыпчатым, как песочное тесто.

Гео не представлял, что это значит, но уж точно ничего хорошего. Верно, в последнее время здесь не спокойно. Не только из-за Солнца, в мире вообще что-то изменилось. Теперь робкие нововведения достигли своей первой критической точки.

За поворотом улицы его встретила площадь. У замёрзшего фонтана толпился народ, а в воздухе дрейфовала привязанная остроносая шлюпка. Над людьми витала едва ощутима атмосфера тревожной суеты и замешательства.

Двое солдат в белых с синим гусарских ментиках крепили на доску информации длинное, невзрачное объявление. Третий сидел за поставленным у фонтана столом, записывая называемые имена.

Гео кое-как протиснулся к доске. Длинное объявление тем не менее содержало в себе крайне мало:

«Жители Мира Зимы! Над нашим домом нависла серьёзная опасность. Сейчас мы находимся на грани войны. Весна вознамерилась уничтожить нас, и в это трудное для всех время я призываю вас встать на защиту того, что вам дорого. Вступайте в ряды Небесного флота!».

– Какого?.. – вырвалось непроизвольно.

– А ты что, не слышал? – чей-то весёлый голос возник в ухе.

Гео резко обернулся. Перед ним стоял парень, на первый взгляд его погодка. Тоже погасший. С золотистыми непослушными волосами, и видом таким, словно он никогда не унывал. Даже если говорил подобное:

– Летучие корабли Весны уже над Снежной пустошью. Зима потому и накрыла город куполом, чтобы они не смогли пройти.

– Но зачем?..

– Да кто её разберёт, эту Весну? – парнишка пожал плечами, – Чем-то наш мир ей очень не угодил. Может, позавидовала бессмертию? В её-то мире люди смертны.

– А мы и не люди, строго говоря, – Гео спрятал руки в карманы.

Его это не касалось. Война плоха ещё и тем, что выбраться будет сложнее. Он уже хотел уйти, как незнакомец внезапно и бесцеремонно развернул его за плечо.

– Эй, куда пошел? А записаться?

Гео стряхнул с куртки его руку:

– Куда?

– В Небесный флот – защищать Зиму!

– Тут и без меня хватает добровольцев.

Парень предпринял вторую попытку уйти. Смог даже сделать пару шагов, однако незнакомец догнал его:

– Но ведь важен каждый.

Гео медленно выдохнул, стараясь не сорваться:

– Хорошо, объясню по-другому, – прорычал он, – Зачем это лично мне?

– Ну... – неунывающий парнишка призадумался, – Даже не знаю.

– То-то.

Парень почти ушел, когда неожиданные слова врезались ему в спину:

– Разве что, героев войны Зима будет награждать огнём.

В голове разом заткнулись все мысли. Стало тихо.

Гео порывисто обернулся:

– Что ты сказал?

– Огнём. Отличившихся на войне Зима самолично будет зажигать. Мне так один из матросов сказал.

Нет, это просто не могло быть правдой. Неужели судьба даёт ему ещё один шанс? Тот самый?! Это будет трудно, но куда лучше получить огонь от Зимы, защищая её, чем подло украсть его у кого-то другого.

– О, вижу для тебя это аргумент, – хитро рассмеялся знакомец, протягивая руку, – Я – Лев, кстати.

– Гео, – парень ответил на рукопожатие.

– Гео и Лео? – тут же скаламбурил тот, – Прикольно.

Совершенно не прикольно. Такие неунывающие люди Гео тоже бесили. Всё потому, что как только запахнет жареным весь их оптимизм лопнет грязным мыльным пузырьём. И всё же на войне лучше не оставаться одному.

Решение пришло легко. Парень протолкался сквозь толпу к матросу, решительно хлопнув рукой по столешнице:

– Запиши меня.

В холодном разуме разгорелась обжигающая и такая желанная надежда.

***

– Вставай, – Миль ткнулся носом в волосы девушки, – Хватит валяться.

– У-у, – отрицательно раздалось из подушки.

Инга лежала лицом вниз. Время шло. Подниматься не хотелось.

– Он давно ушел.

– Ну и пусть.

Девушка этого не видела, но кот страдальчески закатил глаза. Потом подошел с другой стороны и ткнулся в руку:

– Ну-ка вставай! Мне, между прочим, скучно. Нашла вре-

мя меланхолию разводить.

Инга тяжело развернула голову. Хитрая мордочка Милля оказалась прямо перед носом. Его игривый взгляд горел хищным задором, не позволяя не улыбнуться в ответ:

– Что-то не вижу, что ты скучаешь.

– А ты повнимательнее посмотри.

Девушка приподнялась на локтях, поглаживая кота между ушей. В ней всё ещё плескалось горячее напряжение. С одной стороны, она побывала в смертельной опасности. По-настоящему смертельной. А с другой, смогла не только убежать, но и обхитрить охотника. Это радовало.

– Если честно, – звенящая тишина квартиры призывала к разговору, – Я в прострации. Думала – всё. Приплыли.

– Не-е-мр-р, – Миль мурлыкал, блаженно прикрыв глаза, – Наш корабль подбит, но ещё на плаву.

Инга повернулась на бок. Морозный воздух спальни застывал промёрзшей водой. Сквозь мрачные сумерки пробивался оконный свет далёких деревьев. Серые очертания комнаты казались смазанными и зыбкими.

– За что Солнце так взъелся на меня? Или мне только кажется?

– Кто ж его разберёт? Огонь тянется к огню. Может, ему просто тепла не хватает, вот и устроил охоту?

– Дикую охоту, – фыркнула она, – Не слишком это жестоко для такого... Прекрасного, как он?

– Внешность обманчива.

– Ах да, «лучшие версии людей», – запоздало пришли на ум слова Гео.

Инга периодически вспоминала его, и сейчас эта фраза о лучших версиях не шла у неё из головы.

– Но... – протянула она, – Нужно что-то делать. Если так пойдёт и дальше, он меня поймаёт.

– Что предлагаешь? – кот резко посерьезнел, раскрывая веки, – Прятаться?

– Сложный вопрос, – девушка перекадилась на спину, устремляя глаза в потолок, и начала перечислять, – На улицах долго находиться нельзя – есть риск нарваться на Солнце. В пустых квартирах тоже постоянно не посидишь, потому что от безделья и тревоги можно сойти с ума. Нужно найти место и дело. Проще говоря, нужно найти работу.

– Может, в ресторан?

– Ресторан, – Инга задержала слово на кончике языка, и вдруг вспомнила, – Погоди, а что Лена говорила про депо?

– Что оно за городом, и что туда... Не может залететь Солнце.

– Точно! – окрылённая внезапным откровением, Инга вскочила с кровати.

В прошлый раз она пренебрегла советом официантки, но сейчас это был выход.

– Если получить там работу, какое-то время можно не бояться. А потом, кто знает, может, Часовщик найдёт мои года.

– Депо? – Миль, однако, смотрел на идею скептически, –

Кем ты будешь там работать? Сомневаюсь, что ты что-нибудь смыслишь в поездах.

– Ничего, – она легонько щёлкнула его по носу, – Придумаю что-нибудь. Могу быть секретарём. Или стенографисткой. Не думаю, что это будет сложно.

Девушка вылетала из подъезда воодушевлённой. Неожиданные проблемы нашли такое же неожиданное решение, и обстоятельства вроде как складывались в её пользу. Миль её энтузиазма не разделял, но верно топал за ней, не отставая.

Найти работу... В этом мире. Казалось бы, что сложно-го? Здесь наверняка много свободных мест, учитывая то, что здешним рабочим вряд ли платят зарплату. Да и чем бы им платили? В общем, Инга с предвкушением шагала на север, откуда в ночное небо по золотым рельсам уходили старомодные поезда. Солнце тоже не показывался, что опять же не могло не радовать.

Снегопад прекратился. В городе стало темнее, и ночная мгла казалась острой из-за яркости. Но разве могло что-то поколебать решимость Инги? Однако, как всегда оказывается в таких случаях, нашлась та ложка дёгтя.

Настроение девушки упало, когда она добралась. На широкой тропинке между сугробами тянулась длинная очередь.

Насколько Инга могла видеть, все стремились попасть в маленький кабинет на втором этаже над железнодорожными путями. Его окна единственные горели светом. Туда вела уличная кованая лестница, и на каждой ступеньке стояло по

человеку.

– Куда такая огромная толпа? – вырвалось прежде, чем девушка поняла, что сказала это вслух, – Неужели все хотят уехать?

– Уехать? Что за бред? – впереди стоящая женщина резко обернулась, – Ты что, не слышала? Зима в опасности! Все хотят помочь! Я вот уже на заводе была. Но туда не взяли. Может, хоть в депо возьмут.

Незнакомка махнула рукой вдаль. Там, на достаточном расстоянии высилась громада завода с высокими трубами, похожими на городские вулканы.

– Оу... Ну... Удачи, – отозвалась девушка.

Энтузиазм поутих. Неожиданные трудности отбили всякое желание.

– А может... Ну его? – шепнула она Милю, поднимая кота к себе на плечо, – Не так оно мне и нужно?

– Легко ты сдаёшься, – упрекнул тот, – У тебя что, есть другие варианты?

– Но ты смотри сколько желающих! И вот женщину... не взяли, – она зашептала тише, – Думаешь, меня возьмут?

– А что мешает попробовать? Даже если нет, что ты теряешь?

Хотелось ответить, что время, но Инга замешкалась. Да, время теперь – ресурс обесценившийся. Спешить больше некуда.

– Ну... Ладно, – со вздохом согласилась она, – Ты прав.

Если попробую и не получится – я хотя бы несколько часов скоротаю. А если получится – совсем хорошо. В любом случае, стоит попытаться.

– Вот! Сама же всё понимаешь.

Очередь шла медленно. Так, словно не двигалась вообще. Инга со вздохом глядела на поток людей. Как же много здесь неравнодушных. А может они просто... В голове всплыла туманная фраза Гео: «Все здесь хотят быть полезны». Так вот, что это значит.

Сзади подошло несколько человек, и вот девушка уже не последняя. Плюс к доводам «попробовать» стало нежелание терять очередь.

– Интересно, какая это опасность для Зимы... – шепнула девушка коту так, чтобы её не услышали, – ...что все неожиданно решили податься работать?

– Не знаю, – переглянувшись с ней, Миль пожал плечами, – Но видимо... Серьёзная.

Большинство из соискателей были погасшими. Горящих можно было по пальцам пересчитать, и несмотря на то, что они были в безопасности на территории открытого снега, всё равно кто-то нет-нет, да поглядывал на небо. С другой стороны, если что-то пойдёт не так, и Солнце сможет их достать, они окажутся в ловушке из людей и снега. Тут Инга с отчаянием подумала: «Их» – значит «нас». Она тоже попадёт под раздачу, пойдя что не по плану.

Долго находиться в объятиях тревоги невыносимо. Чтобы

отвлечься, девушка пыталась разглядеть громаду депо. Оно было намного больше, чем казалось на первый взгляд.

Вдали от тропинки, между городскими кварталами и территорией депо пролегали несколько красивых железнодорожных путей. Красивыми они были за счёт своей поразительной геометрии, совмещая плавность и жесткость линий. Высоковольтные вышки в объятиях проводов тянули в ночное небо раскинутые стальные руки.

Пути уходили вглубь территории, проходя сквозь здание. То самое, с единственным светящимся окном. С виду прямое строение резко закруглялось к левому углу, уходя внутрь. Сейчас это всё, что девушка могла видеть.

Мысли поплыли в другую сторону. И показалось Инге, что это депо очень похоже на крепость из снега, что строили они с друзьями в школьном детстве.

Люди постепенно уходили. Большинство вышедших из кабинета были раздосадованы или злы. Бывали и те, кто не выходил. Просто приглашали следующего. Инга гадала, значило ли это, что человека взяли на работу, или нет?

За томительным ожиданием время шло. Совершенно незаметно подкралось подножье лестницы. Потом её середина. Медленно стекали по сознанию кованые ступеньки.

– Следующий! Уснул что ли?! – раздражённо раздалось из-за двери.

Инга, всполошившись, осознала, что перед входом стоит она. Как это получилось? Так быстро?

– А, да! Иду!

Дверь была лёгкой, с квадратными окошками сверху. Иней рисовал на них миниатюрные картины.

Инга нажала на ручку, аккуратно проходя. От неожиданности и волнения всё внутри сжалось в маленький комочек. Движения стали напряжёнными.

Место, куда она так стремилась попасть, оказалось продолговатым кабинетом, заваленным бумагами, заставленным коробками, и с одним округлым офисным столом в глубине. За ним сидела смурная женщина в синей железнодорожной форме времён Великой отечественной войны. Темные волосы уложены в большие педантичные кудри, красная помада на узких губах. В целом женщина выглядела измотанной, но это не портило её строгого вида.

– Присаживайтесь, – она указала на одиноко стоящий стул по центру комнаты.

Инга не сразу его заметила. А сев, осознала, как же на нём не уютно. Стол женщины был в отдалении, и девушке казалось, что вся комната одинаково далека, и будто смотрит на неё с расстояния, прицениваясь к товару.

– Я – начальница депо, Левтина, – не отрываясь от записей, начала женщина, – Ваше имя?

– Инга.

– Почему Вы решили, что можете работать в нашем депо, Инга?

Вопрос вогнал в неожиданный ступор. А действительно,

почему? Да... Проходить собеседования – то ещё искусство, если Инга потерялась на первой же реплике.

Миль подтолкнул её в шею из капюшона. Мол: «Не теряйся!».

– Я... Думаю, что могу быть полезна.

– Так думают все, – за равнодушным тоном скрывалось едва заметное раздражение, – Почему Вы решили, что можете работать в нашем депо?

Неожиданно закололо в коленях. Как в школе на уроке, который ты не учила.

– Я... Как бы... Я могу выполнять разную работу. Я не устаю... И...

– Это могут все, – Левтина с шумом перевернула страницу толстой тетради, – Почему Вы решили, что можете работать в нашем депо?

Напряжение нарастало. Инга до боли сжала кулак. Чего хочет эта суровая женщина? Как ей ответить на этот вопрос?

– Я...

– Инга, не отнимайте моё время. Отвечайте прямо или можете быть свободны.

Голос предательски захрипел. Она очень волновалась. Сказали бы сразу, что не берут, ей бы не пришлось краснеть!

– Я просто...

«Не надейся, что это будет легко» – Гео снова всплыл в памяти. Она пыталась отогнать его, но не получалось.

– Ах-х, – девушка через силу выдохнула, – Хорошо. Я ре-

шила, что могу работать в Вашем депо, потому что надеялась на укрытие. У меня есть огонь, который я должна сберечь, чтобы позже вернуться к маме и сестре. Если Солнце поймает меня до этого момента – мне конец. А я... – на глаза предательски навернулись слёзы.

Инга с ужасом поняла, что плачет. Не понимала от чего, и не могла остановиться. Ей было стыдно за себя:

– Я просто... Хочу вернуться на день рождения к Лере. Они с мамой ждут меня, а я их очень люблю.

Девушка встала. Самым мягким, что она чувствовала, было желание провалиться сквозь землю. Инга знала, что её точно не возьмут на работу после такого. Стыд мешался с отчаянием, яростью и неистовой потребностью бежать. Но уходить нужно красиво, с достоинством.

Она совершенно без достоинства шмыгнула носом. Резким движением вытерла слёзы, и, гордо вскинув голову, топала к выходу. Стоило бы что-то сказать на прощание, но она не могла. Думала, что разрыдается окончательно.

– Инга, – слова женщины ударили в спину, – Возьмите форму на складе и можете приступать.

Вместо счастья в голову влетела жгучая обида. Девушка резко обернулась, выкрикивая слишком громко:

– Не надо меня жалеть!

Левтина медленно оторвалась от записей. Смерила Ингу цепким взглядом снизу вверх:

– Это не жалость. Вы ответили на мой вопрос, Ваш ответ

меня устроил. Поэтому Вам направо по лестнице, – она указала ручкой на неприметную дверь рядом с собой, – Но если Вы всё ещё сомневаетесь, то предупреждаю – не надейтесь на лёгкую работу. А захотите сбежать – не отпущу.

Это звучало по-своему заботливо.

Глава 5. Звёзды.

Записываясь в Небесный флот, Гео и понятия не имел, что ему предстоит. Да, он знал, что всё в этом мире не просто. Но ещё не представлял, до какой степени.

Наспех собранную команду добровольцев закинули в шлюпку на южную окраину города. Там извечный слой снега обрывался, уступая место неровному льду корабельной гавани. Огромные парусники, трёх-, четырёх- и пятимачтовые парили над замёрзшей пристанью, пришвартованные к резным ледяным столбам. Больше похожим на тотемы. Среди массивных кораблей сновали быстрые маленькие лодчонки.

– Эге, – присвистнул Лев, – Одна лодка летает – это куда не шло, а как Зиме удалось поднять в воздух целую флотилию?

Он привстал с места, чтобы лучше всё разглядеть.

– Прелесть в том, что Зима может вертеть этим миром, как хочет. Физика и аэродинамика тоже подчиняются ей. Другими словами – если Зима захотела, чтобы корабли летали – они будут летать, – отозвался Гео непроницаемым тоном.

Но даже он признавал... Зрелище завораживало. Корабли были полны огня, что от их коричневых корпусов и белой парусины исходило золотистое сияние. Плетение такелажа переливалось едва заметными отсветами. Корабли были жи-

выми. И если люди не понимали их жизни, то лишь за счёт того, что эти красавцы были существами высшего порядка.

Гео и Льва распределили на мощный четырёхмачтовый фрегат матросами второй статьи. Назначению парни радовались, однако о значении слов «вторая статья» могли только догадываться.

Корабль «Всегда» казался произведением искусства. Округлый и мощный, он тяжело дышал огромными прямыми парусами. Такелаж отливал жемчужным сиянием. Четыре могучие мачты вздымали к звёздам белые знамёна Зимы. Корпус щерился с двух палуб дулами корабельных пушек.

Шлюпка пристала по левому борту. Кинули узкий трап, и слабо держащие равновесие новобранцы осторожно потопали на борт. Никто ещё не привык к качке.

Гео аккуратно шагнул на верхнюю палубу. Не хотелось облажаться в первый же день, сослуживцы не забудут.

Новеньких было немного, человек десять. Остальных набранных раскидали по другим кораблям. Но Лев был с ним, и это... Радовало.

Моряки на палубе косились на новобранцев с усмешками. Не злыми, скорее задиристыми. Они были здесь раньше, они опытнее. И не важно, провели они на корабле один год или один день.

Гео задумался, как давно Зима собирала этот флот? Такая массивная подготовка требует времени. Неужели... Она знала о войне?

Парня уколола злость: «Ну конечно знала, дурья твоя башка! Она правит миром, и может рассчитывать наперёд, в отличие от тебя!».

По канату с реи лихо съехал человек. Он двигался с озорной грацией, и добравшись вниз, легко спрыгнул на палубу. Широко улыбнулся новобранцам:

– Чего такие кислые, бойцы? Будете тухнуть, сгниёте тут раньше, чем мы успеем отчалить.

– Егор! – грозно гаркнул кто-то за его спиной, – А ну не каркай! Вали в своё гнездо, ворона, завихрения смотри! Отходим скоро.

– Слушаюсь, – выдохнул парнишка, покорно полезая обратно на мачту.

Шуганувший его мужчина был метра два ростом. И метр в плечах. Новоиспечённые матросы смотрели на гиганта снизу вверх с уважительной настороженностью. Лев даже присвистнул, за что тут же получил хлёсткий подзатыльник.

– Ауч!

– Так, усвоили все. Чтобы свиста я на корабле не слышал! – у мужчины был зычный, грубый голос, и взгляд, пробирающий до костей, – И вообще, лишний раз рты не раскрывать. Чтобы во время движения, маневрирования или боя никто не голосил, как резанная свинья. Молча всё делаем, понятно?

Кто-то порывался сказать «угу», но передумал. Ограничились согласными кивками.

Довольный своей работой, мужчина обвёл глазами группу новобранцев, широко улыбаясь.

– То-то же. Меня зовут Ксандр. Для особо тупых повторю – не Александр и уж точно не Саша. Назовёте меня Сашей – прибью. Скобами. К мачте. На всё плаванье. Усвоили?

Ребята закивали активнее. Слова Ксандра не выглядели пустой угрозой.

– Понятливые какие. Ну что ж... На «Всегда» я квартирмейстер, то есть пока вы на этой палубе, я вам отец и царь, салаги. Боги для вас – это унтер-офицеры и командование.

Лев поймал взгляд Гео и незаметно для других скептически скривился. Как он надеялся, незаметно.

– Эй, свистун, – крикнул Ксандр, – Смехушечку словил? Так я её из тебя быстро выколочу!

– Не-не, – тот капитулирующе поднял руки, потом вспомнил правило и поспешно замотал головой.

– То-то. Ну что, крысы сухопутные. Пошли! Будем из вас худо-бедно морских волков делать.

***

Новичкам «доверили» драить палубу. Она должна быть прозрачной, чтобы капитан видел огонь, горящий в сердце-вине. Но упрямые доски мгновенно покрывались новыми снежными наростами, стоило только их отскрести. Так что задача была невыполнимой.

– Глупость какая-то, – бурчал Лев, искоса поглядывая на квартирмейстера.

Тот вышагивал коршуном между не разгибающими спин матросами.

От долгого сидения на коленях болело всё... Спина, руки, сами колени. Очередная подлость этого мира – ты не живой, устать не можешь, но боль чувствуешь всё равно. Гео было больно. На четвертый час бессмысленного драения морская романтика выветрилась. А на восьмой парень возненавидел и щётку, и палубу, и этот корабль.

– Ничего... Ничего, – шепотом приговаривал он себе, – Не забывай, ради чего всё это.

Да, всё не напрасно. Всё ради огня.

Братья по несчастью – матросы «второй статьи», что оказались рядом, объяснили салагам значение их чина. Они здесь – «низшее звено», тягловая сила. Самая тяжелая работа будет доставаться им.

Элитой среди работяг считались матросы первой статьи – их была одна треть от экипажа. В них входили марсовые – моряки, что работали на реях, собирая и расправляя паруса. Егор, приветствовавший их таким красочным напутствием, был одним из них. Ещё в первую статью входили бывалые моряки. Те, кто уже не мог лазить по мачтам, но умел плести отличные узлы и чинить такелаж.

Гео задумался. Мир Зимы – мир молодых. Ведь чаще всего человек прекрасен в молодости. Кто здесь может считать-

ся старым матросом, что «не в силах» забраться на мачту?

К своему удивлению, на носу корабля парень увидел одного такого. Крепенький старик, не седой, но с проседью. Он ходил чуть согнувшись, словно его прибивало ветром к земле. Назвать его внешне красивым можно было с большим трудом. Тогда что он здесь делает? Не на корабле, а в этом мире.

Впрочем, старик быстро скрылся в надстройке на носу, и Гео потерял нить размышления.

Часы тянулись изнуряюще долго. Перед глазами рябило.

– Ну что там? – по палубе нетерпеливо прошлись черные, до блеска начищенные сапоги кого-то из командования, – Чего копаемся? Час простоя уже. Давно пора отчаливать.

Напротив черных сапог встали свободные, заношенные ботинки.

– Мы готовы, товарищ старший помощник.

– Тогда что, отходим? – спросили сапоги, и спохватившись, сказали утвердительно, – Отходим.

Гео не поленился задрать голову. Хозяином сапог был уставший мужчина. Усталость поселилась в осунувшемся теле, в выражении лица, в походке. Он был в этом мире очень давно, и кажется, лишь недавно обрёл смысл.

Старпом взбежал на капитанский мостик. Шепнул что-то раздетому офицеру за спиной рулевого, тот кивнул, и старпом гаркнул на весь корабль:

– Отдать швартовы! Отчаливаем!

Гео краем глаза заметил, как швартовочная бригада в гавани отцепила концы от тотемов. Канатов было шесть штук, три в носовой части, три в кормовой. Сначала отдали носовой швартов, и корабль слегка завалился на бок. Умелая команда причала поймала момент, чтобы отцепить кормовые концы, и судно, тяжело вздохнув, пошло по красивой дуге. Воздушные потоки подхватили его, выводя из гавани.

Стоило остальным судам остаться позади, как с капитанского мостика донеслось:

– Поднять паруса!

– Можете поглазеть, салаги, – добродушно хмыкнул бывалый второстатейщик, указывая глазами на мачты, – Такое нужно видеть.

Гео поднял усталый, негодующий взгляд вверх, и вдруг... Зрачки его расширились от восторга. Так слажено действовала команда марсовых. Они работали, как один откалиброванный механизм, не боясь сорваться, не страшась высоты.

Молодые, весёлые ребята лихо взбирались по мачтам. Переходили на рей, спускались ногами на специальные канаты, тянущиеся вдоль них. Всё это в ужасающе шатком положении, словно канатоходцы или воздушные гимнасты. Наваливаясь корпусом на мачту, они с лёгкостью развязывали паруса, и полные огня полотнища падали, мгновенно надуваясь попутным ветром.

Справившись с работой, матросы залихватски соскальзы-

вали по вантам вниз.

Гео загляделся. В какой-то момент он поймал на себе хитрый взгляд квартирмейстера. Ждал выговора, но великан лишь улыбнулся одними глазами.

Задышав полной грудью, «Всегда» рванулся в ночное небо. Мощной птицей, выпущенной стрелой. Шли полным ходом по прямому курсу, постепенно набирая высоту. Парень всё думал, напоминает ли это взлёт самолёта? В своей короткой жизни ему так и не довелось полетать.

Пристань осталась низко. Колючие камни звёзд проносились вдоль бортов, щедро рассыпанные Зимой. Конечно, откуда ей знать, что в реальном мире звёзды гораздо больше и гораздо дальше. Для Зимы они были светящимися булыжниками, застрявшими в небе чуть выше городских крыш.

– Звёздная плотность, капитан! – раздался из вороньего гнезда знакомый голос, – Нужно облететь!

Разодетый офицер глянул в золотистую подзорную трубу. Гео заметил, как старпом пытался ему что-то втолковать, но тот прервал его величавым жестом. Что-то сказал. Старший помощник выдохнул и снова крикнул на весь корабль:

– Не меняем курса! Приказ капитана!

– Тьфу ты! Война ещё не началась, а корпус уже латать придётся, – пробурчал старый матрос рядом с Гео, за что тут же словил неодобрительный взгляд квартирмейстера.

– Приказы не обсуждаются, – отчеканил Ксандр, вроде ни к кому не обращаясь, но несколько работяг уже вжали голо-

вы в плечи.

Звёздная плотность пробуждала благоговейный трепет. Зыбкий свет белоснежных булыжников казался тревожным и очаровательно невинным одновременно. В их щербатых краях вся мощь небесных светил колола взоры острыми краями. Но всё их обаяние кончилось, стоило одной звезде с грохотом врезаться в корпус. Корабль повело... Левым бортом «Всегда» собрал ещё пару ударов. Но рулевой быстро справился с инерцией. Оглушающе рычало небо, а судно едва слышно стонало.

В глубине прятались звёздочки поменьше. Их более плотное скопление градом стучало по стенкам и мачтам.

– Ксандр, – донёсся крик с носа, – Мне тут не помешает помощь.

– Вы двое, – квартирмейстер ткнул носком ботинка Льва и Гео, – Ступайте на бак, помогите Фёдору.

Гео встал на трясущиеся колени. Разгибаясь, спина благодарно хрустнула. Льву подняться было сложнее, и парень хотел подать ему руку, но Ксандр разогнал их:

– Быстрее, быстрее, девочки! Кряхтеть потом будете. Подорвались и побежали, живо!

Парни, конечно, подорвались и побежали, но... Куда? Заметив их секундное замешательство, квартирмейстер крикнул им вдогонку:

– На бак, салаги! Он на носу корабля!

Пришлось в панике искать туда выход, но в итоге парни

нашлись. Баком оказалась верхняя палуба на носу судна, откуда шла носовая мачта – бушприт, как в последствии парни узнали. Здесь проходило больше всего канатов такелажа, делающих небольшую площадку заметно светлее. Над баком возвышался полубак – надстройка, защищающая дальнейшую палубу корабля от встречных волн, и выпускающая из своих недр вздымающуюся фок-мачту.

Отсюда небесный океан открывался во всём завораживающем великолепии. Выйдя из дверей надстройки, парни на секунду опешили. Иссиня-черный свод небес, испещрённый мелкими звёздами, казался всепоглощающе огромным... А люди перед ним были маленькими и беззащитными. Гео почувствовал, что он стоит на площадке перед открытым космосом. А необъятная ширь накинута на него, вцепилась, и давит... Тянет за собой.

Здесь работал тот самый старик. Решётчатые, резные перила бака щедро зачерпывали мелкие звёзды, а матрос легко ворочал их, выбрасывая за борт.

– Эй, молодцы, – крикнул он оторопевшим парням, – Не стойте истуканами, помогайте. А то эти булыжники того гляди такелаж попортят.

– А... Да, конечно, – спохватился Лев, бросившись к одной звезде.

Гео тоже попытался поднять сияющий камень. Но... Тот оказался невероятно тяжелым. Тяжелее всего, что вообще доводилось встречать. Хотя на вид казался не больше меш-

ка цемента. Парень упёрся, потянул звезду на себя, но спину мгновенно прострелило жгучей болью.

– Э, ребята, вы силы-то берегите. Вдвоём таскайте, а то так надорваться можно. Рыжий, ты это... Спину не криви. Больнее будет. Пряменько её держи.

– Постараюсь, – процедил Гео сквозь плотно сжатые от натуги зубы.

Такие советы всегда кажутся издевательством. Но старик искренне хотел помочь.

У Льва ворочать звёзды тоже не получалось, пришлось объединяться. Вдвоём парни кое-как дотаскивали белые камни до бортов, переваливая их через перила. Каким образом приземистый старик носил в одиночку эти же звёзды для парней оставалось загадкой.

– Эка напасть – гнилая голова у свежей рыбы, – фыркнул матрос, вытаскивая камень побольше из плотного сплетения канатов, – Додумался же сквозь плотность идти.

– Капитан что ли? – Лев опёрся рукой о борт, по привычке вытирая со лба несуществующий пот.

– Кто ж ещё. Спорю, ни один дурак до последнего юнги не повёл бы корабль сквозь звёздную плотность. Облетели бы, не развалились. А сейчас может и развалимся.

Лев тем не менее весело усмехнулся:

– Ладно уж. Или всё так плохо?

– Да не, – отмахнулся старик, – Глупость просто. «Всегда»-то вообще такие манёвры противопоказаны.

Гео отряхнул руки от плотной звёздной пыли:

– Это почему?

Они стояли перед открытым небом. Старик и двое молодых парней. А навстречу им неслась целая вселенная.

– Да виляет наш корабль кормой, что блудливая девка задом. Вот стояли же на нём три мачты, нет, надо было четвертую вклеить! Хорошо хоть рулевой у нас знатный, в своём деле толк разумеет.

– Всё равно не понимаю, – Лев легко увернулся от звезды, резко впечатавшейся в стену полубака, – Чем плоха четвертая мачта?

– Как бы объяснить вам, сынки? – старик призадумался, обняв сухопарыми пальцами подбородок, – Фок-, грот- и бизань-мачты – они как... Золотой стандарт. Каждая выполняет свою роль, и помощников ни одной не надобно. Потому как умного учить – только портить. Вот и в нашем деле лишнего не воткнёшь. Но умельцы, как видишь, находятся. Бонавентур-мачта – это та, что четвёртая...

Ему пришлось прерваться. Под ноги упала ещё одна звезда, ударившись с такой силой, что раскололась на двое. Гео пришлось отпрыгнуть, чтобы осколок не проехался по ногам.

– Вот незадача, – старик легко поднял обе половинки, – Разбитая-то в небе не удержится. Не живая, а всё одно жаль. Ну да ладно, может куда ещё сгодиться. Ну-ка ребят, отнесите её в полубак. Потом разберёмся.

Обломок действительно оказался легче. Словно потеряв целостность, звезда лишилась чего-то ещё, очень важного. Но тусклое свечение сохранила, и потому ребята легко нашли ей место в полутёмном помещении среди ящиков и верёвок. А гулкие удары по корпусу уже звали их обратно.

– Так что Вы говорили? – вернувшись, напомнил Лев, – Про бонавентур-мачту.

– А, мачта-то... – старик призадумался, – Ни к селу она, ни к городу. Стоит на корме, только управляемость портит. На ней косые паруса, как на бизани, и...

– Косые паруса? – Лев, похоже, не боялся переспрашивать.

Гео тоже не понимал некоторых слов, но вопросов не задавал. Отучили... Наивность же его нового знакомого была прямо очаровательной. Он не боялся показаться невообразимо глупым, а может, просто не понимал, как выглядит в глазах Гео.

– А вон глянь-ка, – Фёдор указал на треугольные паруса на бушприте, – Вот все такие – то косые. Они для маневрирования служат. А все, что вон там...

Старик пространно махнул рукой на оставшийся за полу-баком корабль:

– ...четырёхугольные – это прямые. Они для скорости. Так вот я и говорю, косые паруса, они где обычно? На бушприте, да на бизани. А если их ещё на бонавентур навесить, судно слишком рыскливым становится. Плохо на курсе ле-

жит. Это хорошо, что рулевого на «Всегда» подобрали... Ух, не рулевой – золото. Как его на флагман не загребли? Подозреваю, что за дурной характер. Он тот ещё...

Корабль резко качнуло вправо. Так неожиданно, что никто ничего не понял. В ушах зашуршал раскатистый грохот. Через секунду Фёдор кинулся к левому борту, переваливаясь через перила:

– Ох мать честная!

– Что? Что там? – Лев тоже побежал посмотреть, но на полдороги остановился.

Гео не нравилась их реакция... Совершенно. Но лучше уж знать, к чему быть готовым. Парень приблизился к левому борту, в глубине души надеясь, что там нет ничего особенно страшного, но... Он ошибся.

По левому борту «Всегда» начинался вихрь. Его лапы закручивали в поток неподвижные мелкие звёзды, а в центре сияла небольшая черная пустота. Именно пустота, Гео не мог сказать иначе.

– Это что... Черная дыра?

– Не, – в вечно спокойном тоне Фёдора поселились нотки тревоги, – Обычное завихрение. Но близко. Ох якорь мне под дышло, не выйдем. Затянет! Ну-ка сынки, айда к старпому! Первый день пути, только этого не хватало!

Он резко сорвался с места, открывая дверь полубака. Парни следовали за ним, как замороженные крысы за дудочником. Хотя бы потому, что вихрь невероятно пугал, а Фёдор,

кажется, знал, что делать.

– Прихватите нашу звёздочку. Тут-то она нам и понадобится.

Ребята повиновались. Они послушно несли обломки горящей звезды через всю палубу к капитанскому мостику, и украдкой, на несколько секунд позволяли себе взглянуть на вихрь.

Адская воронка крутилась всё сильнее. В её мнимом хаосе был свой ужасающий порядок. Всё пространство, не только звёзды, но и небосвод, и ночь, и они вместе с кораблём утопали в её хищных, длинных лапах.

Может, вихрь выглядел бы не так пугающе... Если б не был так близко.

– Товарищ старший помощник, – Фёдор встретил уставшего мужчину у лестницы на капитанский мостик, – Больно рядом мы, не оторвёмся.

– Да знаю я, – рыкнул старпом, закричав кому-то в трюме, – Больше огня!

– Не поможет, – покачал головой старик.

Мужчина яростно развернулся на него:

– Что ты предлагаешь?!

– У нас тут звёздочка имеется, – Фёдор кивнул на парней, стоявших за его спиной, – Может, закинем? И вихрь успокоится, и мы напрасно огонь не пожжём.

Старпом переводил быстрый взгляд со старика на ребят. С гневного он постепенно сменился на оценивающий, потом

на задумчивый. Наконец, мужчина посмотрел в сторону мостика, и выдохнул:

– Делайте, что нужно.

– Так точно! – старик выпрямился и, казалось, стал чуть выше.

Развернувшись к парням, он жестом поманил их за собой в трюм. Миновав две нижние палубы, они сквозь суету и толкотню выбрались в шлюпочный отсек. Гео смутно понимал, что это место не имеет с реальными кораблями ничего общего. В реальности лодки крепятся на палубе. Здесь же Зима напряглась, любезно позаботившись об удобстве. Шлюпки на огненных парусах и с рулём, как у моторных лодок, висели на канатах над двумя открывающимися люками справа и слева от киля.

– Грузите звезду, сынки, – махнул головой старик, – И прыгайте сами.

Парни так и сделали. Они не спрашивали, зачем. Выполнив задачу, они послушно ждали дальнейших указаний, потому что Фёдор точно знает, что делает. В такие моменты сознание сужается, и чтобы не поддаться панике, хочется слушать хоть кого-нибудь. Уверенный голос среди страха, как та спасительная соломинка.

Гео сидел в шлюпке. Под ногами лежал осколок звезды. Напротив ёрзал Лев с нервной улыбкой и лицом таким бледным, что куда уж больше. Если б была кровь, она бы кипела. В груди ещё колотилась смутная память о сердце, отда-

вавшая в виски, и дыхание прерывалось то ли от страха, то ли... От азарта.

В корпусе открылся люк. Парни только сейчас услышали, как сильно воет ветер. Наверху это ощущалось по-другому.

Фёдор лихо прыгнул в шлюпку. Сел за руль и скомандовал отцеплять канаты. Ребята тут же полезли выполнять, и только сейчас до Льва дошло:

– Подождите. Что мы... Собираемся сделать?

Корпус шлюпки наполовину выбрался из люка.

– Подлетим поближе, надо этот вихрь заткнуть.

– ЧТО?! – Лев в панике отпустил конец, и нос лодки ухнул вниз.

– Держи! Держи, что ж ты!

Но Гео отпустил свой. Удержать бы уже не получилось, а так они выпали из люка более-менее ровно. Паруса вспыхнули, покрываясь золотистым мерцанием. Свободное падение резко замедлилось.

– Ты с ума сошёл?! – когда лодка стабилизировалась, закричал Лев на старика, схватившись обеими руками за узкие борта.

Гео видел в его глазах отчаянный ужас. Неунывающий парень сейчас наседавал на Фёдора, распространяя по небольшой шлюпке едкий страх, но... Наткнулся на непрошибаемую стену спокойствия бывалого моряка.

– Не шуми, паренёк, – он цыкнул на него зубом, и тот обессиленно присел на перекладину, – Лучше слушайте.

Сейчас подойдём поближе, вы звезду соедините и прямёхонько в центр кинете. А потом быстренько на дно лодки упадёте. Понятно?

– Понятно, – сразу кивнул Гео.

Задача представлялась ему... Простой. Он не был уверен, понимает ли, что вообще происходит. В его голове был один простой алгоритм: подлетели, соединили, кинули, упали. Больше ничего.

Он даже не осознавал, насколько хрупкой была их шлюпка перед тем огромным небесным водоворотом, в который их тянуло со всей силы. А мироздание гремело и кричало, но даже иссушающий этот гром становился постепенно привычным.

Паруса лодки натянулись до треска. Они казались неправильно маленькими и будто не к месту. Гео понял, они здесь только ради огня.

«Всегда» остался далеко позади. Он сопротивлялся куда сильнее маленькой лодочки, и сейчас парень мог видеть его издалека. Большой и изящный, корабль походил на кита, изрядно гребущего плавниками, спасаясь от цунами. Забавно.

Фёдор крепко держал руль. Лишь благодаря нему шлюпку не переворачивало и не бросало в разные стороны, она уверенно неслась навстречу... Пустоте в центре урагана.

Дыра не была черной или серой. Она казалась... Никакой. Словно кусок ночи вырвали с корнем, и теперь он отчаянно пытается заполнить себя. А ведь сама пустота совсем ма-

ленькая... Не больше диванной подушки.

Наконец, они оказались совсем близко. От бешеного потока звёзд мир смазался, и в глазах зарябило. Хотелось изрядно потереть веки и проморгаться, но тут Гео услышал голос Фёдора:

– Соединяй звезду, парни!

– Давай, – Гео опустил вниз, хватая свой обломок, и в ожидании уставился на Льва, – Давай же!

Но тот обмер, не отрывая взгляда от пустоты. Он ни на что не реагировал, а времени уговаривать катастрофически не было. Гео склонился над другом, вlepив ему смачную пощёчину.

Лев вначале не понял. Через секунду часто заморгал, потом схватился руками за голову.

– Ну, пришёл в себя? – Гео удивился от того, как голос тонул в бешеном рокоте завихрения.

– А... Ага, – Лев поднял на товарища круглые глаза.

Постепенно бессильный ужас сменялся в них осознанием, и приятель бросился к своему осколку звезды.

Вместе парни соединили их. И как раз вовремя... Сквозь оглушающий рёв небесного гнева к ним пробился очень далёкий крик Фёдора:

– Бросайте-е-е!

Они бросили. Легко... Просто выпустили из рук. Сцепившиеся между собой обломки пошли по красивой дуге, затыкая маленькую дыру пустоты. Соединённая звезда влетела в

центр, закупорив водоворот, и на секунду всё застыло.

– Ложи-и-и-ись!

Раздался оглушительный взрыв. Нет, не так... Падая на дно шлюпки, Гео заметил, что резко остановившийся вихрь, стал ещё быстрее раскручиваться в обратную сторону. Ударная волна в один миг отнесла лодку далеко от центра урагана, впечатав её в борт корабля.

Всё кончилось так же резко, как началось. Рокот смерти оборвался. В мире повисла томительная, напряженная тишина. Отдышавшись, Гео поднялся в шлюпке в полный рост, покачнувшись, когда ту оттащило от борта. Он смотрел на место, где секунду назад был вихрь, и... Ничего не замечал. Мироздание залаталось мгновенно, ткань ночи разгладилась, и на небосводе всё снова тихо и мирно. Лишь треснутая звезда сверкала в отдалении несколько тусклее своих собратьев.

– И это... Всё?

Фёдор скрипуче, по-доброму рассмеялся:

– Вот чудак-человек. Ты что, ещё хочешь? И так насили выпутались, я вам доложу.

Приподнявшийся, было, Лев с мучительным стоном упал обратно на дно шлюпки.

А когда ребята поднялись на борт, вся команда бросилась к ним с улыбками. Моряки трепали парней по волосам, пожимали руку старику Фёдору, и порывались качать смельчаков. А Гео... Так и не понял, что такого они сделали.

– Что это в итоге было? – спросит он много позже, когда они втроём будут сидеть на баке, вглядываясь в чистое, бескрайнее небо.

– Вихрь, – пожмёт плечами Фёдор, словно это само собой разумеется.

Но чуть погода объяснит:

– Вихрь – частое здесь явление. Он получается из-за частичек пустоты. Понимаешь ли, Зима сделала небо относительно постоянным, но не учла, что здесь будем летать мы. И стоит стронуть с места что-нибудь не то, или, скажем, звезду разбить, как появляется небольшая пустота. Хотя тут всё одно раз на раз не приходится. И начинает пустота собирать вокруг себя вихри, втягивая внутрь всё, что сможет. Но стоит только заткнуть её, как всё. Вихрь тут же прекращается. Это, как бутылку пробкой закупорить.

– Подождите, так если бы мы этого не сделали... Пустота утянула бы корабль?

– Да, – поражающее спокойствие Фёдора заставит тихо сидящего Льва протяжно вздохнуть, – Обычно-то мы обходим это дело, а сегодня видишь – вляпались. Слишком близко к нам завихрение было, вот и пришлось прибегать к крайнему варианту.

– Постойте! – лишь тогда до Гео дойдёт, – То есть мы... По сути, пошли на настоящее самоубийство? Нас могло утянуть, если бы мы не успели!

– Строго говоря, мы бы всё равно все померли, если б кто-

нибудь не полетел. Это знаешь как – или грудь в крестах, или голова в кустах, – как ни в чём не бывало пожмёт плечами Фёдор, – А так, пусть сумасшедший, но шанс.

– Да... Точно.

Долго ещё ребята будут дивиться самообладанию и смелости старика. Он совершенно не боялся умирать. И был готов для других сделать это в любой момент.

Но всё это будет позже. А сейчас Гео неуверенно улыбался восторженным воплям матросов, а в висках его колотилась смутная память о сердце.

Глава 6. Дыхание.

Взяла, повернулась, отдала, повернулась. Взяла, повернулась, отдала... Повернулась. И так по кругу сотни, может, тысячи раз. Мозг отключается от такой механической работы.

Инга хотела выть. Стенать, плакать, кричать, но на деле всего лишь принимала снаряды у другого такого же человека, стоящего рядом с ней, и передавала дальше.

Длинная цепочка людей грузила снежные пушечные ядра в грузовой вагон поезда. Загружали люди «поумнее». Новичкам доверяли лишь передавать.

В депо не взглянули на пол, возраст или силы. Здесь все были равны. Пришлось скидывать красивое пальто, надевать простую тёмно-синюю форму, и наравне с остальными тягать массивные снаряды. Вроде из снега, а всё равно тяжело.

К пятому забитому вагону мозг отключился. Девушка уже не чувствовала себя роботом, она стала им. Если в первые часы кто-то пытался разговаривать, и то там, то здесь постройку пробегали натужные шутки, то сейчас всё было тихо.

Мягко проливались золотые фонари. Теплый свет покрывал глазурию притоптанный снег и нечастые сугробы, окрашивая их непривычной позолотой. Только в депо Инга увидела фонари. В городе не было ни одного.

От полной атрофии мозг спасло... Дыхание. Лишь теперь,

изнывая на погрузке, девушка заметила, что дышит. Из её рта вырывались клубы пара при каждом выдохе, и это... Было волшебно! Счастье видеть следы вдохов вышло непривычно гипертрофированным. Она хотела прыгать от радости. Она дышит! Дышит! Значит, ещё жива!

Постепенно внимание сосредоточилось только на дыхании. Следить за ним было забавно. Пар складывался в причудливые формы, и, пару раз сильно отвлекаясь, девушка чуть не роняла ядра на землю. Но это, наоборот, радовало. Значит, она ещё человек. Не бездушная машина. Не тень на снегу. Человек.

Инга взяла снаряд. Повернулась, отдала. Развернулась обратно. Но протянутые руки соседа были пусты. Ей пришлось долго осмыслять этот факт, чтобы не поддаться импульсу передать несуществующее ядро.

Сосед по цепочке, погасший мужчина, тоже долго смотрел на свои руки. Сначала он не понял, почему Инга не забирает у него ношу. Потом на лице прочиталось недоумение, а после... Он взглянул на девушку и рассмеялся. Громко, заливисто. Смехом, пробуждающим к жизни.

– Я... Ха-ха... Это!.. А ты... Ха-х! – умудрялся вставлять он сквозь хохот.

Девушка поддержала его устало и весело:

– Да уж. Совсем мы на этой погрузке умом тронулись. Хотя не в её положении жаловаться.

Цепочка постепенно расходилась. Люди устало падали на

скамейки или в сугробы полежать. Нет, физически они могли бы продолжать работу. Но мозг уже не выдерживал.

Девушка присела на корточки рядом с дверью машиниста в локомотиве. Поезд пока стоял на погрузочных путях, ожидая своей очереди на отправку. Ночь свешивалась с небес над депо, словно наполненное тяжестью мироздания полотнище. И звёзды пялили огромные белесые глаза.

Инга закрыла веки. Да, не в её положении жаловаться... Ей дали укрытие. За границу открытого снега Солнце не может залететь, потому в депо она в безопасности. Более того, ей дали работу и жильё. На территории было много пустых построек. Здесь действовал тот же принцип, что и в городе – внешне всё правильно, но, если присмотреться, много логических нестыковок. Вот и сейчас большинство зданий, отведённых в реальном депо под склады, мастерские и трансформаторные, здесь были пусты. Девушке предложили занять любое. Она и заняла.

В маленькой бытовке не было ничего, кроме квадратного окна. Обживаясь, Инга слепила из снега корявую раскладушку, тумбочку и тапочки. Потому что с чего начинается дом? Правильно, с тапочек. Так мама всегда говорила.

– Тяжело? – спросил кто-то совсем рядом.

Не открывая глаз, Инга вернулась в «здесь и сейчас». А здесь была синяя ночь, изгрызенная тёплым вездесущим светом. И сейчас они погрузили целый поезд снежных снарядов.

– Да, – выдохнула девушка, – Это гораздо сложнее, чем я думала.

– Нам тоже тяжело это возить, если тебя утешит.

– А должно?

Тут она очнулась. Кто это сказал? Инга порывисто распахнула веки, вскочила на ноги, огляделась, но никого рядом с собой не увидела.

Работяги потянулись в общий зал, где старательно отдыхали перед следующей сменой. У погрузочных путей она осталась одна. За её спиной стоял старенький зелёный локомотив электропоезда. Образца ЭД4М, как гласила надпись на корпусе. С выразительными большими глазами лобового стекла и длинными вертикальными дворниками. Тот факт, что к локомотиву пассажирского поезда цепляли грузовые вагоны, никого уже не удивлял.

– Не знаю. Говорят, чужая боль утешает свою, – голос незнакомца был гулким, похожим на эхо металла, – Врут, наверное.

– Пожалуй, – Инга порывисто обернулась.

Дверь кабины была открыта внутрь. В проёме, по-мальчишески свесив одну ногу и подобрав под себя другую, сидел молодой мужчина. В синей форме, с кителем, накинутым на плечи и фуражкой набекрень. Он улыбался белыми зубами самой простой и душевной улыбкой из всех. Он машинист? Но как он туда забрался? Его точно здесь не было секунду назад.

– А как ты?.. – начала, было, девушка, но он только махнул рукой.

– Не задавайся вопросом. Лучше полезай ко мне, – мужчина легко вскочил с пола, уходя вглубь кабины.

Инга закинула ногу на узкую ступеньку. Схватила за длинный поручень, тянущийся вдоль проёма, но прежде, чем оттолкнуться от земли, она спросила:

– Ты не подашь мне руку?

– Нет, извини, – так же весело отозвался он, – Ты лучше вообще ко мне не прикасайся. Для тебя лучше.

Она пожалала плечами, легко взбираясь в обитель машиниста. И ничего её не смутило.

Здесь царили стекло и металл. Закруглённые линии дверей, окон и потолка навевали мысли о подводных лодках. На старенькой панели приборов красовались рычаги, горели датчики, за запотевшими стёклышками трепетали стрелки. На корпусе почивал наскоро закреплённый исписанный листок с расписанием, да карандаш притулился в щель рядом. Массивное кожаное кресло с высокой спинкой, потёртое временем, венчало композицию. В целом, было в это месте ощущение волшебства.

– Присядь, если имеешь желание, – незнакомец кивнул на кресло машиниста, но Инга осталась стоять.

– Да не. Скажи... А ты... Кто?

Мужчина коротко, добродушно рассмеялся:

– Я думал, по форме ясно. Меня зовут Нох.

– Имени твоего по форме точно не понятно, – уколола Инга, и знакомец рассмеялся ещё сильнее, – Значит, ты машинист.

– Что-то вроде, – уклончиво отозвался он, – А ты здесь от Солнца прячешься?

Девушка потупила взгляд:

– Это так очевидно?

– Нормально всё, не переживай. Просто мне сверху виднее.

Разговор выходил натужным. Нох очень сильно хотел говорить, это бросалось в глаза. Но сложно завязать душевный разговор с едва знакомым человеком.

По салону распласталась неловкая пауза. Облокотившись спиной на противоположную стену кабины, мужчина поспешил её заполнить:

– Давай поболтаем. Тут иногда так скучно, что выть охота.

– Ну давай, – девушка пожалала плечами.

Да, поговорить сейчас не мешает. После изнуряющей монотонной работы мозг ворочался со скрипом, а беседа шевелила его.

Кресло машиниста, пусть потрёпанное и потёртое, манило своим обволакивающим удобством. Нох ещё раз указал на него взглядом, и девушка не удержалась. Кожаные объятия приняли её заботливо.

– А о чём?

– Ну... Расскажи о себе, – начал мужчина, – Откуда ты,

как сюда попала?

– Это имеет значение?

– Нужно же с чего-то начинать.

Аргумент казался веским.

Девушка вновь прикрыла глаза:

– Меня зовут Инга. Я родилась и выросла в этом городе.

Вернее, в том, что в реальности. У меня есть мама и младшая сестра. Сюда я попала, потому что меня сбил грузовик, и теперь всеми силами стараюсь сберечь огонь от Солнца. За всё время он нападал на меня дважды. А ещё... Я слепила себе друга – кота по имени Миль. Тогда, правда, я ещё не думала, что он оживёт, но была этому рада.

– Вот как? И где же он?

– Нагло дрыхнет в бытовке. Погрузка не для Их Кошачьего Величества. У него, видите ли, лапки, – она картинно развела руками.

Нох улыбнулся. Инга услышала его улыбку.

Вот так, в пару фраз уложились все события, переживания и страхи, что терзали её последнее время. Стоило перевести чувства в слова, как они показались Инге бурей в стакане. Очень маленькой, и очень несущественной.

Сколько она уже здесь? Она не знала. И молилась, чтобы время тут шло не так, как в реальности. Мама... Сестра... Ждут ли они её? Нет, непременно ждут! Иначе всё это не имеет смысла.

Она уже смирилась с необходимостью задержаться здесь.

Время без цели тянулось очень медленно, но ожидание вообще редко доставляет удовольствие. Однако пока что это всё, что Инга могла сделать. Она была накрепко закована обстоятельствами и положением с сомнительным прогнозом.

– А ты... – резко открыв глаза, девушка переключилась от внутренних ощущений к внешним, – Расскажешь мне что-нибудь о себе?

– Ну... – Нох почесал затылок, сдвинув фуражку на глаза. Сейчас он стоял от неё по левую руку.

– Я тут достаточно давно. Знаешь, в том мире мне сильно не хотелось умирать. И вроде бы ничего уже не держало, но всё-таки... Так. Понимаешь?

Она улыбнулась:

– Нежелание умирать более чем понимаю.

– Ну вот. А здесь... Судьба тоже оказалась одинокая. Нам, видишь ли, нельзя покидать поезда. Но я не жалею, честно.

– «Нам» – это кому?

– Душам поезда.

Инга ещё не понимала сути его слов, но чувства улавливала легко. Она вывернула на мужчину голову, а он положил руки на высокую спинку кресла, опуская на них подбородок. Взгляд его уходил в бескрайнюю Снежную пустошь, что простиралась на том конце погрузочных путей.

– Здесь у каждого поезда есть Душа. Всё потому, что ими не управляют люди. Поезда сами вынуждены находить дорогу в небесах, оттого Зиме и пришлось вложить в них нас.

– Значит ты... – Инга задумалась, стараясь подобрать слова, – ... больше, чем машинист?

– Да, – Нох вытащил руку из-под подбородка, ероша волосы на затылке, – Не думал, что моя загробная жизнь пройдёт именно так. Но я не умер... Тот самый я, который был тогда и есть сейчас. Так что жаловаться грех. Однако тут бывает так одиноко. Хоть волком вой. В депо, видишь ли, мало народу, желающего поговорить с поездами. Да и мы постоянно в пути, особо не поболтаешь. А мы всё-таки... Живые. Хоть и в меньшей степени, чем вы.

Инга многозначительно промолчала. Интересно, как можно быть менее живым? Смысл доходил до неё не сразу. Изголодавшийся мозг соображал туго, с задержками, мысли в котелке варились густые и неповоротливые.

– А куда вы всё это возите? – праздно спросила она, – Мы загружаем вас уже который день. Поезда уходят куда-то в небо, а потом возвращаются пустыми.

Нох немного помедлил:

– К Небесному флоту на юг. Открытые военные действия ещё не начались, но запас им нужен уже сейчас.

Инга порывисто встряхнула головой. Словно хотела, чтобы случайно залетевшие слова вылетели оттуда. А когда их смысл дошел до неё, девушка резко вскочила с места.

– Подожди-подожди... Ты говоришь, что возишь припасы на фронт? Военный фронт? Но... Какая здесь война? Кого с кем?

– Зимы с Весной, – мужчина опешил от её бурного удивления, – Её сестрой. Неужели ты ничего не знаешь?

– Так вот почему появился купол! Вот почему люди кинулись устраиваться на предприятия! Вот... Погоди-ка. А что случилось?

– Весна неожиданно решила напасть. Непонятно почему. Все только знают, что наш мир в опасности, вот и хотят помочь чем могут. Ты же грузила пушечные ядра и не задавалась вопросом, зачем они?

– Нет...

Инга вспомнила от женщины, что стояла перед ней в очереди, только одно: «Зима в опасности!». Но девушка была слишком занята своими тревогами, чтобы спрашивать дальше. Стало немного стыдно.

– Разве?..

Договорить не дали. Впереди послышались шаги, скрип снега и строгий голос Левтины.

– А Нох почему ещё здесь? Четыре минуты как должен был уйти!

Девушка порывисто обернулась. И тут же упала на колени, опасливо высовываясь одними глазами из-за панели в лобовое стекло.

Женщина стояла у путей. Рядом со строгой начальницей станции суетились и лебезили два зама.

– Ну вот, – выдохнул машинист, махнув Левтине рукой из кабины, – Поговорить нормально не дадут. Ладно, ещё

увидимся, Инга. Ты вот что... Вылезай отсюда потихоньку. Не нужно, чтобы начальница видела тебя здесь.

– Почему? – девушка вцепилась пальцами в край панели.

– Просто не нужно. Делай, что говорю, – несмотря на строгость слов, сказаны они были с дружеским участием.

Девушка улыбнулась. Действительно, никогда не знаешь, где найдёшь новых друзей.

Левтина по ту сторону стекла отвлеклась на записи. В её руках была толстая тетрадь в твёрдой бордовой обложке, и она водила по ней ледяным пером без чернил.

Улучив момент, Инга бесшумно выпрыгнула в открытую дверь. За несколько секунд она успела отойти подальше, словно была тут ни при чём, и вообще только появилась.

Гневно крича что-то своим заместителям, начальница хлопнула дверью кабины.

Старый поезд, тяжело вздохнув, тронулся с места. Он мчал по золотым, сияющим рельсам вперёд, пока не взмыл прямо в звёздную высь.

***

Жизнь – это бал лицемерия. Дружбу, любовь, привязанности... Всё это выдумали двуличные люди, чтобы наполнить существование хоть каким-то смыслом. Всё – глупая игра! У каждого своя роль – любящая мать, поддерживающий брат. На самом деле ничего этого нет. Каждый человек заперт в

мирке своей головы, и превозносит себя над другими такими же, не осознавая свой никчёмности. Людям плевать на людей. А потому любви, дружбы, и остальной этой дребедени просто не существует. В сущности человечества Судьбой заложено лишь ледяное, иссушающее безразличие. Разве для такого мира он был создан?

Солнце думал об этом со злостью. Он подкручивал золотым гаечным ключом такие же золотые болты своей колесницы. Те скрипели... Развинтились в последнее время. Всё от гнева... Светоч в тёмном царстве не должен испытывать злость, но как тут не злиться?! Когда вокруг всем и каждому плевать на тебя. Когда твои начинания рубятся на корню, а твои труды, в которые ты вкладываешь душу, на самом деле никому не нужны. Полная беспомощность. Удушливый мир, полный непробиваемых стен.

Закрутив последний болт, Солнце отошел, любовно обзревая колесницу. Действительно чудо. Лучший подарок матери. На первый его день рождения Зима сдёрнула с неба неживую луну, сотворив из неё это сокровище. Хоть сын и злился при мыслях о маме, но за подарок был благодарен.

Колесница Солнца представляла собой золотую повозку без колёс, с восемью лунными фазами на панели управления.

Растущий и убывающий месяцы – две фазы, что вместе превращали колесницу в вертолёт. В последнее время Солнце только ими и пользовался.

Первая и третья четверти луны – фазы, где лунный диск

заполнен светом наполовину. Сливаясь воедино, они дарили повозке крылья самолёта. Он был невероятно быстрым, вот только простора для полёта на его скорости над маленьким городком не было.

Фазы убывающей и растущей луны, те, от которых темнота отгрызает лишь небольшой кусочек, образовывали дирижабль. Массивный, заметный, и оснащенный. Раньше Солнце использовал его, чтобы обозначать день. Но только обозначать.

В этом дурацком мире постоянная ночь! Ничего с ней не сделаешь, как ни старайся. День – полноценный, светлый, красивый оставался несбыточной мечтой, оплотом самых страстных фантазий Солнца. Ах, как он желал его увидеть! Когда весь мир высветит, обольёт и отбелит дневное сияние. Когда тени трусливо попрячутся по щелям, когда от великолепия захочется прищуриться. Но смотреть... Смотреть! И видеть свет. Пусть даже его свет, почему бы нет? Да, Солнце мечтал принести в эти края день. Как истинное дитя Изначального огня, он жаждал нести тепло всем и каждому. Но в этом мире... Оно никому не нужно!

Да... Солнце оказался совершенно бесполезен жителям мира Зимы. Он был – люди радовались, но потеряв его, не расстроились. Когда он бросил осточертевшее брожение по небу, они прекрасно обошлись и без него. Жизнь не остановилась, всё осталось как прежде. Тогда... Какой смысл в его работе? Никакого! Это стало первым большим разочарова-

нием в чередe мелких.

Но хуже всего то, что и Зима не разделяла мечтаний сына. Идея дня была вполне осуществима – нужно лишь больше пламени. Однако мама, его самый любимый и близкой человек, высказалась категорически против.

Всю жизнь Зима играла с Солнцем в любовь. Старательно изображала заботливую мамочку, а на деле душила этой самой заботой. Не давала как следует расправить крылья. Он хотел безумного простора – она добавляла к городу пару тщедушных кварталов. Он мечтал о повозках на огненных лошадях, таких быстрых, что способны в один миг доставить желающего с одного конца города на другой. Она же пустила по улицам медленные, никчёмные трамваи. Разочарование... Одно разочарование! Да, она вроде бы любила его... Но не давала ему дышать.

Однако, так было до поры. Теперь же роль заботливой матери Зиме наскучила. И она бросила сына.

Он стиснул зубы, глядя на сферу полнолуния на передней панели колесницы. Раньше она была его любимой. Через неё он мог давать огонь. Отрывая пламя от себя по кусочкам, он заводил трамваи, зажигал деревья на улицах и лампы в квартирах. Ему это не приносило вреда. А люди были счастливы. И если б их мир стал светлее, они бы только обрадовались! Так он думал. Но мама!.. Почему она такая?

Теперь же у Солнца другая любимая фаза – новолуние. Пустая, тёмная, излучающая замораживающий, тоскливый

свет от черного диска. Она забирала огонь. Вбирала его в себя, аккумулировала и сохраняла до передачи. Кстати, об этом... Он слишком задумался. Лететь уже пора.

Солнце убрал инструменты и сел за руль. Его движения отдавались быстрым блеском в золотых поверхностях. Он выбрал первую и третью фазы, и колесница с готовностью расправила крылья. Нет, лететь недалеко, но так незаметнее всего. Избрав траекторию для взлёта покруче, Солнце молниеносно взмыл вверх, пролетая меж кавалькадами тяжелых звёзд.

Зима возвела купол над городом. Его песочная, зыбкая структура обволакивала, и все, кто был не из этого мира, увязали в ней, словно в рыхлом снегу.

«Надеюсь, она не хотела этим удержать меня, – подумал юноша, со злой усмешкой пролетая барьер насквозь, – Иначе я её разочарую».

Какой-то детский лепет. Ну ничего! Скоро к нему перестанут относиться, как к ребёнку.

Солнце слышал, что от резкой смены высот у людей закладывает уши. Интересно, что это значит? Он никогда не испытывал подобного, высота была его вторым домом. Остекленевшим и пустым домом.

Мимо сознания бледными вспышками проносились белые камни. Ледяные и безжизненные. В небе Зимы никого больше не было. Он всегда был здесь один. Единственный источник тепла и света на весь огромный, холодный и рав-

нодушный мир. Каждый день в небе Солнце чувствовал себя как никогда одиноким.

Но сейчас юноша летел к звезде. Самой большой, что сияла на восточной окраине города, указывая путь к башне Часовщика. Для тех, кто об этом знает, разумеется. Его любимица. В скоплении небесных булыжников чуть мельче, она сияла ярче остальных. В форме звёзды была небольшая неровная площадка – плато. Будто это место Зима специально создала для встреч. В городе её так и называли – Звезда Рандеву.

Она уже ждала его. Фигура в зелёном, покрытом цветами и травами плаще, так сильно отличающаяся от всего, что ему доводилось видеть в жизни.

Подлетая, Солнце сменил фазу. Крылья самолёта послушно сложились, уступая место вертолётным лопастям. Так было удобнее приземляться.

Посадив Колесницу, юноша вытащил из передней панели фазу новолуния и отправился к гостье. Всего несколько шагов навстречу... И он вошел в ареол блаженного тепла, излучаемого женщиной. Плечи обняла мягкая нега... Стало невероятно хорошо.

Весна откинула замшелый, покрытый мелкими цветочками капюшон плаща. Прекрасная... Как искристый ручей, как дневной небосвод, которого Солнце никогда не видел. Весна выглядела взрослой и юной одновременно. В её коричневые, цвета бурозёма, волосы вплелись сочные зелёные

травы. Она входила в морозную пелену мира, принося с собой майскую чувственность и пьянящее тепло.

– Давно ждёшь? – юноша покатал сферу в руках.

Та была на четверть заполнена плескающимся светом.

– Не больше, чем нужно, – женщина одарила собеседника лучезарной улыбкой. – Как успехи?

– Не густо, – он протянул ей сферу, – В городе всё меньше горящих.

– Жаль.

Женщина положила тонкие пальцы на фазу. Едва она коснулась её, как плескающийся свет мгновенно скрылся в нежной ладони, прячась под широким рукавом.

– Здесь... Нет её пламени.

Она не могла этого не заметить. По правде говоря, эта история Солнцу уже порядком надоела. Мгновенно разрушилась томность момента, и юношу уколола горячая злость.

– Да, её здесь нет, – фыркнул он, отнимая сферу быстрее, чем требовалось, – Девчонка оказалась хитрее. Она теперь на территории открытого снега, а там мне её не достать!

Он сам не знал, на кого злится больше. Может, на неуправляемую горящую, может... На самого себя. Руки рвано и нервно крутили фазу.

Весна прикусила изящную розовую губку.

– Печально, – её лицо слишком прекрасно, чтобы выразить сожаление или гнев, оттого эмоция казалась неестественной, – Напомни, почему ты боишься снега?

– Я не боюсь! – мгновенно вспыхнул он.

Его силуэт засветился опасной яркостью, и жар прокатился волнами по воздуху:

– Снежная пустошь убивает меня! Она полностью противоположна моей природе. И задержишься я над ней немного, хватит и десяти минут, чтобы снег высосал весь мой огонь до капли!

– Ах да, – спохватилась Весна, торопясь нежно погладить юношу по плечу, – Верно, прости. Но неужели ничего нельзя сделать?

Солнце резко скинул её руку со своей одежды:

– Я вообще не понимаю, почему должен исправлять твои ошибки! Свою часть работы я выполнил. Это ты обещала, что отправишь девчонку на ту сторону. Как же она оказалась здесь?!

– Несчастливая случайность.

– Или твоя оплошность!

Весна остановила на лице Солнца глубокий взгляд. Отринутая рука застыла в воздухе. Женщина будто хотела что-то сказать, но по её непроницаемо-нежному личику невозможно было понять, что именно.

– Да, ты прав, – наконец, с виноватой улыбкой выдохнула она, – Я не должна была сваливать всё на тебя. Не переживай. Девушкой займутся другие.

– В моём мире? И кто же?!

– Не думай об этом, – она всё-таки прошлась ладонью по

его плечу, зацепила пальцами длинные волосы, – Я сама всё исправлю.

Женщина сокрушенно смотрела на племянника глазами цвета самого синего моря. На общем фоне колючей ночи её тёплый образ казался таким чуждым и неправильным. А её грусти не смог бы пережить никто. Так прекрасна она была, что хотелось расшибиться об стенку, лишь бы согнать с нежнейшего лица это тоскливое выражение.

– Я... – начал Солнце, больно уколотый совестью за свою вспыльчивость, – Попробую что-то придумать. Может, снова прибегну к помощи той маленькой девчонки.

В глазах Весны появилась едва заметная надежда:

– Думаешь, она поверит тебе?

– Я умею быть убедительным.

Тётя улыбнулась... Так, словно обласкала самыми нежными словами, словно окутала тёплыми объятиями, словно убаюкала в колыбели. Вот какой была её улыбка. Весна могла погрузить на дно блаженства с лёгкостью, доступной лишь ей.

Но чувство быстро развеялось. Женщина отвернулась, отходя на пару шагов и вглядываясь в бескрайнюю, обжигающую синеву.

– Как ты думаешь, много горящих осталось в городе?

– Не очень, – от усыпляющих прикосновений юноша совсем успокоился, – А что? Огня до сих пор недостаточно?

– Боюсь, что да, – она вздохнула.

– Но в городе ещё много пламени! – Солнце поспешил утешить её.

Он подошел к ней сзади, кладя руки на укрытые плащом плечи. Между пальцами зазмеились тонкие, хрупкие цветы с нежнейшими лепестками.

Весна резко обернулась под его руками, заглядывая юноше в глаза:

– И ты готов забрать его весь?

– Если понадобится! – ответил он, немедля ни секунды.

Женщина молчала. Склонив голову на бок, она цепко осматривала племянника томительно долгие мгновения.

– Ты ведь понимаешь, что готов оставить свою мать и весь её мир без огня?

Юноша прыснул презрительно:

– Он ей не нужен. А мне пригодится.

Солнце считал это правильным, смелым ответом. Весна, тем не менее, едва заметно погрустнела. Пускай постаралась это скрыть. Мягко отринув руки племянника, она вновь прошла к центру звезды, склонив голову:

– Что ж... Тогда поторопись.

– Хорошо, – юноша кивнул с готовностью, – Вот переловлю горящих, и сразу в путь. А пламя из города и кораблей забрать... Просто.

Солнце надеялся обнадёжить её. Что ждать осталось недолго, что скоро всё закончится, но... От упоминания Небесного флота стало ещё хуже. Весна совсем поникла, да

и юноше стало неожиданно тоскливо.

– Тётя, – он вновь подошел к женщине, но на этот раз руки не протянул, – Что это за бред с войной? Ты серьёзно намерена воевать за меня?

Весна мягко обернулась. Тяжёлый плащ поднял в воздух мелкие клубы звёздной пыли. Женщина коснулась горячими пальцами похолодевшей щеки юноши. Сколько в её взгляде было тепла и нежности... Сколько доброты. Порой Солнце жалел, что не Весна была его матерью:

– Если потребуется, мой дорогой. Ведь твоя мама не оставит тебя просто так. Но... Я не думаю, что до этого дойдёт. Свой мир она любит больше, чем...

Она осеклась, но он закончил:

– ...чем меня.

– Что ты? – в широко раскрытых глазах женщины мелькнуло беспокойство.

Она обхватила лицо юноши двумя руками:

– Твоя мама очень любит тебя, Солнце.

Тот лишь горько усмехнулся, отводя глаза:

– Она не умеет любить.

– Не спорю, ей это даётся сложнее.

Юноша нашел в себе силы перевести взгляд на лицо женщины.

Так они и стояли – два самых тёплых создания на весь огромный, холодный мир. Но их было двое... Как Солнце жил раньше, один? При мысли о прошлом он содрогался. Но

ничего... Впереди его ждёт иная, тёплая жизнь. Скоро всё изменится! И холод Зимы останется лишь смутным, пред-
рассветным воспоминанием.

– Потому, не переживай, мой дорогой, – Весна закончила фразу, а Солнце позабыл её начало, – Мои корабли только проводят тебя. Не будет войны.

– Я надеюсь, – он коротко выдохнул, – Не хочется начинать новую жизнь на руинах старой.

Женщина отрицательно покачала головой:

– Не придётся.

Да, не придётся... Но огня до сих пор недостаточно. Он всё ещё слаб. Хоть и имеет очень сильное оружие, в грядущей битве ему понадобится вся мощь, на которую он способен.

– Что мне делать дальше? – спросил он, просто чтобы спросить.

Их встреча неумолимо заканчивалась, и оба чувствовали это.

– Продолжать. Продолжать в том же духе, и твоя мечта обязательно сбудется. Я верю в тебя, – горячий поцелую опалил щёку.

Мгновением позже она растаяла. Но ещё долго теплилось в коже Солнца её нежное, пьянящее прикосновение. Да, она права. Нужно просто продолжать. Тогда любая мечта, даже самая смелая, непременно осуществится! Он сам сделает себя счастливым. И тот факт, что его счастье лежит за преде-

лами этого мира –совершенно его не останавливал. Всё возможно! Нужно только сильно захотеть.

Тронув пальцами призрак поцелуя, юноша прошептал в пустоту:

– Хорошо, тётя.

***

Обратная дорога смазалась в сознании. Солнце помнил, что садился в колесницу, думая о поимке хитрых горящих. Как снова мелькали звёзды, как ревел ветер.

Он приземлился во внутреннем дворе их дома, а деревья отозвались ему приветственным мерцанием.

Цитадель Зимы была изящным ледяным замком. С множеством переплетающихся башенок и переходов, со шпилями и узорными флюгерами. Дворец вздымался вверх гранённым хрусталём, разбрасывая повсюду одновременно свои величественность и уют.

В окнах не горел свет. Он зажигался лишь когда Солнце входил в замок, потому юноша никогда не видел их горящими. Вот и сейчас обитель казалась пустой. Хотя Солнце знал... Брат здесь. Да и мама должна уже вернуться.

Задний двор украшали пышные ледяные деревья. Они отличались от тех, что в городе – в этих не было огня. Они переливались хрустальными листочками и хрупкими замёрзшими бутонами. Это причуда брата. Он попытался скопиро-

вать деревья из мира Лета. Не сказать, чтобы получилось хорошо, но Лёд гордился.

И если бы для Солнца эти деревья не выглядели дразнящими, он заметил бы, как невероятно преобразует их ледяные кроны его золотое сияние. В стройных, геометрически правильных стволах, в одинаковых листьях и педантичных цветах селятся игривые блики, создавая поистине сказочную атмосферу. Но, проходя под низкими ветками, Солнце не видел ничего этого в упор.

Тропинка от посадочной площадки тянулась через лес и заканчивалась сводами открытой галереи. А в конце знакомая дверь и коридор.

Стены милого дома встречали его тишиной и холодным эхом. Он шел под звучными сводами к Морозному залу, а ледяные грани дворцовых стен ловили в отражении его величественный облик.

В окна пялился город. Тот самый, отсюда он казался очень далёким. Улицы светились его сиянием, но... Солнце думал, что это уже ненадолго.

Узорные створчатые двери всплыли за поворотом коридора. Юноша порывисто распахнул их, огляделся, оставшись на пороге, но в зале так никого и не обнаружил. Лишь натянутая тонкой струной тишина поселилась под сводчатым потолком. Да ледяная мозаика на полу молила о следах.

Юноша порывисто выдохнул. А может, он ошибся? Может, его и дома никто не ждёт? Это, впрочем, было не уди-

вительно. Пора признать – родным он безразличен! Раз даже его далеко не невинные «чуждачества» остаются без внимания. Холодное равнодушие. Везде.

Солнце уронил голову на грудь. Он так и продолжал упираться руками в высокие дверные ручки. Не замечают... Его безумства не замечают! Ужасно не хотелось, но он не мог об этом не думать.

Уже несколько месяцев Солнце не исполнял своих обязанностей. Более того, он безнаказанно забирал огонь у горящих. Случайно спалил несколько погасших, и очень сожалел об этом. Но маме... Как будто плевать! Она даже не спросила, что с ним стало?! Вместо того, чтобы поговорить, она лишь смотрит на него с такой всепоглощающей тоской, что сердце сжимается. Словно он должен по этому взгляду что-то понять, но он не понимал. А потому злился! Что ещё ему сделать, чтобы она наконец обратила на него внимание?! Ах да, о чём это он? Она ведь не способна любить. Она играет в любовь, но как же хочется... Чтобы она исполняла свою роль более профессионально.

Юноша тяжело выдохнул. Опустил руки, развернулся. И вдруг... Перед сознанием всплыло лицо брата. Переживания тут же упорхнули из головы. Он что... Стоял здесь всё это время?

– Вернулся? – Лёд вызывающе ослабился.

Как же раздражает его нахальная манера! Он стоял в коридоре, скрестив руки на груди, и до этого момента преда-

тельски молчал. Да, брат умеет одним невинным жестом вывести из себя:

– Где пропадаешь, гулёна?

– Не твоё дело, – огрызнулся юноша, – Мама ещё нет?

– Не возвращалась, – брат прошел мимо Солнца в зал, не преминув толкнуть того плечом.

Это уже привычка.

– Думаю, просто не хочет тебя видеть.

– Что?! – юноша порывисто обернулся.

Вокруг него мгновенно вспыхнул ореол горячего, гневно-го света.

А Лёд даже не развернулся:

– Что слышал.

Солнце с силой сжал кулаки. Нет... Нужно быть спокойнее. Мама всегда говорила, что злость его не красит.

Брат... У них и до этого отношения были не самые тёплые. Лёд сам по себе не подарок. Вечно спорит, вечно пытается кому-то что-то доказать, и никого не слышит. Никого! Но после того, как Солнце бросил работу, Лёд окончательно взбесился. Если мама не сказала ни слова младшему сыну на внезапный юношеский бунт, то брат явно сдерживался из последних сил. Он всякий раз смотрел на Солнце с такой ненавистью, словно тот украл у него что-то самое дорогое сердцу.

– Мне наплевать на твоё мнение, – бросил юноша, как надеялся, безразлично.

– Конечно. Любимый сынок любимой матери не станет слушать урода семьи.

Кажется, брат серьёзно намерен поругаться. Сегодня больше, чем обычно. У них и прежде случались стычки, но в этот раз что-то изменилось.

Юноша с шумом выдохнул. Нет... Он не предоставит Льду такого удовольствия. Тем не менее, вместо того чтобы уйти, Солнце вошел внутрь, закрывая за собой двери Морозного зала.

Обстановка становилась взрывоопасной. Напряжение плескалось под высокими сводами, пробегая между парнями невидимыми молниями.

– Ты так часто попрекаешь меня этой любовью. Такое ощущение, братец... Что ты завидуешь мне.

Солнце прошел глубже в зал и развернулся на каблуках. Сейчас Лёд стоял к нему боком, и юноша ожидал взрывной реакции, но... Её не последовало.

Парень лишь злобно улыбнулся.

– Завидовал. Раньше, – брат всё же встал к нему лицом, – Но теперь тебе не позавидуешь.

Его усмешка опалила самолюбие. Уже она была оскорбительной, а уж честность Льда вообще за гранью.

Солнце отступил на шаг. Ему хотелось бросить этот вопрос гордо, но получилось уязвлено и обиженно:

– Это почему?

– А потому что, – брат рассмеялся, – Любименький сы-

нок... Пз-зф! Сдулся!

Лёд унизительно ткнул большим пальцем вниз. И были его слова больнее самой горячей пощёчины.

Солнце яростно раздувал ноздри. Его тело, одежда, волосы, всё начинало наливаться опасным, обжигающим сиянием. Змеистыми лучами тепло поползло по мозаичному полу.

– Видно, ноша всеобщего любимца оказалась слишком тяжелой.

Большого он не выдержал.

– Да что ты понимаешь?! – яростно вскричал юноша.

Отчаянно вопя, он бросился на брата с кулаками. На руках проступило красное пламя гнева. Терпение Солнца лопнуло. Впрочем, он никогда этой добродетелью не отличался.

– Ты же совсем!.. Совсем ничего не знаешь! – юноша отчаянно врезал огненным кулаком по воздуху.

Лёд легко увернулся. Тут же в разгоряченное лицо прилетел сноп колючих снежинок. А брат внезапно оказался сзади.

– Конечно не знаю! – закричал он.

Бок пронзила тупая, холодная боль. Солнце порывисто развернулось, согнувшись от удара.

– Я не знаю, какого это... Когда тебя любят просто за то, что ты есть! – в прозрачных глазах Льда плескалась холодная ненависть, – За то, какой ты! Мне это неизвестно!

Брат яростно врезал с правой. Но Солнце попятился назад. Не очень изящно, зато эффективно.

С головы Льда слетел капюшон, обнажая взъерошенные

волосы. Перестав молотить воздух, Лёд стал палить брата холодом. Под руками парня рождались клубы убийственно низкой температуры, и этим фронтом он всё наступал и наступал на юношу.

Глазами брата на Солнце смотрела холодная, безжалостная зима. Та, что обжигает морозами, что голодом сводит с ума, что пробирает до костей. Сумасшедшая, жестокая зима.

Юноша отчаянно озирался. Лёд гнал его в ловушку. Вокруг Солнца вырастали из мозаичного пола острые ледяные колья, и стена мороза гнала его прямо на них. Шипы щерились, но опалялись о его горячее сияние.

Ну уж нет! Это старый трюк, и Солнце на него не попадётся!

Плотнее встав на ноги, юноша призвал огонь. Пламя вспыхнуло вокруг него, языки с жадностью оплавляли ледяную стену. Её искорёженные остатки бросились в воздух водянистым паром. Белесые клубы заполнили зал, стало трудно видеть и дышать.

На секунду Солнце потерял Льда из виду. Но услышал его.

– А ещё я не знаю, какого это... – голос раздавался ото всюду.

Высокие своды подхватывали слова брата, донося их в каждый уголок зала.

– ...предавать любовь.

Солнце отчаянно искал его взглядом. Он не понимал, в чём брат его обвиняет. Разве он кого-то предавал? Как мож-

но предать любовь, которой не было?

Вездесущий пар застил глаза, дыхание окончательно сбилось. Бок нещадно болел.

– Одного не понимаю, братец.

Резкий удар в сгиб колена заставил ноги подогнуться. Солнце и сам не понял, как повалился на пол, упираясь руками в ледяные узоры. А брат пнул его ногой в спину, и хрупкое тело шлёпнулось на землю.

– Неужели её любви тебе было много?

– Ошибаешься, – прохрипел Солнце, яростно сжимая кулаки, – Мне всегда было... Мало!

Он резко схватил ногу брата, сваливая того на пол. От прикосновения огня зашипел лёд. На морозную мозаику отчаянно закапала вода. Парень взвыл от боли, стараясь отцепить руку брата от ноги, но тот... Всё плавил и плавил её сильнее.

Ледяная плоть под горячими руками становилась податливой, пластичной. Хоть сейчас бери и лепи из брата что-то удобоваримое. Солнце смотрел, как Лёд корчится от боли, вопит, мучается, и ему хотелось ещё и ещё! Он готов был оторвать ему ногу, это не важно. Он заслужил! Он никогда не любил брата по-настоящему!

Лёд кричал бешено. Он извивался в стальной хватке, и наконец ему удалось пнуть юношу второй ногой в плечо. Брат зашипел от боли, расцепил пальцы, а парень быстро отполз в сторону.

Они встретились взглядами. Солнце лежал на полу, опираясь на руки. Лёд стоял на одном колене. В этот момент они готовы были убить друг друга. Пар уже рассеялся. В зале опасно медленно падал колючий, острый снег, опаливаясь о горячий ареол Солнца.

Под пальцами юноши на полу остался черный обожжённый след. Руки брата тянули к плитам щерящуюся наледь. Это была секунда перед великой битвой. Всего одна секунда... Но она решила всё.

Двери зала порывисто распахнулись:

– Мальчики!

Мгновенно всё прекратилось.

Солнце объял резкий, стыдливый страх. Он вскочил с пола, стараясь закрыть собой оплавленные следы на мозаике, и боль в боку. Лёд тоже быстро поднялся. Он стоял на правой ноге, заведя левую за себя так, чтобы скрыть оплавленную лодыжку.

– Что вы здесь устроили? – в высоком проёме стояла Зима.

Она снова была в облике рыси, небольшой, но это не помешало ей в пару прыжков преодолеть расстояние до сыновей.

– Ничего, мам, – Лёд пристыженно опустил глаза, – Правда. Всё нормально.

Зима заглянула в лицо Солнцу. Искала ответ, а может, что-то ещё. И глаза её были полны той самой вселенской тос-

ки, словно она умоляла сына что-то понять. А он никак не мог догадаться, что именно. Это невыносимо!

Юноша резко отвернулся. Нет, это выше его сил!

– Ладно, – выдохнула рысь, но совсем не спокойно, – Лёд, мне нужна твоя помощь в гавани прямо сейчас.

– Хорошо, мам.

Они ушли. Вот так просто... Первой удалились Зима, взглянув на младшего сына напоследок. За ней поковылял Лёд. Каждый шаг, юноша уверен, отзывался в нём жуткой болью, но он всё равно шел за матерью. Лишь в дверях остановился и бросил взгляд на уязвлённого и покинутого Солнце.

Это всё? Они оба... Ничего не сказали! Мама не могла не заметить, что братья жестоко подрались! Ещё минута, и в зале оказался бы труп одного из сыновей, а ей плевать! Зиме нужна помощь в гавани, и нет ей никакого дела до того, что происходит в её семье!

Неужели... Мать настолько равнодушна к своему младшему сыну?

Его обуяла жгучая обида. На всех. Что ж... Если раньше Солнце надеялся пощадить её мир, то теперь никакой пощады не будет!

Глава 7. Сугробы.

Сугробы Снежной пустоши. С огромной высоты они казались далёким, дьявольски спокойным морем. Снег лежал в вечной, мёрзлой стыни от земли под кормой и до самого горизонта. От его темноты и бескрайности тянуло одиночеством. Гео смотрел на Пустошь которую ночь. И уже наглядился так, что тошнило, но всё равно не мог отвести взгляд. Вид бесконечного снега засасывал, как бездна, в которую смотришь против воли.

А ночь... Стала общей для всех матросов. Её объявлял Ксандр стуком железного прута о подвешенный таз. Говорил этот гулкий звук лишь о том, что дневные трудяги могли рассредотачиваться по кораблю и отдыхать, а тем, кто дежурит ночью, пора вставать на вахту.

Сегодня была не его очередь. Но Гео не пошел со всеми в трюм, чтобы поболтать за жизнь. Он остался на баке, куда их со Львом отправили работать в качестве награды. И всё смотрел... Смотрел в сосущую мглу.

Фёдор и Лев тоже в трюме. Старик наверняка травит байки, а друг смотрит на него широко раскрытыми глазами. Гео не выносил «теплоты» таких посиделок. То ли сказывалась память о предательствах, то ли... Он просто разучился видеть в этом смысл? Зачем вообще доверять и привязываться, если в итоге будешь жестоко обманут? Всё конечно... И

дружба кончается. Тогда для чего её начинать?

Гео усмехнулся. Не так уж он и верен своим убеждениям. Не намерен заводить друзей, но уже зовёт Льва «другом». Хотя сам до сих пор не решил, кто они друг другу. Товарищи? Коллеги? Удобные союзники? Сложный вопрос. Оттого и в чувствах разобраться сложно.

Впрочем, этот раздражающий парень бесил с каждым днём всё меньше. Их отчаянная вылазка в вихрь поубавила его оптимизма, и сейчас солнечный Лев немного притух. Но детской наивности не растерял, и смотрел на мир с мальчишеским восторгом. Впрочем... Было в его простоте что-то наигранное. А может у Гео паранойя, и он ждёт ножа в спину буквально от каждого. Нет... Нужно завязывать с подозрениями.

Парня больно уколола совесть. Он сам жестоко обманул. Совсем недавно, но бесконечно давно. Он расположил к себе девушку, воспользовался её доверием, а потом... Просто бросил её. Спасибо, что не сделал ничего хуже. Сейчас, когда на корабле его стали считать героем, контраст отношений ощущался особенно сильно.

До того злополучного вихря Гео был обычным парнем. Матрос второй статьи, тягловая лошадь. В каком-то кармическом смысле это было правильно. Теперь же команда считает Фёдора, Льва и его героями. Но разве могут герои предавать? Нет... Никакой он не герой. А если не станет им, то не получит огня от Зимы. А значит не выберется отсюда.

План возвращения был в его голове самой важной мыслью, но... Сознание повернуло свой поток в другую сторону. Парню вспомнилась Инга, эта назойливая девчонка. И он впервые подумал, что с ней стало после его ухода? Нашла ли она Часовщика? Выбралась ли отсюда?

Резкое осознание защемило грудь. Верно... У неё есть огонь. Она могла уже вернуться. Вернуться к живым, к маме и сестре, и забыть весь этот мир, как страшный сон. Как воспалённые, больные галлюцинации. Что ж, если так, то ей повезло.

Не то что Гео... Он-то вынужден торчать здесь, и ещё черт знает когда заслужит свой шанс на возвращение. Война, кстати, давать ему возможности не торопилась.

Четвёртые сутки корабль стоял на якоре. К нему постепенно поднимался из гавани весь оставшийся Небесный флот. Несколько раз приходили поезда... Последний, доверху набитый снарядами, матросы разгружали всей командой. А кроме этого, никаких подвижек не было.

Флот дислоцировался в небе на юге. Город остался позади, но всё ещё казался близким. И кроме них, на горизонте абсолютно никого не наблюдалось. Передавали, что Летучие корали Весны уже рядом, но где? Тёмный небосвод был предательски пуст и чист.

Да, война не торопилась. С одной стороны это хорошо, но с другой... Больше всего на свете Гео ненавидел ждать. Даже самая хорошая подготовка разбивается о время ожидания

битвы.

Впрочем, и на стоянке не обошлось без приключений. Когда судно благополучно дошло до места, миновав звездную плотность, капитан отчебучил новый фокус. «Всегда» встал на якорь между двумя кораблями, что было очень нелегко. И вдруг... Переставляем судно! Капитан приказал. Видите ли места ему было мало, простора не хватало!

Ну, ничего не поделаешь, стали переставлять. А когда убирали якорь, случайно зацепили лапой цепь другого судна. Потянули, сглупили, и два якоря крючками сцепились между собой. Матросы похватались за головы.

Однако старпом быстро сообразил. Махнул Гео и Льву, мол, берите шлюпку и летите расцеплять. Хорошо, что с парнями отправился Фёдор. Под его умелым руководством ребята быстро исправили ситуацию. Чем снискали ещё большее одобрение, даже со стороны начальства. Старпом лично пожал парням руки, и всё было хорошо... Пока Гео не взглянул в кислое лицо капитана. Тот казался обиженным до глубины души.

Надо сказать, капитан на «Всегда» – это кадр, заслуживающий особого внимания. Как его занесло на флот – загадка мироздания. Он лучше смотрелся бы на балу восемнадцатого века, со своим расшитым мундиром, пышным париком под треуголкой и белоснежными перчатками. Но никак не на палубе корабля.

У капитана были высокие, начищенные до блеска сапоги.

Белые штаны, подогнанные по фигуре, и синий мундир с золотым шитьём и обширными эполетами. Маленькими солданами блестяли на груди массивные пуговицы. На его фоне уставший, осунувшийся старпом в чёрной морской шинели казался зловещей тенью.

Но внешность – великий обманщик. В целом корабль шел за счёт умелого командования старпома, а неприятности случались как раз из-за капризов капитана. Гнилая голова у свежей рыбы. Как правильно Фёдор подметил.

Кстати, Фёдор оказался хорошим человеком. Он рассказывал ребятам об устройстве парусных кораблей, научил управлять шлюпкой. Да и на баке работы было не сказать, чтобы много. В основном, Фёдор занимался ею сам. Он искусно управлялся с такелажем, словно пряха, сплетая множество нитей, и, как мастер, налаживая сложный механизм.

Лев однажды спросил у него, отчего он в облике старика:
– Быть молодым намного сподручнее, разве нет?

– Пожалуй и так, сынок. Да вот только... – Фёдор вздохнул протяжно, теребя в узловатых пальцах канат, – Я когда умер, Зима спросила меня – в какие года я был «наиболее прекрасен». Великая женщина эта Зима... А я по молодости столько дел наворотил. Что вернись я туда, в то тело, в то время, съел бы себя поедом. Не простил бы. Старость да немощь, они вроде как... Плата. Как наказание. Если б его не было, жить бы совсем тяжко стало.

Он замолчал на секунду, потом резко встрепенулся и за-

говорил бодрее:

– А и ладно, неча тут сырость разводить.

Ребята поняли, что тема закрыта.

Сейчас не верилось, что в молодости Фёдор был плохим человеком. Он пригрел парней, и, пожалуй, если б не старик, жизнь на корабле была бы невыносима. Для Гео уж точно. За каких-то несколько дней он понял, что морские приключения совершенно не для него. Реальная служба на флоте оказалась сложнее и прозаичнее детской игры в моряков. Парень чувствовал, что необдуманное решение завело его куда-то не туда.

– Эй, а ты чего здесь? – внезапная фраза разогнала из головы переполошившиеся мысли.

Гео приложил усилие, чтобы отвернуться от Пустоши. В проёме, одной ногой на баке, стоял Лев. Рука держала ручку открытой двери.

– Там такие байки ребята травят – обхохочешься.

– Почему же ты ушел? – Гео снова развернулся к горизонту, – Только не говори, что меня позвать.

– Хорошо, не буду.

Друг поравнялся с ним, опуская локти на перила борта. Но смотрел он вовсе не в бездну. Его взгляд уходил назад, в сторону города, и было в нём слишком много тоски для такого жизнерадостного человека.

– Красивый, правда?

Гео пришлось перевести внимание на светлую блямбу го-

родских кварталов. Лично он не видел ничего красивого. Город как город. Да, с высоты, да, светится очень мило, но к этому виду он уже привык. Потому лишь безлико хмыкнул:

– Ага.

– У Зимы всегда было своё, ни на что не похожее восприятие красоты, – Лев подпёр подбородок локтем.

– Как думаешь, куда запропастились корабли Весны? – Гео резко сменил тему.

Говорить о городе, Зиме, да и вообще об этом мире ему не хотелось. Слишком горячо он его не любил.

– А что? – парень усмехнулся, дружески хлопнув приятеля по плечу, – Не терпится в бой? Не торопись, ещё навоюемся.

– Нет, просто... – Гео стиснул в пальцах перила борта, – Хочется верить, что раньше начнём – раньше всё это кончится. Ну не для меня такое!

Парень сам удивился, почему сказал это. Он совершенно не хотел показывать слабости, и на секунду едкий страх уколол сознание. Но Лев его оплошностью не воспользовался.

– И не для меня, – он тоже протяжно вздохнул, – Но раз уж обещали защищать Зиму, нужно держать слово.

Защемившее сердце отпустило. На этот раз, кажется, пронесло... Но от всех этих приключений Гео всё сложнее было сдерживать эмоции. Они предательски рвались наружу, и хотелось с кем-то поговорить. Но он не мог себе этого позволить. Слишком дорогая роскошь – слабость.

– А Ксандр, говорят, остальных новичков нещадно муштрует, – усмехнулся Лев между делом, – Считай, нам повезло, что попали к Фёдору.

– Да... Нет худа без добра. Чуть не погибли в вихре, зато теперь не...

– Погоди-ка, – Лев не дал ему договорить.

Выставив перед другом руку, он внимательно вгляделся в горизонт. Даже опасно высунулся за борт в синюю ночь.

– Что? – попытался спросить парень, но тот резко махнул ему ладонью.

Гео ничего не замечал.

– Что ты там увидел?

– Взгляни, – Лев ткнул пальцем в далёкие тёмные сугробы, – Там какое-то движение. Видишь?

Парень проследил направление. Вначале он ничего не различал в мгlistом мареве, но пару секунд спустя зрение уловило туманные отблески движения.

– Точно!

Что-то летело над Пустошью очень низко и быстро. Оно имело неровные очертания, и издали казалось просто тёмным прямоугольником.

– Как думаешь, что это? – Лев прикусил внутреннюю сторону щеки.

– Или кто, – Гео задумчиво постукал пальцами по дереву борта, и в нём заплясали пламенные отблески, – Летят с юга в сторону города. Тебе не кажется, что это просто шлюп-

ка под брезентом? Кто-то очень не хочет, чтобы его видели. Странно...

Как не хватало подзорной трубы, чтобы проверить догадку.

– Это что, наши? – переглянулся с другом Лев.

Непонимание во взгляде мешалось с беспокойством. Неужели началось?

– Не похоже, – Гео вцепился в перила, сильнее высовываясь за край, – В основе наших кораблей лежит огонь, а потому их видно издалека. А эти... Скрываются. Полетим-ка за ними, проверим.

Порывисто откинув корпус назад, Гео уже мчался к двери полубака, но Лев тормознул его, схватив за руку:

– Эй-эй, не торопись. Куда полетим? Ты видишь, как они низко? Надо сначала доложить.

– Кому? – усмехнулся Гео, – Нашему горе-капитану?

– Старпому хотя бы.

– А если мы ошиблись и зазря всех переполошим?

– Тогда тем более нельзя лететь без приказа.

Парень заглянул другу в глаза. Нет, в них не было страха, лишь беспокойство. Его слова звучали очень рационально. И Гео бы к ним прислушаться, но... Как же надоело ждать! И как хотелось стать настоящим героем. В своих глазах. Умом он понимал, как глупо поступает, и какие у них могут быть проблемы, но... Упрямое сердце тянуло в бой.

– Пока мы будем докладывать, они улетят, – парень легко

высвободил руку из хватки друга, – Потом ищи их! Не знаю как ты, а я лечу.

– Да куда ж я... – протяжно выдохнул Лев, – ...без тебя. Ладно, помчались.

Парни бегом спустились с бака. Обойти в трюме увлечённых байками матросов оказалось не сложно. Шлюпка в отсеке уже ждала их, призывно покачиваясь над люком.

– Слушай, – отвяывая канат, кинул Лев между делом, – Если на вахте нас заметят – поднимется шум.

– Не, – Гео развязал свой конец и легко прыгнул в шлюпку, – Они всю ночь в карты режутся. Будем надеяться, пронесёт.

– А если мы ту лодку не найдём?

– Найдём. Они должны застрять в куполе. Не зря же Зима его возводила.

Это казалось логичным. Кто бы ни летел к городу извне, он должен был наткнуться на купол.

Люк открылся быстро и тихо. Словно Судьба помогала ребятам отчалить. А зная её влияние в этом мире, Гео бы такому исходу не удивился.

Они плюхнулись в небо тяжело и лихо. Лев натянул паруса, Гео прыгнул за руль. Ночь обволокла их морозным, бодрящим холодом, и отчего-то стало так весело. Шлюпка рванула сквозь прозрачную мглу, и заколотилась азартом память о сердце в пустой груди. Звёзды освещали путь.

Враждебный прямоугольник плыл на фоне снегов. Он

шел ровно, поспешно, но до купола оставалось ещё достаточно расстояния. Гео прибавил ход... Парни летели по гипотенузе, а значит, чтобы нагнать – надо поднажать.

Косые паруса натянулись от натуги. Аккуратная мачта едва сдерживала их натиск. Гео держал руль, обхватив деревянный конец у бока двумя руками. Осторожно... Главное не сбиться с траектории, иначе они потеряют время.

– Ниже бери! – крикнул Лев.

Он сидел совсем рядом, но скорость сносила его слова.

– Я на опережение иду, – отозвался Гео тоже громко.

– А если они развернутся?

– Столько лететь над Пустошью, чтобы повернуть назад? – пришлось перекрикивать ветер, – Нет. Они знают, куда направляются.

– Смотри-смотри! Припустили! – Лев беззастенчиво ткнул пальцем вниз.

Их загадочные противники ускорились. Должно быть заметили погоню. Гео перевёл злобный взгляд на паруса, и ещё раз про себя посетовал. Да, такую комету сложно не заметить. Пришлось тоже прибавлять ход. Парусина вспыхнула ярче, и шлюпка рванулась носом вперёд и вниз так, что инерция отбросила ребят назад. Но оба удержались.

Ветер ревел в ушах. От быстрой смены высот перехватывало дыхание. Парень и не думал, что они были так высоко. А сейчас... Словно скатывались с очень-очень крутой горки, и дух захватывал головокружительный спуск.

– Эй! Они завияляли! – долетело до парня сквозь рокот неба.

Лев вцепился в борт обеими руками и во все глаза смотрел вниз. Лицо его побледнело, пальцы болезненно напряглись. А внизу смутный силуэт задёргался рвано, словно старался сбить ребят с толку.

Да, Лев тоже понимал, что это. Оттого и волновался. Такое поведение непонятого прямоугольника могло означать только одно – враги. Весна послала кого-то тайно пролететь мимо Небесного флота. И им бы это удалось, если б не два глазастых парня на баке.

– Ничего! Нагоним! – непонятно зачем крикнул Гео.

Тоскливое волнение друга его не захватило. Да, он понимал, что преследует врагов, но парня это, наоборот, раззадорило. Наконец на скучной службе появилось что-то интересное. Гео рвался в бой, совершенно не страшась неизвестных противников.

Ночь летела на них всё сильнее. Мелькали и смазывались очертания высоких звёзд. Лодка неслась, прыгая по небесным волнам вниз, лихой спуск туманил разум. Они преодолели больше половины пути от корабля до земли, и хищные объятия Снежной пустоши были ужасающе близко.

– Заворачивают! – крикнул Лев, не отрывая взгляда от их цели, – Налево!

Гео с усилием крутанул руль. Паруса натужно заскрипели, и лодка на полном ходу накренилась на левый борт, лихо

поворачивая.

Город на горизонте оказался совсем рядом. Он вспыхнул, ударил в лицо золотистым сиянием деревьев, и Гео осознал... Они почти у цели.

На таком расстоянии смутный силуэт приобрёл различные черты. Это действительно была лодка, накрытая брезентом, словно шатром. Необычными оказались деревянные лакированные крылья самолёта по бокам, да тонкий след серого выхлопного дыма. Эта шлюпка была сделана совершенно иначе. А значит... Сомнений не оставалось – эти ребята из Весны.

Гео не мог видеть под покрывалом кто в лодке, но не сомневался, что их несколько. Знают ли они о куполе? Если нет, то сейчас лодка увязнет, и парни их, считай, поймали. А если да? Они развернутся и полетят обратно? В чём тогда смысл этой вылазки? Гео терзали смутные опасения... Что-то во всём этом было не так.

Расстояние предательски подвело. Нагнав шлюпку противника, ребята были всё ещё непозволительно далеко. Они старались ускориться, но так и не догоняли.

В лицо ударил мокрый воздух. Он хлопьями полетел по щекам, а внизу распласталась громада гавани. Навстречу неслись дома.

– Мы пролетаем купол! – крикнул Лев, и на лице его Гео видел то же непонимание... Которым мучился сам.

Как же так? Они проходили внутрь. Лодка из Весны спо-

койно пролетала защитный купол Зимы! Как такое возможно?

Шлюпка под брезентом действительно неслась навстречу городским кварталам. Она чихнула едким сизым дымом, но даже не думала остановиться или увязнуть. Немыслимо!

– Ничего, – сказал Гео больше для себя, чем для кого-то, – В городе они на нашей территории!

Дома окраин вспыхнули и погасли в сознании. Брезентовая шлюпка неслась над зданиями ровно, но вдруг... Нырнула прямо вглубь городских кварталов. У Гео расширились глаза. Улицы хоть и были большими, но лететь между домами – чистое самоубийство.

На секунду ребята потеряли их из виду. Они пронеслись над улицами, отчаянно вглядываясь вниз. По тротуарам в панике разбежался народ. Люди боялись, и их вполне можно было понять. В окнах гасили свет. Парень на секунду подумал, что их приняли за Солнце, и усмехнулся этой мысли.

– Вон! – Лев чуть не вывалился за борт, тыча пальцем куда-то вниз, – Вон они! Вижу!

На взволнованное лицо друга пролезла улыбка. Азарт погони захватил и его, что почему-то порадовало. Лев всегда в таких приключениях слишком много волнуется. А сейчас Гео был рад разделить с ним свою смелость.

Шлюпка Весны летела меж домами на уровне пятого этажа. Лакированный корпус задевал верхушки деревьев, те надсадно блестели. Узкая улица рвано сворачивала вправо

на маленькую площадь... Оплетённую паутиной трамвайных проводов.

Парни переглянулись. Это шанс! Они поняли без слов – если загнать лодку в провода, она запутается, и они смогут поймать разведчиков Весны. Нужно лишь не дать им свернуть.

Срезав расстояние над домами, Гео пристроился прямо над шлюпкой, чтобы она не смогла в последнюю секунду взмыть вверх.

Момент истины. Дома неумолимо кончались. Мелькали заметённые снегом крыши.

Пятьдесят метров... Гео вцепился в руль. Лишь бы получилось!

Тридцать метров... Лодка под ними не думала сворачивать. Она шла ровно и чётко в ловушку проводов. Они не могли их не видеть! Но курса не меняли. Не случилось бы так же, как с куполом.

Десять метров... Шлюпка зацепила крыльями ветки солнечных деревьев. Совсем низко.

Пять метров... Три... Лодка вылетела из пелены домов, и... Резко клюнув носом, нырнула под трамвайные провода.

– Что-о-о?! Да как же так-то?! – вопил Лев, не отрывая от беглецов взгляда.

Шлюпка пролетела площадь, едва не снеся затормозивший трамвай. Красиво замедлилась... И нежно влетела в светлую пелену сквера, где сияние деревьев окончательно

скрыло её от преследователей. В ушах забухало. Неужели потеряли?

– Хорошо летают, чертяки!

Действительно, хорошо. Такому мастерству полёта Гео и неповоротливым шлюпкам Зимы только учиться.

Парень пролетел над сквером. Выбрал площадку с фонтаном, аккуратно приземляясь. Лодка рвано спустилась вниз, как падающий лист, заваливаясь то носом, то кормой. Посадив её, Гео выпрыгнул на землю, убегая к тому месту, где последний раз видел шлюпку противника.

Земля без качки казалась шаткой и ходила под ногами ходуном. Голова кружилась, но он старался не обращать внимания. Лишь бы не потерять! Лишь бы не потерять!

Но когда ребята прибежали ко входу в сквер, никого уже не было. Шлюпка испарилась. Даже Дэвид Копперфильд позавидовал бы такой оперативности.

– Дьявол! – Гео отчаянно врезал кулаком по воздуху, – Упустили!

Лев ещё озирался по сторонам, словно надеясь, что они могли большую лакированную шлюпку просто в горячке не заметить:

– Надо признать, летать они умеют.

– Как они прошли сквозь купол? – Гео заглянул другу в глаза, но прекрасно понимал, что тот не знает ответа.

Солнечные деревья предательски высвечивали белым золотом парковый снег и тропинки. На улицах постепенно по-

являлся попрытавшийся народ. Всем было интересно, что же случилось.

– Пошли, – Лев первым повернул к лодке, – Надо возвращаться. Теперь-то самое время доложить обо всём.

А когда ребята вернулись на корабль, как им казалось, незаметно, их уже ждала вся команда. Во главе с суровым Ксандром и посерьезневшим лицом старпома. Команда поглядывала на вернувшихся с недоумением, Фёдор с беспокойством. Вся красноречивая картина недвусмысленно говорила о том, что у парней... Большие неприятности.

***

Капитан слушать ребят не стал. Как бы ни пытались они объяснить, что покинули корабль не для того, чтобы дезертировать, всё было бесполезно.

– Вы оставили свой пост! А в военное время это равносильно...

– Мы пытались догнать разведывательную группу противни... – перебил Гео, но ему не дали договорить.

– Молчать! – мужчина стукнул кулаком по столу, – Эти байки я уже слышал. Даже если вы двое говорите правду, наше дело – небо. Они что, летели прямо у вас под носом?

– Нет, – Гео злобно опустил взгляд.

Они стояли в каюте капитана перед его столом, понуриив головы и опустив руки по швам. Лев иногда дёргал друга,

чтобы тот не сильно спорил. Но Гео уже не мог удержаться. Его мятежная душа взывала к справедливости! Они чуть не поймали вражеский отряд, а их обвиняют в самовольной отлучке.

– Может, они крикнули вам, что летят из Весны? – саркастически спросил капитан.

Его напудренное лицо неестественно покраснело по краям, а парик разлохматился от натуги.

– Нет, – злобно прошипел Гео.

– Тогда какого чёрта вы за ними полетели?

– Просто мы умеем думать, капитан.

– Хватит! – ещё один оглушительный удар.

Глаза его побагровели:

– Под трибунал у меня пойдёте! Оба! А теперь прочь!

Парней увели. Сутки или чуть больше их мурыжили в трюме, потом вывели в шлюпочный отсек... И ребята снова полетели в город. На той же лодке, но куда медленнее, чем в прошлый раз. Капитан приказал связать парням руки за спиной, и Ксандр без удовольствия выполнил требование.

Гео долго смотрел вверх. Покинутый «Всегда» оставался высоко в небе. По деревянному днищу бродил огонь, словно прощался. С палубы и рей на них глядели далёкие лица бывшей команды. Ныне бывшей... И захватила вдруг такая горячая тоска. Из героев стали дезертирами. Но он же хотел как лучше!

Гео и Лев сидели у носа шлюпки. За рулём был Ксандр,

в сопровождение напросился Фёдор. Старик смотрел на по-нурых ребят, и выдержать его взволнованный взгляд было труднее всего.

Звёзды теперь не неслись, а мерно проплывали вдалеке. Казалось, будто всё небо машет ребятам прощальным платочком.

– Фёдор, – шепнул вдруг Лев, чем вывел друга из задумчивости.

Гео приподнял упавшую голову.

– Слушай, это была шлюпка из Весны. Быстрая, манёвренная. Летит на каком-то топливе, потому что оставляет след из дыма. Вёл её человек очень умелый. Лихо нас сделал.

Старик закивал с пониманием:

– Я старпому доложу, как вернёмся.

– Они как-то прошли сквозь купол, – Гео покосился на Ксандра, но тот нарочито отвернулся в другую сторону, – И были уверены, что пройдут.

– А ещё... Я думаю, они знали город, – кивнул Лев, – Знали, куда лететь, где исчезнуть.

– Намекаешь на то... – Фёдор подался корпусом к парням, понижая голос, – ... что им помогал кто-то из Зимы?

Лев хотел что-то сказать. Но передумал, пожав плечами:

– Не знаю. Может, просто готовились хорошо. Но смысл в твоих словах есть.

– Если так, то плохо дело, – старик постучал костлявыми пальцами по перекладине, на которой сидел, – Коли в городе

есть предатель, хотя бы один, то он, вместе с этими засыльными казачками, ох каких дел наворотить может. Вы скажите об этом генералу, сынки. Будем надеяться, он – мужик опытный.

– Угу. Будем...

Город раскрывал светлые, ледяные объятия. Повисшая тишина вернула в голову тягостные мысли о том, каким недолгим оказалось морское приключение. Гео, конечно, надеялся на лучшее, но всё-таки понимал... Он упускает уже второй шанс! Второй, данный судьбой шанс.

Чтобы получить огонь и вернуться домой, нужно было остаться на корабле. Дождаться начала военных действий, а потом не погибнуть. Так нет же! Его потянуло на подвиги! Ради чего он решил лететь за этой шлюпкой? Почему не мог просто доложить и спокойно уйти? Почему? Да, от исхода войны зависит его судьба, но всё же... Так ли сильно он ненавидит этот мир?

Город наступил на сознание крайне быстро. Казалось, лихая гонка была куда длиннее нынешнего медленного спуска. В лицо ударила рыхлая сырость купола, и золотые потоки света потекли по извилистым улицам.

Шлюпка попетляла немного над городом. Вскоре она приземлилась на круглую площадь перед строгим, величественным зданием Министерства. Гео смотрел на него кисло, без интереса.

Распластавшийся штаб напоминал слоёный торт. Своими

педантичными углами, частыми мелкими окнами и полосами этажей двух цветов – светлого и тёмного. Окна в хаотичном порядке бросались светом. Двери постоянно открывались, впуская и выпуская людей. Все суетились, спешили, топились. В целом канцелярская жизнь кипела и бурлила.

Ксандр снял с ребят верёвки. Те потёрли затёкшие запястья, и абсолютно безрадостно полезли за борт. Гео не знал о чём сейчас думает Лев, но в глаза ему заглянуть не решался. Может, боялся увидеть осуждение.

Снежная брусчатка приняла шаги с нежностью. Земля ещё приплясывала под ногами, но сейчас это ощущалось меньше. Опустив головы, парни топали ко входу, а Ксандр и Фёдор следовали за ними.

Грамада Министерства проглотила маленькую группку с жадностью. В огромном белом вестибюле, словно в брюхе, четверо моряков поплескались среди секретарей и помощников. Ксандр обогнал парней, показывая дорогу. Они прогулялись по лестницам с греческими колоннами, наконец выходя в длинный, заполненный людьми и стульями коридор.

Здесь шумная мраморная плитка, тёмно-зелёные стены и белые, дорогие двери. Ребята проходили мимо табличек с именами многочисленных министров, но нужна была им последняя дверь. Располагавшаяся в самом конце коридора.

Зима не имела никакого представления о том, как строится государственный аппарат. Потому вся верхушка обще-

ства сложилась стихийно из инициативных людей. Каждый выбрал себе область, в которой разбирался. Но из-за такой интуитивности в Министерстве царила дичайшая неорганизованность. Потому делами флота, любимыми, которые нельзя было решить на месте, занимался сам генерал Рэйвен. Он – главнокомандующий Небесным флотом, и ему должна быть абсолютно безразлична судьба двух матросов-дезертиров, но... Имеем что имеем.

Миновав коридор, Ксандр беспардонно распахнул двери приёмной. В небольшом кабинете никого не было. Должно быть, секретарь вышел. На столе валялись бумаги, на краю стояла недопитая чашка кофе из ресторана. Следовало подождать, но Ксандр был человеком не робким. Увидев приоткрытую дверь кабинета генерала, он прямым ходом направился туда.

Гео лишь выдохнул, плетясь за остальными.

– ...да как Вы не понимаете?! – не успев войти, парень услышал до боли знакомый голос.

В кабинете находились двое. Рэйвен восседал в солидном кресле за рабочим столом с изящными ножками. Создавалось впечатление, что это кабинет царского служащего в Адмиралтействе девятнадцатого века. Изящные кресла в отдалении с чайным столом, портьеры с драпировкой, резные шкафы с документами. Из частых окон крался по мягким коврам золотистый свет.

Опираясь на стол, стоял парень в коричневом сюртуке.

Его Гео узнал бы из тысячи... Часовщик. Интересно, что он здесь забыл?

– Время – это ресурс похлеще огня. И если Вы не знаете, зачем его воровать, это ещё не значит, что красть его бесполезно! – в пылу доказывания Часовщик тыкал указательным пальцем в стол, – Поверьте, злоумышленники нашли ему применение! И мне нужна Ваша помощь, чтобы...

– Я всё понимаю, – мягко перебил его генерал, – Но и Вы меня поймите. Нет у меня сейчас людей, чтобы гоняться за призраками. И потом... Вы сами-то знаете, для чего воровать Ваше время понадобилось?

– Оно не моё, – скрестив руки на груди, обиженно пробурчал Часовщик.

– Тем более.

– Да как Вы!.. – Хранитель всплеснул ладонями, – Не можете понять?! Это очень важно!

– Послушайте, мне нужно работать, – генерал кивнул в сторону вошедших, – Если у Вас всё, то...

Часовщик сердито обернулся:

– Ах да, да. Простите, я отнимаю у Вас время, – он порывисто поднял руки, плавными движениями отходя от стола.

Но уходить не собирался. Хранитель времени демонстративно сел в бархатное кресло чуть поодаль от двери, закинув ногу на ногу. Всем видом показывая, что не уйдёт, пока не добьётся своего.

Рэйвен раздраженно выдохнул, сжав пальцами переноси-

цу. Гео сосредоточил на нём взгляд.

Это был красивый мужчина внушительных размеров, с проседью в тёмных коротких волосах. Генеральский мундир с золотым шитьём времён царской России сидел по фигуре. В целом он производил впечатление человека, умудрённого опытом.

– Что у вас? – махнул рукой Рэйвен, приказывая подойти ближе к столу.

– Дезертиры, товарищ генерал, – Ксандр прошёл вперёд, головой махая ребятам.

Те подчинились. Только сейчас Гео и Лев заметили, что Фёдор остался в приёмной. Не хотел видеть, что сделают с парнями, пусть и на короткое время ставшими «его».

– Так-так, – взгляд генерала опасно похолодел.

Гео вскинул голову. Он уговаривал себя не опускать взгляда. В конце концов, да он виноват, но он поступил так ради блага Зимы, а не из слабости.

– Клянутся, что покинули корабль, погнавшись за неизвестной шлюпкой, – продолжал Ксандр.

– Шлюпкой? – недоверчиво вскинул бровь Рэйвен.

Часовщик сзади оживился. Гео слышал, как тот завозился на месте, как скрипнуло кресло и зашуршала ткань.

– Разрешите доложить? – спросил парень.

– Что ж... Докладывайте для начала.

– Мы заметили летающий объект в Пустоши. Он шел с юга в сторону города. Нам показалось это подозрительным, и мы

решили проверить. Потому покинули корабль. Это была моя идея, – тут Гео искоса глянул на Льва, но так и не увидел его реакции, – При ближайшем рассмотрении объект оказался летающей шлюпкой конструкции, не похожей на наши. Те, кто был в ней, летели под брезентом, не желая, чтобы их заметили. Когда они увидели нас, то попытались скрыться. Каким-то образом они смогли пересечь купол и сейчас в городе.

Повисла нервная тишина. Генерал обнял массивными пальцами подбородок, оценивающим взглядом скользя по парням.

– Вам удалось их поймать? – спросил он наконец.

– Никак нет, – отозвался Гео.

– Сколько их было?

– Не смогли рассмотреть.

– Куда они направлялись?

– Не можем знать.

– Они исчезли в сквере, – добавил Лев, – Очень умело нас обошли.

Часовщик поднялся со своего места, подходя к стоящим в одну линию морякам:

– Ну что? Всё ещё считаете, это призраки?

Генерал замечание проигнорировал.

– Молодцы, – протянул он с ядовитым сарказмом, глядя на парней, – Мало того, что корабль покинули без разрешения, так ещё и ничего не узнали. Да вас только за безалабер-

ность можно с флота увольнять.

Гео не удержался, опустив голову. На что он, спрашивается, надеялся? На снисхождение? Нет, на войне не посмотрят на твои благородные мотивы. И в чём-то будут правы. Но как же... Как же хотелось верить! Сейчас, когда утекал из рук очередной шанс на возвращение домой, в парне как никогда горела надежда... На лучшее.

– Что же мне с вами такими делать? – выдохнул Рэйвен.

Он поискал ответа в глазах Ксандра, но лицо квартирмейстера было непроницаемым. Гео и сам не понимал, жалеет он ребят или разочарован в них.

– А отправьте их ко мне, – быстро нашёлся Часовщик.

Все присутствующие в кабинете посмотрели на него широко раскрывшимися глазами. Хранитель времени несколько смутился таким вниманием, но продолжил:

– Я думаю... нет, я убеждён... что шлюпка, которую видели матросы, и время, которое украли из моей Башни, могут быть связаны. Раз у Вас, генерал, нет людей, чтобы гоняться за призраками, пошлите ко мне этих ребят. Вы ведь собирались их увольнять? А так у них будет второй шанс. Помочь Зиме, исполнить свой долг... И всё такое. Ну как, по рукам?

Часовщик порывисто протянул Рэйвену ладонь. Мужчина ещё думал. Он переводил взгляд с улыбки Хранителя на протянутую руку, потом кинул взгляд на моряков, и... Махнул.

– Ай, ладно! Вы ж всё равно не отстанете от меня, – гене-

рал быстро ответил на рукопожатие, – Не стану официально увольнять их, но сошлю к Вам в Башню. Если проявят себя, смогут вернуться на корабль.

– Вот спасибо! – Часовщик с улыбкой обернулся на обретенных союзников.

Гео удержал себя от того, чтобы закатить глаза. Только этого ему не хватало!

***

Хранитель времени не шутил. Генерал действительно подписал приказ о командировании Гео и Льва в охрану Башни. Кажется, так было лучше для всех. Ребят не уволили с флота официально, в то же время Рэйвен убрал их с глаз долой. И всех, похоже, это решение устраивало.

На выходе из Министерства Ксандр молча пожал Часовщику руку. Они поняли друг друга. Фёдор прощался с ребятами коротко, сказав только:

– Ещё увидимся, сынки. Не сомневаюсь в этом.

Моряки сели в шлюпку и улетели. Паруса вспыхнули, унося их в мглистое морозное небо, а Гео провожал горящий силуэт взглядом, и не знал... Хоронить ли ему надежды на возвращение домой или нет. Формально, парней не уволили. Они сменили место службы. В то же время, будущее теперь представлялось туманным и расплывчатым. Также вставал вопрос, что хуже – качка «Всегда» с тревожным ожиданием

битвы или охрана Часовой Башни? Парень топал за Хранителем по заснеженным улицам и думал.

Гео не любил Часовщика. То ли из-за того, что тот стал печальным вестником, разбив надежды на возвращение, то ли... Хотя нет. Именно из-за этого. Конечно, это не его вина. Парень понимал, что обвинять Хранителя всё равно, что винить часы в том, что время истекло. И тем не менее не мог избавиться от чувства.

Но это лирика. А факт в том, что ныне им работать вместе. Совместными усилиями искать тех неуловимых лётчиков на брезентовой шляпке. Потому что Часовщик по какой-то логике связал рассказ ребят со своим делом. А кстати, почему?

Гео очень хотелось спросить. Но он глянул на спину впереди идущего Часовщика и... Промолчал. Вместо этого парень обернулся на Льва. Тот плёлся рядом, уткнув глаза в тротуар, и по его бледному лицу не было понятно, что он чувствует.

Мимо сознания тянулись по ходу движения длинные многоэтажки.

Гео протяжно выдохнул. Слова рвались, как их не сдерживай.

– Прости меня, – буркнул он со злостью.

Он сам не знал, на кого злится. На друга или на себя.

– За что? – Лев встrepенулся, поднимая такой туманный взгляд, словно его оторвали от глубоких размышлений.

– Это я втравил тебя в историю. Если бы не моё упрям-

ство, нас бы не... Не перевели с корабля.

Лев несколько томительных секунд смотрел на друга на ходу. Потом остановился. И весело хлопнул того по плечу:

– Эй, ты чего? Ты не виноват, я сам с тобой увязался! Если хочешь знать, – он понизил голос до заговорщицкого, – Я даже рад, что всё так получилось. Ну не по мне эта морская романтика. А здесь мы реально будем полезны. Если поймем этих... В лодке. Они же не на экскурсию сюда приехали.

– Да, – остановившись чуть впереди, Гео позволил себе улыбку, – Пожалуй, ты прав.

Часовщик, ждавший ребят, так и не обернулся.

Дальнейшая дорога стелилась под ногами легче. У парня от сердца отлегло, Лев тоже перестал думать о чём-то своём. Вдвоём они топали за Хранителем споро и непринужденно. Будущее всё ещё представлялось туманным, но теперь были силы его встречать.

Башня всплыла в мареве снежного города, как скала в открытом море. Мимолётно поднявшееся настроение снова упало. Гео неприятно сюда возвращаться. Но что поделать? Служба – есть служба.

Удивительно, как легко он примирился с мыслью, что служит Зиме. Что он – её воин, как и множество других. Нет, он всё ещё был отщепенцем, попавшем сюда по роковой случайности, и ненавидел этот мир, но... Он дал слово, сделавшее вдруг очень важным. Безусловной заслугой «Всегда» стало для парня приобретение смутно осязаемого чувства

долга. Он ещё не был верен Зиме... Но уже действовал в её интересах.

Быстро взбежав на крыльцо, Часовщик открыл дверь ключом. Она была заперта? Странно, в этом мире ничего не запирается.

– Заходите, – приглашающе махнул рукой хозяин Башни, скрываясь внутри, – У меня здесь, правда, бардак.

Это мягко сказано. Парни прошли в холл, и Гео его не узнал.

Если раньше часы были хаотично, но разложены, теперь они безжалостно разбросаны по полу. Тропинки смазались. Огромная комната превратилась в поле боя. Большинство часовых механизмов безжалостно испорчены, выпотрошены или вывернуты наизнанку. Везде валялись шестерёнки. В бессильной злобе скалились осколки стекла разграбленных витрин. Уязвлённые и покинутые, часы лежали грудой бесполезного, разбитого хлама.

– Ого. Тут словно стадо слонов пробежало. Что случилось? – Лев попытался пошутить, но неудачно.

Его улыбка в удручающих обстоятельствах смотрелась крайне неуместно.

Часовщик глянул на него... Так глянул... Что чуть не заплакался.

– Случилось, – он с силой зажмурился, сдавливая веки пальцами, – Примерно это и случилось. Стадо... Только не слонов, а воров. Воров времени. Много унесли. Я даже не

считал... Сколько.

Голос его дрогнул. Он так и стоял, прикрыв лицо рукой, а губы сжались в немом напряжении.

– Оу... Всё нормально? – неунывающий товарищ ступал от внезапной скорби, – Может, чаю? Или ещё чего-нибудь? Ну... Зачем же так расстраиваться?.. Как же это?

Лев квохтал вокруг Часовщика, как курица-наседка. А Хранитель стоял среди хаоса, не в силах смотреть на разграбленный чертог. На секунду Гео стало его жаль. Всегда спокойный, отстранённый, и с напуском сожаления сообщаящий ужасные известия, сейчас Часовщик... Был напроць разбит. Когда беда коснулась его самого, он не смог сохранять самообладание. Если в кабинете генерала Рэйвена злость ещё держала его в руках, то сейчас он сдался.

Друг отыскал стул, насильно усаживая на него Хранителя. Теперь тот не стоял, а сидел на поле битвы, что выглядело ещё более странно.

У Гео чесались руки. За неимением другого дела, он поднял с пола первые попавшиеся часы. Карманные, с золотым кантом и строгими делениями циферблата. Часы были выпотрошены. Задняя стенка вздыбилась, будто взорванная, пружинки и шестерёнки висели потрохами. Корпус разбит, слетевшие стрелки свободно металась под треснувшим стеклом. Кому пришло в голову делать такое? Гео аккуратно положил часы обратно.

Теперь понятно, почему Часовщик так упорствовал. У

него серьёзное горе.

Лев где-то раздобыл стакан воды. Даже уговорил Хранителя его выпить. Часовщик пил воду рвано, большими глотками, и всем взглядом вцепился в ребят. Лишь бы не смотреть на эту разруху.

– Вы... Извините, моя Башня не предназначена для кого-то, кроме меня, – заговорил он невпопад, – Комнат у меня здесь нет, так что располагайтесь где хотите.

– Давайте лучше переместимся в кабинет, – Гео кивнул головой в сторону лестницы, – Там будет спокойнее.

– Да, – Хранитель поднялся на ватных ногах, – Конечно.

Чудесные ковровые дорожки двух лестниц теперь застилали запчасти часов. На тканых созвездиях змеились пружинки, блестели винтики и стрелки. Сложно было ступить, ни на что при этом не встав. Но парень как-то умудрялся.

Гео шел первым. Лев сзади вёл Часовщика под руку, что было явным перебором с заботой.

Две округлые лестницы делали у потолка изящный завиток, сплетаясь в одну – винтовую. Поднимаясь, парень оглядывал комнаты и зачарованные залы. Занятно, но кроме холла ничего в Башне не пострадало. Грабители не добрались наверх или просто не посчитали нужным?

Кабинет встретил троих парней холодом и покинутостью. Башня скорбела об утрате, и больше всего это проявлялось здесь. Не удивительно, ведь кабинет, обиталище Часовщика, был сердцем Башни.

Хранитель устало бухнулся в рабочее кресло. Парни за неимением альтернативы остались стоять. Тот кинул на них усталый взгляд, вздохнул. И вдруг выставил руку, швырнув в красные кресла на стене сгусток фиолетовой магии. Поток вырвал их с корнем, и те уязвлённо попадали на пол.

– Садитесь. Вряд ли Башне в ближайшее время захочется полежать.

Парни похватали кресла, пристраиваясь рядом с Часовщиком. Тот опёрся локтем о столешницу, подпирая пальцами висок. Вздохнул тяжело... И начал вполне спокойно:

– Как вы уже заметили, у меня украли время. Много. Очень много... Я в этот момент был в замке Зимы, потому не знаю, кто это сделал. Вернулся, обнаружил, и побежал к генералу.

– Так сразу? – в этом разговоре Лев решил взять ведущую роль на себя.

– Да, так сразу! – вспыхнул Хранитель, но быстро успокоился, – Время – ценнейший ресурс четырёх миров. Такой же ценный, как огонь. Раз его украли в преддверии войны, боюсь дело очень... Очень плохо.

– Вы думаете, что это сделали те... На шлюпке?

– Да, – кивнул Часовщик, – Я полагаю, в город проник отряд диверсантов. Вы единственные их видели, хотя бы мельком, потому ваша помощь будет для меня неоценима.

Гео закусил губу. За словом «диверсанты» пришло тревожное осознание положения. Враг забрался в самый тыл. И

лишь ему известно, что в ближайшее время будет твориться в городе.

– Они времени зря не теряют, – Гео сам удивился тому, что сказал это.

Но слова вырвались. Собеседники смотрят на него с интересом, а значит придётся продолжать:

– Я имею ввиду... Смотрите, – парень подался вперёд, стараясь объяснить на пальцах, – Ночью диверсанты прилетают в город. Они хорошо подготовлены, смогли с лёгкостью пройти купол. Дальше. Virtuозно скрываясь от погони, они тут же направляются сюда... В Башню. Ждут, когда Вы уйдёте, проникают внутрь, воруют время... кстати, я слабо представляю, как это можно сделать... и уходят. Потрошат только часы в холле. Все остальные не трогают.

– Из других красть опасно, – вмешался Часовщик под конец рассказа, – В холле у меня находятся Недожитые. Это часы погасших из мира Зимы.

– А почему Недожитые? – спросил Лев.

– Потому что это время они уже не доживут.

Заинтересованные взгляды заставили Хранителя объяснить:

– Попадая в мир Зимы, человек лишается своего личного времени. Он существует столько, сколько существует мир. Как правило, переход умирающего в мир Зимы происходит до непосредственной смерти, а потому на часах какое-то время остаётся. День, два, но есть. Есть и аномалии... Что уми-

рают раньше срока. В общем, так, по часу, дню, неделе у меня в холле накопилось порядком невостребованного времени. Грабители его забрали.

Часовщик снова угрожал свалиться в переживания, и Лев постарался отвлечь его:

– Если часы жителей Зимы в холле, то что в остальных комнатах?

– О, у меня здесь все. Жители четырёх миров и не только. Зал Живых, зал Умерших... Зал Бессмертных.

– А почему трогать их время опасно?

– Можно случайно умереть. Сами посудите... В зале Умерших времени уже нет. Там оно у всех истекло. В зале Живых время ещё идёт. Забрать годы оттуда, значит убить человека. Помимо того, что не многие смогут взять на себя грех убийства, где гарантия, что среди часов не окажутся твои собственные? Ведь только я знаю чьи часы где лежат. А в зале Бессмертных всё ещё сложнее. Их время так легко не украдёшь, часы будут сопротивляться. В общем, если и воровать – то только из холла.

Хранитель ненадолго замолчал. Лев хотел что-то сказать, но Гео жестом остановил его. Порой пауза жизненно необходима для поддержания беседы.

– А мир Зимы, – продолжил хозяин Башни через какое-то время, – Он и сам своего рода – аномалия. Не должно быть так, чтобы время оставалось. Но оно остаётся. Удивительно, как у Зимы это получается. Забрать человека чуть-чуть

раньше срока.

«Она как жадный ребёнок тащит в свой мир новые и новые игрушки» – со злостью подумал Гео.

– Она каждый раз... – Часовщик многозначительно глянул на парня исподлобья, – ... старается дать человеку шанс. Там, за смертью – рай или ад. Навечно. Может, перерождение, как вторая смерть. Одна личность умирает, чтобы родиться другой. А у наших аномалий с запасом неостребованного времени – страдания впереди по жизни. Поверь, Зима не забирает без веской причины. Просто она дружна с Судьбой, и та иногда сплетничает с ней. В общем... Зима знает, кого забирать. И кому можно дать второй шанс. Возможность пожить чуть дольше здесь, возможность что-то изменить.

Гео стыдливо отвёл глаза. Умеет ли Хранитель читать мысли? В любом случае, в словах его было слишком много того, что требовало осмысления.

– Ладно, – парень порывисто поднялся с кресла, – Понятно. Вы здесь приходите в себя, а мы пойдём в холл. Поищем, может диверсанты что-то оставили. И разберём немного.

Гео указал Льву кивком на выход. Тот тоже поднялся, топая за товарищем. На лестнице их застиг тяжелый вздох Башни и тихий голос Часовщика:

– Спасибо, ребят.

***

Инга рухнула на раскладушку в бытовке. Голова гудела в такт шуму поездов. Сегодня их было чересчур много. Девушка лихо скинула с ног невысокие полусапожки, блаженно погружая стопы в мягкие тапочки. Физически она не устала, но смена обуви помогала ей переключить мозги на отдых.

Миль вольготно развалился на подоконнике, положив голову на лапы:

– Напомни ещё раз, что мы здесь делаем?

– Прячемся, – измотанно бросила она.

Тёмный потолок ходил болезненными кругами. Хотелось с силой потереть глаза, но девушка понимала, что от этого будет только хуже.

– Как-то ты очень усердно... Прячешься.

Она выдохнула медленно:

– Я просто стараюсь быть полезной.

– Как и все. Смотрю, тебя это тоже зацепило.

Со своего места Миля ей было не видно. Пришлось рывком сесть на раскладушке:

– Аргх. Что ты предлагаешь?

Кот блаженно потянулся на подоконнике, разминая коготки и вытягивая длинный хвост:

– Ничего. А должен?

Девушка снова повалилась на постель:

– Нет. Но мне бы... Очень хотелось.

Минуты длились ощутимо долго. Они не сыпались песком, они тянулись, словно патока, волоча за собой тягостный шлейф. И вроде бы всё было нормально. Может, она просто устала?

– Ску-ко-ти-ща, – по слогам пропел кот.

Инга уронила руку на подушку. Сжала в кулаке ткань и с силой потянула на себя, закрывая лицо:

– Мне вот на работе совершенно не скучно.

По комнате прокатился гулкий смешок:

– Врёшь.

– Вру.

Темнота под веками от кругов не избавляла. Пятна нарочно стали отчётливее, ярче, и перед глазами плескалась цветочная феерия.

Девушка услышала короткий трепет крыльев. Почувствовала тяжесть лап на теле. Миль улёгся у Инги на животе, предварительно помяв его лапами и потоптавшись.

– Работа вообще для тех, кто не умеет правильно бездельничать.

– О, да, – устало рассмеялась она из-под подушки, – Это очень тонкое для меня искусство.

– Тяжело быть ответственным человеком. Вдвойне тяжелее быть благодарным.

Она позволила себе полежать немного. Постепенно бунтующий мозг успокаивался, горячая голова приходила в нор-

му. Усталость волной отхлынула от неё, обнажая лишь сухие, колючие мысли.

– Долго ты собираешься прятаться?

Она почувствовала шевеление подушки, открыла глаза... И мордочка Миля оказалась у неё перед носом. Какой же он всё-таки очаровательный.

– Не знаю. Как пойдёт.

Девушка отложила подушку, с наслаждением поглаживая кота по голове. Тот блаженно закрыл глаза, замурлыкав протяжную, ему одному известную песню. Стало так хорошо... Так спокойно. Словно дома под тёплым одеялом. И чудилось ей, что мама на кухне греет чай, сестра шумно играет в гостиную, а Инга прилегла на минутку после долгого, холодного дня. И пригрелась.

Конечно же, Миль не мог её согреть. Но она чувствовала, как от его мурлыканья разгорается в груди уставшее, заочевшее пламя.

Так они и лежали. В тёмной бытовке от рыжих всполохов становилось светлее.

Протяжный гул за окном медленно нарастал. Инга не сразу его услышала, но, когда в сознании появилось для него место, девушка медленно разлепила глаза. Шум приближался, усиливался, и казался таким знакомым. Как вдруг... Мимо маленького окна пронеслась золотая стрела рельс, а за ними через секунду тёмная громада поезда. Девушка прищурилась, чтобы узнать его. ЭД4М. Неужели?

Её неожиданно охватила радость. Казалось бы, что здесь удивительного – поезд вернулся в депо, как ему и надлежало? Он уезжал всего на пару дней. Но Инга была так отчаянно, гипертрофированно счастлива, что не могла сдерживать эмоций. Словно возвратился её старинный друг после болезненно долгой разлуки.

– Ты чего? – кот заметил, как она напряглась и тоже приподнял голову.

– Нох вернулся, – Инга выдохнула рвано, чтобы не заплакать от счастья, – Пойду поздороваюсь.

Она хотела подняться, но кот встал ей лапкой на грудь:

– Эй-эй, ты куда? Он сейчас отправится в стойло, а туда посторонним вход воспрещён. Что если застукают?

Она недоверчиво прищурилась:

– Когда ты стал таким правильным?

Миль хотел что-то сказать. Даже набрал в лёгкие воздух, открыл рот... Но челюсть со стуком закрылась.

– Не надо меня так оскорблять.

Девушка рассмеялась, аккуратно подхватывая кота на руки и садясь на раскладушке.

– А стойла у нас где? Там, за солнышком?

Миль посмотрел на неё со снисходительной ухмылкой:

– «Солнышко». Поворотный круг называется!

– Как хорошо, что ты всё знаешь.

В южной части депо, что устремлялась в сторону города, находился поворотный круг. Он представлял собой кольцо

рельсового полотна, с вращающейся платформой по диаметру. От него солнечными лучами отходили пути. Их заботливо обрамляли полукругом тянувшиеся ангары со стойлами для локомотивов. Там отдыхали поезда.

Выбравшись из бытовки, Инга с Милем шествовали туда. Девушке не хотелось попадаться на глаза, но, крадись она, это выглядело бы подозрительно.

Нох встал на запасных путях. Отцепив вагоны, он устало двинулся в сторону круга, роняя с крыши белую, мерцающую пыль. Инга ненавязчиво следовала за ним.

Локомотив пропылил мимо складов и погрузочных путей. Свернул на стрелке и аккуратно заехал на платформу в кольцо. Наблюдавший за ним из сугроба мужчина обречённо вздохнул. Обречённо, потому что понимал, что поезд никуда не денется, и его нужно загонять. А значит придётся оставить мило хохочущую барышню, что лежала в том же сугробе на куртке работяги. Но что поделать? Работа – есть работа.

Мужчина нехотя поднялся, топая к Ноху. Поплевав на ладони, он упёрся с одного края, в одиночку поворачивая многотонную платформу и локомотив на ней. Словно могучий атлант в просторной синей робе. На самом деле, в этом не было ни капли магии. Конструкция поворотного круга создана так, что с ней можно справиться в одиночку.

Вращать пришлось долго. Локомотив необходимо развернуть к путям другим концом, чтобы тот дал задний ход. Ювелирно перенаправив платформу, работяга отряхнул натру-

женные руки. А Нох тяжело двинулся под заботливую сень ангара. Вскоре он полностью скрылся, и в тёмной пещере стойла погасли золотые фары.

Инга решила обойти другой стороной. От складов к ангарам импровизированной стеной тянулась длинная вереница высоких сугробов. Девушка пробралась за них. И спокойно пошла, никем незамеченная. Чуть поодаль от снежной насыпи ширилась, скалясь, Пустошь. Она тянула за собой своей бешено чарующей обречённостью, и всё же Инга отворачивалась. Находила силы.

А Миль нет... Он вдруг завис в воздухе, расширившимися глазами глядя на волны сугробов. В одном из углублений снег казался особенно тёмным. Будто дыра. Но всё это игры неверного фонарного света.

– Ты чего? – девушка тронула кота за лапу, тот резко замотал головой, – Пойдём.

– Ага.

Снег в конце пути упирался прямо в стену ангара. Пришлось аккуратно перелезть. Но парочка в сугробе за кругом при всём желании не заметила бы девушку с котом. А больше в обозримом пространстве никого не наблюдалось.

Инга забралась на вершину сугроба, легко скатываясь с него с другой стороны. Перебежками она направилась к далёкому ангару Ноха. Миль на крыльях следовал за ней.

Пещерная мгла стойла без ворот поглотила два силуэта с жадностью. Но внутри рассосалась, позволяя проглядеть да-

леко сквозь себя. Ангар был достаточно широким, уходил путями глубоко внутрь. В толстых стенах чуть поодаль от входа тянулись по такому же полукругу изящные арки. С округлыми изгибами и заострённым верхом, они вмещали в себя небольшой круглый витраж, как в католическом соборе. В грубой, промышленной картине депо это смотрелось неуместно красиво.

В кабине машиниста теплился слабый свет. Инга без промедлений понеслась к двери, но Миль остановил её:

– Знаешь... Я, пожалуй, вернусь. Побуду на стрёме, а если что – сообщу. Чтобы тебя здесь не поймали.

Девушка уже поставила ногу на первую ступеньку, но порывисто спустилась. Протянула руку к зависшему в воздухе коту:

– Эй, ты чего? Не хочешь познакомиться?

– Да нет, – тот уклончиво мотнул головой, – Просто... Волнуюсь за тебя, дурёха!

Инга нежно улыбнулась. В полумраке ангара огонь в груди высвечивал её растянувшиеся губы:

– Хорошо, лети. Я постараюсь недолго.

– Лучше не обещай, – Миль махнул хвостом и лихо, на всех четырёх крыльях унёсся наружу.

Зараза он всё-таки... Но заботливая.

Девушка проводила его взглядом, в следующий миг бросаясь к кабине. Ухватила за боковую ручку, подтянулась, распахнула дверь:

– Нох, ты вернулся!

– Инга-а! – она его ещё не видела, но слышала.

Девушка пробралась внутрь. Ей так хотелось обнять Душу поезда, или хоть пожать ему руку. Прямо до дрожи! Но она кое-как уняла желание.

Нох встал с кресла машиниста, распахнув объятия. Потом с понимающей улыбкой кивнул, опуская руки:

– Слушай, так рад тебя видеть!

– А я-то как рада! – она захлёбывалась словами, – Ну как ты, расскажи? Как дела на флоте? Что нового в небе? Как там вообще?

– Ну... – он припоминающее поднял взгляд наверх, – У Небесного флота дела обстоят неплохо. Кораблей Весны пока не видать, так что все напряженно ждут. Запасы пополняют. Левтина сказала, что даст мне только часов шесть отдохнуть, и снова надо грузиться.

– Ну вот, – протянула девушка с досадой.

Ей действительно стало грустно... Нох только вернулся, и снова должен улетать.

– Не дрейфь, подруга, – усмехнулся машинист, – За горем счастья не заметишь. У меня же целых шесть часов на поболтать! Ты тоже давай, рассказывай, что у вас тут новенького случилось.

– С новеньким сам знаешь... – усмехнулась она по-доброму, – ...у нас дефицит.

Девушка, скрестив ноги, уселась на полу кабины. Нох её

поддержал.

Они говорили и говорили. Сначала взхлёб, с ажиотажем, потом чуть спокойнее. И всё равно не могли наговориться... Надыхаться всласть этой морозной атмосферой. Друг другом. Девушка выложила машинисту всю свою жизнь в мире Зимы, и он слушал её с интересом в смешливых глазах. Так неожиданно хорошо было им обоим. Таким душевным вышел разговор.

– Да уж, – смеялся мужчина, – А Гео твой тот ещё фрукт.

– Ну, он не мой, – она с картинным смущением подняла глаза к потолку.

– Почему он всё-таки ушел? Ты не думала об этом?

– Думала...

Инга внезапно посерьезнела. Выдохнула, отводя взгляд в сторону. Перед глазами чертились точные линии порога, угла панели, но девушка их не видела.

– Честно сказать, мысли – одна хуже другой. Может, я ему надоела, может, он куда-то вышел, и с ним что-то случилось. Вдруг он вообще Солнцу попался? Хоть грубиян, но он спас мне жизнь, и я... Тяжело признаваться, но я переживаю за него. Надеюсь, он хотя бы жив.

– Ц-ц-ц, наивная ты душа, – выдохнул Нох, цокая языком, – А если ты нужна ему была для чего-то? Может, он хотел украсть твой огонь?

– Не украл же!

– Просто не успел! Или что-то помешало.

– Нет, – отрезала она, – Я уверена, он бы мне не навредил. За его тяжелым характером трудно разглядеть, что на самом деле он... Х... Хороший.

Инга едва выдавила из себя эти слова. И сама же расхохоталась, в смущении закрывая ладонью пол-лица:

– Ну вот сказала...

– Оу, – хитро усмехнулся мужчина, – А ты, подруга не...

– Нет! – она порывисто всплеснула руками, – Просто я ему обязана. И судьба у него... Тяжелая.

– Да-да, и никто его, бедняжку, не понимает, – Нох поднял вверх колено, сложив на него руки и подбородок, – Из века в век женская натура не меняется. Сколько ни смотрю.

– А ты у нас знаток? – настала очередь Инги хитро осклабиться, – И кто она?

– Что? – мужчина изобразил наивное удивление, но девушку не так просто было провести.

– Та, с кем ты хотел поговорить.

Лицо машиниста вытянулось в изумлении, теперь вполне естественном.

– Не прикидывайся, – Инга махнула рукой, – Я прекрасно поняла ещё тогда. Разговаривать тебе хотелось не с кем-то, а с вполне конкретным человеком. Так кто она?

– Ну... Она... Это... Хе-хе, – машинист с улыбкой потрепал волосы на затылке, – Как ты узнала вообще?

– Женская интуиция. Ну-у?

Нох сверлил её смущённым, улыбочивым взглядом. Ещё

секунду... Потом сдался.

– Аи, ладно! Иди сюда, – он приглашающе махнул пальцами, поднимаясь с пола.

Девушка последовала за ним.

Нох встал боком у левого окна кабины. Выглянув незаметно, он показал Инге куда-то в пространство за аркой:

– Видишь, там через ангар стоит поезд – Ласточка?

Девушке пришлось прислониться вплотную к стеклу, чтобы что-то разглядеть. Арка действительно открывала вид на следующие пути, но те были пусты. За ними снова арка. А уже за ней виднелся тёмный бок и светлое окно локомотива. Инга не могла видеть, как он выглядит, но что-то подсказывало, что он очень красив.

– Это Грея, – ласка в голосе Ноха разлилась ощутимым теплом по морозной кабине, – Вон там в окне. Видишь?

Девушка всмотрелась внимательнее. Действительно, в махоньком окошке рисовался нежный девичий силуэт. У Грей были накатывающие, рокошующие волны волос, цвета спелой пшеницы, и тяжелый, осмысленный взгляд. Она читала книгу, а тонкие руки переворачивали страницы в очаровательной обречённости.

– Её-то я и люблю, – вздохнул Нох, – Уже очень... Очень давно.

– Она знает? – Инга резко подняла голову, – Ты говорил с ней? Что она ответила?

– Хе-хе, тише-тише, – мужчина с мягкой улыбкой поднял

руки, успокаивающе похлопывая по воздуху, – Да, говорил. И да, знает. Более того...

Он обернулся на неё. А Инга впервые увидела, как любящее сердце может приласкать одним взглядом. Как обнять сокровенный силуэт, весь, без остатка, только лишь глазами.

– ...она тоже любит меня.

В хрустальной тишине сочным плодом повисла тоска. И треснуло что-то жизненно важное в мироздании.

– Мы были предназначены друг для друга. Но при жизни так и не встретились. Нас развела история и отделяли целые поколения. Оттого ни она, ни я не смогли найти своей любви. После смерти мы встретились здесь... И это было величайшее счастье.

– Но... Тогда я не понимаю...

– Жизнь Души поезда – отчаянно одинока. Мы не можем дотрагиваться до кого-либо, ведь любое прикосновение спровоцирует выброс невероятного количества энергии. Взрыв сметёт всё, что будет рядом. Это очень опасно, – больших усилий ему стоило оторвать взгляд от стекла.

Нох упал в потёртое кресло. Согнулся, опираясь локтями о колени, и закрыл лицо руками.

– Левтина, узнав о нашей любви, развела нас по разным путям. Раньше мы всё время были вместе, теперь же не сталкивается ни в ангаре, ни на погрузке.

– Вот же она!.. – возмущенно начала Инга, но парень прервал её.

– Нет, что ты. Она поступила правильно. Дабы мы не мучились лишней раз своим положением, она сделала так, что мы вообще не встречаемся. Это... Милосердие. Я думал, если перестану видеть её, то забуду... Но такое не забывается.

Он медленно выдохнул. Девушка смотрела на машиниста во все глаза, и так хотелось ей подбодрить его. Погладить отчаянно выгнувшуюся спину, потрепать волосы. Сказать, что всё обязательно будет хорошо, и они ещё смогут обрести счастье. Но... Она не могла.

Рука застыла над натянувшейся формой. Инга сжала пальцы. Как ужасно... Не иметь возможности коснуться. Ощутить чужие прикосновения. Отчуждение от мира, как высшая степень одиночества. Ведь никто и никогда не сможет быть к тебе ближе, чем на расстояние слова.

– Знаешь, – голос его стал тише, – Я всё ещё мечтаю. Когда-нибудь... Хоть раз коснуться её руки. Коротко... Всего мгновение. Больше мне в этой жизни ничего не нужно.

Едкий ком встал в горле. Глаза горько, предательски защипало.

Нох порывисто распрямился, и Инга едва успела убрать руку из-под его спины.

– Но это невозможно, – он поднял на подругу опустошённый взгляд, – Потому не встречаться всё же лучше. Так меньше боли. Или мне только кажется?

Инга смотрела ему в глаза. И что-то рвалось из неё. Что-то хотело выйти наружу. Слова ли это поддержки, соболез-

нования или слёзы, она не знала. Лишь что-то мучительно рвалось. Но так и не нашло выхода.

За секунду до откровения в распахнутую дверь кабины залетел взъерошенный Миль:

– Инга, тебе лучше поторопиться! Там у входа тако-о-о-ое!

Глава 8. Встречи.

Переполох устроила маленькая девочка. Нет, она ничего не делала, просто стояла на входе. А вокруг неё кипели, бурлили и жужжали работники депо.

Девушка утёрла рукавом одиноко скатившуюся слезу. В её голове ещё жили слова Ноха и отчаянная, горькая тоска. Но ширь звездного неба и суетливый шум поездов успокаивали, будто нянчили в колыбели растревоженную душу.

Когда Инга подошла, обсуждение в толпе уже разгорелось:

– ...Такие вопросы надо решать с Левтиной!

– Да чего тут решать? Это же ребёнок!

– И что? Что ты предлагаешь с ней делать?

– Товарищи, но мы же не оставим её просто так?

И всё в таком духе. Вклинившись между людьми, Инга в первые минуты пыталась понять по разговорам, что происходит. Миль кружил над толпой, внося свою лепту в общую атмосферу напряжения и суеты.

Народ сгрудился кольцом вокруг маленького ребёнка. Девочка в очаровательном розовом платьице из фатина, в растёгнутой курточке и тёплых, шерстяных штанах, выглядывающих из-под подола, стояла, потупив очи. На вид ей было лет пять-шесть. Складывалось впечатление, что она заглянула в депо к усталым работягам в заснеженных телогрейках с весёлого детского утренника.

В Инге смутно зашевелилось странное чувство.

– Что стряслось? – спросила она тихо у мужчины рядом.

Совершенно случайно это оказался её сосед в цепочке погрузки.

– Вот, пришла... Девочка, – тот скрестил руки на груди, –

Просит оставить её здесь, мол, за ней гонится Солнце.

Чувство усилилось.

– А где начальница?

– За Левтиной послали, но она сейчас поезда отправляет.

Вроде, скоро будет.

– Интересно...

Миль порывисто спикировал ей на плечо. От толчка Инга чуть не упала, но удержалась.

– Пугаешь, блин!

– Сложно приземляться в скопление народа, между прочим! – фыркнул кот, тут же переходя на заговорщицкий шепот, – Нам ведь не нужны эти проблемы, правда? Если за ней идёт Солнце, значит через какое-то время он будет здесь?

– Не спеши с выводами, – девушка аккуратно огляделась.

Ей не хотелось разговаривать среди людей, и она так же незаметно выплыла из толпы, как и вошла в неё минуту назад. Полезно бывает посмотреть на ситуацию со стороны... Даже если за переживающими не видно виновницы.

– Что-то здесь не так, – Инга обняла пальцами подбородок, – Зачем она пришла?

– Разве не ясно? – в широко раскрытых глазах Миля чи-

талось суетливое беспокойство, – По той же причине, что и мы. Солнце не может сюда добраться.

– Нет, я не об этом. Почему она... Здесь? В общем, я не понимаю. Её преследует Солнце. Но зачем ему маленький ребёнок? Тем более... – её внезапно осенило, – ...Погасший.

Инга поняла, что за чувство обуяло её. Тревога. В ней смутно шевелились тревожные воспоминания.

– Нет... – прошептала она, – Не бывает таких совпадений.

– Каких? О чём ты? – Миль порывисто мотал головой, переводя внимание то на толпу, то на Ингу.

Договорить им не дали.

– Так, собрание!.. Живо расступились! – по снежной тропинке на всех парах шествовала Левтина.

За ней теньями текли замы-подхалимы. Их не сразу можно было заметить.

Начальница топала по снегу в изящных закрытых туфлях. К строгой юбке припала россыпь снежинок. Страницы бордовой тетради заложены стеклянным пером. В целом суровый вид женщины недвусмысленно намекал, что её не стоило отвлекать от работы.

– Что тут?

Работяги разомкнули кольцо. Сердитому взгляду начальницы открылись невинные детские глазки.

На миг... Всего на мгновение губы Левтины дрогнули. Инга видела это со своего места.

Однако начальница взяла себя в руки, спрашивая всё тем

же строгим тоном:

– Что ты здесь делаешь, дитя?

А девочка... Расплакалась навзрыд. Утирая кулачками частые слёзы, она затынула жалобно:

– Тётенька-а-а... Помоги-и-ите, пожалуйста. Меня Солнышко сжечь хоче-е-ет. Я знаю.

Женщина, надо отдать ей должное, держалась стойко.

– Почему Солнце хочет тебе навредить?

– Он плохо-о-ой, – снова заныла девчушка, – Он очень-очень страшный. Тётенька-а-а, помогите.

Левтина сглотнула ком в горле. Огромная толпа рабочих, которыми она руководила, уставились на неё в едином порыве. По их глазам нельзя было сказать однозначно, к какому решению они склоняются. Ситуация выходила двойкой. Женщина поступила мудро:

– Какие мнения, коллектив?

Людская масса мгновенно взорвалась возгласами:

– Она же ребёнок! Чем она может быть здесь полезна?

– Если просто прятаться, так надо было всех тогда брать!

– Столько народу без работы осталось!

– Ну чего вы все, она же ребёнок!

– А и что? За ней присмотр нужен! Ты что ли будешь смотреть?

– Товарищи, а если она здесь поранится? Или в поезде случайно уедет?

Ну, конечно. Ребёнок – это лишние проблемы. И никому

они не нужны.

Левтина легко уловила волну настроения. В целом большинство если и не было открыто «против», то согласилось бы с таким решением. Женщина уже набрала в лёгкие воздух, чтобы дать ответ, но вдруг...

– Это жестоко!

Гул голосов оборвался. В мгновение множество взглядов устремились... На Ингу. Даже начальница смотрела вопрошительно, а двое замов из-за её спины с нескрываемым ужасом.

Миль от такого внимания вжал голову в плечи, прошепав:

– Ты чего творишь?

– Сама не знаю, – шепнула она, а в ответ толпе бросила громче, – Товарищи, это жестоко. Взгляните на девочку. Она одна в незнакомом мире, напугана, погасла, и в совершенном отчаянии. Вспомните себя на её месте? Когда вы только пришли сюда, разве вам не было страшно?..

Девушка на ватных ногах двинулась к ребёнку. На неё, широко раскрыв глаза, смотрели все. Но больше остальных была удивлена сама девочка.

– ...Мне вот было, и даже очень. А я – взрослый человек. И вы все – взрослые люди, – Инга присела на корточки рядом с пришедшей, пальцами обнимая её плечи.

Но повернулась она к Левтине. Ведь бравая речь была в большинстве своём для неё.

– А она – маленький ребёнок. Мало того, что умерла в

пять лет, так её второй раз хотят убить! Ну что мы, звери какие что ли? Пусть поживёт здесь, привыкнет, придёт в себя.

– Хорошие слова, Инга, – жестко бросила начальница, – Но бесполезные без дела. Коллектив прав, ребёнок требует присмотра. Вы готовы взять на себя такую ответственность?

– Почему нет? – девушка нежно улыбнулась, – У меня есть сестра на той стороне, мне не привыкать.

Левтина медлила. Инга сверлила её взглядом снизу вверх, вложив в него всю нежность, что смогла наскрести по сознанию. Но чувствовала, что этого недостаточно. Нужно что-то ещё.

– Зиме ведь... Важен каждый, – мягко припечатала она.

Это сработало. По толпе покатались неуверенные одобрительные кивки. Шепот становился теплее и громче. Кто-то уже говорил:

– А может и правильно?

– Не зверюги же мы – ребёнка выгонять.

Начальница снова поняла всё верно.

– Что ж, – выдохнула она, сдаваясь, – Если Вы, Инга, берёте присмотр за ребёнком на себя, тогда позволяю ей остаться. Но учтите! Она не должна мешать работать. Никому. Вам в том числе.

Девушка благодарно просияла:

– Конечно! Она не будет! Спасибо Вам огромное!

Девочка к умилению окружающих бросилась Инге на шею. Та обняла её в ответ, поглаживая по растрёпанной при-

чёске. Малышка плакала, а у девушки затекли ноги сидеть на корточках, но встать она тоже не могла. Обалдевший от происходящего Миль нарезал круги вокруг парочки.

– Ну всё, не на что здесь больше глазеть, – сурово крикнула Левтина, – Кто работал – за работу, кто отдыхал – продолжайте. Вперёд!

Вот так строго и по порядку всё было у этой женщины.

Начальница удалилась первой, за ней потянулись замы. Рабочие тоже постепенно расходились. Некоторые подходили к Инге, захваченной пухлыми детскими ручками, похлопывая её одобрительно по плечу. Кто-то говорил, что она молодец и правильно поступила. Ну конечно... Из вас-то никто ответственность взять не захотел. Нет, в целом все они не плохие люди, просто толпа – штука жестокая.

– Ну всё-всё... Теперь всё будет хорошо, – Инга похлопала девочку по голове, и та отстранилась.

– Спасибо Вам, тётенька, – она шмыгнула носом, утираясь рукавом куртки, – Не бросили меня. Обещаю, я буду послушной-послушной. Вы не пожалеете!

Инга тепло улыбнулась:

– Я и не собиралась. И да... Зови меня Инга. Я ещё не старая, чтобы называть меня «тётенькой».

Малышка с готовностью кивнула:

– Хорошо!

– А тебя как зовут?

– Лора!

– Очень красивое имя. А это Миль, – девушка мотнула головой в сторону кота.

Тот напряженно кивнул в ответ.

– Какая ла-а-апушка, – протянула Лора, но объятий не расцепила.

Инга лихорадочно перебирала слова в поисках нужных:

– Ты... Наверное, очень устала, пока добиралась сюда. Пойдём, я провожу тебя до моей... Ну, комнаты, назовём это так. Ты там посидишь, пока я не вернусь. Мне нужно идти на погрузку. А когда приду, мы с тобой наклеим тебе игрушек из снега. Идёт?

– Идэ-ёт! – восторженно закричала она.

Инга поднялась, взяв маленькую детскую ручку в ладонь. Ноги разогнулись с благодарностью.

Девушка вела гостью до бытовки, а Миль летел за ними следом нервозными кругами. На фоне чёрного, звездного неба он казался заблудившейся белой вороной. Как ни пытались фонари выкрасить его снежную фигуру в золотистый цвет, ничего не получалось.

Разместив девочку в бытовке на раскладушке, Инга поспешила уйти. Кот полагал, что останется развлекать Лору, но девушка незаметно махнула ему головой в сторону выхода.

Лишь когда за гостьей закрылась дверь, и они отошли на достаточное расстояние, он спросил:

– Ты что устроила? Тебе ещё три часа до погрузки, и...

– Тш-ш, – девушка приложила палец к губам, и, оглядевшись, нырнула за стену пустого, приземистого здания.

Уровень снега здесь был выше, оттого Инга почти касалась головой козырька.

– Ты что, ничего не понял?

Зависший в воздухе на задних крыльях Миль, только развёл передними лапами:

– Неа. Ты для чего нам эти проблемы прописала? Новый всплеск альтруизма? Я, конечно, понимаю – ребёнок, но...

– Да не ребёнок она! – девушка сжала пальцами переносицу.

Глаза кота раскрылись ещё шире. Зрачки сузились в две едва заметные полоски:

– Как это?

– Ты помнишь... А, ты не помнишь, ты спал. Часовщик рассказывал мне о девочке, которая приходила к нему вместе с Гео. Он думал, что она его и погасила.

– Ребёнок?

– «Внешности в этом мире нельзя доверять». Так сказал Гео. Откуда он, по-твоему, это знал?

– Из личного опыта, – догадался кот, – Ты полагаешь, это она? Та маленькая девчонка, что обманула твоего знакомого и похитила его огонь?

– Именно! Сам посуди, не бывает таких совпадений.

– Подожди-подожди, – Миль выставил вперёд лапки, мотнув головой, – С чего ты решила, что она взрослая?

– Удивление. В её глазах, когда я начала говорить, было удивление. Ребёнок, увидев, что за него заступились, смотрел бы с благодарностью. Ну, может настороженно, но никак не с удивлением! Она не ожидала, что я за неё вступлюсь! Как думаешь, может быть пятилетний ребёнок с запасом взрослого, жизненного скептицизма? Нет, она лишь играет дитя.

– Слабое доказательство, не находишь? – Миль недоверчиво цыкнул зубом.

– Мне его на суде не представлять.

– Погоди-погоди, – в кошачьих глазах появилось осознание, – Если ты считаешь, что она опасна... Зачем ты привела её к нам?

– Именно поэтому, – улыбка девушки лучилась азартом, – Она здесь не случайно. Вся эта история про Солнце – ложь. Ей кто-то нужен. И я хочу выяснить, кто. А ещё... Хочу узнать, что же случилось с Гео, и где его огонь сейчас.

– Ты не думаешь... – недоверчиво прищурился Миль, – ...что, если она охотится за пламенем, то пожаловала сюда по твою душу?

Девушка сжала губы в ухмылке:

– Тем интереснее.

Инга чувствовала, как зажигается. Огонь внутри искрил от хищного напряжения. Девушка сжимала пальцы и кусала губы, судорожно обдумывая план. Нужно быть предельно осторожной. Если Лора действительно не та, за кого себя вы-

даёт, то все в депо под угрозой. Настал конец скучным, рутинным дням на погрузке. Начиналось что-то опасное и интересное. От предвкушения по замёрзшей коже бегали мурашки.

– Миль, – она наконец взяла кота на руки, задумчиво почесывая его за ухом, – Присмотри за нашей гостьей, ладно?

***

Первое, что он поучаствовал, влетая в этот мир... Здесь холодно. Жестоко, умопомрачительно, болезненно холодно, что хотелось вывернуться наизнанку, лишь бы не мёрзнуть. Они провели в этом мире чуть больше двух суток, а его уже тошнило от мороза. Как не мёрзла его спутница – вселенская загадка. Но она и так... Отмороженная. Ей уже ничего не страшно.

Они крались по пустым городским кварталам. Лишняя предосторожность в таком деле никогда не повредит, тем более их не должны видеть. В их маленькой группке легко узнать жителей других миров. Хотя от этого мороза все четверо уже посинели под стать местным мертвецам.

Он шел вслед за девчонкой. Их сопровождали двое верзил – без мозгов, без принципов, одни мускулы. Это хорошо. Думать должен он.

Девушка бодренько свернула в сквер, укрываясь сенью светящейся кроны. Что за фантазия – горящие деревья? Сколь-

ко не протаскивай через них огонь – они всё равно мертвы. Ветки уже не бросятся листвой, корни не вкусят воды. Хотя... Тут и воды-то нет. И земли. Один бескрайний, вездесущий снег. Из чего расти деревьям?

Ужасный мир. Не потому, что ужасен на вид, а наводящий ужас.словно пустыня отчаяния, безысходности и одиночества. А среди неё небольшой оазис, где живут люди, притворяясь, что им весело. Договорившись, что ничего плохого не существует. Страшно... Он бы так не смог.

Сквер вмещал в себя небольшую площадь с фонтаном. Три разноразмерные пиалы облепил снег, словно стекал по стенкам. Орнамент на самой крупной чаше напоминал белку, скачущую по веткам среди шишек.

Он невольно поморщился, отворачиваясь. Хотелось домой. Ужасно хотелось домой.

Выйдя из сквера, девица повернула к одному из домов. Ничем не примечательный, он стоял на отшибе, а за ним начиналась Пустошь. Сейчас непрощенный гость был рад, что девятиэтажка закрывает вид. На мертвенное море Снежной пустоши он насмотрелся на всю жизнь вперёд.

– Не далеко? – спросил он, догоняя девицу в два шага, – Заманить её сюда будет проблемой.

– Ты такой непонятливый, – она перекинула голову через плечо, на губах заиграла издевательская улыбка, – Она сама к нам придёт. При их связи, он достанет её на другом конце Вселенной.

Девчонка была низкой, едва доставала мужчине до плеча. Иссиня-черные волосы сплетались в два длинных хвоста сзади, открывая внутренние золотисто-одуванчиковые пряди. Несмотря на мороз, девушка топала в коротком платье. Оно обхватывало тонкую фигуру сверху, растекаясь пышным кружевным подолом до колен и такими же широкими рукавами. Озорно обнаженные ноги защищали высокие сапоги на шнуровке. Само платье, глубокого синего цвета, невероятно подходило обстановке. Мужчине холодно было на неё смотреть.

Она топала налегке. Огромные сумки за ней тащили два верных помощника.

Мужчина невольно поёжился, закутываясь сильнее в плащ. Даже у них в землях Синих снегов не такая холодина.

В подъезде дома девица остановилась. Она оглядела темноту, будто вправду что-то видела. И потопала на самый верх. Уже на лестнице, запыхавшись и обливаясь ледяным потом, мужчина ловил своё выпрыгивающее сердце и думал... Что она над ним издевается! С неё станется. Такая может.

– Зачем мы туда идём? Не могла в подъезде оставить?

– Ты же не хочешь, чтобы наш подарок нашел кто-то другой, – смешливо обернулась она, – Так что топай, старичок.

Ну да... Она молодая – ей легче. Но так не хотелось уступить хоть в чём-то.

Мужчина поднажал. Несколько ступенек в быстром тем-

пе, и сердце окончательно отвалилось. До девятого этажа он добрался, лишь с силой вцепившись в перила.

Девушка открыла дверь... Первую на лестничной клетке. В квартире было пусто и как-то по-особому одиноко. Морозный воздух загустел от пережитого напряжения, что его можно было ложкой размешать.

– Будет забавно, если всё случится здесь. Ребятки, – она засвистела, словно манила собак, – Мои вещи будьте добры.

Два бугая на одно лицо послушно скинули с плеч сумки. Девчонка в кошачьем прыжке кинулась на поклажу, с азартом отыскивая что-то внутри.

Мужчина их содержимого даже касаться не хотел. Очень уж оно было... Взрывоопасным.

– Учти, не должно рвануть раньше времени. Ты поняла? – он скрестил руки на груди, наблюдая за тем, как она размещает в гостиной золотые солнечные часы, – Вообще не должно рвануть! Мы потом проблем не оберёмся.

Росчерк ухмылки тронул её губы:

– Ты не доверяешь мне?

Конечно нет. В их деле вообще нельзя верить чокнутым, но по роду занятий приходится иметь с ними дело.

Девушка сидела на коленях на полу. Она миловидно возилась с механизмом тонкими, маленькими руками, всем видом напоминая играющего на ковре ребёнка. Только её игрушки могли разнести здесь всё.

Она крепила треугольную стрелку к разборной платфор-

ме больших солнечных часов. К стрелке цеплялись два маленьких контейнера, уходящие чёрными проводами к боку циферблата. Внутри первой стеклянной колбы хищно плескалось что-то красное. Вторая была пуста.

Девчонка достала из сумки свой дьявольский аппарат. На вид ничего особенного... Песочные часы без подставок. На конце одной из чаш игла шприца с небольшой шестерёнкой. Но мужчина видел, что они могли делать.

Внутри парил, мечась и переливаясь, золотой песок. Время... То самое время, которого отчаянно не хватает, когда необходимо, и которого мучительно много, когда не надо. Сколько времени, что можно было бы прожить.

Воткнув иглу в пустую колбу, девица повернула язычок шестерёнки. Та с готовностью закрутилась по часовой, выпуская из себя переливчатые струи песка.

– Заложил побольше, – вставил мужчина, непроизвольно потирая след от иглы на запястье, – Мы теперь располагаем годами.

Она ослабилась:

– Чем больше времени у него, тем меньше у нас. Чтобы уйти.

– Успеем.

Девчонка перевела на него хитрый, блестящий взгляд:

– Успеем, говоришь?

Пух!!! Всё произошло мгновенно. Он и рук не успел расцепить.

Всего секунда... Одно мгновение просочилось в красную колбу, и мир вспыхнул. Замёрзшая квартира наполнилась жаром. Мужчина успел почувствовать, что согрелся, но с ужасом понял... Это тепло смерти.

Горячая волна бросилась на него коброй. Не дотянула каких-то десять сантиметров. И мгновенно погасла. Словно язык пламени вспыхнул, облизав жаром подбородок, тут же потухая.

Мужчина стоял, сцепив руки. Всё ещё жив... Одним мгновением больше, и на его месте осыпалась бы горстка пепла. Так близок к гибели он ещё никогда не был.

В уши не сразу залетел девичий смех. Мужчина смотрел на неё сначала без звука, не понимая картинки, что транслировали глаза. Потом осознание пришло. Девчонка хохотала в голос, завалившись на спину и удерживая руками бока.

– Это... – он едва смог сдержаться, чтобы не заорать и не уронить авторитет, – ...вообще не смешно!

– Аха-ха-ха-ха-ха! Умора!

Девчонка махнула рукой. А почему она лежит? Да ещё так неудобно. Сначала сидела на коленях, а сейчас будто бы свалилась назад. До сознания медленно дошло, и он... Заорал:

– Ты что, специально это сделала?! Совсем головой поехала! Ты могла меня убить!

Девушка резко перестала хохотать. Легко поднялась на ноги, отпружинив от пола, она прошла вплотную к собеседнику.

– Нет, не так. Я могу тебя убить. Так что смотри в оба.

Совершенно беззастенчиво она щелкнула мужчину по носу.

***

Разборки в холле на неделю, не меньше. Гео безрадостно возил метлой по полу, сметая шестерёнки в кучки побольше. Лев так же без энтузиазма собирал всё в мешок.

– Да уж... С корабля вроде уволили, а «драить палубу» пришлось и здесь, – пошутил он.

Гео поддержал его безликой усмешкой.

Башня охала, ахала и постанывала. Атмосфера скорби витала в воздухе, оттого убираться было вдвойне тяжело.

– А-а-арпф, – Гео протяжно зевнул.

Мозг отказывался работать. Парень по сотому разу прокручивал одни и те же тревожные мысли. Тревожными они быть перестали, но к ответам не приблизили. Какова цель диверсантов? Как они прошли сквозь купол? Помог ли им кто-то из Зимы? Если да, то кто и почему? Неужели кто-то здесь может настолько не любить этот мир... даже больше Гео... что решился на предательство? Мысли о похищенном времени опять же не давали покоя.

– Что намереваешься делать? – неожиданно спросил друг.

На лице парня отразилось непонимание:

– Ты о чём?

– Я по глазам вижу, – хитро усмехнулся Лев, – Что-то надумал.

– Мне не даёт покоя мысль о человеке, который, возможно, помогал диверсантам. Он и дальше будет их поддерживать, а значит – найдём его, найдём и группу.

– Легко сказать. Как ты его вычислишь?

– Ну... Мне кажется, это должен быть кто-то из верхушки. Другого вербовать не имеет смысла.

– Почему?

– Потому что обычные жители мало знают. Здесь же как? Человек выбрал колею и идёт по ней. То есть... Как в реальности. Нашел жильё, дело по душе или работу, и сценарий жизни более-менее готов. Обыватели многого не знают об этом мире вообще, им хватает того, что составляет их жизнь в частности. Потому, если вербовать, то человека, знающего о мире всё.

– Всё знает только Зима.

– Именно. И только от Зимы можно всё узнать. Какой вывод?

– Нужно... – задумчиво протянул Лев, – ...искать в её ближнем кругу. Среди тех, кто с ней часто общается.

– Именно.

– Но как ты собираешься разговаривать с ними? Где ты их найдёшь? Не пойдёшь же просто в Министерство, и на птичьих правах...

– Не придётся! – послышался крик с лестницы, переме-

жаемый быстрыми шагами.

Часовщик сбегал вниз. Уже спокойный, и, кажется, весёлый.

– Заканчивайте с уборкой, ребята. Мы едем во дворец Зимы.

Парни недоумённо переглянулись:

– А... Но...

– Мы же...

– Всё нормально, меня пригласили, – Хранитель хлопнул Гео и Льва двумя руками по плечам, – Зима решила устроить повсеместную вечеринку в преддверии битвы. В её дворце соберётся верхушка общества, её ближний круг. Это отличный шанс понаблюдать за всеми. Может, кто и обнаружит себя.

– Отличный план, только... – встрял Лев, – На чём мы поедем?

Часовщик оглядел горы шестерёнок. На секунду выражение его лица снова стало удручённым, но он быстро выдохнул:

– Эх... Ладно, всё равно уже не починить. А так польза будет.

Он соединил ладони перед собой, и резко отнял их друг от друга. Между руками зародилась фиолетовая магия, мгновенно разлетаясь по залу без следа. И все раненые пружинки, искорёженные шестерёнки в едином порыве поднялись в воздух. Гео прижал к груди метлу, выпуская кого-то из-под

пругьев. Лев пошире раскрыл мешок. Запчасти часовых механизмов скручивались в воздушном водовороте, рекой выплёскиваясь на улицу. Башня радушно распахнула им двери.

Там на утоптанном снегу шестерёнки собирались в нечто невероятное. В оконном свете блестели медь и золото. Смутный хоровод кусочков сплетался в изящную металлическую карету. Все стенки, колёса, облучок были созданы из полуманых часов. Даже лошади... Да, карета была запряжена тройкой механических лошадей.

Гео не выдержал, выбежав наружу. Часовые кони пробуждали дикий восторг. Медная грива, золотистые, светящиеся глаза. Они казались чем-то из другого мира. Механическая конструкция выглядела внушительной и опасной. Кони были ураганом.

– Ну... Как тебе? – хитро усмехнулся Часовщик за левым плечом.

Пускай Гео душил восторг, он только неопределённо хмыкнул:

– Ничего.

Но и этого Хранителю хватило. Он подошел к часовым коням, а те нежно потянулись к нему мордами. Такие пугающие, они млели от поглаживаний механических морд.

– Давно мечтал завести коня, – улыбнулся тот.

Выбежавший на площадь Лев беззастенчиво носился вокруг кареты с восторженными воплями. А Гео посмотрел на колёса... ими стали огромные шестерёнки с длинными зу-

бья... и страдальчески закатил глаза. Его голову посетила вымученная мысль, какой ужасной будет тряска.

– Прощу на борт! – усмехнулся Часовщик.

Не успел он изящным жестом пригласить всех, как Лев уже сидел в карете, с детским восторгом сжимая губы.

Гео протяжно выдохнул. Куда их понесло?

Сидеть на металлических диванах было, мягко говоря, не удобно. А стоило повозке двинуться, подскакивая на всех встречных ухабах, как Часовщик особенно хорошо осознал свою недоработку. Прочувствовал каждый зубчик этих красивых, но предназначенных совершенно не для колёс шестерёнок.

– Так, – чтобы хоть как-то отвлечься от тряски, начал Лев, – Какой план? Трудно искать того, не знаю кого.

Все почему-то обернулась на Гео. Тот поднял глаза к потолку:

– Ну... Надо посмотреть, кто ведёт себя странно. Какая вообще цель у группы диверсантов?

– Это ты нас спрашиваешь? – друг призадумался, обняв пальцами подбородок, – Мы знаем только то, что Весна хочет уничтожить нас.

– Это слишком абстрактная формулировка. Да, уничтожить, но как это сделать? Понятно, что наши тела можно разбить, но... Война не устраивается ради войны. У всего есть цель. Войны вообще не устраиваются ради уничтожения! Ради захвата территорий или ресурсов, но не для простого кро-

вопролития. Да и территории здесь... Вряд ли те, за которые можно воевать. Чего нашим уничтожением пытается достичь Весна?

– Может, хочет убить Зиму? – Лев переводил глаза с Гео на Хранителя, – Ну, из зависти.

Часовщик покачал головой:

– Исключено. Зиму невозможно уничтожить.

– Почему?

– Чтобы уничтожить её, нужно уничтожить весь этот снег.

Парни выглянули из окна кареты. Словно желали оценить масштаб работы. За городскими кварталами Снежную пустошь уже не различить, но и дома стали вдруг такими большими и массивными. Парни переглянулись, и, дружно кивнув, сошлись на том, что такое уничтожение если не невозможно совсем, то очень-очень проблематично.

– Тогда придётся разрушать целый мир, – хмыкнул Лев.

– Это нарушит баланс, – Часовщик коротко выдохнул, незаметно подкладывая руки под себя, чтобы было мягче, – И Изначальный огонь сожжёт все миры.

Гео слышал о четырёх мирах не первый раз. Но постоянно запрещал себе переспрашивать, оттого пока мало об этом знал. А сейчас... Сегодня он ощущал, как что-то в нём едва заметно изменилось. Он рискнул:

– Расскажите про оставшиеся миры.

Хранитель взглянул на парня оценивающе, словно прикидывал, стоит ли доверять ему эту тайну. Но кажется удовле-

творился увиденным.

– Что ж, изволь. Все миры так или иначе собраны у костра Изначального огня. Ваша реальность, из которой вы пришли, тоже где-то среди них.

– Из которой нас забрали, – вставил парень.

– Не будем вдаваться в детали. Так вот, наши миры – Миры Четырёх времён – это лишь один лепесток из многих. В него входят четыре времени года. Мир Лета располагается к Изначальному огню ближе всего. Оттого там тепло, жизнь, и так далее. Там совершенно обычные смертные люди.

Часовщик бросил короткий взгляд на Льва. Гео проследил за ними, но не придавал значения.

– За миром Лета, дальше от огня, располагаются на одной линии мир Весны и мир Осени. Там, соответственно, холоднее. Но в каждом по-своему. В них ещё достаточно тепла, чтобы поддерживать жизнь. Самый дальний из миров – мир Зимы. До него ореол Изначального огня не доходит совсем, оттого не так давно здесь совершенно ничего не было. Только снег... И Зима. Совсем одна.

Слова повисли тяжестью в воздухе. На секунду представилось Гео, как одинокая рысь скитается среди снегов, зная, что никогда никого не встретит и не найдёт. Вечная ночь... Вечное одиночество.

Резкий отсвет дерева в окне разогнал тоскливые видения. Голос друга вплёлся в картину:

– Как же здесь появился город?

– Весна, сестра Зимы, видела, как та мучается, – Часовщик на секунду замолчал, задумавшись, а потом суетливо добавил, – Ах да. Хранители миров – родные брат и сёстры. Зима – старшая, Весна и Осень – средние, Лето – младший. Тот ещё прохвост.

Часовщик хохотнул, Лев поддержал его коротким смешком.

– В общем, Весна не могла видеть, как сестра страдает от одиночества. К тому моменту в мир Зимы переселился и я, так что... Может мой переезд сыграл какую-то роль. В общем, Весна принесла Зиме кусочек Изначального огня. Совсем маленький. Зима была так счастлива, что выронила пламя из рук, и оно упало на снег. Тепло расплавил его, а когда Зима вновь подняла огонь, то обнаружила небольшую наледь под своими ногами.

– Из неё и родился Лёд, – догадался парень, – Старший сын Зимы.

– Верно. Тогда она поняла, что пламя со снегом могут сотворить невероятное. Создать жизнь, о которой она всегда мечтала. Вы даже не представляете, как она изменилась в тот миг... Когда осознала, что больше не одна.

Улыбка Хранителя проступала нежной и печальной. В эти минуты он был не здесь. Его сознание унеслось далеко, в ту тёмную ночь среди бескрайних снегов, когда в пустом, холодном мире зарождалась жизнь.

– Из кусочка пламени появился Солнце. В день его рожде-

ния Зима выцарапала с неба опостылевшую ей Луну и создала колесницу для сына. А когда он взлетел над снегами, прошептала мне тихо: «И над моим миром взошло Солнце», – он тяжело, с шумом выдохнул, – Зима полюбила своих мальчишек всем сердцем. И не хотела, чтобы они разделили её судьбу.

– То есть, она построила этот город... для них? – внезапная догадка Гео вывела Часовщика из печальной задумчивости.

Он вновь нашел ребят, себя, карету, и согласно кивнул:

– Да. Сначала замок, потом – когда выяснилось, что Солнцу становится плохо над открытым снегом – и всё остальное. Но жить втроём в огромном городе было бы так же одиноко, потому заботливая мать раздобыла жителей.

– Но почему именно мы? Почему наша реальность?

– Думаю, к вашему миру у неё особая любовь. Видишь ли... Зима не связана с Изначальным огнём, но тесно сплетена с Вселенским холодом. Его тьма много шире света пламени, оттого Зима может видеть и знает больше остальных. А к вашему миру как-то прикипела. Она говорила, что видит его во сне, и что он по-особому, вымученно красив. Может, потому ей хотелось сделать свой мир похожим на ваш?

– А люди?

– А что люди? Ваша реальность тоже близка к Изначальному огню, оттого в каждом живом человеке есть его частичка. Попадая сюда, вы её приносите. Когда человек гаснет, его

пламя никуда не пропадает. Оно остаётся здесь, и, чем больше огня – тем шире город. Зима давно уже не строит его сама, всё расширяют люди.

– Казалось бы, – Лев так погрузился в размышления, что совсем забыл про тряску, – Какой замечательный мир. Только Весна почему-то решила его уничтожить.

– А, кстати, – вспомнил Гео, – Как можно перемещаться между мирами? Если здесь до самого горизонта снег, то...

– Ты о Летучих кораблях? – догадался Часовщик, – Как они смогли сюда добраться? Ну да... Между четырьмя мирами есть перемычки. Разве что между Зимой и Летом их нет. Эти пути – вроде ментальных мостов, нужно долго-долго идти в одном направлении. Фокус в том, что живому человеку этот путь не по силам. Он будет таким длинным, что путнику не дожить до конца. А жители Зимы, хоть и своего рода бессмертны, сгорят в мирах теплее этого. Оттого любой поход не имеет смысла. Так что перемещаться по мирам могут только Бессмертные.

– Вроде тебя? – уточнил Лев.

– Да, вроде. Бессмертные проводят за собой смертных. Так что думаю, Весна свои Летучие корабли просто провела через Пустошь. Из своей долины Синих снегов. Она как раз на границе.

Разговор на минуту стих. Озвученная информация настойчиво требовала осмысления, занимая всю голову без остатка. Не оставалось места для боли в затёкших ногах и

отбитой пятой точке. Неопознанные пронеслись за окнами дома, парки и скверы. На несколько минут в проёмы бросились разными цветами вывески магазинов, вспыхнула красным прозрачная витрина ресторана.

Гео напряжённо думал. Что-то не давало ему покоя, что-то настораживало. Сказанное вскользь, но очень важное.

– Ну-ка подождите, – озарение свалилось на голову яблоком, – Что Вы сказали? Весна принесла Зиме огонь. А теперь почему-то хочет уничтожить этот мир. И Солнце начал охотиться за горящими!

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожился Часовщик.

– Ничего, у меня только догадки. Но что, если уничтожить хотят не нас, не мир, а именно город? Чтобы всё стало как прежде, когда здесь было пусто. Что для этого нужно?

– Забрать всё пламя, что есть в мире, – Часовщик задумчиво прикусил губу, – И сравнять город с землёй. Без этого никак. Останется хоть один маленький огонёчек, Зима создаст всё заново. Но... Подожди, зачем это Весне?

– Пока не знаю. Но думаю, она добивается того, чтобы Зима вновь осталась одна. И Солнце как-то с этим связан. Посудите сами, он с недавних пор собирает огонь, сжигает жителей, хотя до этого был всеми любимым источником света. Может, Весна – причина его внезапной перемены настроения?

– Стой-стой! Ты хочешь сказать, что Солнце... Может быть предателем? – у Льва на секунду перехватило дыха-

ние, – Он же – сын Зимы.

– И что?

– Я к тому, что это очень серьёзное обвинение. Ты уверен?

– Конечно нет, – отмахнулся Гео, – Но как хорошо всё сходится. В общем, давайте сосредоточим на Солнце основное внимание. И за окружением Зимы понаблюдаем. Возможно, нам попадётся кто-то подозрительный.

Лев кивнул, щёлкнув пальцами:

– Вариант.

– Поддерживаю.

На волне согласия все зарядились энтузиазмом. Хотелось поскорее доехать и броситься в бой. Но лошади без кучера скакали вольготно, выгарцовывая перед плящимися на них с восторгом прохожими.

Снова ждать. Когда уже обо всём договорились. От нечего делать, Гео вспомнил, что не выяснил одну деталь. Сегодня вопросы давались ему на удивление легко:

– Ах да, совсем забыл. Как можно украсть время?

В следующий миг парень пожалел о своём легкомыслии. Только отвлекшийся от потери, Часовщик вновь впал в меланхолическую задумчивость. Растерял весь запал и поник.

Друг едва заметно пихнул Гео в плечо. Тот мысленно поворчал, что столько сырости из ничего, но потом... Выдохнул, наскрёб остатки сострадания, что завалились в душе, и сказал как можно мягче:

– Знаю, тяжело, но нам необходимо это знать.

– Да... Да, понимаю, – глаза Хранителя подёрнулись дымкой воспоминаний, – Это было давно. Моя Башня тогда стояла в мире Лета.

Гео мысленно выругался, думая о том, как история жизни связана с похищенным временем, но Лев его одёрнул. В глазах друга читалось: «Не вздумай его прерывать».

– У меня... Был подмастерье. Так получилось. Знаете, ребята, время на самом деле может забрать любой. Кто угодно. Просто прислони пальцы к часам, как будто бы пульс хочешь измерить, и забирай сколько хочешь. Но унесёшь ты его недалеко. Хитрость в том, что для любого смертного лишняя секунда чревата смертью. Ну знаете... От переполнения временем. Просто пуф! И всё. Оттого время нельзя хранить в теле. А вот переносить его в часы другого человека могу только я. А мой... Мой подмастерье создал аппарат... Варварский, конечно. Который позволяет перекачивать время безболезненно.

– Как он выглядит?

– Выглядит? Ну... Как песочные часы без подставок. В верхней чаше небольшая шестерёнка, направляющая поток, а дальше игла. Любой человек может вставить иглу себе в руку... Вот здесь, на уровне запястья, – Часовщик постучал по выступившим венам, – Прислонить пальцы к часам и воровать столько, сколько влезет. Беда в том, что, когда часы опустошены и отдают последнее, они словно выворачиваются наизнанку. Потому в Башне такой разгром.

– И Вы молчали! – внезапный крик нарушил тишину.

Все вздрогнули. А Гео вскочил от возмущения. Да, Хранитель пострадавший, но утаить такую важную деталь! Это надо уметь. Парень кипел от злости, и радовался лишь тому, что не узнал этой подробности после вечеринки.

Собеседники смотрели на него, задрав головы с крайним удивлением.

– Это же самое важное! – пришлось сесть обратно, – Получается, что у воров должны остаться на запястьях следы от проколов?

– Ну... Да. Там игла достаточно большая. Подожди, а... А! Я понял!

Льва тоже озарило:

– То есть мы ищем людей с уколами на запястьях!

– Именно! Конечно, если повезёт, и предатель из мира Зимы тоже качал время наравне с диверсантами.

***

Солнце съехал спиной по спинке трона в Морозном зале. На возвышении для царственных особ восседал только он. Два ледяных изящных трона с широкими подлокотниками и короной спицей пустовали. Мама и брат предпочитали бродить меж гостей.

Солнце смотрел и осознавал, как же его всё бесит. Узорная лепнина Морозного зала, высокие, величественные окна

с каймой тяжёлых, тёмных занавесей. Спадающие люстры, похожие на огромные снежинки. Украшения к празднику, столы с едой и напитками из ресторана. И гости... В основном, конечно, гости. Они раздражали его больше остального.

Мозаика на полу дождалась людей. Сейчас по ней бродили сотни пар туфель. Мама решила устроить приём. Повсеместный... По всему городу – по всем предприятиям, домам, квартирам и улицам прокатилась весть о том, что сегодня праздник. И надлежит веселиться. Да уж, радость по приказу... А Солнцу было совершенно не весело.

Он через силу глядел на гостей. Люди кучками разбрелись по залу. Добрая половина сгрудилась у огромной ледяной скульптуры в центре, восхищённо охая и задирая головы. Это был всплеск воды, взметнувшийся к потолку из узорной пиалы. Неровная ледяная поверхность ловила множество бликов, острые края скалились... Статуя вздымалась огнём и струилась потоком. Её создал Лёд... Со злости.

Прошло много времени с драки братьев в этом зале. Лёд с ним так и не разговаривал. Мать тоже избегала младшего сына, словно он в чём-то перед ней виноват.

В проёме створчатых дверей показался Часовщик. Разогнав появлением сумбурные мысли, он приковал внимание к себе. Вопреки обыкновению, он был не один, а в компании двоих парней. Не похоже на него. Одного из сопровождающих Солнце смутно узнал, но никак не мог вспомнить, где видел его раньше.

– Иди пообщайся с гостями, – Лёд возник неожиданно.

Его не было, и за мгновение он появился. Конечно, брат никогда не владел такой магией, просто умел подходить незаметно.

К празднику парень изменил пацанскому стилю, переодевшись в белую рубашку и брюки. Наверняка, чтобы угодить маме. В руках он держал бокал глинтвейна, покрывшегося ледяной корочкой.

– Смотрю, уже не хромаешь, – усмехнулся Солнце.

– Мама вылечила, – брат пожал плечами, отворачиваясь к залу, – Это она послала меня за тобой.

– Значит теперь ты у нас примерный сынок и слушаешься мамочку?

Лёд зло осклабился, но Солнце видел лишь край этой улыбки:

– Я размазал бы тебя по стенке прямо сейчас, братец, если бы это принесло облегчение маме. Но, к сожалению, ты ей нужен живой. Так что поднимай свой сверкающий зад и иди общаться с гостями!

Он гордо ушел, оставив последнее слово за собой.

Солнце кипел от злости. С остервенением поднявшись, он потопал за Льдом, намереваясь высказать ему всё, что он думает, но... Для многих его выход в зал стал сигналом к действию.

На Солнце накиннулись многочисленные министерские секретарши и амбициозные девушки. Одна красивее другой.

Вот же сумасшедшие, и не боятся! Ведь Солнце в последнее время «спятил». Но девицы бесстрашно обступили юношу, щебеча на все лады. А ему хотелось грубо растолкать их, но это бессмысленно. Толпа кокеток уже скрыла от глаз фигуру брата.

Солнце со злостью выдохнул.

– Какой чудесный вечер, неправда ли?

– Вам так идёт это церемониальное одеяние, принц.

– Да-да, подчёркивает цвет глаз.

Почему-то многие упорно называли Солнце «принцем». Хотя ни он, ни уж тем более Зима, никогда не метили в королевские особы. Но, видно, такими их видели.

– Дамы, дамы, прошу вас меня простить, – в девичью разноголосицу вклинился мужской низкий голос, – Я вынужден украсть у вас Солнце на пару минут.

Его подхватили под руку, уводя к балкону. Юноша не сопротивлялся... Лишь бы не эта толпа.

Он шел сквозь разбившуюся на группы верхушку общества, заглядывая в проносящиеся лица. Здесь и генерал Рэйвен беседовал с начальниками заводов по производству боеприпасов. И министр судостроения Марк кокетничал с очаровательной девушкой в лиловом платье. И начальница ткацкой фабрики Ангелина хохотала над шуткой приземистого штабного офицера. Веселье выходило натужным, словно недостаточным моменту.

Спасителем Солнца оказался министр градостроения –

Рид. Милый молодой мужчина, лет тридцати двух, со светлыми отросшими кудрями, и взглядом таким тяжёлым, что мог придавить насмерть. Рид не был злым или опасным человеком. Веса его взгляду прибавлял груз прожитых несчастий. В остальном он был высок, хваток и внушал уважение с первого впечатления.

– Спасибо, – пробурчал юноша, задирая взгляд к лицу Рида.

– Не стоит благодарности, – тот учтиво улыбнулся, – Вам так же будет приятно узнать, что дыру в стене дома по адресу Новоснежная 12 – заделали.

В первую секунду хотелось спросить: «Что за бред?», но потом Солнце вспомнил. Ах да... Он гнался за девчонкой и налетел лучом на дом, спалив стену.

– Но впредь... – голос министра сделался жёстче.

Словно он что-то знал:

– Просим Вас быть более осторожным при управлении транспортным средством. Если Вы не хотите занять проблем до того, как это совершенно необходимо.

На миг внутри всё сжалось. Смутный страх сделал язык тяжёлым и неповоротливым, что Солнце не смог внятно ответить.

Но чувство быстро отпустило. Рид поспешно улыбнулся, кивая на прощание:

– Хорошего вечера.

Он ушел. Спокойно, будто ничего не произошло. Ушел,

оставив Солнце наедине с туманными опасениями. Знает ли Рид о том, почему юноша сжёг стену? За кем гнался и для чего? Расскажет ли матери? Это сейчас Зима игнорирует проблему, но, если кто-то из приближенных пожалуется, что сынок охотится на её любимых жителей, может и не выдержать.

– Хорошая была идея с вечеринкой, тебе не кажется?

Солнце второй раз подпрыгнул. Рядом с ним на задних лапах сидела Зима. Сидела, устремив взгляд на полнящийся гостями зал, словно всегда здесь была. Сегодня она сделалась ростом с человека, чтобы спокойно заглядывать в лица гостей. Это уже слишком! Если прихода Льда задумавшийся юноша мог не заметить, то мамы!..

– Не понимаю, зачем всё это? – надулся он, складывая руки на груди.

«Уж не хочешь ли ты этим удержать меня?» – рвались наружу мысли.

– Ну как же?.. Скоро начнётся война. А я... Так не хочу. Не хочу терять ни одного человека из нашего мира.

– Война – это всегда потери, – безлико отозвался он.

– Да, – Зима глубоко вздохнула, – Потому я всё это устроила. Чтобы посмотреть на них. Я знаю, весь город наш замок не вместит, но я всё равно вижу... Всех. Хочу насмотреться.

– И как? Получается?

– Нет, – она покачала огромной пушистой головой с грустной улыбкой.

Они какое-то время смотрели на людей. На их кипящую,

словно густое зелье, круговерть. То там, то здесь лопались пузыри смеха. Нескончаемым гулом жужжали под потолком разговоры. Все были веселы и беззаботны, так, словно не будет никакой войны. Но лишь Солнце знал это по-настоящему. Все остальные притворяются.

– Людям, особенно в преддверии битвы, важно знать, что существует другая жизнь. И что в ней есть счастье, – Зима перемялась с лапы на лапу.

Юноша саркастически спросил:

– Ты считаешь, они счастливы здесь?

Она перевела на него бездонные, белые с серым зрачком глаза:

– Я верю в это.

Солнце порывисто отвернулся, сильнее сцепляя руки. От чего-то стало ещё обиднее.

За их спинами закрытая дверь балкона колыхнулась от ветра. Морозные узоры на ней обрамляли сцепившийся клубок сияющих улиц. И везде, куда ни посмотри, на весь мир... огромный и очень небольшой... царит праздник. Преддверие битвы. Каждый старается насладиться вынужденными минутами затишья, выжимая из них всё больше и больше. Может, потому счастье такое отчаянное, а веселье бурное.

На импровизированную сцену в другом конце зала вошли музыканты. Группа, что обычно играла в ресторане, сейчас была счастлива выступать во дворце Зимы. Гости приняли их с восторгом. Стоило пролиться первым нотам

музыки, как кавалеры подхватили дам, кружась в порывистом вальсе. Они напоминали снежную порошу, подхваченную и завьюженную ветром.

– Знаешь, – мама отвела бездны глаз на танцующих, – Я не умею создавать миры. Я никогда не видела жизни, в отличие от своих сестер и брата. Этот мир... Получился таким, какой есть. На первый взгляд всё вроде бы верно, но, если приглядеться, много неправильного. Я часто ошибаюсь. Но всё равно люблю этот мир... Весь, без остатка. Люблю каждого, кто в нём обитает. И больше всего... Люблю своих сыновей.

Настала очередь Солнца вперить в мать резкий взгляд. Хотелось бросить ей в лицо всё, что он думает о её любви! Но юноша почему-то не мог.

Он смотрел на маму. На её игривый и несерьёзный кошачий облик, не в силах ничего сказать. А глубоко в нём шевелилось чувство... То самое, что появилось в момент рождения, когда он впервые увидел её. Её лицо... Острое и холодное, которое она давно не являла миру. Любил ли он её? Любит ли? Неожиданно трудно оказалось ответить на эти вопросы.

– Самым большим кошмаром для меня будет... Потерять кого-то из вас.

Слова сошли на него лавиной. Мама сказала то, что он хотел и боялся услышать. Сможет ли он уйти после этого? Сможет ли выполнить задуманное?

– Переживёшь, – буркнул юноша тихо и совсем неуверенно.

но.

Обхватив себя руками, он быстро пошел прочь.

***

Поработать не удалось. Через несколько часов после прихода Лоры, в депо пришло сообщение, что сегодня объявлен всеобщий праздник. Левтина поскрипела зубами, но разрешила рабочим устроить вечеринку. Не успела она договорить, как общий зал взорвался овациями, и люди разбежались кто куда – готовиться к торжеству. В воздухе повисла радостная, предпраздничная суета. Кто-то хотел переодеться, кто-то принести музыкальные инструменты. Ведь какая вечеринка без музыки?

Инга с Милем тоже поспешили в бытовку. А там их уже ждала сидящая на раскладушке Лора. Вытянув ноги, она поигрывала тапочками, шлёпая внутренней стороной о ступни.

– Ты пришла! – пропищала она восторженно, – А то мне совсем скучно.

– Извини, – Инга постаралась быть непринуждённое.

Сбросив с плеч куртку от формы, она повесила её на крючок и взяла в руки пальто.

– Знаю, тут совсем нечем заняться, но я и сама живу здесь недавно.

– А почему там все бегают? – девочка мотнула головой в сторону окна.

– Праздник. Зима объявила. Так что пойдём со мной, будем веселиться.

Лора прищурилась с недоверием:

– Точно будет весело?

– Лучше, чем сидеть здесь. Пойдём.

Девочка нехотя соскочила с раскладушки. Инга к тому моменту переделалась в своё и с готовностью взяла малышку за руку. Пока они шли до общего зала, девушка отчаянно думала, куда бы её незаметно спихнуть? Праздник – слишком удобный шанс, чтобы упускать его. Но Лора в план не вписывалась.

В общем зале чего только не было. Он представлял собой крытый ангар с высоким потолком. По одну сторону тянулись ремонтные пути с ямами, чтобы можно было заглянуть под днище, а на них для приличия стоял один покинутый грузовой вагон. Сломаться в нём могло только крепление, которым он цеплялся к составу. И то не факт. Но он почему-то стоял здесь. В два ряда лежали массивные оси с колёсами. И ещё какие-то непонятные машины, которыми в принципе никто не пользовался.

На другом краю ангара притулились несколько столов, старые диваны и кресла. Их было так много, что казалось, в каждый приход работяг одно-два точно прибавлялись. Кто-то пошутил, что кресла здесь плодятся, как кролики. Зато всем всегда хватает места.

Инга и Лора заняли диванчик ближе к огромному провалу

окна. Миль улётся на спинке, свесив длинный хвост явно для того, чтобы его придавили.

Люди постепенно собирались на праздник. Кто шел с гитарой, кто с аккордеоном. В зоне отдыха отыскалась пара бубнов. Что они здесь забыли? В ком-то проснулся голос. В общем, к началу торжества у тружеников депо был свой импровизированный ансамбль. Договариваться о том, что спеть, и чтобы все знали, пришлось долго. Зато, когда песни находились, их пели хором, все вместе, весело и задорно. Даже вечно строгая Левтина, сидящая чуть поодаль от работы, позволила себе улыбку.

От теплоты посиделок огонь внутри Инги разгорелся жарче. Ей было хорошо, легко, и она... Не сразу заметила выражение лица Лоры. Обратила внимание лишь, когда Миль незаметно ткнул её хвостом.

Девушка скосила глаза. Взгляд девочки стал хищным. Но та быстро поняла, что за ней следят, возвращая своё ангельское выражение.

– А ты... Кгхм, – слова застряли в горле, – Не хочешь выступить? Может, стишок прочитаешь?

Да, нужно её куда-нибудь сплавить.

– Я... Это... – замялась девочка, – Стесняюсь.

– Да ладно тебе, не робей! Посмотри, как всем весело! Уверена, они будут в восторге.

– Ну... Ладно, – не долго же она сопротивлялась.

Лора сама выбежала на воображаемую сцену к ансамблю.

Кто-то из ребят с готовностью поставил ей стульчик, помогая подняться на него. Девочка принялась читать стихи бойким речитативом.

– Ты чего задумала? – Миль отчаянно притворился спящим, говоря с закрытыми глазами, – Вижу же, что-то высматриваешь.

– Хочу пойти к Часовщику, – шепнула она, – Разузнать больше про девочку, что приходила с Гео. И нет, я не сошла с ума.

– Хм... Ну что же, мысль здравая. Если тебе, конечно, надоело жить, и ты хочешь броситься в горячие объятия Солнца.

– Да ладно! Убегала же я от него раньше.

– Раз на раз не приходится, знаешь ли.

– Лучше скажи, как незаметно улепетнуть от Лоры? Она с меня глаз не сводит.

Миль поднялся, сладко потягиваясь:

– Поручи её кому-нибудь. Чего проще? Скажи, что... Например...

– Иду за игрушками, – кивнула Инга, высматривая в толпе знакомые лица, – Идея!

Неподалёку как раз стоял её сосед по цепочке. Какое удачное совпадение. Что ж, выбор очевиден.

Девушка подошла к нему, старательно подбирая первое слово, но мужчина заговорил сам:

– Какая талантливая малышка, – он указал взглядом на

девчушку на стуле, – Сколько стихов знает.

– Да-а, – улыбнулась девушка, – Извините, а как Вас?..

– Леонид.

Мужчина протянул руку, она с готовностью её пожала:

– Инга. Очень приятно.

– Взаимно. А то на погрузке рядом стоим и не знакомы.

– Леонид... Немного неожиданно, но... Могу я попросить Вас присмотреть за Лорой на празднике?

– А что так? – в глазах мужчины мелькнуло тревожное недоверие, и девушка поспешила его развеять:

– Такое дело... Хочу сделать ей подарок. Сходить к Пустоши и наклепать кукол из снега. Но мне на это нужно время, да и сюрприз хочется сделать.

– А-а, – закивал Леонид, – Понимаю.

– Ну вот. Поможете?

– Отчего же нет? Как всё закончится, я её к тебе в бытовку отведу, посижу с ней.

– Спасибо! – воскликнула она, – Спасибо огромное!

Тут же девушка поспешила унести. Подхватив Милю с дивана, она ушла в тот момент, когда Лора увлеклась очередным стихотворением.

Через депо Инга бежала сломя голову. Все рабочие на празднике, её вряд ли кто-то увидит.

– Опасно всё это, – кот летел рядом, настороженно озираясь.

– Знаю, – на бегу отвечала она, – Но у меня других идей

нет. Чтобы бороться с противником, нужно о нём хоть что-то знать.

Они пересекли перешеек меж снегами, оказавшись в городских кварталах. Инга сбавила темп. Она быстро шла и думала... Откуда взялась смелость? В своём мире девушка никогда не ввязывалась в неприятности, а здесь... Да, смерть меняет человека.

За поворотом улицы их встретили трамвайные пути.

– Точно, давай по рельсам, – кивнул в их сторону Миль, – Быстрее будет.

– Ты прав.

В месте, где парочка остановилась, двойное полотно заворачивало по крутой дуге. Трамваи ходили здесь в обе стороны, и на восток, и на запад. Чтобы добраться до Башни Часовщика, Инге нужно было прыгнуть в трамвай, выворачивающий из-за угла и уходящий налево.

Зима остановками не озаботилась. Оттого кто-то прыгал в кабину на ходу, перед кем-то трамвай сам останавливался. Инга чувствовала, что ей надо его именно поймать.

Она подошла вплотную к путям. Но вдруг... Что-то в ней странно заклокотало. Огонь заметался по грудной клетке, будто в страхе. Она застыла на месте, на мгновение перестав видеть мир.

Миль заметил перемену:

– Эй! Ты чего это?

– Я? – она встрепенулась, – Нет-нет, ничего. Так.

Нужного трамвая всё не было.

В горле накручивался тревожный ком. Тело словно наэлектризовалось, и от разрядов трясло.

С другого конца показался вагон. Он шел на запад, а им нужно было в другую сторону, но Инга... Упруго оттолкнулась от снега, разбегаясь по движению, чтобы запрыгнуть.

– Это не наш! – крикнул кот, но его слова потонули в шуме в ушах.

Трамвай догнал её, и девушка на ходу вцепилась в боковую ручку. Легко подтягиваясь, она изящно вспорхнула на ступеньки открытой двери. Вагон был старый, высокий, с импровизированной галерей у стекла заднего вида.

– Ты что творишь? – Миль влетел следом, – Нам же не сюда.

– Мне нужно, – девушка вцепилась в поручень, не уходя из прохода.

Двери не закрылись.

– Что?!

– Ах... Послушай, я не знаю, как объяснить. Просто мне нужно... Туда. Я чувствую.

– Ты же собиралась к Часовщику!

– Знаю-знаю. Успеем.

Мимо них неслись улицы, дома и люди. Трамвай набрал ход, смешивая перед взором картину светлого морозного города. Мелькали горящие окна, вспыхивали деревья. Инга совсем отвыкла от этого вида в депо.

Но сейчас и улицы, и очарование промзон казались ей очень далёкими. Сознание ушло глубоко внутрь, там сжалось и тряслось. То ли от напряжения, то ли от страха. Чего она боялась? Не понятно. В голове царила сосущая пустота.

Миль сидел на поперечном поручне, подложив под себя лапы, и сверлил девушку взглядом. Она приложила титаническое усилие, чтобы просто увидеть его. И ещё более колоссальное, чтобы узнать.

– Что-то ты темнишь, подруга, – прищурился он.

– Сама ничего не понимаю.

К северо-западной окраине странное чувство вытянуло её из вагона. Инга вывалилась наружу, утопая в тёплом свете сквера. Она оказалась прямо у входа, на границе тёмной улицы и светлого парка.

– И зачем мы здесь? – Миль огляделся, – Никого нет.

В туманную голову прокралось удивление. А разве кто-то должен быть?

Очертания деревьев переплелись в глазах. Мир истово вошёл хороводы. Чтобы не упасть, Инга ухватилась рукой за черную, кованую ограду.

– Да что с тобой?! – Миль спикировал на забор, заглядывая девушке в глаза, – Ты в порядке?

– Мне нужно... – дышать стало тяжело, – Нужно идти.

– Куда идти? Что мы здесь делаем?

– Мне нужно!

Она отпихнула кота. Ватные ноги понесли её по широ-

кой дорожке. В груди бушевала буря, пламя рвалось изнутри, стараясь пробить клетку рёбер. Чувство не было похоже ни на что.

– Инга! Да послушай же, Инга! – круживший над ней Миль приземлился на плечо.

Она остановилась.

– Ты ведёшь себя странно! Объясни, что происходит.

– Я сама ничего не понимаю, – она пошла дальше.

– Инга! – кот перелез ей на голову, свешиваясь мордой вниз, – Стой! Посмотри на меня.

Девушка повиновалась. Она снова встала. Пришлось поднять взгляд, чтобы увидеть перевернутую мордочку Миля. А в его глазах... Снежные бури. Пурга и бураны окружали сжавшийся в полоску черный зрачок.

– Нам надо к Часовщику, – гипнотически произнёс он.

– Да... Да, ты прав, – её постепенно отпускало.

Сознание рыбкой прыгнуло из одного омута в другой. И она утопала, блуждая среди вьюги кошачьих глаз. Расслаблялись напряжённые мышцы. Она готова была повернуть назад. Даже развернулась, сделала пару шагов, но вдруг... Пламя взбунтовалось с новой силой. Оно тревожно вспыхнуло, и сознание вернулось обратно в свой уголок.

Девушка пошла дальше через сквер. Мимо неё проносились деревья, пролегла и маленькая площадь с фонтаном из трёх разноразмерных пиал.

– Инга, – кот в отчаянии прыгнул ей на грудь, и девушка

рефлекторно поддержала его руками.

Миль положил передние лапки ей на плечи, заглядывая в глаза очень-очень обеспокоено.

– Инга, всё хорошо. Всё будет хорошо.

Он замурлыкал. Девушка кожей ощущала, как вибрирует маленькое снежное тело, упираясь в мечущийся огонь. А пламя... От мягкого мурлыканья успокаивалось. Как мятежное дитя, накрытое тёплым одеялом.

Рука инстинктивно провела коту меж ушей. Тот прижался головой к ладони. Кошачьи крылья обнимали предплечья и руки Инги. Стало теплее... Спокойнее. В сознание пробрался свет, и девушка лишь сейчас осознала, как же в нём было темно. Что с ней в самом деле? Помутнение... Её куда-то тянуло без всякой причины, стоило лишь войти в город.

Проморгавшись, Инга пришла в себя. Оглядела ландшафт и с удивлением поняла, что оказалась неподалёку от дома, где её оставил Гео. Что её сюда потянуло? Да с такой силой?

– Отпустило, – по её глазам понял Миль.

– Да, вроде. Я ничего не понимаю.

– Я понимаю лишь то, что мы потеряли уйму времени, – кот недовольно взлетел с её рук, бросаясь в обратный путь, – Пошли. Праздник мог уже...

Раздался оглушительный взрыв.

Гео вышел на галерею заднего двора. Он слишком устал от людей, от их бесконечных разговоров, от сосредоточенности. Отчаянные поиски человека с проколом на руке результата не дали. Беспомощность выводила из себя.

А может, предатель вовсе не был в Башне с диверсантами? В таком случае план нужно менять, но на что? В окружении Зимы никого нового или постороннего, зато подозрительных хоть отбавляй.

Парню встретился генерал Рэйвен, бросивший на него такой взгляд... Хоть падай. В танце Гео чуть не закружила ретивая женщина, что тот еле отбился. Да и сама Зима с сыновьями... Парню было не по себе находиться с ними в одном зале. Солнце бродил озлобленным, Лёд угрюмым, а Зима... Только она одна лучилась спокойным радушием. Как настоящая мать. Такой образ совершенно не вязался с его представлениями о ней.

Он с шумом выдохнул, уронив лоб в ладонь. Что делать? Как мало времени, как не хватает информации.

На заднем дворе людей было не меньше, чем в Морозном зале. В основном внимание привлекал ледяной лес, меж деревьев которого ходили с бокалами восхищённые гости. Многие хвалили красоту симметрии, смелость задумки. Цветущие ледяные ветки, словно тяжёлые хрустальные бу-

сы, спадали к земле. На широких стволах создатель пытался сделать борозды коры, но даже они были слишком прямыми и стройными. Точная, четкая геометрия.

Гео опёрся на перила галереи, вглядываясь вдаль. Голова упрямо требовала отдыха от эмоций.

– Похожи? – голос всплыл внезапно.

Парень обернулся, с удивлением осознав рядом с собой Льда. Гео знал его заочно, как, собственно, и все жители этого мира, слышавшие о скандальном старшем сыне Зимы.

Лёд развернулся к перекладине перил спиной, опираясь на неё локтями.

– Кто? – Гео распрямил одну руку, приподнимаясь и оказываясь к собеседнику полубоком.

– Деревья, – Лёд же смотрел на замёрзшие камни глухой стены, – Похожи на настоящие?

– Нет, – честно признал он.

Собеседник зло и коротко усмехнулся:

– Все эти льстецы говорят мне: «О да, разумеется похожи!».

– Я не из их числа, – фыркнул парень, – И льстить тебе мне не за чем.

Лёд откинул голову назад:

– А чего, по-твоему, им не хватает до живых?

– Как минимум... Жизни.

Тот горько рассмеялся:

– А до «похожих на живые»?

Гео задумался. Ответ не так прост.

– Хаотичности, наверное. Жизнь подразумевает хаос. А эти деревья слишком правильные, слишком упорядоченные.

– Не верится, что их сделал такой раздолбай, как я?

Гео скосил на него глаза:

– Не верится.

– Никто не верит. Пусть так и остаётся.

Вдруг... На горизонте сверкнула вспышка. Гео вцепился пальцами в перила, вглядываясь в даль. Оглушающий рокот докатился до них секунды через четыре.

Это был взрыв. Парни порывисто переглянулись. Огромное облако зарождалось на северо-западной окраине города, и Гео понял... Вот они – первые ласточки. Диверсанты начали действовать.

Забыв обо всём, он бросился обратно. Через зал, толпу гостей и коридоры он бежал к переднему двору, к каретам. Выйти туда можно только через замок.

В глазах мелькали встревоженные лица. Особо тугодумных гостей пришлось распахивать, чтобы пробежать. За светом зала накинута темнота коридоров. Парень мчался по лестнице, не чуя под собой ступенек. Распахнул двери, выбежал на крыльцо.

Часовой конь из кареты Хранителя легко отделился от упряжи. Он проскакал к парню, подставив копыто, чтобы тот взобрался. Времени на выбор не осталось.

Гео вскочил на коня, вцепившись в шестерёночную гриву,

и тот лихо понёсся в сторону взрыва.

Инга застыла на месте... Она не двигалась и могла лишь смотреть на огромную сферу, что высилась перед ней. Её сознание впало в ступор от ужаса.

Прозрачный обжигающий шар смёл девятиэтажку. Сожрал половину сквера, и сейчас Инга стояла перед совершенно голой землёй. Соседние деревья, не схваченные сферой, мгновенно оплавилась в ледяные лужи с каплями света.

Шар рос... Внутри него змеились полосы жара. Как зной в летний день смазывал горизонт. Как невидимая опушка над костром, искажающая восприятие.

Девушка понимала одно... Он очень горячий. Огромный. И очень близко.

Гео галопом нёсся по улицам. Скакать без седла и на обычном коне – особое удовольствие, а уж на металлическим тем более. Но в голове не хватало места боли.

Он видел огромный шар. Тот возвышался над домами с бешеной, отчаянной неотвратимостью. Гео в жизни не видел зрелища ужаснее.

На улицы высыпал народ. Многих потревожил звук взрыва, все хотели узнать – что происходит.

Люди тянулись в наполовину сожжённый сквер. Инга не видела их, но слышала за спиной шаги той частью сознания,

которая ещё могла думать.

От страха сузились зрачки. Что же это? Миль, шлёпнувшись на снег, ощерился и зашипел на сферу.

«Куда же ты, Инга? – в голове раздался оглушительный, шуршащий рокот, – Ты почти пришла».

Добравшись, Гео спрыгнул на снег. В первое мгновение он тоже застыл в иступленном ужасе. Огромный горячий шар высотой с девятиэтажный дом лежал между Пустошью и городом. Он съел всё... Тот самый дом – обитель горести, половину сквера рядом с ним. Он полыхал... А люди тянулись к нему. Они что, с ума посходили?! Опомившись, Гео бросился в толпу.

Инга вспомнила это чувство. Тепло смерти. Как тогда, когда её чуть не поймал Солнце. Но сейчас было горячее. Это уже не тепло, это... Жар. Самое страшное, что мог видеть мир Зимы.

«Это... Я тебя разбудила?» – мысленно спросила она.

«Дважды», – Жар тянулся в сознание. Его голос, как горячие щупальца присасывался к мозгу, обвивая его.

Бешено металось в груди пламя.

– Наза-а-ад! – орал Гео остолбеневшим прохожим, – Назад! Вам жить надоело?!

Он старался не смотреть на сферу. Его обуяло чувство,

как с тем вихрем. Огромное, угрожающее нечто вот-вот может убить всех. Но на этот раз ни Льва, ни Фёдора с ним не было.

В голове остались холодные, лаконичные мысли. Шар не двигается. А может? В любом случае нужно увести людей с опасного участка, чтобы никто не пострадал.

Сфера распространяла вокруг себя тёплый фронт, расплавивший деревья. А люди сомнамбулами тянулись к теплу. Гео бегал, отталкивая их.

«Чего ты хочешь?» – спросила она.

Выдох показался неподъёмным. Застывшее в напряжении тело забыло о том, что нужно дышать.

«Тебя» – прошелестел шар.

«А если я откажусь?».

«Я пожру всё на своём пути к тебе» – в голосе не было ни угрозы, ни злости. Лишь безликая констатация. Он действительно пойдёт на всё. Но как же не хочется умирать!

– Ну же! Уходите! – кричал он отчаянно.

От тщетности попыток хотелось плакать. Гео по одному оттащивал горожан за пределы сквера, только там они приходили в себя. Но это было катастрофически медленно.

На втором часовом коне прискакал Лёд. Они столкнулись у входа в сквер нос к носу.

– Что это за махина?!

– Не знаю! Помоги мне с людьми, они расплавятся!

Тот моментально понял ситуацию. Вдвоём дело пошло быстрее.

Гео уже схватил под локоть очередную застывшую с пустым взглядом женщину, как вдруг... Услышал бешеный хруст снега. Шар начал двигаться.

Инга отступила на шаг. Жар покатился за ней. Медленно... Величественно. Словно охотник не спеша подходил к затравленной жертве.

– Он идёт за мной, – прошептала она в ужасе.

Миль услышал её.

Девушка лихорадочно соображала. Нельзя бежать. Шар покатится следом и сметёт весь город. Нельзя стоять – Жар поглотит её. Нельзя медлить – тепло расплавит её холодное тело. Инга чувствовала себя снежинкой перед палящим солнцем.

Вдруг... Тень облаком накрыла сквер. На секунду небо потемнело, и девушка инстинктивно взглянула наверх. Над деревьями и горожанами в изящном прыжке парила Зима.

Огромная... Больше домов, больше Часовой Башни. Её упругие, мощные лапы воткнулись в снег между Ингой и сферой. На секунду она закрыла собой весь мир.

Опустившись, Зима... проглотила Жар.

Гео застыл в иступлении. Зима! Такая большая, что во

взгляде не помещается. Перелетев людный сквер, она съела дьявольскую сферу!

Второго прыжка ей хватило, чтобы пересечь кратер. Огромная черная воронка теперь отделяла город от Пустоши.

Гео смотрел на неё с ужасом, и понимал... Это начало. Война, та самая, которую с тревогой ждут в небе, началась здесь. На земле. Диверсанты сделали первый ход.

Зима перелетела кратер. Инга смотрела ей вслед, и видела, как та потихоньку уменьшается в размерах. Болезненно покачиваясь, рысь уходила всё дальше в Пустошь, пока не упала без сил.

К горлу подступил ком. Глаза защипало:

– Она же не... – обернулась Инга к Милю, но тот тоже...

Не знал.

– Она не может! Не может! – хотелось кричать, но вырывался лишь хриплый шепот.

Неужели это всё из-за неё?!

Инга отчаянно побежала по кромке воронки. Перед глазами пестрили люди.

На бегу глаза поймали чей-то образ в толпе. Девушка... Низкая ростом, в платье с пышной юбкой и светлыми прядями, скрытыми под тёмными волосами. Она смотрела на Ингу. Но стоило их взглядам сойтись, как незнакомка скрылась. Что-то в ней не так. Но Инге было не до того.

Она бежала к Пустоши. На границе с городом край мёрзлой пустыни встретил её сугробами по колени. Но девушка продолжала пробираться. Полусапожки бессильно тонули в глубоком снегу.

Её захватило отчаяние. Зима не могла умереть! Не могла! И всё же... Такая доза Жара сможет убить её.

Снежное тело белело на фоне неба. Рысь не дышала.

Споткнувшись, Инга полетела лицом в снег. Но даже не заметила, как упала. Лишь оттолкнулась руками, встав и упорно пробираясь по сугробам. Наконец, она достигла задних лап. Перешла массивное тело, заглянула в упавшую морду.

Инга бухнулась рядом с ней на колени. Мысли суетились и бегали по голове. Дыхание! Нужно проверить. А дышит ли вообще Зима?

Что ещё? Зрачки? Сердце? Она не знала... Катастрофически не знала, как проверить жизнь такому созданию.

– Отойди! – кто-то грубо отпихнул её за плечо.

Инга упала на спину, не удержав равновесия.

Её место занял Лёд. Парня легко было узнать.

– Мам! Ма-а-ам! – его крик... Отчаянный и так на него не похожий.

Лёд тоже осел в снег. Обнял руками звериный рот матери, и под ладонями его закрутился мороз.

– Всё будет хорошо, мам, – шептал он, едва в силах дышать, – Сейчас всё будет хорошо, ты только потерпи.

Он перетащил морду рыси себе на колени.

Инга поднялась из сугроба, спрашивая:

– Я могу чем-то?..

– Уходи! – неистово крикнул он, – Прочь!

Парень наотмашь швырнул в девушку ледяной глыбой, но промахнулся. Она вновь упала на колени, но не ушла. Вместо этого подползла ближе.

– Всё будет хорошо, – твёрдо сказала она, заглядывая ему в лицо.

Они смотрели в глаза друг другу. Он отчаянно, она уверенно:

– Ты сможешь её спасти. Я знаю.

Ничего она, конечно же, не знала. Но вера горами движет. И сейчас именно вера нужна этому гневному, скандальному, но такому напуганному ребёнку, что старался спасти свою мать.

В руках сына Зима начала уменьшаться. Её тело стягивалось, волочась по снегу к голове, и оставляя за собой неглубокие борозды. Постепенно она стала размером с обычную земную рысь.

Лёд положил вторую руку на плечо матери, продолжая морозить.

Инга чувствовала холод. Тогда пламя полыхало от волнения, но сейчас... Мучительное ожидание заставило съежиться. Даже огонь в груди дрожал от мороза.

– Иди, – сказал Лёд уже спокойнее, – Тебе нельзя здесь

долго.

– Почему? – она обхватила себя руками.

Инга не думала, что, став частью мира Зимы, всё ещё может мёрзнуть.

– Пустошь. Она противоположна природе огня. Нас с мамой она лечит, но тебя высосет, не успеешь оглянуться. Иди. С ней всё будет хорошо.

Инга поднялась на ноги. Они показались особенно хрупкими и ломкими в этот момент. Как на таких дойти до города? Однако придётся.

Она ещё раз взглянула на Льда и Зиму. Они лежали посреди всклокоченного снега, мать и сын, и было в их морозном единении что-то совершенно по-иному тёплое. Такое, что не доступно родившимся в тепле.

Рысь непроизвольно дёрнула лапами. Сжала между подушечками снег... Теперь Инга знала – с ней всё будет хорошо.

Она уходила, запахнувшись в пальто. Сосущий холод Пустоши вытягивал её огонь. Инга чувствовала, как гаснет. Когда девушка пересекла границу с городом, словно вдохнула тепла. Будто она из мороза в сорок градусов шагнула в минус пять. Воздух был тяжёлым, разряженным и пьянящим.

Идя обратно вдоль кратера, девушка всё думала... Как же нужно любить свой мир, чтобы ради него пойти на смерть? Может, оттого жители так обожают Зиму и готовы отдать за неё жизнь? Всё потому, что она в любой момент может сделать для каждого здесь то же самое.

Гео вернулся в Башню спустя мучительное количество времени. Может в часах прошло немного, но ему оно показалось вечностью.

Он видел, как кто-то бросился к Зиме в Пустошь. Сумасшедший человек. Потом за матерью побежал Лёд.

В одиночку Гео пришлось бы оттаскивать людей от воронки очень долго, но, на счастье, они очнулись сами. Он пытался расспросить их – что случилось.

В большинстве своём все говорили одно и то же – были рядом, слышали взрыв. Потом странное чувство – сознание будто спряталось, а тело потащило куда-то против воли. Было очень жарко.

Один мальчишка видел, что взорвался именно тот дом – девятиэтажка. Что же это могло быть?

Люди расходились. Гео и сам собирался возвращаться, но вдруг заметил нечто блестящее на дне кратера. Спускаться в черную воронку не хотелось до ужаса. Но кто, если не он?

Парень скатился по обледеневшей стенке. Предмет в самом центре оказался большими солнечными часами. Стрелку немного покорёжило от взрыва, но в общем они были целы. Что за бред? Солнечные часы. В эпицентре взрыва. В мире вечной ночи. В любом случае нужно показать их Часовщику.

Вылезти обратно было проблематичнее, чем спуститься. Гео даже забеспокоился, выберется ли он по таким крутым ледяным стенкам. Но на помощь пришел конь. Он нырнул за парнем, вынося его на себе, так что поволноваться, как следует, тот не успел.

Конь шел по улицам неспешной рысью. Гео на его спине пытался отдышаться. Слишком много... Слишком много событий. Голова шла не то, что кругом, а полноценными выражениями высшего пилотажа.

Башня показалась неожиданно, несмотря на неспешность шага.

Парень соскочил на передней площадке. На автомате погладив металлического друга по шее, он устало потопал ко входу. Кони... тот, что привёз Льда, и третий в упряжке кареты... уже были здесь. Значит Часовщик и Лев вернулись.

– Что там случилось?! – друг накинулся на вошедшего с порога.

Без часов в вестибюле стало непривычно просторно и величественно. Гулкое эхо бродило по стенам.

– Ты умчался, ничего не сказав!

– Взрыв, – выдохнул парень.

– Та-ак, тебе срочно надо присесть, – заключил Лев, безапелляционно хватая друга за руку и волоча по ступеням до кабинета.

Наверху на пару с Часовщиком, друг усадил Гео в кресло. Хранитель налил чай, заставил выпить. Глотки горячего пи-

тъя возвращали к реальности.

Парень только сейчас заметил, что сжимает подмышкой золотую платформу часов, и протянул её Хранителю. Тот осмотрел циферблат:

– Жаровая бомба, – заключил он.

Открыв небольшую колбу на стрелке, Часовщик потёр в пальцах плескающийся золотой песок.

– Вот и наше время! Вот куда они его использовали. Гео, этот шар был очень горячим и мог захватывать сознание людей?

– Да, а откуда Вы?.. – начал он.

Хранитель натужно выдохнул:

– Этого я и боялся.

– Чего? Что это вообще такое, кто-нибудь объяснит?! – всплеснул руками Лев.

– Это... – Часовщик выложил солнечные часы на стол, – ...жаровая бомба. Механизм очень прост. В верхнюю колбу... здесь её нет, взорвалась при активации... помещается немного Жара. В нижнюю... – он указал пальцами на сосуд, – ...время. Пока в колбе есть время, Жар горит. Ведь он не может существовать без огня, а от огня он отделён. Потому, чтобы жить, ему и нужно время. Так вот. Когда бомба активируется, стрелка...

Часовщик показал на небольшую треугольную тень. Гео лишь сейчас заметил, что она застыла на одном месте, хотя угол освещения каждый раз менялся.

– ...начинает отсчёт времени, заложенного в бомбу.

Лев покрутил часы, меняя угол. Тень не двигалась.

– Да уж, – протянул он.

– Пока время идёт, Жар существует.

– Получается, для этих жаровых бомб диверсанты украли у Вас время, – Гео напряжённо думал, сжимая в пальцах ажурную чашку.

– Здесь осталось двенадцать минут, – кивнул Часовщик, – Значит, Жар погас не сам. Что случилось?

Гео осознал, что все снова смотрят на него. Мыслей было много. Эмоции кипели через край, в голове бушевал настоящий ураган. Но на словах вышло сухое:

– Зима его проглотила.

– Что?!

– Как?!

– Да. Она съела его и ушла в Пустошь. Не знаю, что будет теперь.

– С Зимой? – глаза Часовщика суетливо забегали.

Он быстро встал, кинувшись к секретеру. Достал оттуда маленькие часы. Ребятам было их совсем не видно за его руками. Порывисто взглянув на циферблат, он выдохнул:

– Всё с ней хорошо. Ещё не время.

Облегчение свалилось нечаянной усталостью. Всё обошлось, всё хорошо. Жар погас, Зима поправится. Правда, тревожное ощущение, что это лишь первая бомба из многих, точило душу.

– А Жар... – праздно спросил Гео, стекая спиной по креслу, – ...он вообще кто?

– Жар, – протянул Хранитель, – Та ещё история. Когда-то он был частью Изначального огня. Они были едины. Но потом Жар стал вредить огню, сжигал целые города, уничтожал урожаи. Жители Лета очень страдали от него, и решили... Его отделить.

– Разделить огонь и тепло?

Звучало абсурдно. Ведь одно немыслимо без другого.

– Да. Как ни странно, им это удалось. Но Жар никуда не исчез. Его отделили, и теперь он не может существовать без носителя. Или топлива... Можно понимать, как угодно. Этим носителем стало время. При отделении, Жар поместили в специальную колыбель и усыпили. А разбудить его могло только...

Часовщика осенило. Его лицо вытянулось от осознания, и он застучал ладонью по подлокотнику:

– ...время живого человека! Я знаю, куда делись года Инги!

– Инги? – встрепенулся Гео, – Она ещё здесь?

– Да. Застряла, потому что её время украли. Теперь я знаю, для чего! Его забрали, чтобы пробудить Жар! Отчаянный поступок... Жар – мощнейшая и неуправляемая сила. Кто мог это сделать? Да и красть года живого человека... Опасно. А ведь в тот момент диверсантов ещё не было в городе. Да и в Башню никто посторонний не входил.

– Э-э... Может, это конечно ничего не значит, – подал голос до этого молчавший Лев, – Но на вечеринке я видел прокол от иглы... На запястье у Солнца.

Глава 9. Тьма.

Солнце неистово гнал через небеса. Он мчался к звезде, к тёте. Она должна ему всё объяснить!

Что это? Почему? Почему Жар оказался в мире Зимы?! Это же его оружие!

Юноша должен был использовать силу Жара, чтобы победить весеннее Солнце в битве. Дабы занять его место.

– ...моё Солнце, – как сейчас слышался сквозь рокот ветра журчащий голос Весны, – Уже старое и слабое. Оттого в моём мире постоянная вода. А мне так хочется побольше зелени! Чтобы луга наполнились сочной травой и расцвели деревья. Я уверена, когда ты взойдёшь на моём небе во всём величии, мир преобразится. Ты молод, горяч, и, я знаю, на многое способен.

Щеку опалила память о прикосновении. Это тётя нежно коснулась его тогда.

– Здесь тебя совсем не ценят, мой дорогой. А у меня ты бы очень пригодился.

Юноша зажмурился на секунду. На сердце стало так тяжело, так горько. Он ещё не знал, что думать, но боль уже точила его сердце кривыми зубами.

– ...однако, чтобы занять место моего Солнца, тебе нужна сила. Видишь ли, даже в таком состоянии оно сильнее тебя. А заменить его ты сможешь, лишь победив в честной борьбе.

– Что же мне делать? – спросил он тогда.

Наивно! Как же наивно!

– В мире твоей мамы много огня. Собери его. Думаю, лучше начать с горящих. Вряд ли Зима заметит отсутствия пары-тройки людей.

Он верил. Верил каждому её слову, потому что... Отчаянно хотел этого. Чтобы его талант заметили, чтобы дали развиваться, чтобы... Чтобы любили.

Неужели всё это ложь? Она же говорила, что войны не будет! Что ему не придётся начинать новую жизнь на обломках старой! А что теперь? На окраине города кратер от Жара. Счастье, что никто не пострадал. Но мама... Он даже не знал, что с ней.

Весна уже ждала его под тенью зелёного плаща.

Он бросил колесницу, соскакивая и яростно набрасываясь на женщину:

– Что это было?! Почему Жар здесь? Он не должен был просыпаться раньше времени! Зачем?..

Он осёкся на полуфразе. Весна подняла голову. В её ангельском личике больше не было тепла. Она осталась обворожительно прекрасна, но смотреть ей в глаза стало страшно.

Юноша отпрянул.

– Ты говорила!.. – твердил он, цепляясь за слова, как за соломинку, – Ты обещала!

Голос сорвался на истерический крик. Одного взгляда ему

хватило, чтобы всё понять.

– Я думал... – он с силой зажмурился, но сверкающие слёзы всё равно потекли по щекам, – ...что стану твоим...

– Ты не стал Солнцем даже для матери.

Его что-то схватило. Тяжёлое и гладкое, оно обвило его запястья и щиколотки. Юноша порывисто распахнул глаза, но было поздно. Он попался.

Весна в изящном, ленивом жесте вытянула руку. Толстые лианы выросли прямо из безжизненной поверхности звёзды, обвивая тело племянника. Он пытался сжечь их, отчаянно сопротивлялся, но всё бесполезно. Тётя сильнее. Яростно, угнетающе сильнее.

Стало страшно. По-настоящему. Впервые в жизни. Обладая, по меркам этого мира, огромными силами, Солнце никогда ничего не боялся. А сейчас ощутил, какого это.

Язык примёрз к небу, не желая поворачиваться. Но нужно, отчаянно нужно сказать. Хотя бы прошептать едва слышно:

– Зачем тебе это?

Весна подошла к племяннику вплотную. К тому моменту гладкие ветви полностью обвили его, торчала лишь голова.

– Я просто верну тебя туда... – она похлопала юношу по щеке, а тот резко дёрнул головой, – ...откуда ты пришел. И все будут счастливы.

Может, так выглядит отчаяние? У него милое личико и очень тёплые руки. Солнце чувствовал, как утопает в его без-

дне, и понимал, что сам уже не выберется. Он в полной власти Весны. Она убьёт его. А так тянет жить! Не хочется, чтобы всё закончилось.

Юноша закрыл глаза. Он не мог смотреть в лицо смерти. Лианы стягивались вокруг него, сжимая тонкое тело сильнее, безжалостнее. Неужели за потерей сознания его ждёт вечная тьма? И мечта о дне... Так и не сбудется?

– Сестра!

Крик перечеркнул всё. Солнце очнулся. Оба синхронно повернули головы на звук.

На другой стороне плато Звёзды Рандеву стояла Зима. В человеческом облике. На ней была снежная меховая накидка и широкое платье. По подолу вихрилась пороша. Тяжёлые белые кудри, словно волны сугробов, растрепались от полёта. Из рта по подбородку текла замёрзшая полоска крови на... Самом прекрасном и самом холодном лице из всех, что существуют в четырёх мирах. Острые скулы, что ледяные глыбы в океане обжигающего мороза. И глаза... Белые, проникновенные. Глаза, которым ведомы миры за пределом Вселенского холода.

– Отпусти его, – властно сказала она.

– Я хочу помочь! – истово, совершенно неподобающе крикнула Весна.

Будто с отчаянием:

– Я умоляю, позволь мне!

– Нет, сестра. Хватит. Отпусти моего сына и уходи.

Весна покорно склонила голову. От взмаха изящных пальчиков исчезли лианы. Солнце шлёпнулся на колени, не зная, что тереть первым – болело всё.

– Хорошо, я отпущу его, – прошипела тётя, – Но не уйду. Я не оставлю тебя просто так!

– На всё твоя воля.

Весна исчезла. Звёздная пыль взметнулась в месте, где она только что стояла.

А Солнце сидел на коленях, уткнув взгляд в мерцающую поверхность. Ему не хватало сил взглянуть маме в глаза. Было стыдно, и больно, хотелось рыдать навзрыд и взорваться от чувства вины, но... Ничего из этого ему не грозило.

– Вставай, – кромка снежного платья уткнулась в руки юноши.

Он послушно поднялся, не поднимая головы.

Зима совсем не нежно схватила его за запястье, волоча за собой. Она обернулась снегопадом, вместе с сыном и колесницей за несколько секунд спускаясь на землю.

Вертолёт рухнул на площадку со стоном. Сына же Зима поволокла дальше в замок.

На глаза предательски лезли слёзы. Они застили всё, и юноша уже не разбирал дороги. Собственно, ему было всё равно, куда идти. Лишь бы сердце не болело. Лишь бы не мучиться больше этой стыдливой виной. Но такие обиды быстро не прощаются.

Открыв дверь покоев, Зима швырнула Солнце в его ком-

нату. Он не возражал. Лишь стоя к ней спиной во мраке спальни, тихо прошептал:

– Мам...

Но договорить не смог. Не хватило сил.

– Сиди здесь, – жёстко раздалось сзади, – И не смей выходить. Без того наворотил достаточно.

***

Инга и Миль медленно брели через город. Дорога долгая – достаточно времени, чтобы подумать.

Миль своими лапами топал по тротуару и ворчал:

– Столько времени потеряли, а толком не узнали ничего.

Таким образом он унимал бешеный страх. Жар давно потух, всё разрешилось, к счастью... А они всё не могли отойти от ужаса.

– Ты с ним разговаривала? – спросил он неожиданно.

– Да.

Отрицать не было смысла. Но кота эта честность больше напрягла.

– И... Что он тебе сказал?

– Что я... – голос сбился.

Слова наткнулись на незримый барьер. Как будто, если произнести их вслух, всё сбудется. А если молчать, то пугающие факты как будто не реальны.

Она выдохнула. Нет, так не получится.

– Что я его пробудила. Дважды. Он был там только из-за меня, – отчаяние накрыло с головой стену хрупкого спокойствия, – Миль, почему я?! Что я ему сделала?!

Кот покачал головой. Конечно же, он не мог знать ответа.

– А что ещё сказал? – он постарался увести тему.

– Что пожрёт всё на своём пути ко мне.

– Думаешь, правда?

– Мне кажется, существу такой силы незачем врать.

– Может, он красовался перед тобой?

Инга опустила на Миля красноречивый взгляд, столкнулась с его глазами, и вдруг... Рассмеялась. Истерически, задорно.

К депо они подходили измотанными. От переживаний и эмоций хотелось одного – упасть лицом в раскладушку и не вставать до начала смены.

По-хорошему, хотелось спать. Мозг нуждался в отключке хоть ненадолго. Но спать при Лоре было опасно, потому ограничиться можно лишь лежанием с закрытыми глазами. Но и того ей было не суждено.

Прокрасться на территорию депо оказалось легко. После взрыва здесь почти никого не было. Люди пошли проведать близких и друзей в город, вдруг кто-то пострадал. Левтина отпустила всех. Да уж... Праздник выдался что надо.

Лора встретила девушку с котом, недовольно уперев руки в бока. Она стояла посреди бытовки одна, и на лице её отражалось вполне убедительное детское недовольство.

– Где. Ты. Была?! – в высокий голос вплетались нотки начинающегося скандала, – Я устала ждать!

– Извини пожалуйста, – Инга бессильно стянула плащ.

Лишь сейчас она вспомнила, что не подготовила соответствующего вранья.

– А где Леонид?

– Бросил меня! Не дождался! – фыркнула она.

Чувствуя, что недостаточно весома, девочка беззастенчиво взгромоздилась на раскладушку, не отнимая кулаков от пояса. Она нарочито показывала, как недовольна.

– Да, задержалась. Прости.

– Дядя Лёня сказал, что ты пошла мне за игрушками!

Точно! Куклы! Инга шлёпнула ладонью по лицу. Она совсем забыла.

– Где же они?!

– Лора, я... – врать приходилось на ходу, – Пошла к Пустоши, а тут раздался взрыв, и...

– К Пустоши на другой конец города?! Когда тут граница рядом? – крикнула она, но резко поняла, что перегнула.

Дети в таком возрасте редко ставят под сомнения слова взрослых.

Инга отвернулась к двери, скрывая триумфальную улыбку. Всё-таки она права.

– Там снег лучше, – отмахнулась девушка.

Что теперь будешь делать, Лора? Продолжишь упорствовать – выдашь свой настоящий возраст.

– Ты меня обманываешь, – девочка обиженно надула губы.

Попыталась пустить слезу, но быстро поняла, что бесполезно. Тогда в ход пошли угрозы:

– А может, мне сказать тёте Левтине, что ты уходила без спросу? – сказанные невинным голоском слова звучали ещё страшнее.

Девушка порывисто обернулась. Лицо девочки исказила совсем не детская ухмылка. Хитрая, расчетливая. Лора поняла, что Инга догадалась о её сути. И даже такую ситуацию пыталась обернуть в свою пользу.

– Ну, – губы дернулись в нервной улыбке, – Ты же не выдашь свою подругу?

– А вот и выдам! Ты совсем не играешь со мной! А мне скучно! Скучно! Скучно!

Она яростно топала ногами. Раскладушка ходила ходуном, скрипя с отчаянной мольбой.

Лора действительно может рассказать Левтине. Тогда у Инги будут неприятности. Выгонит ли начальница за провинность девушку из депо? Пожалуй, ни Лора, ни Инга наверняка не знали этого, но девочка угрожала возможностью такой ситуации.

– Скучно! Скучно! – в такт словам она ударяла ногой по полотну.

– Хо-ро-шо, – отчеканила девушка по слогам, – Признаю, была не права. Я сейчас схожу тебе за игрушками.

Она хотела уйти, но девочка окликнула её:

– Подожди!

Та со вздохом обернулась:

– Что ещё?

– Оставь мне Миля, – хищно осклабилась Лора, глядя на снежного кота, – Я с ним поиграю.

Тот оцетинился, распушив длинный хвост. Девушка быстро подняла его с пола на руки:

– Миль – не игрушка. У него острые когти и он может навредить тебе.

Не дав Лоре сказать ни слова, Инга вышла, хлопнув дверью. Лишь на улице она смогла выдохнуть.

– Что это было? – Миль на руках задрал морду.

– Расстановка границ. Она знает, что я обо всём догадалась. Теперь будем играть по-взрослому.

Девушка спокойным шагом двинулась прочь от бытовки. Кот сидел в её объятиях:

– Сейчас-то мы куда?

Инга усмехнулась:

– К Пустоши, за куклами. Я не собираюсь сдаваться так легко.

***

Гео никогда не думал, что ему доведётся побывать в замке Зимы. Сегодня он входил в него второй раз. Теперь намного

осознаннее, чем в первый, на вечеринку.

Парни поднимались по широкой ледяной лестнице. Ступени магистральными полосами сменяли друг друга, а между тремя путниками царила напряжённая тишина. Зима пригласила их к себе... Видимо, дело серьёзное.

Вход как будто не думал приближаться. И была пара секунд, чтобы поразмыслить о хозяйке замка. Гео видел Зиму за всю жизнь лишь пару раз, с расстояния. Она постоянно казалась ему жадной, инфантильной и опасной. Но вчера... Он смог увидеть её по-новому. На кошачьей морде теплилась настоящая улыбка. Грустная, но самая добрая из всех, что ему доводилось встречать. Так всё-таки, какая же она? Зима...

Мир неожиданно потемнел. За спиной закрылась дверь, а парни оказались в коридоре.

Замок был огромный и пустой. В полумраке он казался особенно хрупким – почти хрустальным. Ледяные квадраты плитки ловили шаги с жадностью, унося их эхом под потолок. Под сводами царила кафедральная, величественная тишина.

Гео думал, что они снова направляются в Морозный зал. Но за раскидистой лестницей Часовщик свернул направо, и ребята послушно потянулись за ним.

Гулкий коридор увёл их во флигель, примыкающий ко второму этажу. Пристройка жалась к основному зданию, как под материнское крыло. Комната стояла на подпорках из ко-

лонн, и снаружи могло показаться, что она парит над землёй.

Часовщик открыл совсем не официальную, маленькую дверь, и парни с восхищением прошли внутрь.

Куполообразная стеклянная крыша открывала невероятный вид. Ночной город сиял блуждающими золотыми огнями, кипел людьми... Город жил. Отсюда это особенно заметно.

В комнате горел камин. Самый настоящий, но немного неестественный из-за ледяного обрамления. Во флигеле разместились вполне современные диваны с разбросанными подушками, кресла. У высокой барной стойки такой же высоты стулья. Книжный шкаф, забитый всякой всячиной. И цветок... Ледяной цветок в ледяном горшке. Гео сразу догадался, кто создавал комнату.

Царственное семейство уже ждало их. Лёд развалился на диване у очага, пустым взглядом уставившись на огонь. Солнце, насупившись, сжался в кресле поодаль. У самого края купольной крыши лежала Зима. Уставшая и печальная, она смотрела на город.

– КГХМ, – Часовщик деликатно кашлянул, привлекая внимание.

Впрочем, это было излишне. Все прекрасно знали, что они пришли. Никому не хотелось начинать разговор.

Лёд, не оборачиваясь, пространно махнул вошедшим, мол, присаживайтесь.

Парни заняли по креслу чуть дальше от входа. Теперь со-

бравшиеся в комнате образовывали своеобразный круг.

Все молчали. Никто не брал на себя ответственность начать. Солнце бросил пару злых взглядов на маму... Та не собиралась оборачиваться. Трещал огонь в камине. Беззвучная городская суета по ту сторону стекла казалась бесконечно далёкой.

– Что ж, – Часовщик хлопнул ладонями по коленям, – Раз все молчат, я начну. Вот уже несколько дней мы занимаемся поисками группы диверсантов, что проникла в город. Мы полагаем, что это они украли время из моей Башни, и они же устроили взрыв на окраине. Зима, ты потому нас пригласила?

– Да, – выдохнула рысь, с усилием отрывая глаза от окна, – Моему сыну есть, что вам рассказать. Это поможет.

Она бросила взгляд на Солнце. Тот ещё больше сжался, насупился, и почти не сиял. Гео удивлялся. Неужели света этого юноши он когда-то боялся? Сейчас Солнце казался ему очень маленьким и... Беспомощным.

Гости перевели внимание на юношу, тот молчал. От довлеющего ожидания ему всё больше плохело.

– Давай уже! – крикнул Лёд, ударяя ладонью по спинке дивана, – Имей мужество признавать ошибки.

Юноша резко встрепенулся. Нахохлился, как обиженная курица, распушился... Но только открыв рот, снова поник. И начал очень тихо:

– Она говорила, что я стану её Солнцем. Она обманула

меня.

– Кто? – наивно поинтересовался Лев.

– Полагаю, Весна, – Часовщик стучал пальцами по подлокотнику.

– Да. Она предложила, и я... Я согласился. Но чтобы занять место её Солнца, мне нужен был огонь, – юноша совершенно не царственно подобрал под себя ноги на кресле, обнимая одно колено, – Я должен был забрать его у горящих в нашем мире и отдать ей на сохранение. Сначала я очень боялся. Что скажет Зима?.. Я действовал руками других, обманывал. Но мама... Ничего не сказала.

Он вновь бросил взгляд на рысь, но та на него не смотрела. Она сосредоточенно изучала свои лапы.

– Тогда я осмелел. Стал собирать огонь сам, в открытую, и много набрал. Но ей... всё было мало. Она говорила, что я слаб. И однажды предложила использовать Жар.

– Это ты украл время живого из моей Башни! – догадался Хранитель, – Ты тогда прилетал не просто на брата пожаловаться!

Лёд даже ухом не повёл.

– Да, – выдохнул Солнце, – Я уличил момент, забрался в зал Живых и схватил первые попавшиеся часы.

– Часы Инги.

Юноша удручённо кивнул.

Гео скрестил руки на груди:

– Аппарат для кражи времени Весна дала?

Ещё кивок.

– Но ты ведь знал, – Лев подался вперёд на кресле, – Не мог не знать, какую силу освобождаешь.

– Жар не должен был появиться здесь, – Солнце плотно сжал губы, – Весна обещала пробудить его прямо перед битвой! Но момент откладывался... Ей было мало огня.

– Она ждала, когда ты заберёшь весь, – заключил Гео, – А потом её группа диверсантов при помощи жаровых бомб сравняла бы город с землёй. Кстати... Кто они?

– Я не знаю, – Солнце отрицательно покачал головой, – Весна сказала, что это уже не моя забота.

Парень потёр пальцами веки. Что ж, пока всё сходилось.

– Так, подытожим. Весна по какой-то причине вознамеривается разрушить город в мире Зимы. Для этого ей нужно собрать огонь и уничтожить дома и людей. Чтобы забрать пламя, она разрабатывает хитрый план и привлекает Солнце, обманом заставляя работать на себя. В то же время Весна посылает группу диверсантов, чтобы те установили жаровые бомбы. Как только пламя было бы собрано, диверсанты активировали бы бомбы, и всё. Города нет и жителей тоже. Если кто-то ещё горел, это уже не важно, взрыв уничтожит всех.

– Получается, – прикинул Лев, – При таком раскладе, огонь во всём мире остался бы только в Солнце и у Небесного флота.

– Да, для того Весна и привела свои Летучие корабли.

Устранить последний оплот.

– Погоди, а сам Солнце? – повернулся к другу Лев, – Он вряд ли стал бы просто смотреть, как сгорает его мир. Что Весна с ним собиралась делать?

– Вернуть, – выдохнула Зима, мгновенно привлекая взгляды, – Туда, откуда взяла. В костёр Изначального огня.

– Зачем ей всё это? – спросил Гео, – У Вас есть идеи?

Рысь отрицательно помотала головой. Нет, всё она знает. Но это что-то слишком личное.

– Думаю, взрыв не входил в её планы, – продолжила она, – Более того, сильно их нарушил. Теперь, когда обман раскрыт, чтобы уничтожить мой мир, сестре нужно разгромить Небесный флот, поглотить огонь под городом, и добраться до Солнца. За этим я вас и позвала. Я хочу, чтобы вы спрятали и оберегали его, пока всё не закончится.

– Подождите, но мы не... – возмущённо начал Гео, но Часовщик перебил его:

– Хорошо.

Парень с шумом выдохнул. Мало остального, теперь они записались в няньки взбалмошному юнцу! Да его за все художества прибить мало, а они должны его оберегать. Прекрасно! Просто прекрасно! Им нужно найти диверсантов, пока они весь город взрывчаткой не начинили, а не сопли его сияющие вытирать.

– Где Солнцу безопаснее всего? – примирительно начал Лев, поймав злобный взгляд друга.

– Вряд ли диверсанты решатся напасть сразу, – рассудил Хранитель, – Пусть Солнце пока остаётся в замке. Лев, присмотришь за ним?

– Без проблем.

– А мы с Гео вернёмся в Башню и подумаем, где и как его сбересть.

– Хорошо, – кивнула Зима, – Мне нужно проведать флот, меня не будет в городе какое-то время.

– Ничего, – тут же заверил её друг, – Мы приглядим.

Рысь согласно кивнула.

А Гео думал... Не лучшее время улетать на флот, когда битвы вроде не предвидится. Если сражение не началось после первого взрыва, значит Весна ещё ждёт. Ждёт диверсантов. Получается основные действия будут разворачиваться в городе. Почему Зиме понадобилось на небо? За чем она бежит или от чего убегает?

– А огонь под городом... – кое-как переборов недовольство, начал Гео, – Как диверсанты могут добраться до него?

– Мне хочется верить, что никак, – рысь вытянула передние лапы, – Это центральный костёр, что обеспечивает пламенем весь город. От него провода тянутся в дома, он же приводит в движение трамваи. Часть этого огня горит в ресторане. А о его местонахождении знают только двое – я и Часовщик.

– И никто из нас ни под каким предлогом не выдаст эту тайну, – весомо добавил Хранитель.

Что ж, это обнадёживало. И всё равно у врагов должен быть какой-то план. Они уже выходили из, казалось бы, неразрешимых ситуаций. Наверняка что-то придумали и в этот раз.

На этом всё. Лев остался, а Часовщик и Гео засобирались в обратную дорогу. Мысли теснились в голове, выпихивая друг дружку из плотного круга. Нужно понять, каким будет следующий ход противника? Огонь под городом? Солнце? У диверсантов прибавилось работы из-за оплошности.

Действительно, почему рвануло? Взрыв оказался, мягко говоря, преждевременным. Он не только не нанёс серьёзного ущерба, но и раскрыл обман Весны. Нарушил такой продуманный план! Она должна быть в ярости. На лицо предательски пролезли улыбка.

Парень старательно прикидывал, что делать дальше, когда его вдруг догнали:

– Эй! Как там тебя? Стой!

Гео с удивлением обернулся. По тёмному коридору за ним бежал Лёд.

Часовщик, переглянувшись с парнем, понял всё правильно:

– Я жду тебя у кареты.

Лёд поравнялся с Гео как раз в тот момент, когда Хранитель скрылся за углом. В высокое окно залетал тёплый свет, лишь сгущая сумерки коридора.

– Слушай, – выдохнул Лёд, – Мама всё знала.

– Что?

– Про Солнце, и про то, что он делает. Но молчала. И меня просила молчать, хотя мне это давалось... С трудом.

Он взъерошил светлые волосы на затылке.

– Подожди, ты говоришь... Зима знала, что Солнце собирает огонь?! – едва не вскрикнул парень.

– Тише! – шикнул Лёд, – Да. Но это её дело. А моё дело...

Тут он замялся. Уставившись на свои ноги, парень перетоптался. Что это с ним?

– ...моё дело – защищать брата. Хоть он идиот, каких поискать, но он мой идиот. Понимаешь? Я не дам его в обиду! Любого за него порву.

– Ага, – ошарашенно отозвался парень, – Ясно.

– Нет, ты послушай, – Лёд схватил Гео за плечо, и от прикосновения стало холодно, – Я ведь не скрываю, бесит меня этот засранец. До печёнок бесит! Я к Часовщику ходил, просил у него время из часов Солнца забрать. Ну... Чтобы смертью поугатать, вдруг образумится братец. Но тот отказался. Я даже хотел его тётке отдать, думал, она действительно за ним прилетела. Хочет к себе забрать, а мы якобы не отдаём. Но я же не знал, что она собирается его... убить.

Гео смотрел в опущенные глаза хамоватому парню, жёсткому, холодному, но создающему ледяные цветы, и... Отчего-то понимал его. На самом деле он всех их очень любит. И мать, и брата, и весь мир, что считает его опасным и грубым. Удивительная судьба.

– Потому, если вдруг нужна какая помощь, я за брата горой встану.

Гео положил Льду ладонь на плечо. Тот резко поднял на него глаза.

– Присмотри пока за Солнцем вместе со Львом. А мы придумаем, что делать.

Они пожали руки и разошлись.

И ни один не заметил маленькую синичку, прилепившуюся крохотным телом к другой стороне стекла.

***

После разговора Солнце ушел в свою комнату. Он был ужасно зол, и ему стало очень стыдно. Впервые он почувствовал себя ребёнком, которого выпороли на глазах у всех.

Мама с ним не разговаривала. Он злился на неё, но в душе понимал... Она имеет полное право обижаться. Но и он тоже! Она так долго его не ценила, вот он и поддался обману Весны!

Оправдание. Он ищет себе оправдание. Пытается выставить виноватым кого-то другого, хоть как-то разделить ответственность. Потому что самому её нести уже невыносимо.

Солнце хлопнул дверью покоев. В крошечной мгле он плюхнулся на кровать. Укрылся с головой одеялом... Здесь никогда не было так темно. Его комната – самое светлое место во всём мире. Здесь яркое изображение солнца под купо-

лом, золотом расшитые диваны и подушки. Прекрасная роспись зимнего дня на стенах... Он сам её рисовал. Как мечта-лось. А на кровати с прозрачным, невесомым и белым, как снегопад, балдахинном ему снились самые красивые сны.

Теперь же в его покоях было черным-черно. Как во всём его мире... Как на душе. Неужели всё это с ним? Не сон... Не дурной кошмар! Как это могло произойти?

Всё же... За пеленой вины, злости и самобичевания, билась одна вполне конкретная мысль. Солнце не смог сказать об этом сегодня. Среди шпионов, что похищали для него огонь раньше, была маленькая девочка... И сейчас она в де-по. Возможно, помогает диверсантам.

Глава 10. Жар.

– Ты хоть знаешь, что натворила?! – орал он так, что в комнате билось эхо, – Осталась в твоей сумасшедшей голове хоть капелька мозгов, чтобы понять, как ты нас всех подставила?!

Мужчина только что вернулся от Весны. Она не могла пройти барьер, потому они встречались у границы – он на одной стороне, она на другой. Мужчина ждал выволочки. Но Весна не сказала ни слова. И один её взгляд был страшнее смертного приговора. Она лишь посмотрела... А он уже понял, что следующая ошибка станет последней.

Топая обратно, по гнусному снежному городу в укрытие, мужчина клокотал от ярости. Как они могли так оплошать? Теперь всё, всё придётся делать заново!

Их штабом стала небольшая пустая квартира. Дом выбрали не на отшибе, но и не в центре, такой заметный, что неприметный. В квартире просторная гостиная с длинным диваном, креслами и письменным столом у окна, заваленном железками и бумагами.

И сейчас мужчина от души орал на девчонку. Выплёскивал всю злость, страх и отчаяние, что копились в голове. А она... Вольготно развалилась на диване, беззастенчиво читая книгу. Девица медленно, с наслаждением перелистывала страницы, впитывая историю, будто старалась напиться ей.

На крики она обращала не больше внимания, чем на комариный писк.

– Как так получилось?! – он кричал и не мог успокоиться, – Ты же говорила, что всё будет хорошо!

Девушка пренебрежительно зевнула. Всё! Это последняя капля. Мужчина высился над ней пылающим вулканом, и ещё не знал точно, что сделает.

– Ты!.. Ты-ы!..

– Будь добр, успокойся, – холодная рука резко осадила его за плечо.

Старший брат... Такой, каким был двадцать два года назад. Всё те же светлые кудри, разве что лицо бледнее, а тело холоднее. И в груди зияет пустая клетка огня. Внешне он совершенно не изменился. Тогда как младший постарел. К тренированным мышцам постепенно подбиралась тяжесть и слабость, а в зеркале всё яснее проступала седина. Какой удивительный парадокс.

– Не думаю, что она виновата во взрыве. Это была случайность, – говорил старший с гипнотической уверенностью.

На мгновение мужчина застыл. Потом резко опомнился, сбрасывая руку брата с плеча:

– Да не выгораживай ты её! Она – подрывник, и отвечает за бомбы!

– Жар – очень нестабильная субстанция, – как бы между прочим бросила девчонка, – Взрыв вполне могла спровоцировать его ярость.

– Ярость?! – он вновь перебрросил взгляд на неё.

Злость на секунду унялась, когда он осознал, что девица что-то знает.

– Как хорошо пишут здешние авторы. Перечитала бы всю Алмазную библиотеку, – она с видом большого одолжения оторвалась от книги, – Да, девчонка не дошла. Она здесь не одна – твоя разведка ошиблась. С ней был кот, а кошки обладают уникальными способностями. Он и разбудил её от горячей одури, что захватывает сознание. Ну, Жар почувствовал, что жертва уходит, вот и... Вспылил.

Девица, брат, и двое верзил в дальнем конце комнаты прыснули короткими смешками. А мужчине было совершенно не до смеха! То есть она пытается свалить ответственность на него?! Ну уж нет! Не получится!

Злоба вспыхнула с новой силой:

– Прекрасно! Но это всё равно была твоя идея! Что нам теперь делать?! Жар должен забрать девчонку! А мы должны привести Весне Солнце. И город погасить! У тебя есть идеи, как сделать хоть что-нибудь из этого?! А?! Сопляк этот сияющий наверняка сейчас прячется под маминой юбкой. Где его искать? Ты знаешь?!

– Знаю, – она с наслаждением, двумя пальчиками перевернула страницу, – Он в замке. Его остался охранять Лёд и один из тех морячков, что гнались за нами. Часовщик со вторым поехали в Башню обдумывать план.

– Тогда какого дьявола ты не там?! – он закричал ещё

сильнее, – Ты должна узнать, что они замышляют!

Девушка порывисто захлопнула книгу. Ей надоело. Резко встав на диване, она в одно мгновение оказалась прямо перед лицом мужчины, беззастенчиво трепля его за щёку:

– Слушай, старичок, не кипятись. В твоём возрасте сердечку вредно сильно бухать. Послушай. Трогать Солнце пока не стоит. Пусть погрызёт себя побольше, притухнет от чувства вины. Тогда его легче будет взять. С огнём в городе... Есть у меня один план, и твой братец мне в этом поможет. Всё под контролем. А девчонка... Её, пожалуй, нужно достать в первую очередь, ты прав.

Она отняла руку от его лица. Мужчина не сразу заметил. Сумасшедшие глаза девушки так приковали к себе внимание, что он оторопел. От её наглости, от её самоуверенности...

– Я тут кое-что придумала, – она прыгнула с дивана, уходя к рабочему столу.

На нём в полнейшем хаосе теснились провода, пустые колбы, золотые сборные панели и бесконечные чертежи с заметками. В бумаги можно не пытаться смотреть – понять безумный почерк с пляшущими вверх ногами буквами невозможно.

– Я сделаю две бомбы с небольшими сферами Жара. Более мобильными. Почувствуй, они станут преследовать жертву, пока не догонят!

У мужчины расширились глаза. Подбежав к девчонке, он схватил её за руку:

– Ты в своём уме? Если она будет убегать, эти шары...

– ...сожгут всё на своём пути? – кажется, она не видела в этом проблемы, – И что? Тебе жалко пару-тройку людей? Они всё равно все умрут. Уже скоро.

Он попытался возразить:

– Нам нельзя действовать так грубо!

– Играть в секретность поздно, старичок. Теперь главное – добиться цели.

Мужчина набрал в лёгкие воздух. Открыл рот. Но с шумом выдохнул и промолчал. Аргументы кончились. В чём-то эта сумасшедшая была права.

– Хорошо, – он отпустил её руку, – Но как ты пронесёшь бомбу в депо?

Она отмахнулась:

– Наша маленькая шпионка нам поможет.

– Она не станет сотрудничать, – мужчина отрицательно помотал головой, – Солнце для неё больше не опасен.

– Да, – ослабилась девица, – Но она этого не знает.

– Какая ты всё-таки... – ядовито прыснул мужчина, – Умная.

Девчонка пропустила мимо ушей его слова. Её мысль уже унеслась в работу, вытесняя из головы всё, что могло мешать. Девица всегда творила с сумасшедшим азартом. С таким хищники задирают добычу, с таким игроки отчаянно борются за жизнь. Она творила, словно бежала по лезвию ножа, резалась и хохотала в лицо боли и смерти. Дьявольская,

ужасающая способность.

– Полагаю, не стоит ей мешать, – брат аккуратно подхватил мужчину под локоть, – Прилетели твои шпионы.

– Отлично! – выдохнул он.

Лишь бы с хорошими новостями.

Окно на кухне было открыто. Сначала мужчине это казалось кощунством, но позже он понял, что в квартире не теплее, чем на улице. Пришлось смириться.

На широком белом подоконнике сидели два изящных грача. Вороньи перья лоснились в тёплом свете деревьев. Мощные клювы с острыми стальными набойками покрыла налесь от дыхания. Они сидели... И мёрзли.

– Ну что? – мужчина хлопнул по подоконнику двумя руками, – Прошляпили кота, разведка?

Птицы опустили клювы.

– Ладно, теперь уж смысла нет болтать. Что у вас, выкладывайте.

– Зима отправляется к флоту, капитан, – каркнул один грач, – Солнце остался в замке.

– Девчонка жива-здоровая, собирает снег у Пустоши в депо, – подхватил второй.

– Это я и без вас знаю, олухи! – мужчина с силой сжал переносицу, – Полезное что-нибудь есть?

Те отрицательно замотали головами.

– Тупицы! Никчёмные пернатые! – вскричал он, махая руками, – Кыш! Пошли прочь! И чтобы без стоящей информа-

ции не возвращались!

– Полегче, брат, – старший аккуратно тронул его за плечо.

Едва заметно, через плащ, но младший всё равно съёжился от холода. Какой ужасный мир! Какой тошнотворно холодный мир!

Брат без слов всё понял. Отнимая руку, он с улыбкой проводил силуэты улетающих птиц.

– Они когда-то хорошо служили нам на корабле. Помнишь?

– Много воды утекло, – устало огрызнулся мужчина.

Ему нелегко было смотреть в молодое лицо старшего брата. Тому не исполнилось и тридцати пяти, когда он погиб.

– Я всё хочу спросить тебя, – брат с силой сжал зубы.

Он всегда делал так, когда волновался. Вечно спокойный... Лишь этот жест выдавал в нём эмоции.

– Как она умерла?

– Твоя дочь? Медленно. Мучительно. У меня на руках. До последнего дня ждала тебя.

Мужчина опомнился. Стоило сказать это с большей трагичностью. Но брата и так проняло. Он опустил голову, упрятал руки в карманы брюк педантичного костюма, уходя с тяжёлым грузом на плечах. Всё правильно. Пока он ненавидит, он с ними. Нужно продолжать в том же духе.

Лишь бы грачи разведали что-то стоящее.

***

Взяла, повернулась, отдала, повернулась. Снова и снова по кругу. Интересные времена может и настали, но погрузку никто не отменял.

Они снова грузили Ноха. Через полчаса ему отъезжать. В принципе всё как всегда, ничего не изменилось.

За пару часов до этого девушка вылепила из снега несколько кукол. Она торжественно вручила их Лоре, но поиграть они не успели. Ингу позвали на погрузку.

Голова со временем опустела, мысли разбежались. Мозг безжизненно плескался в черепной коробке, всё больше ко-стенея.

Леонид, стоящий в цепочке рядом, вдруг попытался заговорить:

– Ты уж прости, не дождался я тебя.

Инга подняла голову, отряхивая забытие монотонной работы:

– Что?

– Ну, тогда... С Лорой. Знаешь, когда взрыв прогремел, я очень за Нину испугался. Она в ресторане официанткой работает.

– А... Официанткой, – мозг соображал туго, через силу, – Такая... С двойными стрелками на глазах?

– Не, то не моя. Моя Нина с хвостиком. И постарше чуть-

чуть.

Верно, о чём это Инга? Девушка с двойными стрелками – Лена, они же познакомились на второй день.

«Такими темпами я буду засыпать на погрузке» – безразлично подумала она. С одной стороны, это хорошо. Если не думать о монотонности, работа не кажется такой изматывающей. А с другой... Нечаянный разговор взбодрил мозг, и теперь в сознание лезли мысли об усталости.

Девушка с шумом выдохнула. Ну зачем её разбудили?

Она обернулась через плечо, поглядывая на Ноха. Машинист на минуту появился в открытой двери кабины, помахав ей рукой. Хотелось махнуть в ответ, но руки вошли в привычную колею, не желая подниматься. Она ограничилась улыбкой и кивком.

Снарядов с каждым днём становилось всё больше. Куда только на флоте их складывают? Корабли должны порядком потяжелеть от такого количества боеприпасов.

В уголке зрения мелькнула тень. Девушка не сразу её заметила замысленными глазами. Тёмный силуэт крался мимо склада снарядов к высокому сугробу, отделявшему депо от Пустоши. Странно... Кто бы это мог быть?

Инга вгляделась внимательнее. Тень скользнула вдоль стены, и, пробравшись к снежной насыпи, полезла через неё. Очертания были маленькими, словно... Детскими! Лора!

Вместе с озарением пришла тревога. Девчонка куда-то крадёт – это не к добру. Инга загнанно взглянула на сосе-

дей по погрузке. Никто ничего не заметил, а если уйти сейчас, вся цепочка рухнет. Левтина точно за это по головке не погладит.

Девушка затравленно передавала снаряды, стиснув зубы.

Если б было что-то опасное, Миль бы предупредил? Он должен следить за Лорой. В голову внезапно пролезла мысль – кошачьего силуэта, летящего за тенью, она не увидела.

Может, всё бросить? Бросить и убежать. Левтина поймёт, если ей объяснить. Инга с нарастающей тревогой смотрела на сугроб, за которым скрылась девочка. Зачем ей нужно к Пустоши?

Снаряды приходили и приходили к ней в руки. Сегодня погрузка казалась нескончаемой больше чем обычно.

Взяла, повернулась, передала... Да к черту! Ни одни неприятности не стоят жизни. Инга лихо развернулась, выбега из цепочки, и отчаянно бросаясь к снежной стене.

– Эй!

– Инга! Стой!

– Девушка!

– Ты куда?! – неслоь ей вслед, но она почти не слышала.

В голове билась единственная мысль – если из-за действий Лоры кто-то в депо пострадает, виновата будет только Инга. Никто больше.

Она бегом залетела на сугроб. Схватилаь обеими руками за верхушку, перегибаясь через неё. Лоры на той стороне не было. Неужели ей показалось? Может, воспалённый рассу-

док всё придумал?

Но нет, по снегу тянулись свежие маленькие следы. Девушка перелезла через сугроб, скатываясь на другую сторону. Следы уводили налево, ко входу в депо и виднеющемуся вдалеке городу. Девушка шла по ним, как приклеенная, пока не поняла, что те опять уходят в сугроб. Пришлось снова перелезть.

Инга очутилась недалеко от поворотного круга. А чуть поодаль... Стояла Лора. Стояла и смотрела на неё глазами затравленного хищника. Рядом с ней в снегу копошился кто-то.

Девушка с силой сжала кулаки. Попалась!

Девочка тронула незнакомку. Та встрепенулась, поднялась в полный рост, и Инга со смесью понимания и ужаса осознала... Это она! Та самая девица с первого взрыва. То же платье, те же светлые пряди внутри черных волос. Странно – в её груди не было огня. А светлые щёки покраснели от мороза. Она вообще была не отсюда, не житель Зимы.

– Оу, – улыбнулась незнакомка, поглядывая вниз, – Ты как раз вовремя.

Она пнула сапогом колбы на стрелках солнечных часов. Из них вырвался... Жар. Две сферы яростно взмыли в воздух, бросаясь за девушкой. На этот раз они были небольшими – чуть выше человеческого роста. Пламя в груди замерло от ужаса.

– А теперь, кролик, – незнакомка осклабилась, – Беги.

Инга бросилась прочь. Скорее! Скорее! Не разбирая дороги, она мчалась через депо, а сферы летели за ней, как приклеенные. Конечно же, они были быстрее. Но и девушка чертовски не хотела умирать.

Она мчалась по открытому пространству. Места много, и это играло ей на руку. Одна сфера догнала Ингу, бросилась коброй... Но та резко вильнула влево, и шар пролетел мимо. Другая старалась облететь девушку спереди. Она обогнала её, резко завернула, преграждая дорогу... А Инга бросилась под неё, проскальзывая на животе по снегу прямо через обжигающий ореол сферы. Ничего... Лишь бы убежать. Сфера запоздало ткнулась в снег, стараясь поймать беглянку, но уязвлённо зашипела, столкнувшись с холодной поверхностью.

«Значит, снег им неприятен» – думала Инга набегу, уже поднявшись и бросаясь прочь.

Ничего не осталось в голове. Мысли были сухими и холодными. Ни страха, ни тревоги, ни вины... Девушка больше не задавалась ненужными вопросами. Она знала одно – ей хочется жить. А убежать не первый раз.

Люди из цепочки погрузки увидели её задолго до того, как она к ним добежала. Заметив горячие сферы, работники бросились в рассыпную. Хорошо... Она хотя бы никого не заденет.

Но на замкнутой территории долго не побегаешь. Инга мчалась всё дальше на север, а впереди была бескрайняя

ширь Пустоши.

«Пустошь... – её осенило, – Пустошь! Она может их высосать?». Догадка сулила спасением, и у девушки были все шансы её проверить. Она воодушевилась, видя край территории.

За северной границей ничего не было. Потому стену с этой стороны не насыпали. Утоптаный снег резко сменялся дикими сугробами, и это знаменовало начало Пустоши.

«Главное – успеть убежать поглубже. Чтобы они погасли прежде, чем настигнут меня» – спокойно думала девушка.

Но у самой границы её ждал неприятный сюрприз. Плотные сугробы по пояс. Она добежала до кромки ровной площадки и поняла, что уровень снега выше метра. Не то что бежать, забраться в такой сугроб трудно.

Инга затравленно обернулась. Неужели, всё? Раз на раз не приходится, прав был Миль. Она и правда своё отбегала?

Сферы неслись на неё бешено. В воздухе слышался треск костра и звук горящих дров. Девушка отчаянно вжалась в снег. Нет уж! Она уже убедилась. Чем покорно ждать смерти, лучше пытаться что-нибудь сделать. Раньше она бы сдалась... Но не сейчас! Может, уже не было смысла трепыхаться... Но она попробует!

Развернувшись, Инга рыбкой нырнула в сугроб. В это мгновение две сферы, будто в замедленной съёмке, пролетели над её головой. Спину опалило тепло. Огонь в груди заметался в страхе, но девушка поспешила его унять. Не время

паниковать... Нужно бежать.

Поднявшись в полный рост, она посмотрела на шары. Те замерли в нескольких шагах от неё. От сфер парило, как от горячих кастрюль, что вынесли на мороз. Одно мгновение... Всего на миг они встретились взглядами. И показалось Инге, что Жар смотрит ей в душу.

Шары полетели к ней, но вдруг отпрянули. Девушка порывисто обернулась, слыша... гул. К ней на всех парах несся Нох. Она узнала бы эти большие глаза лобового стекла из тысячи! Он летел по воздуху, опасно низко над землёй, а золотые стрелы рельс неслись впереди локомотива. Тёплый свет фар разгонял зимнюю тьму.

– Инга-а-а! – крикнул машинист из кабины, – Хватайся!

В груди всё с трепетом сжалось. Хотелось ликовать и прыгать от счастья – она спасена! Как же вовремя!

Инга напрягла ноги. Когда Нох проносился мимо, она на ходу вцепилась в длинную ручку у открытой двери кабины. Инерция занесла её внутрь.

– Нох, как же я тебя люблю! – крикнула она, бросаясь к панели приборов.

Машинист сидел в кресле, сосредоточенно глядя в лобовое стекло.

– Погоди с признаниями. Это только начало.

Девушка выглянула наружу. Ветер рвано трепал её короткие волосы.

Шары летели за ними, не отставая. Они неслись напере-

гонки вдоль длинного хвоста поезда, и Инга вдруг поняла, почему Нох волновался. Они ещё не победили.

Чтобы погасить Жар, нужно вести его строго над Пустошью. Значит лететь придётся низко. Но с длинным прицепом держать ровный курс проблематично.

Вдруг... Одна сфера ударилась о вагон. Случайно... А Нох завыл от боли. На его бедре появился свежий ожог, опаливший форму.

– Что? – девушка в панике бросилась к нему, – Что такое?

– Поезд – часть меня, – парень поднял застланные болью глаза, – И я чувствую каждый вагон.

– Нет... – едва смогла выдохнуть она.

Это значит... Жар может нанести ему серьёзный вред. Нох не спас Ингу – он прикрыл её собой!

– Нет, не надо! – закричала она в отчаянии, – Я спрыгну!

– Не вздумай! – машинист лихо закрутил руль, и поезд пошел опасным юзом, – Выберемся!

Но Жар всё понял. Он – живой и способен мыслить, Инга в этом убедилась. Сферы по очереди стали биться о стенки груженных вагонов.

В снежном железе зияли прожженные дыры. Через них сыпался груз, отчаянно разлетаясь по нетронутому снегу. Нох крепче стиснул зубы, лишь бы не кричать. А Инга стояла у проёма и думала: «Почему всё это опять... Из-за меня?».

Девушке вдруг показалось, что сфера ослабилась. Хищно, кровожадно. Пристроившись у хвоста, шары стали по-

очередно врезаться в него, откусывая по кусочку. Всё больше и больше... Они пожирали поезд. Инга не представляла, какая это боль... И не знала, долго ли сможет выдержать Нох.

В ушах бешено ревел ветер. Гул движения, мотор, колёса, шелестящие золотые рельсы, всё смешалось в сознании. Мглистая ночь и бескрайние снега неслись мимо с ужасающей быстротой. А сферы не думали отставать или гаснуть. Они жрали и жрали... Безжалостно. Жадно.

– У меня есть идея! – девушка сама удивилась тому, как сумасшедшая мысль стала вдруг приемлемой, – Я стряхну их. Держи ровнее, ладно?

– Что бы ты ни задумала, – сквозь зубы процедил Нох, с силой вцепившись в рычаг управления, – Поторопись!

Девушка развернулась боком к открытой двери. Дыхание участилось... Но на страх времени не осталось. Она должна это сделать. Должна.

Инга закинула ногу на круглый набалдашник наружной ручки. Шарик надёжно застрял между стопой и каблуком, фиксируя положение. Девушка рвано выдохнула. И... Подтянувшись за верхний край проёма, она в одно движение вылетела на крышу локомотива.

Порыв ветра пытался сорвать её. Но Инга крепко ухватилась руками и ногами за выступы. Шум в ушах оглушал. Мир нёсся мимо круговертью снега и ночи. Вся Вселенная, казалось, накинута на неё в жгучем желании сбросить с поезда. Но Инга держалась.

Огромных усилий стоило подтянуться, проскальзывая по крыше. Самым трудным был первый рывок. Дальше она зацепилась за что-то. Девушка подняла взгляд – антенна. Небольшая антенна стала залогом её спасения.

Так она и ползла дальше. Цеплялась то за рога, как у трамвая, то за непонятные коробки. Когда она переползла на грузовые вагоны, стала цепляться за удобные выступы на их крышах. Девушка ползла к концу поезда. Навстречу горячим шарам.

В одно из мгновений усталость, страх и отчаяние оцепенили. Инга совсем потерялась, забыла, где она, и зачем так упорно держится. Это была секунда отрешения. Но вдруг вагон с силой тряхануло. Девушка едва не слетела с крыши, мгновенно вспоминая, для чего вообще всё это.

Сферы жрали и жрали. Они сожгли два крайних вагона и подбирались к третьему. Тот самый, который работники так и не закончили грузить. Недавно, но безумно давно. Инга поняла это, когда увидела открытую дверь. Это шанс.

Она добралась до конца. Сферы змеями бросались на вагон, откусывая по кускам. Они были ужасающе близко. Хорошо, что в голове так мало места, иначе можно сойти с ума от страха.

Инга соскользнула в открытую дверь. Задняя стенка была съедена, из неё сыпались загруженные боеприпасы. Пусть, ей не нужны все. Ей нужен один.

Схватив продолговатый снаряд, что собирался уехать в

дыру, Инга приложила к нему руку. Огонь скользнул к пальцам мгновенно, и орудие засветилось изнутри. Девушка вытолкнула его в дыру, и тот влетел прямо в сферы.

Бу-бух!!! Взрыв высвободил лавину. Задние вагоны выгнуло по дуге, а поезд опасно тряхануло. Инга не успела ничего понять. Лишь вцепилась обеими руками в открытую дверь. Её подбросило.

Повсюду разлетелся снег напололам с ошмётками Жара. Душераздирающий скрежет резанул слух. Девушка чувствовала, что поезд кренится набок. Сила взрыва столкнула Ноха с рельс.

Инга зажмурилась. Её тело швыряло в разные стороны. А когда вагон ударился о снег, пропахав несколько метров, она не удержалась. Руки ослабли. Девушка с размаху полетела лицом в сугроб. Жгучий снег обнял тело.

Наступила тишина. Одна секунда... Две... Три... Резко оборвались все звуки, и безмолвие звенело в ушах. Инга лежала. Черный мир под веками вертелся и крутился, было ужасно больно, но больше всего страшно. Что она натворила? Она ведь хотела помочь.

Наконец, девушка нашла в себе силы открыть глаза. Поднимаясь, Инга стёрла с лица снег, затравленно оборачиваясь на Ноха. Поезд лежал на боку... Из кабины машиниста долетали тихие стоны.

– Нох! – кинулась, было, она к нему, но резко остановилась.

Рядом с ней из сугроба поднялся Жар. Вторая сфера уцелела. Его изрядно потрепало, шар уменьшился в размерах, но упрямо горел. И он не собирался отступить.

Она смотрела на него отчаянно. Всё это не могло быть напрасно! Но в снегу по пояс она от него не убежит. Закрыться нечем, отступить некуда.

Гул раздался снова. Это не могло быть правдой! Нет, это игра воображения! Инга обернулась назад, и её ослепили холодные белые фары. Она не замечала до этого, как в Пустоши темно. Депо с фонарями осталось далеко позади.

Сфера угрожающе бросилась на девушку. Но она уже знала, что делать. Спасение было реальным.

Стоило локомотиву нагнать её, как Инга лихо запрыгнула внутрь. Какого же было её удивление, когда она увидела Ласточку, а в кресле машиниста девушку с копной пшенично-золотых волос.

– Грея? – едва не закричала Инга.

– Вижу, Нох тебе рассказал, – голос у неё был грудной, проникновенный, – Держись!

В кабине управления Ласточки всё было гораздо современнее. Аутентичная панель приборов, новое удобное кресло, широкий обзор лобового стекла. Но Инге некогда было восхищаться комплектацией.

Она вцепилась в дверной косяк, выглядывая наружу:

– Не отстаёт, зараза!

– Куда ты Ноха втянула? – сквозь рокот крикнула Грея, –

Что это вообще такое?

– Никуда я его не втягивала! – Инга вроде должна бы обидеться, но слова пронесли мимо, – Это Жар, и он почему-то гоняется за мной.

У изящного локомотива не было прицепа вагонов, но сфере это не помешало.

Убавив в тепле, шар тем не менее не сбавил в скорости. Он мчался за Греей обезумившим хищником, и нагнав, с силой ударил в бок.

– Ауч! – машинистка зашипела, хватаясь за рёбра, – Больно между прочим!

– Да-да, я знаю... Прости, – извинения в такой ситуации звучали жалко.

– За что ты извиняешься? – крикнула Грея, – Я спасаю тебя по своей воле.

– Осторожно! – завопила Инга, но поздно.

Жар с бешеной яростью ударил в корпус. Его силы хватило, чтобы накрентить локомотив, и Ласточка боком полетела с рельс. Грея пыталась как-то вырулить, но бесполезно. На умопомрачительной скорости локомотив влетел в снег, пропахивая носом сугробы.

Ингу снова выбросило. Пожалуй, это и спасло. Лучше жесткая посадка в Снежную пустошь, чем в полёте по кабине прикоснуться к Душе поезда.

Мир вновь закружился. Тишина ударила по слуху. Ничего больше не было... Лишь звон в ушах. Долгий, болезненный.

Сил встать не осталось. Накрывшая волна спокойствия испарилась, уступая место желанию разрыдаться. Внутри всё отчаянно сжалось. Девушка с силой смяла в руках обжигающе холодный снег.

Когда она поднялась на колени, продирая глаза, Жар уже висел в воздухе рядом. Опасно близко. Ну что, вот и всё? Конец?

Но судьба не хотела заканчивать. Девушка услышала треск под собой. Она не знала, что именно трещит, но в следующую секунду земля ушла из-под ног. Момент падения застал неожиданно. Инга провалилась с коротким криком. Она бухнулась в темноту так же, как и сидела, на коленях. Но то было не спасение. А ещё большая ловушка.

Наверху в Пустоши было темно. В пещере ещё темнее. Она видела лишь смутные очертания обледенелых сводов. А когда за ней в дыру плавно скользнул шар, она больше не могла смотреть ни на что другое.

Сфера царственно опустилась на уровень с девушкой. Инга поднялась на ноги, хоть те совсем не слушались. Умирать, так стоя.

Но Жар... Не думал бросаться на неё. Тихое потрескивание эхом билось об округлые стены. Каждая клеточка тела замерла в предсмертном трепете. Она смотрела на него, Жар на неё. Так они и стояли... До момента, пока пауза не стала отрезвляющей.

«Чего ты хочешь от меня?» – вымученно спросила Инга.

Она отчётливо видела, как Жар устал. Сфера осунулась, горячий ореол похолодел. Шар будто тяжело дышал от долгой погони. И всё равно он казался устрашающим.

«Тебя» – отозвался шуршащий голос.

«А почему не забираешь? Я стою перед тобой».

Сфера отрывисто затрещала, словно в костёр подкинули сухое полено. В голове раздалось громче:

«Ты сама должна войти в меня».

«Я?» – она оторопела, – *«Я не хочу!».*

«Ты должна, – он затрещал настойчивее, – Твоё время пробудило меня, и теперь твой огонь должен стать моим носителем. Ты войдешь в меня, мы сольёмся воедино. И я наконец стану свободным».

«То есть... Тебе нужно сожрать меня, чтобы освободиться?» – она хотела лишь поиздеваться, но вместо колкости пришло озарение, – *«Но ты... Не можешь этого сделать против моей воли? Верно?! Это должно быть моё решение?!».*

Жар издал оглушающий рык. Как раненное животное. Инга поняла – она догадалась о том, о чём не должна была.

«Вот почему ты медлил тогда!» – осознание собственной свободы выбора окрылило.

Тело в едином порыве стряхнуло напряжение. Девушка словно воспарила... Она летела высоко в небесах, и чувствовала, что больше ей ничего не страшно. Ледяной воздух отчаянно пьянил. Каждый вздох – как самый сладкий нектар. Так выглядело спасение!

«Ты ждал, что я сдамся! – кричала она в сознании, – Конечно, я же всегда так поступала... Но не в этот раз! Ты не забереешь меня, слышишь?! Пока я жива, я буду бороться с тобой!».

«Я полагал, ты умнее, – вздох прозвучал страшно, – Ты понимаешь, что вечно сопротивляться не сможешь. Но глупые потуги твои отнимут много жизней. Я буду преследовать тебя по всем мирам. Я уничтожу всё, пока мы не сольёмся. А первыми... Пожру твоих мать и сестру».

Крылья сломались посреди полёта. Воодушевлённая Инга кубарем слетела с небес, размашисто впечатавшись в глыбу нечаянного страха.

Сфера уменьшилась в половину. Теперь перед Ингой висел уже не такой страшный шар, но горячая тревога захватила её:

«Что ты сказал?».

«Твоя семья. Я могу добраться до них. Я существую во всех мирах, связанных с Изначальным огнём, и поверь... В твоей реальности я не менее смертоносен. Так что выбирай. Будешь ли ты трепыхаться дальше».

Шар потух. Спустившаяся тьма прочно давила на плечи. Не удержавшись, Инга бессильно бухнулась на колени. Её семья... Мама и сестра... Жар может навредить им? Или это пустые угрозы? А что, если нет? А если он действительно поставит её перед выбором, сможет ли она и продолжать сопротивляться?

– Инга! – из дыры в потолке послышалось шевеление и встревоженный голос.

Девушка задрала голову. Над ямой пронеслись золотые рельсы, сверху на них встал поезд. И вниз полетела верёвка. Инга зажала в пальцах жесткий, холодный край.

– Держись, – услышала она крик Греи, – Сейчас я тебя вытащу!

***

Дрожащую и с бешеными глазами, Грею доставила Ингу в депо. Левтина тут же увела девушку в свой кабинет, пытаясь как-то разговорить. Но та молчала.

Инга не могла слова сказать. Внезапное осознание происходящего свалилось на неё, иссушая мысленный поток.

– ...Нох сильно пострадал, – донёсся далекий голос начальницы, – Но жив. От него отцепили вагоны и сейчас буксируют на ремонтные пути. Грею досталось чуть меньше. Инга... Что случилось? Ты убежала с погрузки не просто так, ты...

Девушка резко вскинула голову. Начальница оторопела, взглянув в её сумасшедшие глаза.

– Лора! – хрипло крикнула Инга, – Я должна её найти!

Она сорвалась с места. Девушка уже не помнила, как сбегала по открытой лестнице из кабинета над путями. И как отчаянно мчалась по снегу, расталкивая тех, кто хотел у неё

что-то спросить. Она неслась в бытовку, а в голове билась единственная мысль:

«Лишь бы она не сбежала!».

– Инга!

– Инга, что стряслось?!

– Да куда ты опять?!

Голоса были слишком далеко, чтобы их слышать. В этот миг всё сознание сжалось до одной точки на горизонте – маленькой бытовки в глубине депо.

Достигнув её, девушка с силой распахнула дверь. Влетела внутрь:

– Всё, Лора! Игры кончились!

Но девочки там не было. Вместо неё на раскладушке лежал Миль, привязанный за лапы и крылья к железной ножке.

– Инга, нет! Она сзади!

Девушка порывисто обернулась. И вдруг... Её накрыла волна слабости. Всепоглощающей, сухой. Она не успела ничего понять. Силы высосали из тела так быстро, что Инга повалилась на колени. Дышать стало трудно. А в груди... Поселился холод.

– Ты права, Инга, – детский голос звучал жестко, – Игра окончена. Ты проиграла.

Девушка едва смогла поднять голову. Лора возвышалась над ней, держа обеими ручками её запястье. Пламя уходило из груди по венам, сочась сквозь кожу в маленькое тело.

– Нравится? – осклабилась Лора, – Зима подарила такую

способность. Она решила, что пятилетней девочке в её мире не помешает умение лишать сил одним прикосновением. Конечно же для защиты.

Усмешка придала ей схожести с чертями на старых картинах. Девочка выкачивала из Инги пламя, а та ничего не могла сделать... Ничего.

В голове отчаянно бился пульс. Тук-тук-тук... Хотелось сопротивляться. Вырвать руку, оттолкнуть Лору. Но тело не слушалось. Оно свалилось бесхребетным мешком, и казалось, не было в нём того стержня, чтобы подняться.

– Ты знаешь, что весь огонь человека можно выкачать за шестьдесят ударов? – Лора сильнее сжала детскими пальчиками запястье Инги, – И чем сильнее колотится сердце, тем быстрее это произойдёт. А твой пульс... Буквально зашкаливает.

Холод в груди накручивался, разрастаясь воронкой. Дыхание больше не вырывалось паром. Инга чувствовала, как тепло покидает её.

Она рвалась... Кричала, стенала... Но лишь в голове. В теле же остались силы только на то, чтобы отрывисто дышать. Даже глаза не могли плакать. Может... От холода не могли?

– Почему? – едва слышно прохрипела она, – Почему я?

– Случайность, – пожалала плечами девчушка, – На твоём месте мог быть любой.

Инга затравленно взглянула на грудь. В ней теплились последние всполохи. Она столько берегла пламя... Чтобы в

один момент его потерять. И умереть второй раз.

В последний миг она подняла взгляд на Лору. У смерти было детское лицо и проникновенные голубые глаза. Мгновение тянулось вечностью. Но и эта секунда истекла.

Последняя капля зажгла Лору. В груди за фатиновым платьем горел украденный огонь. Ингу накрыло ледяное бессилие. Стоило девочке отпустить её руку, как девушка свалилась на пол. Голова тяжело ударилась об пол виском, и пустой взгляд смотрел в проём распахнувшейся двери, куда убежала воровка. Сознание проводило её маленький силуэт.

Слабая и беспомощная, Инга закрыла глаза... В ушах поселился писк. Она не сразу поняла, что это... Писк кардиомонитора. Очень далеко она слышала голоса и чувствовала, как её периодически трясёт.

– ...Пульс нитевидный, давление падает...

– Разряд!

Девушку едва заметно потрянуло. Будто небольшая дрожь.

– Продолжает падать. Мы её теряем.

– Разряд!

Она снова дрогнула. Мысли тянулись нехотя... Может, где-то на другой стороне мама и сестра стоят рядом с палатой. Обнялись, волнуются, смотрят через окно за врачами. И думают – лишь бы спасли. Но у них не получится... Потому что у Инги не получилось.

Она была слишком самонадеянна, и теперь умерла... По-

настоящему. Второй раз.

«Прости, Лера... – отрешенно думала она, утопая в ледяной пучине отчаяния, – Я не успею к тебе на день рождения».

Она тонула глубже и глубже. За одним дном открывалось следующее. И в каждом было всё темнее и холоднее.

Тепло подействовало отрезвляюще. словно нежные руки обняли её тело, потянув наверх. Девушка ничего не понимала, лишь чувствовала, что несётся всё выше. Её, как утопающую, тащили из водной толщи наружу.

– ...Есть пульс! – успела услышать она.

– ...Да, девочка, заставила ты нас поволноваться...

Инга всплыла на поверхность сознания, судорожно глотая воздух. И не могла им напиться. Глаза распахнулись сами, а в груди невидимое сердце заколотилось ещё сильнее. Она чувствовала, как её переполняет... Тепло! То самое, которое она уже не надеялась ощутить.

Перед ней на корточках сидела Лора. С выражением лица, словно её обидели до глубины души. Очень высоко вверху возвышалась Левтина. В дверях толпились, закрывая свет фонарей, другие работники депо. Леонид на правах знакомого, сидя на раскладушке, развязывал Миля.

Силы пришли в тело уколом адреналина. Инга порывисто поднялась на руках, когда Лора отняла пальцы от её запястья.

«Нечего не понимаю» – тряхнула головой она.

В груди горел огонь. Лора вновь погасла. Миль, как только

ему освободили лапы, кинулся к Инге. Прыгнул ей на спину, перелез в руки, так, что пришлось сесть на полу, и отчаянно замурлыкал.

– Заставила ты меня поволноваться, подруга! – усмехнулся он, но совершенно не весело.

– Да, – протянула она, – Не тебя одного...

Девушка подняла голову, обращаясь к начальнице:

– Что произошло?

Левтина пожала плечами:

– Вычислить по твоим словам главного виновника было не трудно. Я собрала людей, и мы пошли за тобой. А когда Лора выбежала из бытовки с огнём, всё только подтвердилось.

– Спасибо, – ошарашенно отозвалась Инга, на автомате глядя кота, – Правда, спасибо... Вы спасли мне жизнь.

Начальница коротко улыбнулась:

– Не в моих правилах терять работников.

Женщина опустила взгляд на Лору. Девочка нарочито поделовому встала, отряхивая с подола несуществующий снег. Хоть она и проиграла, гордость не давала ей склонить голову.

– Вышвырните эту мерзавку из депо, – прорычала Левтина.

– Стойте!

Уже протянувшие к девушке руки работяги резко замерли. Посмотрели на Ингу. Женщина тоже перевела на неё раздраженный взгляд:

– Инга, не наступайте на те же грабли. Она украла Ваш

Огонь.

– Я знаю, – голова предательски гудела, слова не желали складываться, – Но она... Может что-то знать. Мы должны допросить её прежде, чем выгонять.

Левтина задумчиво сжала губы. Коротко выдохнула... Но согласилась.

– Хорошо. Заприте девчонку в комнате без окон, чтобы не сбежала. Позже с ней поговорим.

Глава 11. Книги.

– Нет! – категорически отрезал Солнце, – Я не собираюсь в этом участвовать! Нет! Неа! У-у!

Юноша отрицательно мотал головой, мечась по комнате, как тигр в клетке.

Парни полчаса безуспешно втолковывали ему план. В удивительно сумрачных покоях Солнца их было пятеро – Часовщик, Лев, Гео, Лёд и сам, непосредственно, виновник. Лёд развалился в кресле у входа, поигрывая золотой подушкой. А парни наперебой рассказывали Солнцу, что они придумали. И ведь хорошо получалось! Хорошо!

Ребята рассудили, что на поиск диверсантов уйдёт слишком много времени. Эти бестии умны, осторожны, и знают явно больше наспех собранной антишпионской группы. Поэтому, если не удастся их догнать... Нужно заставить их гоняться! Диверсантов надо спровоцировать на атаку, и устроить им засаду. План принадлежал Гео, остальные его с энтузиазмом поддержали.

Азарт погони захватывал. Оставалось уговорить Солнце.

– Послушай же! Тебе ничто не будет угрожать! Ты просто полетишь из замка в Алмазную библиотеку на колеснице. В воздухе тебя не тронут, потому что незаметно подобраться не получится. К тому же ты прекрасно летаешь, – лесь Хранителя времени, однако, должного эффекта не оказала.

Юноша упрямо мотал головой, скрестив руки на груди.

– Да! – подключился Лев, – Ты приземлишься на крыше, спустишься в библиотеку. Диверсанты подумают, что это идеальное место для нападения. А внутри их будем ждать мы! И как только они сунутся к тебе, мы их сцапаем. Магия Льда и Часовщика нам в помощь.

Место было выбрано не случайно. Алмазная библиотека или Библиотека алмазной пыли – музей, куда со всего мира Зимы стекались написанные здесь книги, созданные статуи или картины. В общем всё, что местные творцы хотели передать на общественное любование. До войны в неё выстраивались очереди. Находилось много желающих скоротать время в обществе прекрасного. Но сейчас туда никто не заходил. Весна обеспечила людям занятие.

Гео пространно думал. Он сидел в кресле, подпирая кулаком подбородок, и отрешённо наблюдал за потугами Часовщика и Льва уговорить наотрез отказывающегося Солнце. А ведь вправду... С началом войны весь мир перестроился на военные лад.

Создатели одежды переключились на обмундирование для армии. Застройщики, расширявшие город, переквалифицировались в кораблестроителей. Многие из мастеров, что создавали корабли, сами же шли туда матросами. Открылось несколько предприятий по производству боеприпасов. Наконец, появилось депо... Да уж, война обеспечила людей занятием, и на искусство времени не осталось.

Ребята выбрали Библиотеку специально, чтобы исключить присутствие лишних людей. Случайный человек мог не только пострадать, но и сорвать операцию. В общем, парни всё продумали до мелочей. Но Солнце был против.

Он выставил вперёд руку со вздёрнутым указательным пальцем:

– Нет! Я уверен, они только этого и ждут. Вы их недооцениваете!

– Послушай, – примирительно начал Часовщик, – Знаю, ты обеспокоен, и у тебя есть все основания не доверять нам, но...

– Я всё равно не стану...

– Хватит! – резко прикрикнул Гео.

Его начинал раздражать этот разговор:

– Вы что, не видите? Мы его не уломаем. Он же типичный маменькин сынок. Наворотил дел и в кусты. Смотрит из них и ждёт, когда придут другие и всё за него разгребут. А он потом выйдет весь такой сияющий.

Солнце резко взглянул на Гео. Так, словно прожечь хотел. Вокруг юноши очертился горячий ореол, но парню было совершенно не страшно. Он разочаровался. Хороший план рушился просто потому, что этот сопляк струсил!

– Не тебе меня судить, – прорычал юноша сквозь зубы.

– Он прав, братец, – со своего места вставил Лёд.

Все четверо в едином порыве обернулись на него. Поигрывая золотой бахромой подушки, Лёд процедил с холодной

злостью:

– Пора бы тебе научиться исправлять ошибки.

***

– Вставай! Просыпайся же! – мужчину упорно пихали в бок.

Он упирался, настойчиво накрываясь одеялом, но всё бессмысленно. Противный кто-то-там был упрямее.

– Ну что?! – огрызнулся мужчина, лихо перекатываясь на кровати.

Над ним нависла девчонка. В безумных глазах горела очередная гениальная идея.

– Я знаю, как схватить Солнце! – выкрикнула она восторженно.

Мужчина сонно сел в постели. Глянул на наручные часы, что лежали на тумбочке. Глубокая ночь... В этом проклятом мире всегда темно, но сейчас ночь была на его личных часах. Внутренних. Из-за отсутствия светового дня и так режим сбился.

– Ты слышал, что я сказала? – недоверчиво прищурилась девица, – Я знаю, как схватить Солнце!

То есть до этого она не хотела его трогать, потому что у неё плана не было? Но заспанный мозг не располагал ресурсом для гнева.

– Что? – голос охрип, и мужчина прокашлялся, – Что ты

придумала?

Она потрясла в руке своим дьявольским аппаратом. Мужчина отстранился, чтобы по нему не попала игла.

– Я переделала его, – лишь сейчас он заметил на глазах девчонки мешки от недосыпа, – Теперь он может качать огонь. Это оказалось не сложно!

Казалось, она сейчас заплачет от счастья.

– Теперь вам достаточно воткнуть иглу в Солнце, и аппарат за несколько минут расщепит и высосет его до капли.

– Это как?

– Он преобразует его в чистое пламя. В принципе для Солнца это равносильно смерти, – деловито заговорила она, – Не важно. Главное, он будет испытывать дикую боль, и не сможет сопротивляться. Так что основная задача – воткнуть в него иглу.

– То есть подобраться на расстояние вытянутой руки, – продолжил он её мысль, – И как мы, по-твоему, это сделаем?

– Не знаю, – девчонка легко и безразлично пожала плечами, – Это уже не мои проблемы. Не всю же работу мне за вас с братом выполнять.

Она оставила аппарат на тумбочке и ушла. Мужчина повернулся на бок, укрываясь одеялом с головой. Он спал как был – в плаще и шарфе, только сапоги снял, оттого ноги мёрзли. Нужно заснуть... Им предстояла трудная работа. Необходимы силы. Но мысль о том, как подобраться к Солнцу, накрепко засела в голове. Планы строились сами собой,

и уже заработавший мозг отказывался отключаться обратно.

Мужчина порывисто перевернулся на спину. Зажал пальцами переносицу. Глаза болели от недосыпа, будто в них щедро насыпали морского песка. Мысли приходили с шумом, складываясь в цепочки под гул мигрени.

В окно отрывисто постучали. Мужчина вымученно обнаружив за стеклом два черных силуэта. Пришлось встать, встряхнуть наскоро ноги в сапоги и устало открыть оконную створку.

Грачи загалдели наперебой:

– Они кое-что задумали, капитан!

– Мы всё слышали! Мы всё знаем!

***

Сияющая колесница с шумом опускалась на крышу библиотеки. Третий раз. Гео не мог понять, в чём он ошибся.

– Вам не кажется, – парень скрестил руки на груди, опираясь спиной о стеллаж, – Что мы где-то просчитались?

– Думаю, стоит ещё подождать, – пожал плечами Лев, – Может, наши диверсанты не такие расторопные?

Парень саркастически приснул.

В желеобразном облаке магии Часовщика дышать было трудно, но возможно. Парни стояли в ней уже часов восемь, и никакого результата. Что же не так?

Место – Алмазная библиотека, казалось бы, выбрано иде-

ально. Тихое, безлюдное, укромное.

Снаружи это здание напоминало готический кафедральный собор пятнадцатого века. С узорными завитушками на стенах, как рисунок мороза на стекле. Со стройными шпилями и башенками. Она имела форму шестиконечной снежинки, и острые края её фасада лишь добавляли сходства. В самом центре, окруженная густым лесом остроугольных крыш, находилась открытая площадка. Будто дно глубокой чаши. С этой площади винтовая лестница вела в сердце библиотеки.

В центре снежинки находился читальный зал. Выше него, в северной стороне, хранились книги. В западных лучах был музей статуй и прикладного искусства. Лучи восточного крыла занимала картинная галерея.

Сам же читальный зал представлял собой круглое открытое пространство. Множество столов со стульями, кресел, диванов, ламп и торшеров. Всё находилось в пелене монументальной тишины и инея. В воздухе игриво летала снежная пыль. Иногда её называют алмазной...

От зала вверх тянулся длинный, двухъярусный коридор, уставленный стеллажами. На галерею второго этажа периодически вели ажурные винтовые лесенки. Такие же узорные ледяные балясины под снежной шапкой перил заботливо обрамляли балкон. Между шкафами, соединяя разные лучи, паутинкой тянулись ответвления коридоров. Они вели в другие корпуса, чтобы из книжного зала можно было перейти в картинную галерею, не проходя через центр библиотеки.

Книги теснились на полках. Среди них встречались и оригинальные произведения, написанные здесь, и переписанные шедевры мировой классики. Кто-то брал за цель жизни воссоздать в этом мире прочитанные при жизни книги. Конечно, никакого каталога, учёта, системы, ничего не было. Тебе попадалась та история, которая должна. Судьба.

Венчал коридор ледяной витраж во всю стену. В верхней его части распускалась изящными лучами острая, кружевная снежинка. Ну чем не идеальное место?

Солнце ходил по пустому книжному коридору. Лениво таскался от книги к книге, пролистывая случайные произведения и изнывая от ожидания. Вряд ли он видел, о чём вообще читал. Юноша ходил уже третий раз, ему явно надоело.

Диверсанты нападать не торопились. Ожидание... Снова. Ребята вроде продумали всё, но теперь Гео начинал сомневаться.

Они базировались в самом конце коридора. Часовщик сидел на верхней галерее прямо над боковым ответвлением. С его позиции всё небольшое пространство просматривалось, как на ладони. Он должен был блокировать всех подходящих к Солнцу. Основная надежда и была на его желеобразную магию, затормаживающую время внутри себя.

Лев и Гео стояли внизу, чуть поодаль от «наживки». Блокировать ближние атаки. Так... На всякий случай. Хранитель времени сотворил вокруг них и себя фиолетовые ореол, скрывающий парней от чужих глаз. Так что враги не увидят

засады. И всё равно у Гео на душе было не спокойно.

Не похоже, что диверсанты клюнули. Ведь Солнце совершал уже третий променад от замка в Библиотеку и обратно, и ничего. Это раздражало.

– Всё. Думаю, пора сматывать удочки, – Лев саркастически оглядел изнывающего юношу, – Не придут они.

– Ты сам минуту назад предлагал повременить! Подождём ещё немного.

– Знаю, но... Слушай, нам нужен другой план. Если диверсанты следили за Солнцем всё это время, то наверняка догадались, что это ловушка.

Гео резко обернулся на друга:

– Почему это?

– Да потому что не может принц, до этого дышавший к книгам абсолютно ровно, вдруг бац!.. и три раза на дню летать в Библиотеку! Особенно когда должен сидеть в замке, дрожать и носа не высовывать. Это подозрительно. Они знают, что мы их ждём. Они не придут.

В словах Льва был смысл. И Гео бы послушать совета... Но он упёрся. Снова, как тогда, на корабле.

– Подождём ещё немного.

Лев всплеснул руками.

В начале коридора показался силуэт. Парни резко замолчали, напрягаясь.

«Будь это один из диверсантов, он бы не пошел так нагло, да?» – подумал Гео, глянув на верхнюю галерею, где сто-

ял Часовщик. Видимо, Хранитель решил так же, потому что применять магию не спешил.

Силуэт приближался. Гео видел, как сжались от напряжения плечи Солнца. Он стоял спиной к парням, с напускным интересом листая книгу.

– Надо же, принц, – окликнул его прохожий, – Не ожидал Вас здесь увидеть.

Юноша порывисто обернулся на него.

– Рид? А Вы что здесь делаете?

Теперь и Гео его узнал. К Солнцу прямой наводкой двигался министр градостроения. Парни видели его на вечеринке.

– Да вот, обещал приятельнице одну книгу найти, – мужчина пожал плечами, поворачиваясь к стеллажу, – «Легенды Ноября», не попадалась? Я точно видел её где-то здесь.

Парни аккуратно отошли, чтобы министр не зацепил их и не раскрыл.

Часовщик с верхней галереи вопросительно мотнул головой в его сторону. Гео пожал плечами. Вроде бы повода для задержания нет... Может, Рид вправду здесь случайно?

– Да где же? – министр пошарил по книгам на полках, – Может, наверху? Могли её переложить?

– Не знаю, – растерянно пожал плечами Солнце, – Сюда вроде никто не ходит.

– Да-да, – согласно кивнул Рид, взбираясь по винтовой лестнице на балкон, – У всех дела.

Теперь он был над парнями. Они задрали головы, чтобы хоть что-то видеть. Часовщик на противоположной галерее напрягся, и под ним... Скрипнула половица.

– Ах вот же она! – вскричал министр, резко разворачиваясь.

А из-за книги... Вынырнуло дуло пистолета. Не успели парни сообразить, как Рид выстрелил в Часовщика.

Бах! Хранитель повалился на пол. Стрелок попал не глядя. Магия развеялась, и Гео со Львом тут же стали видимы.

В голове опасно похолодело. Гео хотел бросится за министром наверх, но вдруг... Взгляд выхватил у ответвления коридора незнакомца. Парень заметил мерзкую улыбку на морщинистом лице. В следующую секунду на них с грохотом полетел шкаф.

Но это же... Это ловушка! Что получается? Они готовили засаду для диверсантов, а в итоге попались сами?

Посыпались книги. Затрещало дерево. Гео машинально закрыл голову руками, но отпрыгнуть не успел. Стеллаж повалился неотвратимой судьбой, и только чудо спасло парней от смерти.

Бу-бух! Гео упал на пол, прибитый изданиями. А шкаф... Упёрся боком в полки стоящего напротив стеллажа. Совсем близко к его закрытой руками голове. Парень едва сумел осознать, что жив. Его друг под грудой книг, кажется, был шокирован удачей не меньше. В воздух обиженно взметнулась сияющая алмазная пыль.

Тем временем Рид легко перемахнул через перила. Парни видели это сквозь открытый задник придавивших их полок. Министр изящно, по-корабельному спрыгнул с галереи прямо к отшатнувшемуся Солнцу.

– Давай! – крикнул морщинистый.

Юноша вжался в стеллаж, но не бежал. Путь ему отрезали.

Секунду... Томительную секунду Рид заносил над ним кулак. Гео увидел под его пальцами длинную, хищно блеснувшую иглу. Она уходила основанием в прибор в ладони министра.

– Нет! – Солнце закрыл лицо рукой, – Не надо, пожалуйста!

– За Элли... – прошептал Рид.

Игла яростно вонзилась в запястье Солнца. Министр щёлкнул шестерёнкой, но... Ничего не произошло.

Непонимание вытянуло лица Рида и морщинистого.

Мгновение... Одно... Второе... Министр с остервенением подёргал язычок шестерёнки.

– Что, не получается? – осклабился Солнце, – Может, во мне просто нет огня?

Заклинание постепенно разрушалось, и в сияющем лице проступали ледяные черты.

Гео ликовал. Да! Магия Часовщика сработала на отлично! Он ведь говорил, что это заклинание сильнее остальных.

Лёд... а это всё время был он... перехватил руку министра. По телу мужчины поползла толстая корка. Пара се-

кунд... И Рид надёжно скован. Застыл ледяным истуканом в той позе, в которой стоял. Остался второй.

Морщинистый быстро понял, что к чему. Не думая выручать товарища, он бросился бежать. Но Лёд был быстрее.

Гео выбрался из-под шкафа с внешней стороны. И тут же пригнулся, уворачиваясь от снежного кома. Заклинание влетело перед морщинистым в пол, вырастая меж стеллажами отвесной ледяной стеной. Мужчина ломанулся, было, в боковой коридор, но Лёд успел перекрыть и этот путь. Тогда диверсант бросился по винтовой лесенке наверх.

Гео помчался за ним.

– Стой! – крикнул он, взлетая на галерею, – Не уйдёшь второй раз!

Морщинистый бежал к витражу. Бессмысленно, ведь там тупик. Но он всё равно оглянулся, оскалившись хитро:

– Ты в этом уверен?

Гео слишком поздно понял... А когда осознал, было мучительно поздно.

Мужчина добежал до конца балкона. Лёд нацелил на него руку, но тот вытащил из кармана две колбы. Красную и золотую.

– Не-е-ет! – Гео хотел прыгнуть на него, остановить!.. но не успел.

Морщинистый с силой бросил колбы вниз. Они летели целую вечность. А когда упали... Лёд бросился на них, закрывая смерть своим телом.

Бу-бух!!! Молниеносный взрыв. Клубы жара застили всё вокруг на одну безжалостную секунду. Мир стал белым... И горячим. Гео отлетел назад, с силой впечатавшись в стеллаж. Всё произошло ужасающе быстро. Никто ничего не успел понять.

***

Лениво и устало крутились лопасти вертолѐта. Колеснице тяжело было нести двоих.

– ...Лѐ-ѐ-ѐ-ѐд! – в ушах ещё стоял отчаянный крик.

Его крик.

Когда Гео очнулся, всё уже было кончено. В витраже зияла огромная дыра, выжженная Жаром. Морщинистый скрылся.

Тело Льда нашли не сразу, его частями выбросило наружу. Основную часть они нашли в сугробе под витражом. Рида от взрыва спасла наледь, сковавшая его, Льва – книги, из-под которых он так и не успел выбраться.

В горле предательски скрежетало. Как же так?

Бездыханного Льда усадили на сиденье колесницы. Сам Гео стоял, пригибаясь под низкими лопастями. Они летели над городом, и его приветливые, мягкие дома расплывались во взгляде.

– ...Он жив, – сказал Часовщик, – Но сильно ранен. Его нужно отнести в Пустошь – она его вылечит.

– Угу, – только мог сказать парень.

Кстати, Хранитель жив. Рид выстрелил в него специальным экстрактом.

– ...это «цвет сновидений» – цветок так называется. Или сон-трава. Растёт в мире Весны, достаточно распространён. Хорошее оружие от Бессмертных, потому что только оно на нас и действует.

Вот так. Все вроде живы. Только Лёд пожертвовал собой, чтобы всех спасти.

Гео обернулся на покалеченное тело. Пальцы непроизвольно сжали руль сильнее. Его вообще не должно было здесь быть!

Его брат... Это бесхребетное ничтожество струсил! Им не удалось его уговорить! Старший сам предложил занять его место. Лёд ведь говорил, что за Солнце порвёт любого. Жаль, что неблагодарный маменькин сынок так этого и не увидит.

Но больнее всего было от осознания... Что всё из-за него! Из-за Гео. Это он привлёк Льда, он разработал провальный план, он не заподозрил Рида. Это его ошибки! Только его! Как он мог так сильно просчитаться?

Теперь Лёд при смерти. И парень сам везёт его в Пустошь на колеснице Солнца. Рида ребята взяли и повели в Башню... Но второй удрал. И чёрт знает, что он теперь замышляет.

У Гео больше не было идей. Не было плана. Что бы он ни делал, всё выходит наперекосьяк! Но хуже того, что страдают

люди... Хорошие люди. Сначала Инга, теперь вот Лёд. Тоска Снежной пустоши с заботой топила сознание в холодном отчаянии.

Гео кое-как посадил колесницу. Управлять ей было не сложнее, чем шлюпкой. Вытащить бездыханное тело оказалось труднее, оно обмякло и потяжелело.

Парень взвалил Льда на плечо. Город остался далеко позади, напоминая о себе лишь отсветами на горизонте. Гео улетел на восток. Отсюда не было видно Небесного флота, и казалось, что вовсе нет войны. Есть только вечное, бескрайнее небо, по которому твоя мать с любовью раскидала мерцающие звёзды. И снег... Как бесконечная перина. Словно колыбель мира вдали от всех. Лучшее место, чтобы излечиться или умереть окончательно.

– Ты прости меня, – прошептал он, опуская Льда в сугробы, – Это моя вина...

Снег принял тело в пушистые объятия. Рыхлые снежинки мягко обхватили бессильные руки. Волосы на буйной голове взъерошил ветер.

На Льда больно было смотреть. Обожжённая кожа исходилась взрывными рытвинами. Оторвало часть руки, левую ногу отрубило напрочь. В груди зияла большая сквозная брешь. Гео не представлял, как это вообще можно вылечить?

Он стоял, не в силах отвернуться. Будто говорил себе: «Смотри! Видишь, во что обходятся другим твои ошибки?!». Было больно, и яростно, и грустно, и отчаяние ворон-

кой крутилось в груди. От самобичевания легче не становилось. Как он мог? Как он мог?!

Груз вины придавил к земле. Гео опустился на корточки, с силой закрывая лицо руками. Порывисто зачерпнул ладонью снег... И с силой ударил себя по щеке.

– Хватит! Соберись!

Обжигали горячая боль и снежный холод.

– Бой ещё не окончен! – он зачерпнул ещё снега, умывая лицо, – Ты обязан выиграть.

Парень резко поднялся. Эмоции не улеглись, они всё ещё бушевали в голове. Но для них сейчас не время и не место. Слишком дороги секунды промедления.

– Мы поймаем этого гада, я тебе обещаю, – сказал Гео, заглядывая в обожженное лицо.

Последний взгляд... И парень поспешил обратно к колеснице. Слишком многое ещё предстояло сделать.

***

Рид сидел в кабинете Часовщика, накрепко привязанный к стулу. Волноваться было не о чем. Попытки, допросы, изощрённые издевательства, ко всему он привык в свою бурную корабельную молодость. Разве что спокойствие и размеренность мира Зимы чуть припорошили лихие воспоминания. Но пришло время вспомнить.

Его дознаватели скорбно молчали. Часовщик и светлого-

лосый моряк сидели чуть поодаль, отвернувшись и свесив головы. Видимо, ждали третьего члена команды. Тот улетел уносить в Пустошь павшего товарища.

Льда Риду в принципе было не жаль. Этот парень никогда не видел берегов, и рано или поздно должен был нарваться на неприятности. Вот его и настиг... Жар.

Гнетущее молчание выматывало. Неужели они пытаются внушить Риду чувство вины? Нет! Он поступил правильно. Если неправильно, то хотя бы справедливо. Хотелось верить...

На лестнице послышались шаги. Наконец-то! Рыжеволосый моряк на тяжёлых ногах поднялся в кабинет. Бухнувшись в кресло напротив товарища, он протяжно выдохнул... И тоже замолчал.

Нет, они издеваются! Рид поёрзал на стуле, как мог разминая связанные запястья.

– Как там Лёд? – спросил светловолосый.

– Я оставил его в Пустоши, – тихо отозвался второй.

– Будем надеяться, всё будет хорошо.

– Угу.

Снова молчание. Чего они тянут?! Или эта троица совсем не умеет вести допросы, или наоборот слишком в этом искусна.

– Я проверил, у Рида нет следа от иглы, – подал голос Часовщик, – Его с ними не было.

– Значит, мы бы его и не нашли, если б сам не попался.

– Спорное суждение, – фыркнул министр.

Все трое резко уставились на него. Сложно было описать их взгляды. Смесь ярости и презрения, приправленная бессильным непониманием. Наверняка они задаются вопросом, почему он? Почему именно Рид – предатель.

Его жизнь в Зиме вполне удалась. Он стал министром градостроения, под его руководством город расширялся. Он сам спроектировал несколько прекрасных зданий... Алмазную библиотеку в том числе. Когда над миром нависла угроза войны, он, знающий всё о кораблестроении, первым предложил построить Небесный флот. Рид столько сделал для этого мира... И вдруг безжалостно предал его. Почему? Он и сам задавался этим вопросом. Но каждый раз убеждал себя, что у него была причина.

– Ну давай, – Часовщик повернул кресло в сторону пленника, – Рассказывай.

Министр усмехнулся:

– Серьёзно? Вы действительно думаете, что я сам всё расскажу?

– Пытать тебя мы не будем, – покачал головой Хранитель, когда моряки яростно дёрнулись.

– В таком случае можете не надеяться... На откровенность.

Парни переглянулись.

– Ну... Допустим, состав группы и её цели действительно стоит утаивать, – пространно начал рассуждать светловоло-

сой, – А почему ты им помогал? Эту информацию скрывать уже нет смысла.

Пленник саркастически хмыкнул:

– В нашем деле рациональность не так работает. Любая информация важна.

– Ты прав, – кивнул Часовщик вполне миролюбиво, – Любая. Я тоже кое-что знаю о тебе, Рид. Ты умер в Пустоши, когда шел к нам из Весны. Ты очень целеустремлённый человек. Много знаешь, многое умеешь... И, если тебя заставили, угрожая жизнью дочери или внука, ты только скажи. Мы всё поймём.

– Что? – в голове, где-то в самом далёком уголке что-то опасно зашевелилось, – Что за бред. Моя дочь умерла!

На миг перед глазами помутилось. Как искренне он говорил, без тени фальши. Но это... Это не может быть правдой! Часовщик блефует! Он встал на сторону Рида и как бы невзначай намекнул на дочь, чтобы расположить пленника к себе! Это фокус. Всё это один большой обман.

– Умерла? – между тем Хранитель удивился вполне натурально, – Когда?

– Двадцать два года назад! Чуть позже меня. Она так и не дождалась... – Рид резко осёкся.

Нельзя... Нельзя давать волю чувствам.

– Так-так, – Часовщик постучал пальцем по подлокотнику, – И кто же сообщил тебе о её смерти?

Рид нарочито отвернулся. Вот... Они уже пытаются выве-

сти разговор в нужное русло. Не выйдет!

Хранитель правильно расценил молчание, напряжённо выдыхая.

– Рид, твоя дочь – жива.

Пленник хмыкнул:

– Не надейся, что я поверю в такую бездарную ложь.

– Люди, – Часовщик саркастически закатил глаза, – Конечно, они быстрее доверятся кому-то-там, чем Хранителю времени, который наверняка знает о текущей жизни или смерти человека. Рид... Это, черт возьми, моя работа!

Тот упорствовал. Часовщик всплеснул руками:

– Ирония судьбы. Ребят, развяжите его.

– Что? – встрепнулись моряки.

Они в едином порыве повскакивали с кресел:

– Вы уверены?

– Он же сбежит!

– Нет.

Верно... Пленник кинул на Хранителя едва заметный взгляд. Рид уже сомневается, и Часовщик знает это. Он слишком давно живёт на свете.

Светловолосый пожал плечами, и, подходя к пленнику сзади, развязал узлы. Рид потёр затёкшие запястья.

Хранитель, устало поднявшись, махнул ему головой на выход:

– Пойдём.

И ушел. Рид смотрел на удаляющуюся фигуру, и понимал,

что шансов у него нет. Ни одного... Как бы он ни пытался, его уже захватил сладкий обман Часовщика. И он хочет увидеть доказательства. Неужели... Это может быть правдой?

Хранитель устало плёлся вниз. Каблуки туфель со звоном шлёпались о ступени. Он ссутулился, пряча руки в карманы, словно груз тяжёлых событий лежал на его плечах.

Очередная комната встретила их широкой аркой с надписью: «Зал Живых». Огромная светлая аллея уходила вперёд, далеко за пределы видимости. Дальше горизонта.

По краям белокаменной плитки росли два ряда невероятных деревьев. Невероятных, потому что все они состояли из часов. Стволы, крона... Всё отливало золотом, медью и бронзой. Часы на цепочках и ремешках свешивались с веток. В механической листве резвились деревянные кукушки. Со всем как живые. И тик... То мерный, то бойкий, у кого-то усталый, у кого-то восторженный. В этом тике и заключалась вся невероятная штука под названием жизнь. Именно он олицетворял её.

Рид загляделся. Он бывал в Башне и раньше, проходил этот зал, но никогда не замечал такого. А сейчас увидел его по-новому. Хранитель же, не останавливаясь, топал по белой дорожке, оперев тяжёлый взгляд под ноги. Для него эта красота – обычное зрелище.

Он шел и шел мимо деревьев. Пока не остановился рядом с одним. Через силу запрокинув голову, он поманил кого-то с самой верхушки. К нему в руки послушно прилете-

ли двое часов. Одни золотые женские, с витым браслетом, а вторые... Рид увидел их и бросился к Хранителю. Нет... Невозможно!

– Вот, взгляни, – Часовщик протянул ему женские, – Часы твоей дочери – Эллы. Вполне себе идут, как видишь. Ей сейчас двадцать девять лет. Вышла замуж, родила ребёнка. И жить ей ещё порядком.

И правда... Тонкая стрелка не добралась и до середины воронки циферблата.

Рид дрожащими пальцами держал часики. Возможно ли такое?

– А это... – продолжил Хранитель, – ... часы её сына. Кстати, назвали в твою честь – Ридом.

Парень протянул ему стальной морской хронометр. Его хронометр! Он оставил его на память дочери, уходя в плавание в последний раз.

– ... а она подарила их сыну, – Хранитель будто продолжил его мысль, – Чтобы тот знал, что его дедушка был отважным моряком.

Рид судорожно глотал ртом воздух. Мышцы забыли, как двигаться. Всё тело напряглось и сжалось от невообразимой смеси эмоций. И хотелось рыдать... Такому взрослому, видавшему виды мужчине, прошедшему битвы и смерти, хотелось рыдать навзрыд как мальчишке! От счастья! Он умер не напрасно! Она жива! И счастлива! Что может быть лучше, чем вновь обрести потерянную любовь? Его дочь... Его

милая, маленькая дочурка жива. Она выросла в прекрасную женщину, сама стала матерью! И пусть Риду вечно тридцать четыре, и он помнит Эллу семилетней, даже просто знать... что где-то там она есть – это уже высшее счастье.

Но в пелену эйфории прогрыз червоточинку гнев. Одна мысль резко ввинтилась в мозг болью и обидой.

– Что же получается, – взгляд похолодел, – Он меня обманул?

Хранитель пожал плечами:

– Получается так.

Разговор продолжили, вернувшись в кабинет. Рид всё не мог выпустить из рук часы внука и дочери. Они придавали ему сил. Рассказ предстоял длинный и очень неприятный. Теперь он предатель, и оправдания у него нет.

Пленник сидел на стуле, напряжённо выпрямив спину. Он не пытался защититься... Он виноват. И понесёт своё наказание с честью.

– Я родился и вырос в мире Весны. Мы с Рором сироты. Нас приютили пираты, и мы всю молодость грабили суда. Я не горжусь этим. Когда капитан умер, он передал командование мне. Рор, мой младший брат, стал старпомом. Но меня не привлекала жестокость нашего ремесла. Мне хотелось строить корабли, а не сжигать их. Потом я встретил Маргарет, и вообще завязал... Родилась Элла. Я был счастлив. Ровно до того момента, пока дочь не заболела. Сильно и, как тогда нам говорили, неизлечимо. В такие моменты люди на-

чинают искать чуда.

Рид сжал кулак на колене. Нужно договорить... Но как трудно!

– В Весне есть легенда о жителях долины Синих снегов. Якобы, если идти достаточно долго, то можно набрести на город людей, что знают секрет бессмертия. Я был уверен, что это спасение. И на корабле, что отдал Рору, мы с братом отправились туда.

– Но легенда обманула, – выдохнул светловолосый, – Долина Синих снегов ведёт в мир Зимы.

– Верно. Однако я не знал этого, и сдаваться не собирался. Мы с братом очень долго шли через снежную пустыню. Нас бил ветер, морозы... На середине пути Рор сдался. Он бросил меня, повернув назад, и я никогда не винил его за это. А через несколько дней... Я умер. Зима встретила меня радушно. Я всё ей рассказал, но она ответила, что мне уже не вернуться. Я не знал, что стало с моей дочерью. Я не принёс ей лекарства, и всё это время думал, что подвёл её! Что она умерла из-за меня! Кто же знал?..

Пленник резко вскинул голову:

– Хотя... Рор знал. Он связался со мной не так давно. Не за долго до установления купола мы встретились в Пустоши. Он сказал, что Элла умерла в страшных муках, и я... Захотел отомстить.

За обманутые надежды. За разбитые мечты маленькой девочки. Ведь легенда о чудесном спасении оказалась ложью.

Рид столько сделал для мира Зимы... А из-за него умер самый дорогой ему человек.

– Я думал, если этот мир сгинет, и я вместе с ним, мне станет легче. Где бы то ни было, даже в небытии, я буду знать, что месть свершилась. Знаю, глупо.

Скорбь и тоска по дочери стали прекрасным инструментом в руках младшего брата. Он ловко подогревал ярость старшего, когда ему было нужно, и использовал Рида с максимальной отдачей. Совсем... По-пиратски.

– Это я провёл Рора и его команду через купол. Я помог им уйти от погони, когда вы нас настигли.

– Как тебе это удалось? – встрял рыжеволосый, и министр перевёл на него быстрый взгляд.

– Легко. Через барьер они прошли со мной, как с жителем Зимы. Все просто держались за меня. А фокус со сквером... Мы вернулись на лодке чуть назад, когда вы пролетели над нами. И быстро нырнули в открытые подвальные помещения соседнего дома. Это здание единственное в своём роде. Я знал это, потому что сам его проектировал.

– Кто прилетел вместе с тобой?

Троица резко опомнилась. Наконец они подошли к информации, которую должны были узнать в первую очередь.

– Рор. С ним девушка-подрывник. Имени я не знаю, но она отбитая на голову. И двое парней, кажется, из команды брата, – Рида осенило.

Мысль была такой резкой, что никак не хотела склады-

ваться в слова. А высказать её нужно срочно.

– Как же я... Девчонка! Если Рор успел сказать ей о провале операции, то вам срочно нужно к настоящему Солнцу. Вполне возможно, что она до него уже добралась!

***

А когда парни с разбегу влетели в сумрачные покои, она уже была там.

Гео тяжело дышал от долгой гонки. Он не устал, но холодная кровь кипела от волнения. Они не могут ещё и Солнце потерять! Хоть этого дурака не жалко, он всё равно важен.

Парни мчались к замку на часовых конях. Прискакали, влетели... Но представшая им картина на секунду повергла их в ступор.

У кровати стоял Солнце. Grimаса ужаса вытянула лицо в немой крик. Он мертвенно побледнел и осунулся до костей. Его тело, волосы, сияющие одежды, всё скручивалось в небольшую воронку, с готовностью уходя... В отверстие толстой иглы. Приборчик – песочные часы без подпорок с шестерёнкой – держала двумя руками приземистая девушка. В синем изящном платье, с тёмными волосами, скрывающими светлые пряди.

Часовщик оторопел на секунду. Он стоял рядом с Гео, и парень мог наблюдать его реакцию. Он словно приведение увидел... Очень знакомое приведение.

– Знал, что это ты, – прошептал Хранитель.

– Случайности не случайны, – девчонка с улыбкой пожала плечами.

Миг... Всего мгновение они смотрели друг на друга. Вдруг девица взмахнула рукой, оборачиваясь крохотной синичкой. Лихо распустив крылья, она выпорхнула из покоев над головами у парней. Те ничего не успели сделать.

Гео первым бросился к Солнцу. Упавший аппарат всё со-сал его огонь, и парень поспешил щёлкнуть язычком шестерёнки. Процесс остановился как был. Воронка огня просто застыла.

Юноша перевёл на него бешенные, затравленные глаза. Гео понял, что должен быть обратный ход.

Щелчок. И пламя полилось наружу. Исхудававший Солнце стал приобретать свои обычные черты. Огонь возвращался к нему, словно оторванные лоскуты ткани сцеплялись обратно.

А Часовщик... Упал на пол, подбирая под себя ноги. Закрыв лицо руками, упирая локти в колени:

– Синька, что же ты творишь?

Лев присел рядом с Хранителем, но явно не знал, что делать.

Аппарат опустел. Колбы были сухи и прозрачны, а Солнце повалился на кровать без сил. В итоге ему тоже досталось.

Гео медленно подошёл к Часовщику, сжимая в руках прибор. Опустился с ним рядом.

– Вот теперь самое время всё рассказать. Вы явно её знаете.

Хранитель молчал. Дернулись его до боли напряжённые плечи под коричневым сюртуком.

Лев метнул в друга укоризненный взгляд, всем видом намекая: «Не дави!». Но любезничать поздно.

Гео положил аппарат у ног Часовщика:

– Кто она?

– Её зовут Синэя, – не отнимая ладоней, гулко отозвался Хранитель, – Она была моим единственным учеником. Синэя соорудила этот аппарат, чтобы воровать время, она же придумала жаровые бомбы. Она... Украла у меня свои часы, остановила их и стала бессмертной. А теперь работает на Весну. Я чувствовал... Я должен был это предвидеть!

Глава 12. Глинтвейн.

Инга вытянулась на раскладушке, заложив руки за голову. Пустой взгляд, ощутимо тяжелый, подпирал потолок как колонна. Инга лежала... А мысли крутились в голове – одна хуже другой.

– Что? – с подоконника спросил Миль.

Он наблюдал за девушкой какое-то время. Но не нашел лучшего способа начать разговор.

– Миль, он достанет меня, – совершенно спокойно отозвалась она, – Я не смогу бегать вечно.

– Кто?

– Жар.

Кот вздрогнул от упоминания дьявольской субстанции. На него она навевала животный, первородный ужас.

– Достанет. Он сам сказал, – Инга перекатилась на бок, – Даже если я вернусь в свой мир, он пойдёт за мной. Но здесь я могу потерять только тебя. А в своём у меня мама и сестра. Я это к тому, что... Никого не хочу терять, понимаешь?

– Понимаю.

– А он последует за мной. И будет идти, пока не догонит. Пока я не сдамся. А чтобы я поскорее отчаялась, уничтожит всех, кто мне дорог. Стоит ли моя жизнь этого?

Девушка посмотрела на Милю очень долгим взглядом. Он медленно моргнул, укрывая лапы хвостом.

– Что ты предлагаешь?

– Я не знаю, – Инга снова повернулась на спину, – Я не смогу его уничтожить. Хотя бы потому, что не знаю, как. То есть я не могу бороться... Но и сдаваться не хочу. Знаешь, как ужасно хочется жить?

– Представляю.

– Кажется... – она грустно усмехнулась, – ...я только сейчас начинаю понимать, что умираю.

– Почему теперь?

– Думаю, потому что мне предстоит вторая смерть, когда Жар пожрёт меня. Она неотвратима. Что-то подобное, наверное, чувствуют безнадежно больные. Те, кто знают, сколько времени им осталось.

Кот безлико хмыкнул. Вряд ли он мог ей что-то сказать.

– Да, я умру, – продолжила она, – И я... Вроде бы должна скучать по маме, жалеть сестру, как-то готовиться. А я... Одна мысль засела в голове.

Миль поднял потяжелевшую морду с лап:

– Какая?

– «Я ничего не сделала». Жизнь прожита, а я не совершила ничего, о чём можно вспомнить. Представляешь? А если нечего вспомнить, получается... Я жила зря? Недолго, но зря? От этого мне и грустно, и страшно, и...

Инга не договорила.

Безликое спокойствие накрыло крышкой котёл кипящих переживаний. Но девушка знала... Стоит приблизиться на-

значенной минуте, эмоции взорвутся в ней извержением вулкана. И рыдать она будет не из-за смерти. А из-за тускло прожитой жизни. Жизни с блеклыми воспоминаниями. Но так ведь... Не должно быть?

– Всё! Хватит! – резко вскрикнул Миль.

Когда Инга обернулась на кота, он уже вскочил на лапы.

– Меланхолию потом будешь разводить. Пошли-ка, – он на секунду задумался, – К поездам. Ты им так и не сказала «спасибо» за спасение. Пошли-пошли!

Кот перелетел на раскладушку, беззастенчиво боднув головой плечо девушки. Она протяжно заныла, но тот был непреклонен. Миль хлопал крыльями перед её лицом, лишь бы согнать с места.

– Зараза! – усмехнулась Инга, через силу поднимаясь.

Со всей этой заварухи с Жаром, Пустошью и поездами прошло часов восемнадцать. Не так много, чтобы улеглось, но достаточно, чтобы прийти в себя.

Ноха и Грею доставили в депо. Лору поместили под замок, и Левтина пыталась с ней поговорить, но та молчит. Кто же она всё-таки такая? И кого боится?

Миль гнал Ингу из бытовки, вдоль ангаров по дорожке к запасным путям. Там по приказу начальницы разместили пострадавшие поезда.

Девушка шла. А встречные люди старались пожать ей руку или хлопнуть по плечу:

– Эй, ты молодец!

– Смело ты эти шары за собой увела!

– Кажется, мы все тебе жизнями обязаны.

Инга смущённо улыбалась каждый раз, но не воспринимала их слова всерьёз. Уводя Жар в Пустошь, она думала в первую очередь о своей шкуре, а только потом о спасении депо. Но было приятно.

Миль хитро улыбнулся, видя, что девушка приободрилась.

Локомотивы Ласточки и ЭД4М стояли на путях дверь к двери. Как мило со стороны Левтины дать влюблённым общаться. Инга перешагнула рельсу, и каблучки полусапожек застучали по деревянным шпалам.

Нох и Грея сидели в проёмах открытых дверей своих кабин. Парой можно было залюбоваться. Их взгляды – такие тёплые, что согревали всё вокруг, создавая ощутимую атмосферу уюта и гармонии. Души о чём-то оживлённо болтали, смеялись, и подошедших заметили не сразу. Инге было знакомо это чувство... Когда говорить хочется так же, как напиться воды в пустыне. Жажду может утолить лишь самый желанный разговор.

– Смотрю, кому-то лучше? – улыбнулась девушка, присоединяясь к машинистам.

– Да, – Нох просиял, высовываясь из кабины чуть больше, – Грея лечит меня во всю.

Смотреть на него было больно. По всему телу мужчины поселились бинты. Корявые, наскоро повязанные, но скры-

вающие основные ожоги. Они отчётливо напоминали о себе в прожжённых дырках формы. На лице зияли свежие борозды царапин, к счастью не глубоких.

Локомотив, сойдя с рельс, серьёзно пострадал. Корпус покорёжило, черными вмятинами пестрили стенки. Ласточке досталось меньше, но Грея, тем не менее, тоже была перебинтована. Повязки на ней казались куда прочнее бинтов Ноха. Инга поняла... Они накладывали их себе сами.

– Мы, собственно, – Миль хлопнул девушку крылом по плечу, – Зашли поблагодарить. Если бы не вы, ребята, не знаю, что было б с этой авантюристкой. Так что... Спасибо.

– Спасибо, – вторила Инга.

Души рассмеялась, с нежностью наблюдая за тем, как кот садится к девушке на плечо:

– Мы рады были помочь.

– Да, правда. Не могли же мы оставить тебя в беде.

Они смотрели на неё с нежностью... Большой, чем она видела во всех знакомых и друзьях. Души лишь немного знакомы с Ингой, но и этого им хватило, чтобы не оставить её в беде. Прикрыть собой... Они шли на это осознанно, не нуждаясь в благодарности, не ища выгоды. Они просто хотели помочь. Инга знала, как редко такое встречается в её мире.

Замечательные люди. Может, самые добрые, которых девушка встречала, и достойные самого светлого счастья. Ингу резко укололо воспоминание. Счастье... В полной мере для них оно невозможно.

– Ну, как вы? – чтобы отвлечься, начала девушка.

– Нет худа без добра, – переглянувшись с любимой, улыбнулся мужчина, – Пока нас не починят, мы никуда не поедem. И Левтина позволила нам стоять вместе. О большем и мечтать нельзя.

– Да, – Инга взъерошила волосы, – Жалко только, что вы... Ну... Никто не может вас нормально перевязать.

Оба синхронно посмотрели на бинты. И так же синхронно рассмеялись. Они действительно подходили друг другу хотя бы потому, что чувствовали друг друга на тонком, неосязаемом уровне.

– Не волнуйся об этом, – махнула рукой Грея, – Нам не привыкать. К тому же мы не люди... Заживёт.

– Не люди, да, – Инга сжала губы, – Не люди, но всё равно больно.

Нох пожал плечами:

– Судьба такая.

– Судьба... – девушка посмаковала слово на кончике языка.

Судьба. Неужели есть эта своенравная женщина, и всё это её рук дело? Ей угодно, чтобы два любящих сердца никогда не были вместе. Ей угодно убить Ингу. Ей угодно было погасить Гео. Неужели ей нравится эта жестокость?

Инга порывисто вскинула голову:

– Почему какая-то Судьба должна властвовать над нами? Кто дал ей право выбирать, кому быть счастливым, а кому

несчастливым?!

– Инга?.. – Нох непонимающе улыбнулся, – Ты чего это?

– А ничего! Просто больно видеть. Вы оба такие... Добрые, хорошие, и любящие! Такую любовь, как у вас, редко встретишь. Вы обязаны быть счастливы! Вместе. И мне тяжело смотреть, как вы сидите, и, не имея возможности на что-то большее, довольствуйтесь взглядом и словом. Это неправильно! Разве вы недостаточно пострадали?

– К сожалению, Инга, – выдохнула Грея, – Жизнь – это не бартер. На килограмм страданий полкило счастья не выменяешь. Ты можешь просто страдать... Всю жизнь. И радости в ней вообще не будет. Как повезёт.

– Это несправедливо! – она с силой саданула кулаком по воздуху, – Так не должно быть!

– Но это жизнь.

Девушка резко уставилась на Грею. Таким пронзительным взглядом, что та стушеввалась, отведя глаза.

– А раз жизнь... – в голосе послышалась сталь, – ...то и будем жить её сами. Нох...

Она порывисто обернулась к мужчине:

– Неужели нет никакого способа вам прикоснуться друг с другом? Ты сказал, что любое касание произведёт сильнейший взрыв.

– Да, – неуверенно кивнул машинист.

– Какой силы?

– Ну... Достаточной, чтобы сравнять с землёй весь город.

Такой довод мог бы убедить, но Инга спросила:

– Только город? Не дальше?

– Я не знаю. Какая разница? Это просто невозможно.

Невозможно, и всё! Забудь. Мы... Я не хочу, чтобы из-за нас страдали люди.

– А если не пострадают?!

– Что? – у мужчины резко округлились глаза.

– Инга, – Миль взлетел с её плеча, перелетая к лицу девушки, – Ты что задумала?

Она схватила кота под передними лапами. Подняла вверх и закружилась. Идея – невероятная, безумная, невозможная, но такая окрыляющая родилась в голове.

– То, о чём буду вспоминать, Миль! Помнишь, что говорил Гео?

Кот фыркнул:

– Как будто я слышал.

– Он говорил – никогда не сдаваться. Даже если выхода нет, или все говорят, что невозможно. Нужно продолжать пытаться. Миль, а если за этим я здесь? Если эта моя судьба?

– За чем «за этим»? – кот недовольно отпихнул девушку лапами, выворачиваясь из её рук.

– За тем... Чтобы совершить невозможное. Может, Зима увидела, что мне нечего вспомнить перед смертью, и решила дать второй шанс? Возможность совершить что-то по-настоящему волшебное. Чтобы было, ради чего жить жизнь! И раз меня всё равно сожрёт Жар, перед этим я хочу помочь

Ноху и Грее. Хочу исполнить... – она обернулась на Души, – ...их мечту.

***

Гео стоял на верхней галерее Башни. Очень долго... Локти упирались в перила, колени затекли и ныли. Ветер растрепал завязанные в хвост волосы. Но он не мог пошевелиться. Вернее, не хотел.

Он смотрел на город. На тёплые, приветливые огни, на густые тени домов. Улицы горели уютом новогодней ёлки. Как праздничная городская иллюминация. В глазах провинциала, только что прибывшего в столицу, эти огни особенно волшебны. Он смотрел... И не видел ничего. Перед глазами стоял взрыв, дыра в витраже... Дыра в ледяном теле.

Он лишь сейчас начал понимать, что натворил. С Ингой... Которая чудом спаслась из его лап. Со Львом... Которого он утянул за собой с флота. Со Льдом... Который теперь умирает. Как много страданий, и всё из-за него. Как же хотелось обвинить во всём это чёртово место! Но парень прекрасно понимал, что ни мир, ни Зима здесь не при чём. Это он ошибся... И от этого было больно.

На лестнице послышались шаги. Парню не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто это. Так устало и шаркающе в последнее время ходит только Часовщик.

Хранитель поднялся на балкон. Пристроился рядом с пар-

нем, переводя такой же протяжный, наполненный взгляд на город.

– Я тоже частенько сюда прихожу, – начал он как бы невзначай, – Здесь хорошо думается.

Гео молчал.

Часовщик... За дни совместной работы неприязнь к нему сошла на нет. Парень многое понял в последнее время... Так много, что мысли не умещались в голове.

– Ты беспокоишься за Льда? – Хранитель предпринял вторую попытку заговорить, – Не переживай, всё с ним будет хорошо. Он – парень сильный. Хотел бы я сказать, что он и не такое выдерживал, однако... Пожалуй это самое страшное, что с ним случилось. Но...

– Всё из-за меня.

– ...но-о, – продолжил Часовщик, – Он справится. Лёд слишком любит этот мир, чтобы оставить его.

Парень молчал. Опустив голову в плечи, отчаянно молчал.

Хранитель коротко выдохнул. Варианты у него кончались:

– Слушай, не вини себя. Это могло случиться с каждым.

– А кого мне винить? Вас? Льва?! Диверсантов? – неожиданно вскинувшись, закричал Гео.

Плотину прорвало:

– Каждый делал свою работу. Даже тот морщинистый, будь он не ладен, всего лишь выполнял свой долг! А мой долг был – оберегать Солнце. Я обещал. Я черт возьми присягу

дал – защитить Зиму, хотя и сам не понимаю, как меня угораздило. Я ведь... Ненавидел её! За то что она держит меня здесь. За то, что не отпускает в мой мир! Но всё равно я обещал! Это был мой план! Моя ответственность! Это я просчитался! Что бы я ни делал, всё выходит наперекосяк, и сколько людей из-за этого страдают! Ладно бы мои ошибки сказывались только на мне. Это справедливо. Но остальные! Почему они должны отдуваться за меня?! И кого после этого мне винить?!

Часовщик внимательно следил за парнем всю его тираду. Потом спокойно спросил:

– А почему ты вообще должен кого-то обвинять? Думаешь, в этом есть польза?

Гео оторопел. Эта мысль... Такая простая, но он не дошел до неё сам.

– Вряд ли обвинения себя или кого-то другого помогут тебе решить проблему, – продолжал Хранитель, – Скорее наоборот уведут в сторону. Ты потратишь силы и время впустую.

Парень смотрел на Часовщика во все глаза. Целый мир сжался для него в одной точке.

– Черт, похоже... – титанических усилий стоило отвести взгляд, – ...Вы правы.

Это была тяжелая правда. Самая тяжёлая в его жизни, и чтобы признать её, требовались большие силы. Но Гео всегда считал себя сильным человеком.

Его миропорядок рухнул. Был безжалостно разбит одним вопросом. Он-то привык, что обязательно есть кто-то виноватый. На ком ответственность, тот и виновен. А оказалось... Не обязательно. И вовсе не нужно обвинять, не может.

Парень почувствовал себя слабым и беспомощным. Будто всем естеством до этого управлял другой, злой человек, а настоящий Гео лишь сейчас вернул контроль над телом. И не знает, что делать теперь. И как жить.

– Слушай, – Часовщик хлопнул парня по плечу, – Всё у тебя получится. Я точно знаю.

Гео бессильно бросил:

– Откуда?

– Ну, – Хранитель замялся, кусая губы, – Просто знаю. Ты мне веришь?

– Нет.

От обезоруживающего спокойствия Часовщик опешил:

– Чем же я заслужил твоё недоверие?

– Нет, не так... Вам я доверяю. Я в себя не верю. Перестал.

– Аргх, люди! – капитулирующе рыкнул Хранитель, – Издёвка судьбы какая-то, что вы не верите тому, кто знает.

Гео поднял голову:

– Вам известно лишь о времени. Откуда Вам ведома судьба?

– Ну... Я... – вопрос застал врасплох.

Часовщик так странно стушевался, что Гео невольно за-

интересовался. Неужели это не пустая поддержка? И Хранитель знает больше, чем говорит.

Парень уставился на него испытующе. Одним из тех взглядов, выдержать которые чертовски трудно. Часовщик мялся и отмалчивался, улыбался невпопад, но через несколько минут сдался.

– Ладно, – выдохнул он, отворачиваясь к городу, – Ты прости... Если хочешь, можешь действительно винить меня.

Гео даже приободрился от напряжения:

– О чём Вы?

– Это ведь... Я тебя не отпустил. Я не дал тебе вернуться.

Парень с силой вцепился пальцами в снежную опушку перил:

– Как это?

– Просто понимаешь, – Хранитель всплеснул руками, – У тебя была трагичная судьба. Ты на многое способен, и совершил бы столько всего, будь у тебя больше времени. Но ты должен был умереть молодым. Зима это знала. И ей показалось, что... Ну... Это неправильно. И ты будешь полезнее здесь. Нет, не полезнее, а... Счастливее, может? Ведь там ты бы ничего не успел. А здесь у тебя целая вечность. В общем, Зима забрала тебя. Но дала шанс не только тебе, а всем нам. Она знала, что когда-нибудь ей понадобятся такие люди... Как ты. Что однажды они, возможно... Спасут всех нас. Понимаешь?

У парня округлились глаза. Он хотел что-то сказать, но

мыслей было слишком много, и он просто не смог связать двух слов.

– Но ты захотел вернуться! Когда ты пришел ко мне с этой просьбой, я... Прости, я солгал тебе. Тогда ты ещё мог возвратиться обратно. Но ты бы очнулся на два дня! Потом у тебя в голове лопнул бы сосуд, и всё. Ты умер. И отправился бы... Туда, наверх. К остальным покойникам. Так и не... Не пожив нормально, как это парадоксально не звучит. Мне стало жаль, что ты по незнанию гроишь второй шанс. Но ты такой упрямый! Я должен был как-то оставить тебя здесь, и я... Я солгал. Это не Зима держала тебя здесь... А я.

Осознав свои слова, Часовщик поспешил оправдаться:

– Но мы все сделали на тебя большую ставку. Ты нужен Зиме, мы это знали. В общем... Прости меня.

Возмущение кипело, бурлило, взрывалось пузырями ярости, но вдруг... Резко улеглось. Словно отрезало. Гео медленно и спокойно выдохнул.

– Что ж понимаю, почему Вы разочарованы. Да я тоже хорош. Разобиделся на весь мир. Винил каждого, готов был на подлость пойти, лишь бы вернуться. Чудом остановился... На «Всегда» служил – не получилось, диверсантов искал – не нашел. Солнце обещал сбереечь – не защитил. В общем... Проиграл по всем фронтам.

– Но я не разочарован!

Слова настигли резко. Как отрезвляющая пощёчина. Парень обернулся на Часовщика:

– Что?

– Я не разочарован, – Хранитель улыбнулся самой искренней, самой нежной улыбкой, – Более того, я знаю, что у тебя, и у таких как ты, всё получится. Но получится не потому, что так задумано или предрешено. А потому что Вы сами творите свою судьбу. Мы с Зимой лишь... Даём второй шанс. Но каждый распоряжается им по-своему.

Часовщик положил руку парню на плечо. Короткие, но безумно длинные секунды они смотрели друг другу в глаза. Уверенность во взгляде Хранителя, бессмертного существа, видевшего закаты и восходы цивилизаций, знающего всё о жизни, смерти и времени, его уверенность... Вселяла надежду. Текучую, как вода, и полыхающую огнём. Надежду на завтрашний день.

Часовщик резко рассмеялся, уронив голову вниз:

– Я совсем не умею успокаивать. Столько лет прошло, а общаться с людьми я так и не научился.

– Не переживайте. Кто захочет – поймёт, – парень мягко отстранился, опираясь локтями о перила.

Мир потихоньку расширялся перед сознанием, вливался в него, рос. Захватывал всё больше. И мысли приходили в норму.

– Что же нам делать? – спросил Гео, – Диверсанты скрылись. На квартире, что указал Рор, они больше не появятся. Как их искать?

– Это вопрос, – кивнул Часовщик, – Здесь нужно хоро-

шенько подумать. Не хочешь чаю?

– Нет. Лучше глинтвейн. Полагаю, нам жизненно необходимо пойти в ресторан.

***

Ночь ширилась, обволакивая мглой стены домов. Зимние улицы тосковали по снегу. Без метелей и снегопадов город казался опустевшим и печальным. Он соскучился. Соскучился, как никогда. Купол защищал его от нападений, но эта вынужденная мера недвусмысленно напоминала о войне и её лишениях.

Кто бы мог подумать, что Инга будет скучать по снегу. В мире вечной зимы.

Они с Милем спокойно топали через город. В депо долетела весть, что Солнце прячется от кого-то, и в ближайшее время на горизонте не появится. А значит можно идти, не скрываясь. Нечаянная свобода пьянила, а воздухом, холодным и влажным, как студёной водой хотелось напиться. Инга глотала ртом ветер большими охапками, чувствуя привкус свежести на языке. И словно не было на свете ни Жара, ни смерти, ни войны.

Ей больше не нужно бояться Солнца. Тем не менее она не думала уходить из депо. Временное укрытие превратилось в дом, куда хочется вернуться. К тому же дело у неё там было... На целую жизнь. И даже две.

Левтина отпустила их прогуляться и развеяться после злоключений. И Инга с Милем направлялись в ресторан. Девушка не знала, почему, но чувствовала, что ей туда очень нужно и именно сейчас.

– Ну, – не утерпел кот, шедший за ней по тротуару, – Как ты собралась исполнять их мечту? Взрыв же...

– У каждого взрыва свой радиус действия, – это она поняла благодаря Жару, – А за городом у нас огромная Пустошь. Уйдём подальше, волна сюда и не докатится. Все останутся целы.

– Откуда такая уверенность?

– Ни откуда. Я вообще не уверена, – говорила она воодушевленно, – Но никто ведь не пробовал.

Официантка поставила на столик четыре кружки. Капучино для Льва, эспрессо для Рида, рубиновый каркаде с изящными балеринами чайнок для Часовщика... И глинтвейн для Гео. Они сидели в ресторане, все вчетвером. За тем самым столиком. Пили согревающие напитки и напряжённо думали.

– Вспомни, – первым от чашки оторвался Лев, – Может, не они, а ты им что-нибудь говорил? О здешних домах, где можно спрятаться.

Рид смаковал черный кофе маленькими глотками:

– Нет.

Повисло молчание. В ресторане сегодня пусто. Как и все

излюбленные в мирной жизни заведения, это место покинули во время войны. Тишина рокотом каталась по залу, пролетая над незанятыми столами. Сцена казалась непривычно просторной. Исчезли и музыканты, и инструменты... И музыка.

– Разве что, – начал министр, и парни резко оживились, – Та девчонка спрашивала меня, где проходят основные про- вода.

Инга завернула за угол. Как далеко оказалось идти. С дру- гой стороны, достаточно времени, чтобы подумать.

– Хорошо, – продолжал рассуждать кот, – Надо уйти в Пу- стошь. А как? Как ты собираешься увезти из депо два огром- ных локомотива так, чтобы никто не заметил? Вряд ли Лев- тина одобрит твою затею. Она, если помнишь, ради безопас- ности развела Ноха и Грею, чтобы они вообще не встреча- лись. А ты хочешь дать им возможность... – он понизил го- лос, – ...коснуться друг друга.

– Да, незадача, – девушка прикусила губу, но тут её осе- нило, – Подожди... Тоннели! Тоннели под Пустошью!

– Что?

– Когда я убежала от Жара, провалилась под снег. Там был тоннель. Очень широкий и не природный. Его кто-то специ- ально прорыл. Но самое главное – эти тоннели достаточно большие, чтобы уместить локомотив! Нужно всего-то найти вход.

– Как у тебя всё просто, – фыркнул Миль настороженно, – А если у них нет входа?

– Откуда-то они начинаются. И где-то заканчиваются. Так уж всё устроено, – улыбнулась она.

– А если они не такие большие, чтобы увести далеко? А если сужаются где-нибудь? Мы застрянем под тоннами снега.

– Не проверим – не узнаем.

Миль напряженно выдохнул:

– Может... Поищем другой путь?

Девушка опустила на него недоумённый взгляд. По гладкой спине кота бегали крупные мурашки.

– У меня других идей нет. У тебя есть?

– Тоже нет, но... Лучше придумать.

– Что значит «основные провода»? – Лев мягко поставил бокал, обнимая горячий кофе ладонями.

– Под городом, вы, наверное, уже знаете, есть главный костёр огня, – Рид нарисовал пальцем круг на столешнице, – Где он находится, никто не знает. Однако от него в каждый район города тянутся «основные провода». Всего шесть штук.

– По принципу снежинки? – догадался Гео.

– Да, – Рид продолжил чертить невидимую схему, – Основные провода расходятся второстепенными. Те тоже делятся, потом ещё и ещё. Как кровеносная система. Если продолжать метафору, основные провода – это главные артерии.

По ним огонь течёт в каждый уголок города.

– Но зачем это Синэе? – пожал плечами Часовщик.

– Может, – Лев бегал взглядом по собеседникам, – Хочет по проводу добраться до костра?

Хранитель покачал головой:

– Это невозможно.

– Что ты имеешь против этих тоннелей? – допытывалась Инга, – Идеальный же вариант! И как вовремя подвернулся.

– Я... Ну... Может, ничего, но... В общем, не важно.

Девушка хотела сказать, что ещё как важно, но кот не дал ей заговорить:

– В любом случае, остаётся последняя проблема.

– Да, – сокрушенно выдохнула Инга.

Последняя и самая сложная проблема.

– ...даже если на миг представить, что это возможно, – говорил Нох час назад, когда они ещё разговаривали на запасных путях, – И мы коснёмся друг друга – взрыв разнесёт в клочья наши локомотивы. Мы исчезнем. Нет, ради такого и умереть не жалко, но я... Мы... Вряд ли можем бросить всё прямо сейчас.

– Нох прав, Инга, – подхватила его слова тогда Грея, – Идёт война. И мы играем в ней важную роль, доставляя припасы для армии. Если нас не станет, работу депо придётся реорганизовывать. Это время... А на войне время очень важно. Мы не можем поступить так эгоистично.

Инга коротко выдохнула. Да... К такому она была не готова.

Девушка не сомневалась, Души поездов отдали бы свои жизни ради любви, не задумываясь. Но на них возложена большая ответственности. Нох и Грея были выше эгоизма... В отличие от Инги. Узнав, что авантюра может привести к смерти друзей, девушка готова была отступить. Энтузиазм поутих. Она не хотела их терять. И не хотела быть повинна в их гибели.

– Всё, что я знаю, – подхватил Рид, – Это то, что провода уходят глубоко под снег. Может, если долго рыть, то?..

Часовщик задумался, поглаживая пальцами подбородок. Он смотрел на столешницу, словно на ней вправду что-то нарисовано.

– Ну, теоретически это выполнимо. Но... Маловероятно. И мы бы заметили, я думаю.

– Они уже не раз выходили из безвыходных ситуаций, – хмыкнул Гео, – Кто знает, какой у них план на этот раз.

– Если они доберутся до огня под городом, нам всем придётся не сладко, – выдохнул министр.

Но сдаваться – не выход. В этом Инга убедилась. Нужно просто придумать что-нибудь другое, дабы обойти все неприятные последствия взрыва. Но придумать другое оказалась именно «не просто».

В конце очередного квартала показался светофор. Девушка остановилась на красный. На другой стороне светился прозрачной витриной ресторан. Почти пустой... Инга огляделась по сторонам. В городе достаточно безлюдно. Хороший это знак или плохой?

Напитки неумолимо кончались. Решение не находилось. Гео подумал, что дольше сидеть не имеет смысла, вряд ли их случайно осенит. Очередной план провалился.

– Ну что, возвращаемся?

– Да, – хлопнул ладонями по коленям Часовщик.

Он отошёл к официантке у барной стойки, проворковав что-то ей на ушко. Та миловидно рассмеялась, махнула рукой, и Хранитель с улыбкой потопал обратно к парням.

– А Вы... – начал Лев.

– Скажем так, – Часовщик поднял взгляд к потолку, – У меня свои способы оплаты.

Зелёный. Инга перешла дорогу, по привычке покосившись на заснеженные коробки машин. В них была особая магия.

Девушка пересекла тротуар, потянувшись ладонью к дверной ручке ресторана.

Рид потянул дверь на себя. Хрусталём звякнул на прощание колокольчик. Гео шел за министром, упрятав руки в кар-

маны и опустив голову.

В дверях кто-то стоял. И этот кто-то был вынужден по-двинуться, чтобы пропустить ребят.

Дверь открылась внутрь сама. Инге пришлось посторо-ниться – из ресторана выходила компания четырёх мужчин. Она не вглядывалась в них. Задумавшись, девушка потяну-лась к Милю, и тот прыгнул ей на руки. Не хватало ещё, что-бы лучшего друга дверью прищемили.

Ночная улица встретила парней упоительно влажным воз-духом. Гео шел за остальными, разделяя задумчивое молча-ние. Им предстояли трудные времена. Каждый понимал... пускай никто не хотел говорить об этом вслух... если они не знают, где искать диверсантов, нужно ждать их следующего хода. А именно это Гео больше всего ненавидел... Ждать.

За Ингой закрылась дверь. Колокольчик под потолком звякнул приветливым переливом.

Ресторан казался покинутым, лишь бармен за стойкой скучающе протирал стаканы, да одинокая официантка уби-рала со столика четыре бокала. С того самого столика. Инга решила не нарушать традицию.

Она опустилась на красный диванчик, и незнакомая жен-щина в красной форме посмотрела на неё вопросительно.

– Да, – усмехнулась девушка, – Нам всем здесь мёдом на-

мазано.

Та нарочито безразлично пожала плечами. Зажав бокалы в пальцах, она удалилась в сторону кухни.

– Знаешь, что я думаю, Миль?

– Что? – кот устроился на столе напротив девушки.

– Думаю, что всё в этом мире сделано из снега. То есть и локомотивы тоже.

– Предположим.

– А значит... – она сама не понимала, что это значит, да и договорить не успела.

– Выбрали что-нибудь? – официантка возникла на удивление быстро.

Это была женщина лет тридцати, с копной русых волос в мелкую кудряшку. На её лице совсем не было макияжа, а голубоватый оттенок кожи добавлял аристократической бледности.

– А Вы... Вы – Нина? – догадалась Инга.

Женщина изумлённо вскинула брови.

– Вам «привет» от Леонида. Я тоже работаю в депо, он просил меня передать.

Конечно, Леонид не о чём не просил. Но девушка решила, что Нине будет приятно.

Официантка нежно улыбнулась, пряча пухлые губы в ладонь. Кажется, они недавно начали встречаться.

– Спасибо, – прошептала она, добавляя громче, – Так что будете заказывать?

– А, – опомнилась девушка, – Глинтвейн, пожалуйста. Миль, а тебе?

– Не, – покачал мордой кот, поглядывая на стеллаж со статуэтками, – Аппетита нет.

– Один глинтвейн, хорошо, – Нина сделала пометку в блокноте, получила оплату и застучала каблуками вглубь ресторана.

Инга уронила голову на протянутые руки.

– Из снега... Что нам это даёт? Мы уже знаем, что снег и огонь могут создавать жизнь. Так?

– Так, – кивнул кот.

– Вот, например, ты... Твоё тело состоит из снега, но капелька огня оживила его. Её в тебе не заметно, но она есть. Так?

– Так.

– Та же история со мной. Так?

– Так.

– А в поездах? Там тоже капля пламени, которую не видно?

– Нет, – цокнув языком, задумчиво заключил Миль, – Не так.

– Во-о-от. А как?

Со стола пришлось подняться, Нина принесла девушке ароматно парящий глинтвейн.

Пара горячих глотков согрели и ободрили. Вот уже размышления не такие тягостные, и авантюра не такая незна-

дѣжная.

– Нох говорил, что Души поезда – не совсем живые. А если они не такие, как мы, то кто они? Почему мы не можем до них дотрагиваться? Слишком много вопросов.

Кот лениво поднялся на лапы, потягиваясь на столе:

– Я вот что думаю. В этом мире все живые имеют снежную оболочку и огненную сердцевину. По сути, наши тела – лишь контейнер для переноски огня. Ну те, кто погас – не в счёт. Они свой огонь потеряли, но это не значит, что не могут переносить новый.

Да, в этом была логика. Холодное тело с горячим сердцем. С одной стороны поэтично. Огонь даёт телу жизнь, тело огню – надёжную защиту. Можно ли сказать, что пламя – это здешняя душа, которой всё управляется? Душа...

Инга медленно поднялась на диване. Выпрямила спину. Её осенило так внезапно, что образы мелькали в голове с бешеной быстротой.

Миль сразу догадался. Заглянув девушке в лицо, он расплылся в улыбке.

– Ты что-то поняла. По глазам вижу.

Она с силой сжала губы, от осознания постукивая ладонью по столешнице. Как же... Всё оказалось просто! Всё сходится!

– Миль! – с первым словом её прорвало, – Миль, Души поезда – это огонь! Такой же огонь, что в моей груди, только более живой. Он имеет своё сознание и воплощение. А ло-

комотив – его снежная оболочка! Конечно! Теперь мне всё ясно! Вот почему до них нельзя дотрагиваться – любое прикосновение к огню сожжёт моё холодное тело. И вот почему они сами не могут прикоснуться друг к другу! Если два огня столкнутся – неминуемо произойдёт взрыв!

– Да, – кот всеми силами старался изобразить воодушевление, – Но это всё равно не приближает нас...

– Приближает! Миль, всё же просто! Им нужны другие тела!

Кот смотрел на девушку, как на безумную. Она и сама чувствовала себя одержимой. Но понимание, такое горячее, вдохновляющее, захватило всё естество. Она чувствовала, что весь мир в её руках. Мысли судьбоносно сходились. Теперь она знала, что делать. И знала, что пришла в правильное место.

– Повара, – шепнул девушка, возобновляя торопливую тираду, – Они как-то изменяют структуру снега. Помнишь ту курицу, что ты ел здесь в первый день? Она тоже была из снега. Но по вкусу?..

– Курица, – кивнул Миль, – Объективно и бесповоротно.

– Именно! Лена говорила, что снег может стать чем угодно. Нужно лишь узнать, как его изменить.

– Подожди-подожди, кажется, я понимаю, – глаза кота расширились, – Ты хочешь сделать локомотивы их телами? То есть придать их оболочке более человеческую форму?

– Да! Тогда они смогут коснуться друг друга без всяких

проблем.

– Ну... это ты загнула.

Девушка и сама поняла, что перестаралась с оптимизмом.

Проблемы в любом случае будут.

– Ты прав. Всё не так просто. Но уже гораздо легче, чем было минуту назад. Слушай, нам всего-то нужно узнать, как повара изменяют структуру снега. А дальше – разберёмся.

Вскочив из-за стола, воодушевлённая Инга помчалась на кухню. Миль на всех крыльях припустил за ней, скрываясь за алой портьерой, уводящей вглубь ресторана. На столе остались стоять недопитый бокал глинтвейна с наполовину обнаженной коричной палочкой.

Глава 13. Поезда.

Визит на кухню расстроил и обнадёжил одновременно. Угрюмый повар рассказал, что структуру снега тоже изменяет огонь. Они используют для этого костёр, что горит внутри ресторана.

– В принципе... – повар от скуки вырезал розы из огурцов, – ...ты можешь справиться со своей идеей. Но... Нам, чтобы создать одно неживое блюдо требуется мощь целого костра. А в тебе всего один огонёк на шестьдесят ударов. Этого мало. Здесь нужна энергия посильнее.

– А если всё-таки получится?

– Если получится, то ты не сможешь поддерживать это изменение долго. Когда силы огня иссякнут, всё вернётся в прежний вид.

Эти слова одновременно и успокоили, и напрягли.

– Подождите... – девушка с силой укусила губу, – А как же Миль? Если моего огня не станет, он тоже... Вернётся в своё изначальное состояние?

Повар скептически оглядел кота, покачав головой:

– Не думаю. Ты же не меняла структуру его тела, ты просто оживила его. То есть... Твой кот всё ещё состоит из снега, из которого слеплен. Просто часть огня, отданная ему, поддерживает в нём жизнь. А с изменением структуры сложнее.

В целом Инга всё поняла. Если девушка превратит локо-

мотивы в снежные тела для Душ, то взрыв при прикосновении просто вернёт всё назад. Гипотетически никто не умрёт. Хотя, конечно, уверенности не было. Но разве можно наверняка знать исход, когда хочешь совершить невозможное?

Девушка и кот распрощались с поваром. Прихватив термос глинтвейна, они отправились обратно в депо.

План влюбленной парочке понравился. Идти решили в период погрузки, когда работники максимально заняты. Запасные пути находились близко к Пустоши, так что в том, чтобы перелететь сугроб, проблемы не возникло. Кстати, вход в тоннели нашелся легко. Неподалёку от депо оказалась припорошённая снегом дыра в сугробах. Она и вела вниз... В царство вечного холода. Всё складывалось как нельзя лучше. Даже Нох и Грея загорелись опасливой надеждой на обретение счастья. И только Миль был против.

Всё время он пытался отговорить девушку от пути по тоннелям. Но причины никогда не называл. Инга пыталась его разговорить, но кот отмалчивался, шутил или переводил тему.

– Слушай, ну чего ты боишься? – однажды спросила она, – Что бы там ни было, мы справимся.

– Ну... Надеюсь, – скептически усмехнулся Миль.

Время настало. Девушка отпросилась у Левтины с погрузки под предлогом помощи поездам. Во взгляде начальницы читалось подозрение... Ей казалось, что девушка ищет повод увильнуть от работы. Но всё-таки она её отпустила.

Инга побежала к Душам. Миль пролетел над депо – убедиться, что все при деле и их ухода никто не заметит.

– Вроде, всё чисто, – кот опустился на пол кабины Ноха, – Все заняты.

– Отлично, – Инга высунулась наружу, ещё раз оглядываясь, – Тогда... Поехали.

Нох и Грея кивнули друг другу из кресел машинистов. И тронулись с путей тихо-тихо... Будто крались.

Золотые рельсы аккуратно потянулись вверх, над сугробом. Без разгона подниматься в горку было не легко, но машинисты ювелирно провели локомотивы над снежной насыпью. Мастерство... Оказавшись в Пустоши, они прибавили ход. Нох с котом и девушкой в кабине шел первым, Грея следом за ними.

Холод приветствовал их. Инга коротко вздрогнула, выпив глоток глинтвейна из термоса. Нужно экономить, а то не хватит...

Высунувшись наружу, девушка оглянулась на депо. В золотистых треугольниках фонарного света, жужжащее и кипящее жизнью... Они обязательно вернуться туда. Как бы там ни было, вернуться. Хотя бы потому, что хочется.

Тёмная дыра тоннеля встретила их черной неизвестностью. Нох остановился перед ней.

– Когда спустимся, назад дороги уже не будет, – выдохнул он, сильнее вцепившись в руль, – Мы точно идём?

Инга улыбнулась ободряюще:

– Это я у тебя должна спросить. Мы идём?

Мужчина поднял на тоннель тяжёлый взгляд. Но тоска и напряжение заставили уронить голову между руками.

– Знаешь, на это... Трудно решиться. Я мечтал об этом всю жизнь. Но не думал, что такое возможно. Только пойми меня правильно, я... Я очень хочу, но и...

– ...очень боишься? За неё, за всех остальных, да? – Инга подошла к машинисту, и, не имея возможности положить Ноху руку на плечо, опустила ладонь на спинку кресла, – Я понимаю. Бояться – нормально. Исполнять мечты бывает очень страшно. И всегда есть что-то, что будет останавливать. Но если не сделать шага, мечта так и останется мечтой. Ты сейчас должен решить...

Она коротко выдохнула, подбирая слова:

– ...готов ли ты исполнить её?

Нох молчал.

Миль, вспорхнув на панель приборов, через лобовое стекло взглянул на дыру.

– Инга, может он прав? Порой мечтания доставляют больше удовольствия, чем их реализация. Если так, то сейчас самое время повернуть назад. А если нет... Сама посуди. Эта мечта исполнится. Мечта все-е-ей жизни. А что дальше?

Мужчина поднял на кота взгляд исподлобья:

– Дальше... Отправляться за новой, – он выпрямился, отрясая с плеч напряжение, – Ты права, Инга. Это может быть страшно и неожиданно, но мы должны это сделать.

Нельзя больше просто мечтать.

Девушка победоносно улыбнулась. Миль издал сокрушенный стон.

Полосы золотых рельс плавно нырнули на дно тоннеля. Нох двинулся... Грея следом за ним. Теперь назад уже не повернуть.

Ледяные своды отливали в свете фар невообразимо красиво. Инга стояла за креслом Ноха, представляя себя в тоннеле снежного метро. Казалось, вот-вот из стены выглянет станция. Интересно, если бы в мире Зимы было метро, то какое? Девушка на секунду замечталась об этом.

Они шли неспеша. Коридоры петляли, поворачивая в неожиданных местах, где-то даже разделяясь. Но мужчина не менял курса, и на панели приборов отражалось, что локомотив медленно, но верно уходит дальше в Пустошь.

Все сосредоточенно молчали. Нох вглядывался в пещерную мглу, прорезаемую фарами. Девушка любовалась красотою, да периодически отхлёбывала из термоса. Лишь Миль метался по кабине. Он места себе не находил, и где бы не устраивался полежать, тут же вскакивал снова. Инга с подозрением наблюдала за его перемещениями.

Когда кот спрыгнул с боковой панели на пол, девушка опустила на корточки рядом с ним.

– Если хочешь что-то сказать – самое время.

– Что? – напряженно рассмеялся тот, – Что ты... Вовсе я не хочу ничего рассказывать. То есть мне нечего рассказать!

Вот. Да... Совершенно нечего.

Вдалеке что-то громко бухнуло. Звуковая волна докатилась до локомотивов, эхом ударяясь о ледяные округлые стенки.

Кот вздрогнул.

– Что это? – Инга поднялась на ноги, оглядываясь.

– Не знаю, – покачал головой Нох, – Может, ветер в дыру залетел. Судя по приборам, мы недалеко от места недавнего крушения.

– А-а, – протянула Инга, – А вообще... Кто мог прокопать эти тоннели?

– Доподлинно неизвестно, – продолжил мужчина.

Звук не повторился, и притормозивший локомотив начал разгоняться:

– Об этих тоннелях давно ходят легенды.

– То есть про них всем известно? – удивилась девушка.

– Ну, не всем, но многим. Они – что-то вроде городской байки. Многие на них натыкались из тех, кто зачем-то приходил в Пустошь. Но, как сама понимаешь, люди здесь долго находиться не могут. Потому никто их не исследовал. Вот и получается – все знают, что они есть, но откуда взялись – остаётся загадкой.

– Интересно.

Звук повторился. На этот раз сильнее. Ощущение было таким, что где-то с грохотом упала ледяная глыба. Девушка забеспокоилась, не обвалился ли свод... Но не решилась вы-

сказывать предположение вслух.

– А может быть... – начала Инга, но её перебил крик Миля с пола:

– Ладно-ладно! Скажу! Может после этого вы повернёте назад, мечтатели упрямые!

Мужчина и девушка в едином порыве обернулись на кота. Тот с опущенной мордой запрыгнул на панель, садясь у лобового стекла.

– Я знаю, кто прорыл эти тоннели.

– Ты? – скептически вскинул брови Нох, – Ты живёшь не так давно, откуда же?..

– Я живу дольше тебя, – Миль суровым взглядом припечатал мужчину к креслу.

Но на Ингу не смотрел... Хотя девушка тарасилась на него во все глаза.

– Эти тоннели прорыл Змей. Это ужасное чудовище, жестокое и очень опасное. Он живёт здесь много лет, и погубит всякого, кто вторгнется в его владения.

– Что ж ты раньше не сказал?! – вскричал Нох, но Инга перебила своим вопросом:

– Откуда ты знаешь?

– Вот потому и не сказал, – выдохнул кот, мотая хвостом из стороны в сторону, – Знал, что пойдут расспросы. А я не хочу об этом рассказывать, ясно?!

Миль озлобленно отвернулся. А Инга... Потянулась к нему, нежно поглаживая насупившегося кота по загривку:

– Даже мне?

– Особенно... Тебе.

– Почему? – девушка почесала кота за ушком, и лишь сейчас он перевёл на неё ярко-желтые глаза.

– Просто не хочу... Не хочу, чтоб и ты меня бросала.

– Миль, – Инга улыбнулась самой нежной улыбкой, – Я никогда тебя не брошу. И даже если мы расстанемся, я обязательно найду тебя. Понимаешь?

Он выдохнул с шумом... Протяжно... А в глазах было столько тепла, горечи и надежды.

– Да, пожалуй... Я просто... Боялся, что ты уйдёшь, узнав, что не создавала меня.

Девушка на секунду замерла от удивления. Кот аккуратно отстранился, вновь отворачивая голову.

– Меня изваял скульптор много лет назад. Тогда я был тигром. Создатель очень любил меня... А я его. Мы жили вдвоём в мастерской, и это было самое счастливое время в моей жизни. Но скульптор был мечтателем. Таким же упёртым, как вы! Он грезил созданием живого человека. Конечно, я догадывался, что он хочет воссоздать в мире Зимы вполне определённую персону, но не знал, кого именно. А экспериментировал он на животных. Мастер пытался вложить в свои творения огонь. Не так же, как сделала ты... По-другому. Он пытался создать существо, в котором пламя могло бы гореть. Как в вас, живых.

Инга произвольно посмотрела на грудь. И верно... Они

с Милем отличались по степени жизни, если так можно выразиться.

– Я был его неудачным экспериментом, – в кошачьем голосе послышалась сталь, – Но он не сдавался. Всё пытался-пытался. Я застал много скульптур, что разлетались на части, когда он пытался вложить в них больше, чем одну каплю огня. Но однажды у него получилось. Уголёк вобрал в себя пламя... Мастер создал Змея.

Когти Миля со скрежетом прошли по панели. Хвост задергался от раздражения.

– Этот... Монстр поглотил весь огонь из тела создателя. Скульптор погас, но был счастлив. Наконец у него получилось. Он сотворил по-настоящему живое существо.

Нох не сводил с кота шокированного взгляда. А поезд всё шел по сияющим рельсам вглубь тоннеля.

– Какое-то время мы жили втроем. Змей... Притворялся добрым. Летал над городом, катал скульптора. Тот влюбился в своё новое творение, как ребёнок. Мне было... Обидно и одиноко. Я чувствовал, что меня заменили. Но хуже всего было знать, что Змей не тот, кем кажется. И не иметь возможности это доказать. Тогда в городе пропало несколько горящих... Да, нынешняя охота – не первый раз в истории этого мира. Я знал, что это он. Огонь тянется к огню, а этот хотел сожрать побольше.

Миль на секунду замолчал. Девушка видела, как больно ему вспоминать. У него была новая жизнь, новая любящая

семья, пускай и состоящая из одной Инги. Но призраки прошлого настигли безжалостно.

– Однажды я... Не выдержал. Я позвал его на крышу дома, где располагалась мастерская, и пригрозил, что расскажу всё скульптору. Если тот не сознается. Змей рассмеялся. Он знал – наш создатель не поверит в то, что его любимое творение способно убивать людей. Я тоже это понимал... В общем, мы начали битву. В Змее было гораздо больше пламени. Огненным дыханием он разбил моё тело вдребезги. Осталось лишь несколько больших осколков. Довольный победой, он улетел. А я остался лежать на той крыше...

Кот поднял глаза к потолку. Инге на секунду показалось, что она не в кабине машиниста. Девушка вновь оказалась на крыше того дома... Внизу бесконечно живёт и суетится город, а наверху бескрайнее небо. Всевидящее и молчаливое.

– Я думал: «Ничего страшного. Я ещё жив... Скоро мастер заметит мою пропажу, придёт и соберёт меня». Но он... – кот с силой сжал острые зубы, – Он не пришел. Я ждал его... Лежал и ждал там очень долго. Всё надеялся... Но он даже не вспомнил.

Глаза защипало. В горле накрутился склизкий ком. Девушке сложно было представить, какого это... Много лет ждать и надеяться на спасение от любимого человека. А в конце понять, что он не придёт. Что он бросил тебя, заменил более совершенным, более прекрасным в его глазах творением. Эта высшая степень одиночества... Брошенность. И

боль от предательства сильнее всей радости и света, что были. Ужасно, когда один поступок перечёркивает не только будущее, но и прошлое. Всё разом теряет смысл.

– Однажды я увидел... тем самым осколком глаза... как Змей улетает в Пустошь и ввинчивается в снег, – продолжал кот, – Не знаю, бежал ли он от кого-то, но больше я о нём не слышал.

Инга всё поняла... Вот откуда эти странные фразы Миля о людях, подколки про друзей. Он знал какого это, когда тебя бросают. И не хотел доверяться кому-то вновь, боясь нового обмана.

– Потом меня нашла ты, – кот вскинул тяжелую морду, и, встав на панели, шагнул передними лапами к девушке, – Слепила новое тело, дала новое имя. И я поверил, что могу быть счастлив. Но тебя за каким-то чёртом потянуло...

Он не успел договорить. Свод тоннеля впереди с грохотом обрушился. Тяжелый снег бухнулся в образовавшуюся дыру. Нох резко схватился за тормоз, и локомотив обиженно закричал по рельсам. Грея что-то закричала сзади. В воздухе стояли тучи ледяной крошки и сухих снежинок. Но никого не было... Никого.

– Вылетайте из тоннеля, – бросившись к лобовому стеклу, крикнул Миль, – Это Змей, я знаю. И я задержу его!

Он взмахнул крыльями, бросаясь к открытой двери, но Инга перехватила его на лету.

– Стой! Куда ты? – она держала вырывающегося кота, а

тот всеми лапами отпихивал её руки, – Нам надо уходить. Вместе.

– Змей пойдёт за нами. Он уже начал охоту. Догонит – тогда всему конец.

– Может быть, но... Ты не забыл? Ты больше не тигр. Уж извини, слепила, как умела.

– У меня нет времени с тобой спорить, – прошипел тот сквозь зубы.

– Миль! – девушка перехватила его под передними лапами, поднимая на уровень лица, – Я просто не хочу... Тебя... Потерять.

– Не бойся, – он коснулся лапкой её щеки, – Я с тобой. И даже если мы расстанемся, ты обязательно найдёшь меня.

Улыбка отчаяния расчертила губы. По щеке скатилась одинокая слеза, и девушка совсем по-мальчишески шмыгнула носом. Снова из-за неё столько неприятностей... Ведь она их сюда привела.

Коротко выдохнув, она... Разжала руки. Миль взмыл в воздух, вылетая из кабины и уносясь в боковое ответвление тоннеля.

Снежная пыль улеглась, и Нох вопросительно посмотрел на девушку:

– Куда?

Она утёрла нос тыльной стороной ладони:

– Наверх. Как Миль сказал.

Они выбрались на поверхность рывком, словно вынырну-

ли из морской пучины. Уже над Пустошью мужчина остановил локомотив на рельсах, бросаясь к открытой двери – посмотреть, успела ли Грея. Ласточка со скрипом выбралась следом.

Город виднелся на горизонте. Далёкие огни отливали приветливым золотом в самом центре крошечной темноты.

Когда Нох вернулся в кресло, из проёма выглянула Инга. Ночь здесь была давящая, близкая... Она нависла над ними тяжёлым небом с гроздьями набухших звёзд.

– Мы всё ещё близко, – машинист щёлкнул переключателями, вновь трогаясь с места, – Нужно уйти дальше.

– У... угу, – неуверенно кивнула девушка.

Она смотрела на удаляющийся проём пещеры. Инге до боли не хотелось оставлять друга. Огненное сердце в груди щемило от волнения, пламя полыхало опасно и тревожно.

На открытой местности локомотив набрал большую скорость. Поезда поспешно удалялись от пещер, Змея... И Милля.

С чего он решил, что девушка бросит его, узнав правду? Ну не она его создатель, так что с того? Главное, они друзья. Самые лучшие. О другом компаньоне и мечтать нельзя. Миль... Ласковый, смелый, весёлый, иногда зараза. Он настоящий фамильяр – хранитель. Тот, кто может заставить огонь разгореться жарче.

Сейчас она чувствовала, что угасает. Чем дальше в Пустошь, тем всё холоднее. Стоя в проёме, девушка плотнее

закуталась в пальто. Вспомнила про глинтвейн и налила себе ещё кружку из изрядно опустевшего термоса.

– Может, уже хватит?

– Нет, – покачал головой машинист, – Отъедем ещё немного.

Они шли дальше на север. Пространство становилось чернее... Впереди уже нельзя разобрать, где небо, а где снег. Кавалькада звёзд с каждой минутой редела, и в какое-то мгновение исчезла вовсе. Теперь Инга могла различать лишь то, что высвечивали тёплым светом фары.

– Остановимся здесь? Нам ещё возвращаться.

– Ничего. Ещё немного.

Девушка возвратилась в кабину, вновь потянувшись к термосу. В нём оставались последние глотки. Ничего... Должно хватить. Нох тоже ёжился, поднял повыше воротник кителя. Грея упорно следовала за ним.

Свет фар потонул во мраке. Он рассеялся, словно вдалеке ничего не было – ни снега, ни неба. Один только холод. Вселенский холод. Инга в шутку подумала, что они достигли края мира. Самого северного края.

Лязгнули железом тормоза. Девушка перевела полный надежды взгляд на машиниста, и тот согласно кивнул – здесь.

Инга махнула Грее в проём. Машинистка правильно всё поняла. Дуги золотых рельс отделились от тех, по которым шли поезда. Грея свернула, заворачивая красивым полукругом. Они вновь встали дверь к двери. Мимо проёма каби-

ны, опасно близко прошли сияющие пути. И, развернувшись другим концом к Вселенскому холоду, Грея поравнялась кабиной с дверью Ноха.

С шумом из-под локомотивов вышел воздух, и они аккуратно опустили на снег. Грея распахнула до того закрытую дверь.

Инга спрыгнула в сугроб. Даже сквозь одежду и сапоги он казался обжигающе холодным. Пламя сжалось внутри ледяной клетки, и вряд ли пожелало бы творить что-то по своей воле. Но она должна... И она сделает.

Души встали в полный рост в проёмах дверей. Девушка смотрела на них сверху вниз, и... Набиралась сил. Одно то, как они глядели друга на друга, внушало умиление.

Волнение, трепет... Будто дети в церкви. Для них эта минута была сакральной, ведь вся их жизнь, все многие прожитые годы привели в итоге в эту точку. Сколько нитей должна была сплести Судьба, чтобы всё получилось.

Девушка налила и допила последние глотки глинтвейна. Оказавшись в чашке, напиток мгновенно потерял тепло, но задачу свою выполнил. Огонь в груди разгорелся жарче.

«Будто дров в камин подкинула» – пошутила девушка. Но сейчас ей нужны эти дрова.

Она стояла между локомотивов. Протянула к обоим руки. Нох и Грея встали так близко, что Инге не пришлось выпрямлять локти, чтобы дотянуться до них.

Девушка закрыла глаза. Она слышала биение сердец. Их

пульс, частый, взволнованный, стучал в ушах. Их огонь был много сильнее её собственного. Но нет... Сейчас не о нём. Ей нужно тело, а не пламя.

Она сосредоточилась. Заиндевевшие стальные корпуса. Девушка чувствовала под пальцами их холод. Сейчас она ощущала их до последнего изгиба, со всеми винтами и переключателями. Она чувствовала гладь лобового стекла и шершавую кожу кресел. Перед глазами тянулись многочисленные механизмы. Она... Проникала в них. И ей нужно было всё это изменить.

Огонь сочился в холодные руки. Инга чувствовала его кончиками пальцев, и старалась, чтобы он разгорелся жарче. Она вспоминала... Миля. Как они лежали, обнявшись, в бытовке. Вспоминала чай Часовщика и красные диванчики ресторана. Вспоминала взгляд Зимы... Долгий и печальный. Вспоминала смех сестры... Улыбку мамы.

Прочный, несгибаемый металл начал поддаваться. Он корчился со скрипом, без желания, и всё равно не мог противиться воле огня. От усилий стало жарко. Девушка в напряжении сжала зубы. Ей казалось, что она руками гнёт и сминает листовую сталь.

Лобовое стекло становилось глазами. Стены сжимались по бокам, крыша укрывала спины мужского и женского тел. Колёса, сплетаясь с сиянием золотых рельс, превращались в руки и ноги. Инга не видела ничего, но чувствовала изменение. И наконец кабина... Панель приборов, руль и кресло.

Всё уместилось в груди, в сердце... Где пылало пламя.

Напряжение спало резко. Девушка перестала чувствовать под пальцами металл, и открыла глаза.

Они стояли посреди Снежной пустоши. Совсем как люди. Нох и Грея... В груди каждого горел огонь. Исчезли локомотивы, оставив их одних на всю огромную пустыню.

Они совершенно не изменились. Лишь руки машинистов покрыла золотая рельсовая пыль. Они смотрели друг на друга, едва в состоянии дышать. Никто не оглядывал себя. До своих тел им не было никакого дела. Каждый смотрел на другого, и не мог поверить в счастье.

Инга отошла на шаг. Огонь в груди ещё волновался. Она чувствовала, что в нём осталось напряжение. Верно... Она поддерживает изменение, но не сможет продолжать долго. Хотелось поторопить влюблённых, но она не смогла. Взглянув на них, девушка не проронила ни слова.

Благоговейный трепет... И огромная, всепоглощающая любовь. Вот что было во взглядах Ноха и Грей. Они утопали друг в друге. Бросались в омут с головой, доставали до самого дна, и растворялись. Каждый был всем для другого. Не осталось больше иной жизни, не было людей, депо, войны. Всё куда-то пропало, потерялось за ненужностью. Были только они. Даже Инги для них уже не существовало.

В одну секунду... Не сговариваясь, не подавая знаков, оба сделали шаг вперёд. Они знали, в какой момент должны приблизиться. Чувствовали. И шли... Потому что это не дорога

для одного. Каждый должен пройти свой путь к встрече.

Они стояли томительно близко. Одно неловкое движение, толчок – и их тела столкнутся. Между ними не было сантиметров и двадцати, и всё же они не касались друг друга. Ещё нет.

Нох и Грея подняли руки. Вместе, синхронно. Они уже были одним целым. Единым механизмом, и последней детали не хватало им для полного слияния.

Души опустили взгляды на новые, приобретённые руки. Золотая пыль сверкала, переливаясь в отсветах пламени внутри влюблённых. Инга видела, как полыхает их огонь. Он разгорелся жарче. От трепета... От волнения... От желания. Мечта. Самая светлая и самая заветная мечта сбывалась. Всего одно прикосновение. Но ради него стоило прожить жизнь.

Инга заметила момент приближения. А когда золотые пальцы сплелись, горячая волна разнесла на клочки черноту ночи.

***

Инга летела по вязкому, текучему пространству. Медленно, выгнув спину. Её так и несло ударом прочь. Девушка не думала, где оказалась. Не пыталась открыть глаза.

И вдруг... На щеку упала снежинка. Она уколола кожу, тут же растаяв. Растаяла? Но на её теле не тает снег.

Девушка раскрыла глаза. И тут же упала. Словно земное притяжение подействовало на неё.

Упасть было не больно. Она легко села, по привычки приложив ладонь ко лбу.

Она оказалась... Дома! Всё верно, это её настоящий, родной мир. Сама Инга сидела на крыше пятиэтажки, а внизу по улице сновали машины, зажигались и гасли светофоры. Падал снег. Крупные, пушистые хлопья опускались в объятия спящих деревьев. Совершенно обычных, без света. По тротуарам сновали люди. С большими сумками и пакетами, пешком и на автомобилях, они закупались к Новому году. И спешили домой. К своим семьям.

А прямо перед ней... За совершенно обычными проводами, в окне напротив горел свет. Это было семиэтажное здание больницы. И свет горел... В её палате. Непостижимо, но Инга видела с такого далёкого расстояния сестру и маму. Ей ужасно захотелось к ним.

Девушка поднялась в полный рост на припорошенной снегом крыше. Вдруг... Ветер подхватил её, как снежинку, закручивая в воздухе, и порывисто унося к светящемуся окну. Всё было, как в том сне в первый день. Но сейчас девушка управляла собой.

Ветер с размаху впечатал её в раму. Но боли не было.

Инга зависла, прислонившись ладонями к стеклу, и совершенно не задумывалась над тем, что её держит. Ей было всё равно. Главное – мама и сестра... Так близко, что казалось,

она может слышать их разговор.

– Что ты рисуешь, милая? – отпустив руку старшей дочери, мама утёрла покрасневшие глаза.

Перейдя к Лере, она обняла её. Больничный халат скользил на узких плечах.

Сестрёнка сидела на стуле у тумбочки, старательно выводя что-то в широком альбоме.

– Снежку, – от усердия она высунула розовый язычок, – Только она тут... Ангел.

Девочка закончила пару линий, с удовольствием показывая рисунок маме.

– Очень красиво, – уставшая женщина потрепала её по волосам, – А почему ты решила её такой нарисовать?

– Мне Вера в садике сказала. Если сестра не проснётся, то она отправится на небеса. Там станет ангелом, и у неё будут большии-и-ие белые крылья. У Веры бабушка тоже туда попала.

Мама сглотнула ком в горле, не переставая трепать волосы дочери:

– Ты... Молодец, солнышко. Ты молодец.

– Мам, а если Инга улетит на небо, а потом вернётся, у неё появятся крылья?

По щеке женщины скатилась одинокая слеза:

– Не знаю, милая. Может быть.

– Какой чудесный сон, – горячий, жестокий голос раздался совсем рядом.

Инга обернулась. Он парил перед ней... Жар. Бесформенная субстанция сейчас приобрела человеческие черты. Он принял облик... Её отца.

Точно такой же, каким она видела его последний раз. Шесть лет назад.

Внутри всё похолодело. Девушка вжалась спиной в стекло, пытаясь закрыть семью собой.

– Подходящий для этого милого ребёнка, – усмехнулся Жар отцовскими губами, – Посмотри-ка. Она так любит тебя, что даже во сне не покидает твоей палаты.

– Что тебе здесь нужно? – прохрипела она.

Он ослабился... Хищно, по-волчьи. Как никогда не осклабился бы её настоящий отец:

– Я пришел за тобой. Я всё это время шел за тобой. Как кстати ты вывела меня сюда. Может, при виде сестры ты наконец-то одумаешься.

Инга опустила голову. Боковым зрением она видела, как мама сгребла Леру в охапку, и обе слушают мерный гул аппарата ИВЛ, тик кардиомониторов.

– Дай мне закончить, – попросила она, – Дай уладить все дела, и я приду к тебе сама. Не стану сопротивляться, обещаю.

Безмерно долгую, липкую секунду он мерил её взглядом. А потом... Покачал головой:

– Нет. Зачем мне ждать, когда я могу выжечь сознание твоей сестры прямо сейчас.

Сердце замерло, пропуская удары.

– Нет... – голос сорвался и дрожал, – Ты не сможешь.

– Отчего же? – насмешливым тоном продолжал Жар, – Ты сама любезно привела меня сюда. Всё это – сон твоей сестры, её сознание. Я могу сжечь его полностью, и наутро эта милая малышка не проснётся. Просто не сможет, потому что в её теле, без сомнения живом, будет пусто. Не останется ничего. Как тебе такой исход?

Инга дрожала. Она привела его! Как она могла привести его сюда?! Но на самобичевание не было времени. Нужно что-то делать. Нужно...

– Она – сильная девочка, и в обиду себя не даст, – её внешне осенило, – Она будет сопротивляться.

– Неужели? – Жар издевательски вскинул отцовскую бровь, – Давай попробуем?

Он ухватил кусок сознания. Кусок ночи, улицы, зимы, звёзд. Кусок города. Зажав его в кулаке, он попытался сжечь, как вдруг... По сознанию разнёсся крик. Порыв ветра бешеной силы отшвырнул от окна и Жар, и Ингу.

Девушка, кувыркаясь, летела в воздухе. И думала только об одном. Это сон... Её сон. Значит, Леру достаточно разбудить, и Жар уже ничего не сможет сделать.

Под ней кубарем неслись крыши. Мир вертелся вокруг неистовой кутерьмой неба и города. Она с размаху влетела в какой-то дом, но уже не удивилась отсутствию боли.

Девушка вскочила, оглядываясь. Больница была далеко.

Ветер дул ей навстречу, снося Жар всё дальше от заветного окна.

– Лера-а, – отчаянно протянула Инга, – Сестрёнка, мне нужно до тебя добраться. Хоть как-то!

Вдруг... Дом под ногами стал двигаться. И не он один. Хаотично натканные меж деревьев пятиэтажки как по заказу сложились в удобную цепочку крыш. Лера выстлала для сестры дорогу к себе. Инга не мешкала ни секунды.

Но именно сейчас, так не вовремя, она отчётливо ощутила земное притяжение. Больше, чем раньше. Инга почувствовала себя тяжёлой... Почти реальной. Как если бы она не во сне, а наяву прыгала по зданиям. Лера явно переоценила её физические способности.

Крыши были далеко. Девушка едва доставала. Но бежала, не останавливаясь, и не думая перед прыжком ни секунды. Она знала, Жар где-то там. Как только он освободится от ветра, он причинит Лере боль. Нужно успеть до этого момента.

Она бежала и прыгала. Бежала и прыгала. Короткие секунды полёта сменял отчаянный стук каблуков по бетону. В безразличном спокойствии падал снег. Ничего в картине сна не изменилось.

И вот... Последняя крыша. За ней, девушка видела это наперёд, ничего нет. Широкая улица бесконечно неустойчивого воздуха. В котором отчаянно не за что зацепиться. Всё же Инга бежала. Не останавливаясь, не сбавляя темп. У неё

было несколько секунд, чтобы решить, что делать. Прыгать? Это невозможно, слишком далеко. Остановиться? Тогда она потеряет силу разгона. С другой стороны, зачем она нужна, если всё равно не допрыгнуть.

«Это невозможно. Невозможно! Невозможно!» – отчаянным писком разносилось по голове.

До крыши метров пять... Три... Всего два шага до конца. Один...

«Невозможно? – усмехнулась девушка, напрягая ноги, – А я попробую!».

Она бросилась вперёд, в легчайший морозный воздух. Летела... Совсем близко к крыше. Окно было отчаянно далеко. Но она тянулась к нему руками. Тянулась, и не хотела сдаваться! Даже когда начала падать.

«Ну нет! Это ещё не...» – она молотила руками по воздуху, стараясь зацепиться за него. И вдруг этот же воздух резко толкнул её вверх. Понёс вперёд. Понёс... На крыльях. Её крыльях.

Девушка увидела их боковым зрением. Расправленные маховые перья ласкала воздушная стихия. Хотелось плакать от счастья! Сестра... Лера подарила ей крылья!

Инга долетела до окна, и, не задумываясь, прошла сквозь стекло. Она ворвалась в палату, хватая девочку за плечи. Лера сидела на коленях у мамы, но та Ингу не заметила. Верно, это не её сон.

– Снежка! – закричала Лера в восторге, – Ты...

– Сестрёнка, слушай меня внимательно, – Инга смотрела ей в глаза самым серьёзным взглядом, – Это очень важно. Убеди маму, и сама постарайся держаться подальше от всего горячего. Батареи, огонь, газовая плита, чайник, что угодно. Поняла? Это может быть опасно.

– Угу, – совершенно серьёзно кивнула девочка, – Я передам.

– Отлично. И ещё, – она старалась подобрать слова, – Скажи маме, пусть ни за что не отключает меня от аппарата ИВЛ. Так, слово в слово и передай. Я обязательно вернусь. Пусть не сдаётся, даже если врачи скажут, что мой мозг умер. Пока моё тело живо, мне есть, куда возвращаться. Всё запомнила?

– Всё, – деловито кивнула Лера.

– Хорошо, – Инга встряхнула её посильнее за плечи, – А сейчас... Проснись!

***

Миль летал по тоннелям, но Змея не находил. Здесь ледяной лабиринт, и монстр ориентировался в нём куда лучше кота.

Миль залетел на шум в очередной коридор, и его настигло огненное дыхание. Но верные крылья успели унести.

– Ты очень труслив для высшего создания! – крикнул кот.

Фары поездов скрылись, тоннели накрыла мгла. Но Милю не привыкать к темноте.

– Знал, что ты когда-нибудь придёшь, мой старый друг, – рассмеялся хриплый, шуршащий голос.

Ледяные стены разносили шипение по коридорам. Миль метнулся влево. Он его слышал, но больше не чувствовал. А ведь Змей где-то рядом.

– Вижу, обзавёлся новым телом. Крыльями...

Кот порывисто обернулся. Нет... Нигде. Он стоял на перекрёстке четырёх ответвлений, и голос мог идти из каждого.

– ...друзьями. Кто та очаровательная девушка, что держала тебя на руках? – в шуршащей интонации послышалась ирония, – У неё такой аппетитный огонь. А я давно не ел.

– Зубы об неё сломаешь, Змей, – усмехнулся Миль, обнажая клыки, – Не ты первый на её пламя покушаешься.

– Может, не первый, – скрипуче хихикнул тот, – Но последний. Я полакомлюсь её огнём с удовольствием, а ты будешь у меня вместо аперитива.

Пламенный всполох мчался сбоку. Миль едва успел отлететь вперёд, как из правого тоннеля, обжигая стены, вырвались клубы огня. Зыбкие и неверные, они опаляло снежную шерсть. По телу прокатилось опасное тепло.

Он может болтать, что хочет. Эта змеюка всегда был не прочь потрепаться. Пока он говорит, Миль может найти его.

Как долго он ждал. Кот лишь сейчас признался себе, что хотел этого.

Когда Инга решила идти по тоннелям, он знал, чем это кончится. Он отговаривал её, но... Не очень старательно.

Пожелай он на самом деле остановить девушку, рассказал бы ей свою историю раньше. Но он знал... Знал, что в итоге его новая жизнь приведёт к старым демонам. Как ни забывай, как ни прячь их в памяти подальше.

Змей был его демоном. Лучший... Огромный, крылатый, огнедышащий, он во всём его превосходил. Всю жизнь после его появления Миль чувствовал себя устаревшей моделью. И думал, что скульптор держал его из жалости. Творение всё-таки... Своими руками созданное. Но даже так... Даже будучи ненужным, Миль хотел, чтобы его создатель был счастлив. И всё надеялся, что он это заметит.

Кот нырнул в боковой тоннель. Змей следовал за ним, подбираясь из укромных уголков. А Миль искал место побольше для финального сражения. Пусть покажется во всей красе. Тогда и поглядим.

– Странно как-то, – крикнул кот в никуда.

Напряжённые крылья деревенели в полёте:

– Ты был лучшим творением нашего мастера. А теперь прячешься здесь. Голодаешь, – он вложил в последнее слово ехидную, желчную насмешку, – Боишься кого?

– Ты всё такой же язвительный, – злобно прошелестел голос, – Отрадно, что ничего не меняется.

– А ты всё такая же тварь. За что только мастер тебя любил?

– Любил? Ха-ха... Пха! – Змей сплюнул огненный ком.

Тот покатился сзади, и Миль порывисто взмыл вверх. Рас-

калённый шар врезался в стену, разнося хрупкий лёд осколками. За ним открылось гулкое пространство. Идеальный вариант.

Кот выждал момент, ныряя в образовавшуюся дыру.

За стеной оказался ледяной зал. Обиталище змея. Высокий оплавленный потолок стекал замерзшими каплями по стенам. Отсюда тянулось множество коридоров. Следы зубов яростно раскрошили лёд.

– Любовь – это не про меня, – стало светлее.

Миль ломанулся к противоположной стене, оборачиваясь в полёте. В дыру заползал Змей. Огромный...

– Любил мастер тебя, своего верного компаньона.

В его горле полыхало пламя. Гораздо большее, чем в Инге. Оно вытягивалось в узком теле в разные стороны, время от времени выливаясь из пасти. Ледяные зубы хищно пощелкивали. Хвост Змея ещё волочился за ним через дыру, а голова уже в хищной дуге поднялась под потолок.

– Знаешь, зачем я ему был нужен?

Миль вжался в противоположную стену. Да... Зверь такой же, каким он его помнил – безжалостный и смертоносный. А Миль стал меньше. Раз в десять... Сейчас он ощущал себя ничтожно маленьким перед ледяным чудовищем. Но ответил ровным голосом.

– Просвети меня.

– Если доживёшь, – оскалился Змей, и... Бросился.

Бросок был резкий, хищный. Огромные зубы клацнули у

самого хвоста. Крылья едва унесли kota в сторону.

Скрипуче рассмеявшись, Змей вернул голову под потолок:

– Ты и не знаешь, зачем он меня создавал.

– Спросить не довелось, – фыркнул кот.

– А мне мастер рассказал. Он хотел воссоздать в этом мире свою мать. Очень... – бросок, – ...сучал... – снова бросок, – ...по ней!

Миля бешено метался из стороны в сторону. Спасали миниатюрные размеры. Его тигриное тело давно бы перекусили дьявольские клыки.

Он так увлёкся спасением жизни, что не сразу понял... Скульптор хотел сотворить свою мать?

– Он искал способ сделать её такой же, как здешние люди, – хвост Змея со свистом рассек воздух, – И нашел. Знаешь, что он сказал мне в тот день, когда я убил тебя?

Змей бросился сильнее. Коту в отчаянном порыве пришлось взмыть вверх, а огромная морда впечаталась в ледяную стенку. Хрустальный свод пополз длинными трещинами.

Крылья унесли Миля под купол. Капля огня билась в снежном теле. Проснулись инстинкты. Когти хищно царапали воздух, желая вонзиться в ненавистного зверя. Но кот знал... У него один шанс. Он не может его упустить.

– И что же?

Монстр задрал голову. Какой ненавистью горели его оран-

жевые глаза.

– Он сказал, что всё почти готово. Что он закончил лепить тело матери, и теперь я должен отдать ей свой огонь. Представляешь?! Сказал, что для этого меня создал.

– О да, – саркастически фыркнул Миль, – Какой ужас, бедняжка.

– Я не согласился, – Змей медленно, с грациозностью хищника, загнавшего добычу, поднял голову к потолку.

Они оказались на одном уровне. Смотрели друг другу в глаза... Во взгляде каждого первородная ненависть, животная жажда смерти.

– И я его убил.

На секунду у Миля расширились зрачки. Он понял, почему скульптор не пришел за ним... Змей убил его! Он просто не мог прийти. А Миль все эти годы считал, что тот променял его на лучшее творение.

Оказывается... Всё не так. На самом деле, Миль не был неудачным экспериментом?

Перед глазами проносились давно забытые воспоминания.

– ...а почему я такой? – спросил как-то Миль, когда был совсем юным, и назывался не этим именем.

Он помнил, что в мастерской было светло, а скульптор любовно гладил холодными руками очередное рождающееся творение.

– Моя мама очень любила тигров. Всегда мечтала иметь

своего.

Какое нежное, светлое воспоминание.

Значит, всё это... Не было ложью? И его не бросали. Мастер просто... умер. А Миль не смог его защитить.

Ярость и обида вскипели с новой силой. Но нет, нельзя. Нельзя поддаваться эмоциям, нужно всё просчитать. На холодную голову. Он не имеет права проиграть!

Змей выводит его из себя, чтобы тот отвлёкся. Вот и сейчас... Кот всего на секунду вспомнил мастера, а смертоносные клыки... Уже рядом!

Миль успел вылететь из открытой пасти прежде, чем она захлопнулась. Нельзя терять головы. Сейчас это смертельно опасно!

Он мчался по комнате, будто канарейка в клетке с кошкой. Вдруг его осенило... Оружие Змея можно использовать против него.

– А что было дальше? – в полёте усмехнулся он, – Тебя наверняка Зима из города выгнала. За то, что ты людей жрал.

– Ах ты... Мелочь! – рыкнул Змей, и рёв огненного дыхания прокатился по залу.

Стало ужасающе светло. И жарко. Длинный хвост оплавился, но места для боли не осталось. Кот едва успел спрятаться в боковом ответвлении коридора от смертоносного огня.

Стены затрясло. Что это? Души уже коснулись друг друга? От взрывной волны с потолка попадали ледяные оскол-

ки. Один чуть не шлёпнулся коту на голову.

– Или нет... – он догадался, – Ты сбежал сам! Побоялся Зимы! Потому что знал, что против неё ничего не стоишь? А, лучшее творение? Великий огненный Змей. Как тебя любил восхвалять наш мастер, что корона у тебя выросла до самых звёзд. А перед Зимой что... Струсил? Она бы тебя как тряпочку порвала!

– ЗАМОЛЧИ! – взревел монстр.

Что ж, всё шло по плану. Но не хватало последней детали. Штриха... Аккорда.

– Ты всегда считал себя высшим существом. Но Судьба расставила всё на места. И загнала тебя сюда, под снег. Как настоящего... Червяка!

– ЗА-МОЛ-ЧИ-И-И!!! – бешеный рокот сотряс стены.

Змей бесновался в открытом зале, дыша огнём во все стороны. Обжигающие клубы носились в воздухе алыми лоскутами. Обезумевший монстр задрал голову вверх, разинув пасть, и его шея соблазнительно открылась.

Миль смотрел на раскалённый уголёк под чешуёй чудовища. В него мастер и поместил огонь, чтобы тот не сжег тело. Самое уязвимое место.

Секунда застыла в воздухе вечностью. Если Миль бросится на Змея, он сможет его убить... Но взрыв разобьёт их обоих. А он обещал Инге вернуться.

«И даже если мы расстанемся, я обязательно найду тебя» – зазвучали в голове её слова. Слова... Которые он вер-

нул ей.

– Что ж, Инга. Надеюсь, ты сдержишь обещание, – шепнул он, с силой бросаясь к Змею.

Жар огня не просто обжигал, он съедал часть снежного тела. Миль летел меж всполохами пламени, чувствуя, как тают крылья. Как с лап течёт вода. Не важно... Всё не важно. Лишь бы успеть.

Ледяной хвост просвистел перед мордой. Кот едва смог увернуться, но влетел прямо в пламенный всполох. Сухой вдох обжёг всё внутри дикой болью. На крик не осталось сил. Лететь, и просто чувствовать себя стало невыносимо. К сознанию поступала горячей одурью смерть.

Но кот рванулся вперёд. Он мчал на всех крыльях, хоть задние уже превратились в обрубки, а передние таяли, теряя форму. Лишь бы успеть... Лишь бы.

Бесформенными лапами кот вцепился в горло чудовища. Закрыв глаза.

Он не смог спасти мастера... Но Ингу защитить сумеет! Это не месть. Он лишь хочет уберечь от чудовища тех, кто ему дорог.

Под веками мелькнул улыбчивый образ девушки.

«Ты только... Не бросай меня, – мысленно попросил он, – Пожалуйста».

Секунда. Кот вцепился маленькими зубами в горло Змею. У уголька кожа было совсем податливой. А стоило клыкам сомкнуться на горячем камне... Грянул взрыв.

Инга очнулась в снегу. Перед глазами плескалось густое варево ночи. Где-то в этой черноте есть звёзды, но здесь о них трудно вспомнить. Лишь обжигающий холод говорит, что ты жив.

Огонь в груди едва теплился. Спина болела, но не от удара. Девушка едва смогла сесть на снегу, таким тяжёлым показалось собственное тело. И вдруг... Только глаза открылись пошире, а свет в груди осветил снег... Её пламя вспыхнуло ярче прежнего от дикого, небывалого восторга! На снегу лежали крылья. Её крылья! Они были снежными и тяжёлыми, но росли из её спины. И это... Восхитительно!

Девушка попробовала пошевелить ими. Крылья легко дернулись. Инга не могла поверить. Не могла осознать, что это она, и что она обладает этим невероятным даром. Крылья из сна сестры перешли в мир Зимы! Это ли не волшебство?

Восторг мгновенно стянул с тела напряжение и боль. Инга вскочила на ноги, потрясая плечами. Лишь сейчас она увидела их...

Мир потихоньку стал возвращаться. Девушка вспомнила, зачем они сюда пришли.

Нох и Грея стояли, сплетая пальцы. Они боялись пошевелиться, словно любое движение произведёт новый взрыв. Им едва удавалось дышать от опасливого, напряжённого сча-

стья.

«Стоп, – мозг понемногу просыпался, – Что-то здесь...
Вроде бы не так».

Взрывной волной её отнесло от Душ, и сейчас она возвращалась к ним.

Нох и Грея... Всё ещё стоят, касаясь друг друга. Но взрыв уже был. Почему тогда... Почему их снежные оболочки снова не стали локомотивами?

Девушка подошла к ним вплотную. Вряд ли они её заметили. Для них во всём мире больше никого не существовало.

Она обозрела напряжённые тела, сплетение золотых пальцев. И резко тронула Ноха за плечо. Готовилась растаять... Но ничего не произошло.

Инга коснулась Грей. Снова никакой реакции.

Её прикосновения подействовали отрезвляюще. Души часто заморгали, очнувшись от забвения, и подняли полные надежды взгляды на Ингу.

– Мы ничего не снесли? – хриплым шепотом произнёс мужчина.

Девушка глянула через них на далёкий огонёк.

– Ну, город ещё светится.

– И мы... – начал Нох, – Как же?..

– ...это? – закончила Грея.

– Вот так, – она указала на сплетение пальцев.

Они вместе перевели взгляды на свои руки. Едва смогли вдохнуть... А на выдохе, сначала медленно, отрывисто, по-

том всё громче рассмеялись. Они всё поняли! И счастье – безраздельное счастье захватило всё их естество. Грея бросилась в объятия Ноха, он прижал её к себе, и слёзы текли из его сузившихся от улыбки глаз. Улыбки... Самой счастливой на свете!

Они больше не одни. Не одиноки. Весь мир открылся им, и прикосновения больше не являются запретом. Их нечаянная маленькая радость обернулась огромным, всеобъемлющим счастьем!

– Инга! – смеясь, они накинулись на подругу, заключая её в объятия.

Все втроём упали в снег. Девушка смеялась вместе с ними. Она и представить не могла, что такое возможно. Но любовь всё сделала за неё.

Когда Нох и Грея коснулись друг друга, прикосновение спровоцировало огромный выброс энергии. Эта сила вышибла Ингу из мира Зимы в сон Леры. Эта же энергия сработала в качестве огня в обоих случаях. Она навсегда превратила локомотивы в тела для Душ, она же претворила сон Леры в реальность.

Теперь у Инги были крылья, а у влюблённых... Целая вечность вместе.

Затихнув, они ещё несколько минут лежали молча. Пытаюсь понять и принять своё новое положение. В тишине Снежной пустоши слышались удары трёх сердец.

В ней же где-то далеко прогремел другой взрыв.

Внутри натянулась до предела струна. Девушка резко села на снег, выбираясь из-под рук влюблённых:

– Миль! Нам надо срочно к нему!

Машинисты тоже поднялись. Нох смущённо перекатился, заметив, что лежит на крыле у Инги, из-под Грей девушка вытащила перья сама.

– Теперь это будет проблематично, – мужчина глянул назад.

Туда, где сгущались звёзды и где-то очень далеко маленьким огонёчком горел огромный город. От Миля их отделяло ужасающее расстояние.

– Да, – Грея оглядела тело, – Пешком добираться долго.

– Ну, – Инга взмахнула крыльями, отрясая с перьев снег, – Теперь не вы меня, а я вас донести смогу. Нужно только придумать, как.

– Хм, – Нох призадумался, обнимая пальцами подбородок, – Что у нас вообще есть, кроме снега?

Тут-то его озарило. Девушки поняли это по его глазам.

Мужчина придумал отличный способ. Нести двух человек на себе Инге было бы невероятно тяжело. Но в Снежной пустоши – снег, а это и материал, и отличный способ передвижения. Втроём ребята быстро слепили что-то вроде больших санок на широких полозьях. Привязали к ним длинную верёвку. Огонь помог придать снежной повозке завершённый вид.

Закончив, Нох и Грея сели в сани, а Инга поспешила об-

вязать канат вокруг себя.

– Подожди, – мужчина потянулся к её руке.

За пару сантиметров остановился, потом опомнился, всё же кладя ладонь на её пальцы:

– Ты не хочешь сначала попробовать? Иметь крылья – ещё не значит уметь летать.

Инга покачала головой:

– Некогда. Я боюсь за Миля.

– Хорошо, – Нох понимающе кивнул.

Девушка затянула верёвку на поясе, с силой взмахивая крыльями. Она подняла в воздух тучу снежинок, но от земли не оторвалась. Взмахнула ещё раз... Такая же реакция.

– Придётся махать активнее, – со знанием дела кивнула Грея из саней, – Как птица на взлёте.

Они с Нохом сидели, обнявшись. Мужчина держал девушку руками и обхватил коленями, чтобы та точно не свалилась.

Инга с силой сжала зубы. Да... Это оказалось не просто.

Она сильно и часто замахала. Взмахи подняли ветер, в воздухе закружилась пороша. И девушка почувствовала... Как ноги отрываются от земли. А воздух, тот самый, в котором катастрофически не было опоры, свободный и прозрачный... Становился устойчивее.

Она махала и махала. Устала до ужаса уже на первых секундах, но продолжала. Ведь там Миль! И ей нужно к нему.

Инга поднялась так высоко вверх, как позволяла верёвка.

При очередном взмахе её резко дёрнуло вниз, и девушка поняла, что выше не получится. Нужно лететь вперёд. Но это значит – лечь на воздух, как если бы она плыла. Принять горизонтальное положение. А в шатком вертикальном, ей казалось, более безопасно.

Она отчаянно посмотрела вниз. Падать высоко. Но ей нужно... Придётся довериться себе.

Не зная, как правильно, Инга постаралась упасть лицом вперёд, расправив крылья. Секунда падения, лёгкий вскрик, и вот... Она уже держится параллельно земле на широко расправленных крыльях.

Восторг захватил сердце. Но на осознание счастья не осталось времени. Инга рванулась, отчаянно взмахнув крыльями, и вдруг... Верёвка снова дёрнула её назад. Всё верно, на ней прицеп. И его нужно сдвинуть с места.

– Р-р-р-ра! – отчаянно зарычала она, размахивая крыльями.

Как хотелось упереться во что-нибудь, поднатужиться, но... В воздухе не было совсем ничего твердого.

Тревога мешалась с восторгом, и вся эта каторга эмоций гнала девушку семью кнутами. Нужно лететь. Скорее!

И верёвка... Поддалась. Она ослабла, а значит и сани сдвинулись с места. Уставшей девушке это дало больше сил. Она в едином порыве бросилась вперёд.

Оказалось, сложнее всего начать. Самое трудное – это сдвинуть сани, а дальше по нетронутым сугробам они нес-

лись легко, поспевая за шустрой девушкой.

У Инги болело всё – спина, лопатки, основание крыла. Но она не замечала боли. Девушка отчаянно неслась в сторону далёких огней, вглядываясь в снег внизу.

Она знала, где-то здесь должна быть та брешь, из которой они выбрались. Где-то здесь Миль.

В Пустоши становилось светлее. Густели на небе звёзды, и девушка с удивлением осознала, как бывает светло в снежных полях ясной ночью.

Дыру она нашла не сразу. Ей закричали из саней машинисты, и она обернулась налету. Две руки указывали направо, вдаль, и, приглядевшись, девушка заметила черный провал тоннеля.

Она слетела вниз, жёстко приземлившись на ноги. Чуть не упала, но совсем не обратила внимания. Только отвязалась, бегом побежав к дыре.

– Миль!

На крик никто не отозвался.

Добравшись, девушка спрыгнула в тоннель. Огонь в груди освещал сумрачные коридоры. Совсем немного, но и того было достаточно, чтобы увидеть... На ледяных стенах трещины.

Девушка набрала в лёгкие воздух, чтобы закричать, но... Передумала. Растрескавшиеся своды, как старая фарфоровая посуда, грозились обрушиться в любой момент.

– Инга! – в дыру спрыгнул Нох.

Неудачно приземлившись, он поскользнулся и шлёпнулся на спину.

– Ух ты, – усмехнулся мужчина, лёжа на льду, – Я и забыл, какого это – падать.

– Что-то случилось, – прошептала девушка, вглядываясь в мглистые коридоры, – Я слышала взрыв. И эти трещины. Почему здесь так тихо?

– Не переживай, – мужчина упруго поднялся на ноги, – Мы найдём Миля. Разделимся и поищем.

– Угу. Я пойду туда.

Девушка пространно махнула рукой в бок и побежала. На периферии слуха она заметила, как Нох поймал спрыгнувшую в дыру Грею.

Пламя в груди колыхалось от тревоги. Тихо... Слишком тихо. Эта история со Змеем и скульптором. Почему он её не предупредил?! Может, и впрямь нашли бы другой путь.

Инга бежала по боковому коридору, в надежде, что именно туда улетел Миль. Здесь были настоящие лабиринты. Но она нашла ориентир. Трещины становились чаще к эпицентру взрыва, значит именно туда девушке следовало идти.

Инга блуждала. И мучилась от того, что не могла позвать кота. Он не находился. Она не слышала борьбы, значит драка, если была, уже окончена. А может... Миль победил? Или удрал. Не важно, просто отвлѣк Змея и вылетел из дыры, а теперь ищет девушку и поезда в Пустоши? Нет... Хотелось бы верить, но она сама понимала, как это маловероятно.

Очередной коридор встретил её брешью в стене. Вряд ли это просто так. Инга перелезла через скалящийся лёд, подмечая, что в этом месте лёд особенно хрупкий.

Ей открылся огромный тёмный зал. Свет высвечивал стены, разбитые вдребезги. Они напоминали прочные стёкла, пробитые, но не рассыпавшиеся осколками. Лишь череда мелких-мелких трещин, от которых своды казались белыми.

На полу валялось множество осколков. Но это явно не со потолка. Пламя в груди замерло от страшного предположения. Миль... Неужели его разбили?!

– Ничего, – девушка бросилась на пол.

Сев на колени, она хватала каждый кусочек, поднося его к груди и приговаривая:

– Ничего-ничего. Тебя один раз уже разбивали. Ты выжил. Я тебя по новой соберу. Вот увидишь, будешь лучше прежнего.

Но всё было не то. Осколки попадались или совсем не опознаваемые, или с чешуёй на одной из граней. Неужели это всё, что осталось от Змея? Но если он повержен, то где её друг?

– Инга, – послышалось издалека.

Нох и Грея вышли в ледяной зал с другой стороны. От их пламени стало светлее. Сумрак выхватил очертания опасно разбитого свода, и машинисты напряжённо огляделись.

– Инга, что ты делаешь? – мужчина хотел подойти, но наступил на кусочек.

Резкий хруст льда эхом разлетелся под куполом. Все напряженно застыли. Своды звякнули, но выдержали. Обошлось.

– Миль... – шептала девушка, с остервенением рассматривая и отбрасывая осколки, – Он где-то здесь, я знаю.

– Инга, надо уходить, – у начала коридора зашептала Грея, – Потолок вот-вот рухнет. Нас здесь завалит.

– Я ещё не нашла, – упрямо качала головой она.

– Инга, время уходит!

Ей было всё равно. Она совсем потерялась. Пропала среди осколков, и не видела ничего, кроме них.

Миль должен быть где-то здесь! Потому что иначе... Иначе где он? Она ведь обещала ему. Обещала даже после расставания во что бы то ни стало найти его. Она должна! Но если здесь нет, то девушка не представляла, где искать.

– Инга, – громким шепотом позвал Нох, боясь тронуться с места, – Инга, это бесполезно. Ты ищешь иголку в стог сена.

– Я должна найти, – упорно твердила она.

Страх застил глаза. Страх и вина. Она никого не хотела терять! А теперь потеряла Миля по своей вине? Миля – её самого лучшего друга?! Нет! Он не умер! Он здесь. Она найдёт его!

Но всё... Всё-всё-всё было не то! Ледяные куски с чешуёй преследовали её. словно не было ничего другого. Чёртов Змей! Даже после смерти он мешает им!

Инга в отчаянии отбросила осколок. С силой, со злостью.

Он попал прямо в стену. Девушка не сразу это поняла.

На мгновение всё застыло. Машинисты замерли, воздух оцепенел, время остановилось. И ледяная крошка свода с хрустальным шелестом посыпалась вниз.

Глаза расширились от ужаса.

– Грея! Инга! Бежим!

Она услышала далёкий крик. Перед взором застыла осыпающаяся стена, и падающий сверху снег.

Нох, взяв Грею за руку, побежал к Инге. Он с силой поднял её с пола, а она упиралась, кричала, тянулась руками к осколкам.

– Нет! Не-е-ет! – девушка успела схватить несколько.

Мужчина безжалостно, со звериной силой тащил её из зала. А она слышала... Слышала хрустальный шелест падающего льда и грохот многих тонн снега.

Нох вылетел в стенную брешь, мчась дальше по коридору. Две девушки волочились за ним бантиками.

Инга бежала. Не чувствуя ног, не разбирая дороги. Глаза застили горячие, отчаянные слёзы. Образ Миля застыл в голове.

«Я просто хотел, чтобы ты дала мне имя» – услышала девушка его голос. И снова ощутила себя виноватой за малодушие. Она опять уходила... А он не мог ей ничего сказать.

Снег мчался за ними. Они бежали, а за их спинами рушился коридор.

«И даже если мы расстанемся, я обязательно найду те-

бя» – неужели Инга так и не сможет выполнить обещание? А ведь он верил ей.

Они выбежали в центральный коридор. Нох встал под дырой, но дальше не мог. Ему не прыгнуть. А снег всё наступал, тоннели грохотали и рушились с шуршащей обидой.

Инга на мгновение взяла себя в руки. Нельзя потерять всех сразу.

Обхватив за талии Грею и Ноха, девушка, не зная какими силами, взмыла вверх. Не вылетела, а скорее усиленно выпрыгнула, и крылья вынесли их над уровнем снега.

Не выдержав тяжести, Инга кубарем покатилась в сугробы. Мгновение... Одно тёмное мгновение с закрытыми глазами. Миг забытья. А за ним пришли и осознание, и боль, и жгучее отчаяние.

Девушка открыла глаза. Села на колени, хотя именно сейчас ей это было ужасно не легко.

Прямо перед ней простиралась воронка лежалого снега и разбитого льда. Тоннели обрушились. И всё... Всё здесь было вперемешку. Ничего не отыскать. Даже за целую вечность.

Она его потеряла.

Грея из сугроба поднялась первой. Она увидела воронку, заметила полный отчаяния взгляд Инги. И хотела что-то сделать. Что-то сказать, но просто не знала, что. Она пыталась положить девушке ладонь на плечо, но так и не решилась, суетливо размахивая руками.

А Инга... Разрыдалась. Навзрыд. Заревела раненым зверем, и горячие слёзы жгли холодную кожу щек. Она плакала, сидя на коленях, закрыв лицо сжатыми кулаками. Скорбь рвалась из неё отчаянными криками. Как ужасающе больно было терять.

Нох тоже поднялся. Души вдвоём засуетились над плачущей девушкой, но оба не знали, что делать. В итоге они опустились рядом с подругой на колени... И, каждый со своей стороны, обняли её, кладя головы на вздымающиеся плечи.

Казалось, будто сама ночь, и весь мир хотят обнять Ингу этим звёздным небом и пушистым снегом.

Ладони саднило от боли. Мертвой хваткой сомкнувшиеся пальцы врезались ногтями в кожу.

Руки упали с лица сами собой. Она обессилила, продолжая всхлипывать. Слёзы текли непроизвольно, но сил рыдать не осталось.

Девушка уронила голову на грудь. Наконец пальцы разжались. Хватка ослабла, а глаза закрывались сами собой, не желая смотреть на мир, где нет лучшего друга. Последним, что она увидела, был ледяной осколок в её руках... В виде звериного глаза с третьим веком.

Осознание пришло не сразу. В голове загорелась красная лампочка, но обезумевший от горя мозг пока не мог сделать вывод.

Инга распахнула веки, поднося осколки к лицу вплотную. Два других с чешуёй, но тот... Самый первый был осколком

глаза. Тем самым! Девушка ни с чем бы его не спутала, пусть даже прошло столько времени!

Она порывисто стряхнула с себя объятия.

– Эй, что?.. – опомнился Нох, но девушка его уже не слышала.

Она бросилась к снегу. Руки дрожали, зубы стиснулись от напряжения. А в таком деле нельзя спешить. Иначе не выйдет.

Инга отчаянно лепила в руках снег, но он распадался на части. Пальцы не слушались. Форма кривилась в разные стороны.

Души поняли всё сразу. Но и здесь они не смогли бы ей помочь. Грея опустилась рядом с девушкой, кладя той руку на плечо.

– У тебя всё получится, – взгляд её спокойный, уверенный, действовал умиротворяюще.

– Угу, – кивнула она.

Нох обошел девушек, пристроившись рядом с любимой. Он без малейшего опасения лёг на снег, положив голову Грее на колени.

Машинистка видела, как напряжены руки и плечи Инги. Она вся казалась натянутой струной, торопливой, закостеневшей, неосторожной. Ей нужно было успокоиться. Чтобы унять её бешеное сердце, Грея вдруг... Запела:

– По заснеженным полям

Уходи, любовь моя.

По напоенным лугам
Убегай, я всё отдам.
Ты бы вешнею водой
Утекал бы дальше прочь.
Ты осеннею листвою
Улетай в сухую ночь.
Уходи,
Улетай,
Уплывай от меня
За сто морей.
Убегай,
Забывай,
Забывай меня
Сквозь толщу дней.

Ты по лугу убегай,
По пути траву примяв.
Ты ручьями утекай,
В реках солнцем засияв.
Ты листвою укажи
Тропы в чаще той густой.
По снегам ты проложи,
Мне дорогу за тобой.
Уходи,
Убегай,
Проведи меня

Сквозь столько лет.

Улетай,

Но не забывай.

Я найду тебя,

Ты только оставь след.

– Откуда ты знаешь эту песню? – спросила Инга.

– Я услышала её от одной очень несчастной девушки, – отозвалась машинистка, – Она сочинила эту колыбельную, чтобы баюкать свою боль.

Грея пела. Нох, глядя в бескрайнее небо, слушал. А Инга творила... И чувствовала, как развязываются в узел завязавшиеся мышцы. Как делается легче и спокойнее, как снег под руками становится податливее, послушнее.

Форма начала выходить ровнее. Руки всё помнили. И макушку, которую столько раз гладили, и лапы, что топтались по девушке, и глаза... Те самые глаза, ярко жёлтые с хитрецой, в которых вьюги и метели, в которые можно нырнуть и не вернуться.

Она вставила осколок в голову. Как и тогда девушка облепила снегом большой глаз животного. Теперь она знала, что он тигриный. Вылепила знакомую мордочку, лапы, крылья, извивающийся хвост. И, наконец, последний штрих.

Огня в ней оставалось совсем немного. За переживаниями она не замечала, как Пустошь сосёт её каждую минуту. Но всё своё пламя она готова была отдать, лишь бы вернуть друга.

Остаток огня потёк из груди к рукам. Машинисты напряглись. Нох поднялся из снега, чтобы лучше видеть.

Инга коснулась кота кончиками пальцев. Шерсть застыла, тепло придало скульптуре законченный вид. Но он всё ещё не был живым.

Секунда... Вторая... Третья...

Девушка опустила голову.

– Смотрю, некоторые люди умеют держать обещания.

Этот насмешливый, мурлыкающий голос! Его девушка готова была слушать вечность.

Она подняла взгляд. И увидела, как снежный кот встаёт из сугроба. Всё те же хитрые глаза, та же улыбка на морде. Разве что ушки теперь симметричные, целые. Ведь второго обломка девушка не нашла.

– Миль! – завопила она, расплакавшись вновь, но теперь от счастья, – Миль! Миль! Миль! Как же я боялась за тебя!

Она схватила кота на руки, повалившись с ним в снег. Девушка обнимала его, целовала, а тот смеялся, шуточно отбрыкиваясь от неё лапами.

– Смотрю, ты тоже крыльями обзавелась, подруга, – усмехнулся он, когда Инга хоть чуть-чуть пришла в себя.

– Да. Будем с тобой на пару летать.

– Ага, ты сначала догони.

Она хохотала. И Души смеялись, и Миль. Их захватила радость, потому что все живы и оковы сброшены. Этот момент... Именно этот, полный безудержного счастья найти

потерянное и обрести недоступное, стоило вспоминать. Ради него можно прожить целую жизнь.

– погоди, Инга, – заявил Миль, когда машинисты сели в сани, – А может мне, как пострадавшему, с ребятами поехать? А то что-то лететь так не хочется...

Девушка, привязывая верёвку, снова рассмеялась:

– Ах ты ж... Зараза! Ну уж нет, давай-ка. На своих четырёх доберёшься.

– Но у меня же лапки, – он развёл передними лапами с крыльями.

– А ты на второй паре лети.

Так они и тронулись в путь. Инга волокла сани, почти не чувствуя их веса. Грея и Нох сидели в повозке в обнимку, не желая расставаться ни на секунду. А Миль летал вокруг девушки, рассуждая:

– Теперь ты знала, что раньше я был тигром. Не могла сделать меня им снова?

– Неа.

– А чуть больше?

– Нет.

– Ну хоть капельку.

– Миль, я люблю тебя любим, но котиком ты мне больше нравишься.

Глава 14. Полуночный экспресс.

– Мама! Мама! – уставшая женщина проснулась от детского крика.

Она не успела разлепить глаза, как дочка запрыгнула к ней на одеяло. Дыхание оборвалось от тяжести.

– Что такое, солнышко? – женщина перекатилась на кровати на спину.

Часы на тумбочке безжалостно показывали 5:36 утра. Её старшая дочь уже неделю лежала в коме. А у младшей послезавтра день рождения – семь лет.

– Мама, мне снилась Инга! – вопила Лера, восторженно ёрзая на кровати, – У неё были такие больши-и-и-ие крылья.

Девочка замахала руками, показывая размер:

– Она летала, и прыгала по крышам! И... – дочка на секунду остановилась.

Мама провела рукой по лицу. Потёрла глаза, пытаясь согнать дремоту:

– Что?

– И ещё она просила не отключать её от аппарата ИВЛ. Даже если врачи скажут про смерть мозга. Она сказала, что пока у неё есть тело, она сможет вернуться.

Из детских уст высоким, невинным голоском эти слова звучали очень по-взрослому. Женщина немало удивилась. Но Лера могла слышать подобное в больнице от докторов –

в последнее время после садика они каждый день заезжают туда.

Сёстры почти не расставались до этих ужасных событий. Хоть Лера ходила в детский сад, а Инга в университет, все вечера они проводили вместе. И младшая не хотела оставлять свою Снежку даже в таком состоянии.

– Хорошо, – устало улыбнулась мама, – Я и не собиралась.

Некстати вспомнились слова врача: «Недавно перенесённая клиническая смерть могла сильно повредить мозг. Мы не знаем, к чему это приведёт, когда она очнётся, и очнётся ли вообще. Но Вы, разумеется, можете ждать».

Да... Она готова ждать. Она ещё не утратила надежду. Слишком многих пришлось терять этой женщине за свою жизнь. Дочь не пополнит этот список. Нет! Нужно просто верить... И она очнётся.

– Ладно, – выдохнула мама, – Слезай и беги на кухню. Я сейчас приду – будем завтракать.

– Уже лечу! – девочка вскочила на кровати, и у женщины снова перехватило дыхание.

Лера прыгнула и умчалась. А мама позволила себе секунду уединения.

5:39. Часы всё так же безжалостны. От недосыпа опухли глаза, и мозг отказывался просыпаться. Но на работу ещё не скоро, есть время прийти в себя.

Рядом с часами на тумбочке стояла старая фотография в рамке. Её первая потеря – мама. Женщина на фото в лосня-

щемся красном платье и меховом манто. Важная, статная, красивая... Из-за косметики совсем не видно шрама через левую щеку. А под её рукой, к подолу жмётся девочка лет пяти, в модных джинсах и кофте с мультяшным героем. Это она... Совсем маленькая. Она потеряла маму через несколько часов после того, как была сделана эта фотография.

– Мам, ну ты скоро?! – послышалось с кухни.

– Сейчас, милая! – женщина резко очнулась, – Уже иду.

Она поднялась с постели на ватных ногах. Утренний холод обнял согретые одеялом плечи. Завтрак... Нужно готовить завтрак.

– Ты умылась, солнышко? – спросила женщина, плетясь между комнатами.

– Ой, точно! – детский вихрь пролетел в ванную.

Шаркая тапочками, мама дошла до кухни. Дрёма никак не хотела выветриваться, и женщина зевала на ходу, прикрывая рот пальцами.

В холодильнике нашлись яйца и творог, в стенном шкафчике мука. Ну что ж, вот и идея для завтрака.

Когда дочка вернулась из ванной, мама уставшими руками лепила сырники.

Девочка запрыгнула на стул, послушно подождала две минуты. Потом спрыгнула, достала из посудного шкафа тарелку. Снова села. Опять спрыгнула, достала из ящика вилку. Третий раз села. И опять спрыгнула, убегая к холодильнику в поисках йогурта или сгущенки.

С третьего треска вспыхнула конфорка. Женщина поставила на неё сковородку, налила масла, и уже собиралась положить первый сырник, как вдруг... Дочка заголосила:

– Мама-мама-мама!

– Что такое? – перепугалась она, – Что, солнышко?

Лера подбежала к ней, обеими руками цепляясь за футболку пижамы:

– Инга во сне мне сказала, что огонь плохой! И тебе сказать!

– О чём ты?

– Надо тепла бояться!

– Но милая...

– Надо! – упёрлась девочка, – Это очень-очень важно!

– Ладно-ладно, – миролюбиво отозвалась женщина, – Но сырники-то мне пожарить надо. Я буду осторожна!

– Ну... – призадумалась девочка, – Хорошо.

Лера вернулась на стул. А женщина хотела положить сырник жариться, как вдруг... Язычок газа взметнулся вверх над сковородкой, облизывая её руку.

– А-а-ауч, – завопила женщина.

Ей ужасно хотелось выругаться, но не при ребёнке.

– Мамочка! – переполошилась Лера, бросаясь обнимать маму, – Мамусечка, очень больно?

– Нет, – стиснув зубы, женщина открыла кран, подставляя руку под струю холодной воды, – Нет, ерунда. Сейчас всё пройдёт.

– Мамочка-а-а, – уткнулась в неё дочка, а женщина с нежностью потрепала Леру по волосам.

Как же так получилось? Пламя не могло взлететь так высоко.

Справившись с ожогом, женщина посмотрела на сковородку, кипящее масло... И убавила газ.

***

В депо они возвращались с севера. Совершенно не скрываясь, потому что встречать из выбежали все. Работники толпились у границы, глядя на новое диво – Ингу с крыльями.

– Тебе не кажется, – на лету спросил Миль, – Что так не должно быть.

– Ну да, – девушка прикусила губу, – Незаметно вернуться не получилось.

Сани остановились у кромки сугроба, и Нох с Греей спрыгнули на утопанную площадку. Они держались за руки, не желая отпускать друг друга ни на секунду.

В воздухе витала атмосфера волнения, собранности. Никто ничего не знал, но у каждого была версия.

Инга приземлилась рядом с Душами, отвязывая верёвку. Белые крылья опустились вниз, растрепав ветром волосы. Всё верно, она нагло увела из депо два локомотива, подвергла их очень опасной процедуре, а теперь вернула людьми.

Людьми! Не поездами. Левтина будет в бешенстве.

Миль тоже об этом догадался, и оба понимающе переглянулись.

А начальница... Как раз шествовала к ним. Каблуки закрытых туфель тонули в снегу. На лицах теней-заместителей было выражение крайнего, непреодолимого ужаса.

– Думаешь, выгонит? – шепнул кот.

– Думаю, это самое мягкое наказание.

Девушка напряглась всем телом. Но кару готова была принять. Задумывая эту авантюру, она практически не думала о последствиях для себя. Сейчас они её настигли, и это было вполне справедливо.

Работники расступались, пропуская Левтину. Женщина встала перед Ингой. Она критически оглядела её крылья, новое тело Милия, Души, что держались за руки. Девушка сжалась под её взглядом, и готова была ко всему. Но начальница вдруг... Улыбнулась. Мягко, с облегчением. Улыбка до неузнаваемости изменила её вечно суровое лицо, и осветила всё депо невообразимым светом.

– Как долго я этого ждала.

Девушка едва удержала челюсть от падения. Остальные беззастенчиво открыли рты.

Женщина протянула Инге свою бордовую тетрадь с ледяным пером.

– Что? Но я...

– Возьми. Теперь оно твоё.

Девушка приняла книгу на автомате. Лишь потом спросила:

– «Оно»?

– Депо, – улыбка не сходила с губ женщины, – Начальницей в нём остаёшься ты. Я очень долго искала, подбирала человека. Теперь нашла.

– Но я... Я же ничего не знаю, – слабо протестовала она.

– Депо всему тебя научит. Как и меня когда-то. Оно в своём роде живое, нужно только уметь слышать.

– А... – девушка ошарашенно посмотрела на тетрадь в руках, – А как же Вы?

– А я... – женщина устремила долгий взгляд в небо, – ... я возвращаюсь. К мужу. Он очень долго меня ждёт.

Сказать, что такое решение Левтины стало неожиданно, значит не сказать ничего. Инга так и стояла, вперив глаза в начальницу. А к девушке уже бежали работники. Все хлопали её по плечу, пожимали обмякшие руки, поздравляли. Замы-подхалимы прибежали первыми и что-то говорили-говорили-говорили. Льстили, наверное... Чтобы положение не потерять. Вроде бы что-то приличествующее моменту сказал и Миль. А Нох с Греей восторженно обняли девушку. Но Инга смотрела только на Левтину. И на вымученное, но такое долгожданное счастье, что светилось в её лице.

Позже, когда все разошлись, старая и новая начальницы продолжали разговор в кабинете. Том самом, над путями, у самого входа в депо.

– Но подождите, почему я? – протестовала девушка, сидя на длинной коробке.

Крылья раскинулись по всей поверхности. Миль лежал рядом, и оба они провожали взглядом женщину, собирающую вещи в дорожный саквояж.

– Ну как же? Ты совершила то, чего не удалось мне – невозможное. Грея и Нох так любили друг друга... Но я пошла по пути наименьшего сопротивления, чтобы никто не пострадал. Ты же не побоялась рискнуть.

– Вряд ли это хорошее качество для руководителя.

Левтина лишь улыбнулась. Она была счастлива. И мыслями всё больше удалялась от депо. Сбор вещей был своего рода ритуалом прощания.

– Почему именно сейчас?

– Я давно хотела. Долго ждала... Но у депо всегда должна быть начальница, и ты тоже не сможешь уйти, не передав обязанности.

– Но я...

– Знаю, ты хотела успеть к сестре на день рождения, – женщина подошла к Инге, положив руку ей на плечо, – Не знаю, как там всё сложится, но сейчас я чувствую, что поступаю правильно.

Девушка протяжно выдохнула. Аргументы кончались. Не то чтобы она была против, но такая внезапная ответственность казалось уж очень... Внезапной.

– А что случилось с Вашим мужем? – голос захрипел.

Женщина остановилась на секунду. Застыла за складыванием в сумку платья фасона девятнадцатого века.

– Он... Поступил ужасно. Я не могла его простить.

Левтина выдохнула, кинула быстрый взгляд опущенной головы на девушку с котом. И поняла, что рассказать стоит. Не потому, что нужно, а потому, что хочется.

– Я вышла замуж очень рано. Муж старше меня, но в браке я была счастлива. У нас родилась дочь – Мария, и мы прожили вместе шестнадцать прекрасных лет. Потом... Потом Маша влюбилась. Её очаровал какой-то поручик, но муж был категорически против свадьбы. Он так и не дал ей благословения. А когда она вернулась, сказав, что обвенчалась, отец выставил её вон. Маша ушла... Я долго корила его за это. И себя, за то, что не смогла остановить его самодурства. Спустя пару лет муж, кажется, понял, что ошибся. И мы решили найти дочь. Колесили по всей стране, но о ней не было никаких известий. Позже в одном порту нам сказали, что она уплыла на корабле за океан. Мы устроились на судно, муж – моряком, я – кухаркой, и отправились за ней. Мы искали её семь долгих лет. Но наш корабль... Потерпел крушение в северных морях. Мы попали сюда.

Левтина разгладила складку по подолу сложенного платья.

– И вот, когда растаяла последняя надежда найти дочь, я... Так разозлилась. За все девять лет тревоги, ожиданий и поисков. Мы были вечны. Но в вечности я не могла смириться. И сказала ему: «Уходи. Когда я найду в себе силы

простить тебя, я сама тебя найду».

– Вы больше не виделись? – Инга смотрела на неё во все глаза.

– Да. Очень-очень долго. Потом судьба занесла меня в депо, и знаешь... Именно здесь я поняла, что время пришло. Годы всё поправили, и я могу, наконец, простить его за дочь. Но к тому моменту я уже не могла уйти. Хотя именно этого мне больше всего хотелось.

Женщина защелкнула петли саквояжа.

– Как же Вы теперь найдёте мужа? – Инга сжала пальцами край коробки, – Прошло так много времени.

– Полуночный экспресс, – женщина с грустной улыбкой смотрела на сумку, – Он привезёт меня к нему. Он всегда идёт туда, где ждёт судьба.

О Полуночном экспрессе в депо ходили легенды. Загадочный поезд, чью Душу никто никогда не видел. Он появлялся в момент, когда бы нужен, и исчезал без следа.

Левтина коротко выдохнула:

– Ну что, посидим на дорожку?

– Угу.

Инга продолжила сидеть. Женщина опустила за свой рабочий стол. В последний раз.

Минута акцентированного молчания повисла в кабинете. В кабинете... Заваленном бумагами и коробками, забитым шкафами с папками. Что в них? Никто не знал. Кажется, и Левтина не знала. Просто кабинет начальницы депо должен

быть таким.

– Ну всё, – женщина хлопнула ладонями по коленям, поднимаясь, – Пора в дорогу.

Она подхватила саквояж. Инга спрыгнула с коробки, следуя за ней. Уже в дверях Левтина остановилась:

– Планируй отправку с учётом отсутствия двух поездов. Не перегружай людей слишком сильно – давай им отдохнуть. И... С Лорой теперь тоже разбираться тебе.

– Угу, – кивнула девушка.

– Ну тогда всё, – женщина мягко улыбнулась, хлопнув девушку по плечу, – Ты справишься, я уверена.

Они вдвоём спустились по кованной лестнице вниз. А стоило встать рядом с путями, как в небе показались незнакомые огни. Они были много пронзительнее фар здешних поездов.

Гул сопровождался шуршанием золотой пыли. Перед женщинами стрелой промчался поезд. Он летел так лихо, что девушка испугалась, не снесёт ли он кабинет. Но поезд... Легко и стремительно застыл на осветившихся путях.

Локомотивом Полуночного экспресса был паровоз. Чёрный, в мерцающей звёздной пыли. Узкая труба бросалась в воздух клубами золотого дыма. В массивном метельнике застряли маленькие звёзды. В кабине никого не было.

Вид вагонов заставлял вспомнить о девятнадцатом веке. Изящные, точёные, с множеством прямых окон и длинными, золочёными поручнями у высоких дверей. Очарование гео-

метрии... Такой поезд действительно мог привезти к судьбе.

Узкая дверь открылась внутрь. Женщина забросила в вагон сумку и, ухватившись за поручень, забралась на первую ступень. С неё она оглянулась на депо... Последний раз. Левтина уезжала из своей тихой гавани в открытое море Зимы. Навстречу новым приключениям. И по всему виду её было понятно... Она готова. Она давно этого ждала.

Когда женщина скрылась внутри, дверь закрылись. Полуночный экспресс, безмолвный и таинственный, плавно взмыл в звёздное небо. Поезд уходил на юг.

***

Первые дни в роли начальницы выдались особенно адскими. Инга никак не могла всё собрать. Бегала, суетилась, носилась по депо, не понимая, куда грузить принятые снаряды, или когда отправлять поезда. Её суета захватывала работников. Все от неё чего-то требовали, что-то спрашивали, куда-то звали. Вакханалия! Особенно неудобным было то, что от поезда к поезду приходилось ходить. Инга тратила огромное количество времени на беготню туда-сюда, и всё равно не могла увидеть картину в целом.

В перерывах между отправками, девушка приходила в бытовку, падая лицом в раскладушку. А Миль... Он ложился ей на спину, между крыльями, подбирал под себя лапы, и мурлыкал. Это лучшее, что он мог сделать. Мурчание при-

носило спокойствие.

Со временем у девушки стало получаться. Прошла неделя, и она свободно ориентировалась во всей железнодорожной жизни.

Бордовая тетрадь оказалась журналом прибытия и ухода поездов. На толстых страницах ледяное перо оставляло следы совершенно непостижимым образом. Расписание уже составила Левтина. Его просто следовало придерживаться. Прошлая начальница учла даже отсутствие двух плановых поездов, ведь ЭД4М и Ласточка тогда стояли на ремонте.

Нох и Грея... Они не ушли из депо. Работяги создали им новые локомотивы. Лепили всем миром, каждый кто что мог. Инга руководила процессом, а потом доводила до ума грубую форму. Депо помогло ей уловить непостижимую тайну золотых рельс и создать то, в чём она до конца так и не разобралась. Новые локомотивы получились лучше прежних. Но Нох и Грея больше не были Душами поездов – они остались обычными машинистами, способными в любой момент покинуть кабину. О приключениях напоминала лишь золотая пыль на руках.

Летать научил Миль. Стоило выдаться свободной минутке, как кот гнал девушку в небо со словами:

– Поверь, это тебе пригодится.

И оказался прав.

Поднебесье встретило Ингу распростёртыми ночными объятиями. Она быстро поняла, что звёзды твёрдые, и испы-

тывать их на прочность не стоит. А ещё они близко... Умопомрачительно и пьяняще близко. В них хотелось купаться, как и в густом вареве ночи.

Проблему хождения она тоже решила. Пути и отходящие поезда было прекрасно видно сверху, а изогнутый столб фонаря оказался удобным.

И вот... В одну из ночей, она сидела на фонаре. Подобрал под себя ногу и сложив крылья, она следила за погрузкой незнакомого ей поезда. Раскрытая тетрадь лежала на бедре. Девушка проводила пальцами по толстым страницам. Ещё двенадцать минут на погрузку, потом четыре на отправку. Если дольше, будет задержка. Инга глянула на открытый ангар, из которого передавали боеприпасы. Успеют...

В целом всё хорошо. Кто бы мог подумать, что её жизнь в мире, что казался ей враждебным поначалу, сложится так замечательно. У неё есть друзья, работа... Крылья. Грея сказала – это редкость. Она читала всего про одного герцога из мира Осени, у которого тоже были крылья.

Да, всё сложилось чудесно. Однако Инга не думала оставаться. Она хотела вернуться... Но для этого сначала надо уйти.

Одна только проблема тянула душу – Лора. Девочка сидела под замком в коморке, ни с кем не разговаривая. Хотя многие пытались. Даже Нох. Даже Миль.

Но не могла же Инга держать её вечно. Не по ней были такие методы.

– Погрузка закончена, начальница, – крикнул с земли один из бывших замов.

Да, девушка их ликвидировала. В деле они оказались сведущими не больше Инги, в первые дни это отчётливо проявилось. И девушка поставила их на погрузку.

– Хорошо, – отозвалась она с фонаря, – Тогда отправляем. Работники отошли от поезда. Тот с шипением тронулся, постепенно набирая скорость. Золотые воздушные рельсы отделились от земных, и локомотив взмыл в небо, унося за собой тяжёлые, нагруженные вагоны. Прямой стрелой он летел на юг.

Девушка записала в журнале время отправки: 16:24.

Уставшие работники расходились. Постепенно Инга осталась одна. Фонари проливались светом на утопанный следами снег. А она всё сидела и думала... Что же делать? Со всем в целом и с Лорой в частности. Она не думала, что мир Зимы свяжет её обязательством. Почетным, но неожиданным. Теперь вернуться к семье будет ещё сложнее. И девочка... Была же у неё причина на то, что она делала.

Инга встала на фонаре. С обретением крыльев любое самое шаткое положение казалось устойчивым. Она смотрела на маленькую коморку, и думала, что до следующей отправки есть ещё время. И что Миль наверняка спит в бытовке, а вечность – это невероятно тяжело.

Крылья потянули её сами. Девушка скользяще слетела с фонаря, и несколько секунд полёта показались мгновением.

Она открыла засов снаружи. Идти к Лоре одной было опасно. Девчонка не связана, и может обездвигить прикосновением. Но Инга почему-то не боялась.

Когда дверь открылась, девчушка сидела на ящиках в дальнем конце коморки, сложив руки на груди и свесив ноги. Ей принесли подушку и одеяло, но лишь для того, чтобы было уютнее. Вряд ли она всерьёз в них нуждалась.

Инга вошла, прикрывая за собой дверь. В темной коморе не было окон, и вязкую мглу разгонял лишь огонь в груди. В сумраке девушка видела Лору, насупившуюся и недовольную.

– Знаешь, – заговорила Инга.

Она присела на крайний ящик, совершенно не зная, как начать:

– Солнце больше не опасен. Он сам от кого-то прячется, потому не вылезает из замка.

Девочка оживилась, наострив уши. Она всячески старалась не показать этого, но Инга увидела её шевеление в сумраке.

К сожалению, больше девушке нечего сказать. Она так и осталась сидеть. Незапертая дверь шептала о свободе, а Инга ковыряла ногтем вбитый в ящик гвоздь. Молчание тянулось. Пламя в груди отбрасывало едва заметные всполохи.

– Так значит, – вдруг заговорила девочка, – Ты мне поверила. В ту историю с Солнцем.

– Я решила, что лучшая ложь – это часть правды, – Инга

подняла на пленницу глаза, – Расскажи мне всё. Больше нет смысла скрывать. Я не стану сердиться.

– Сердиться? – Лора рассмеялась совсем по-взрослому, – Сердиться. Думаешь, мне есть дело до твоего гнева? Я – взрослая женщина, и не смей обращаться со мной, как с ребёнком.

– Да я бы и рада, – тем не менее улыбнулась девушка, – Но как с тобой говорить, если я ничего о тебе не знаю. Имя хоть настоящее?

– Настоящее. Меня и при жизни так звали.

– Тогда как вышло, что ты оказалась в теле пятилетней девочки?

– В этом возрасте меня изуродовала жизнь, – она кинула на Ингу злой взгляд, – Но брось, тебя ведь не это интересует. Что тогда?

– Ну... – девушка прикинула, стоит ли спрашивать сразу в лоб.

Но ей редко давались деликатные разговоры:

– Да, я хотела знать о Гео. И обо мне. Ты охотилась за нашим огнём?

– Гео, – девочка посмаковала имя на кончике языка, – Что тебе до него? Неужто вы знакомы?

– Он спас меня. Я лишь потом узнала, ну... Часть его истории.

Девочка бросила на Ингу быстрый взгляд. Словно прикидывала, стоит ли сознаваться, не блефует ли девушка. Но ка-

жется, кроме интереса, других эмоций не обнаружила. За всё произошедшее Инга должна бы её ненавидеть. Может, именно это искала в ней Лора? Искала, но не нашла.

– Ладно, – выдохнула она капитулирующе, – Меня нанял Солнце. В самом начале своей охоты на огонь. Сказал, если я принесу ему пламя, он исполнит моё желание. Я принесла, но он обманул меня. Я едва сбежала тогда... Долго скрывалась, но позже Солнце нашел меня снова. Рассказал о тебе, и о том, что тебя нужно погасить. Любыми методами. Ему позарез необходим был твой огонь. Я не хотела в этом участвовать, но Солнце может быть убедительным. К тому же жить хочется всем.

Девушка протяжно выдохнула. Да, чем бы ни угрожал Лоре Солнце, похоже, это возымело свой эффект.

– Даже не пытайся, – вдруг огрызнулась девчушка.

– Что?

– Эти твои вздохи сожаления. Не надейся! Я не стану извиняться!

– Да я, собственно, и не ждала, – пожала плечами девушка.

Они замолчали ещё на несколько минут. Потом Инга вспомнила:

– А чего ты хотела? Тогда, от Солнца.

– Так тебе всё расскажи, – съязвила Лора.

– Ну, я просто думаю, что... Ты ведь из тех, кто давно в этом мире. Неужели на той стороне у тебя остались те, к

кому ты хочешь вернуться?

Девочка опустила голову. Даже если б она могла плакать, то и сейчас не проронила бы слезинки. Таким человеком она была. Но... У всякой стали своя температура плавления.

– Моё тело давно сгнило в гробу, это верно. Так что без надобности мне огонь. Но я хотела... Хотела заснуть, понимаешь? Хотя бы раз. Здесь ведь как? Пока горюшь – можешь связаться с тем миром. Когда погас – пиши «прощай».

– Заснуть? Ты хотела прийти кому-то в сон?

– Да, к дочери. Одна она осталась. Меня... Убили. На светском вечере. Она тогда со мной была. Я построила бизнес в непростое для страны время. Сама, одна... Ни мужа, ни родных у меня не было. Только дочь. Но выжила же как-то. И очень неплохо жили. Только не всем это нравилось.

Лора говорила, и уже не видела, как Инга смотрит на неё во все глаза.

– У меня были конкуренты. Они наняли человека убить меня прямо на благотворительной вечеринке. Я вышла покурить. А в меня стреляли. Ну я... Мне повезло, задело не сильно. Я пыталась уйти. Думала добраться до машины... А была зима... Я в красном платье и меховой накидке – такая королева жизни с дыркой в боку. Ну в общем... Он меня догнал. Всадил вторую пулю прямо в лоб.

Девочка произвольно потёрла пальцами переносицу.

– Когда я оказалась здесь, то поняла... Что самой прекрасной, самой радостной я была вот в этом возрасте. Пять лет.

В тот день, когда мама собирала меня на утренник в детском саду. Самый счастливый миг детства. После которого оно кончилось. По дороге в сад в нас влетел грузовик. Тогда я родителей и потеряла. А заработала шрам и детство в детском доме. Я... Так боялась, что моя дочка попадёт туда же. Так не хотела этого! А она всё-таки...

– ...попала, – договорила Инга.

– Да, – Лора прикусила губу.

Сейчас в детском лице хорошо виделась взрослая женщина. Взрослая и очень печальная.

– Я хотела связаться с ней. Сказать, что... Что я всё делала для неё. Чтобы она не была как я. Чтобы не таскала сахар ночью из столовой, и не бегала от старших подонков, зная, что побьют. Чтобы не ныкала по носкам случайно найденную мелочь, и не облизывалась на огромного медведя в витрине. Такого... Плюшевого. Которого знаешь, что никогда не получишь. Я просто хотела, чтобы она не была такой же, как я. И ещё... Хотела сказать ей, что я её очень люблю.

– Я... – голос сбился и охрип, – Я передам ей. Когда вернусь.

Лора подняла на девушку огромные девчоночьи глаза. Но смотрела совсем по-взрослому, с непониманием и надеждой.

– Вашу дочь зовут Вероника, да? Но все называют её Никой, потому что так Вы звали её в детстве – «Ник-ник».

– Да, – голос девочки дрогнул, – Но откуда ты?..

– Это моя мама.

Инга осветилась счастливой улыбкой. Нечаянная радость обретения настигла и её. Как всё-таки тесен мир. Как удивительно тесен!

– Не может быть, – Лора чуть не упала с ящика.

– Может, – кивнула девушка, – Вся эту историю я уже слышала. Мама рассказала. Она очень хорошо помнит тот вечер, как люди закрывали от неё Ваше тело. Вся жизнь после она сожалела, что потеряла Вас. И очень сильно Вас любила. Но... С другой стороны, у неё теперь семья, дочери.

Лора, забывшая, что нужно дышать, резко выдохнула от счастья. Оно переполняло её.

– Да, так что у Вас две внучки – я и Лера.

– Инга... – девочка потянулась к ней, – Инга!

Они обнялись. Но девушка не чувствовала детских рук. Её обнимали взрослые. Лора прижимала её к себе, гладила по волосам, и очень-очень хотела плакать. Она обрела больше, чем надеялась найти. И всё забылось... Прошлые обиды и подозрения, страхи и недоверие, всё растаяло в горячем объятии. Инга прижала к себе маленькое тело, и вдруг... Почувствовала тепло под руками.

Девушка отпрянула от удивления. А Лора и сама заметила. Неожиданно вся она – её фатиновое платье и курточка – осветились золотыми лучами. Они струились, текли вокруг ребёнка, пока не заволокли её всю в огненный водоворот. Всполохи шелестели, как волшебная пыль, а когда рассеялись без следа... Перед Ингой стояла женщина. Та самая, ко-

тору ю она видела на старой фотографии у маминой кровати. На ней было красное вечернее платье, меховая накидка, а на щеке бугорком выступал шрам. Но она была счастлива.

Лора... Наконец, она нашла себя. И мятежная её душа обрела покой в предстоящей вечности.

Глава 15. Костёр.

Рор перевалился на другой бок. Лежать на полу чертовски не удобно, но других вариантов не осталось. Жаль, что нельзя было прихватить диван с той квартиры.

Больше недели они прятались в заброшенном подвале. Его парни откровенно скучали. Верзилы огорчились, когда их не взяли с собой в Алмазную библиотеку, но Рид справедливо заметил, что толпой они сразу бросятся в глаза. Сейчас Рор злился на брата. Может и нужно было идти всей группой. Не пришлось бы сбегать.

– Долго ты собираешься возиться? – раздражённо буркнул мужчина.

Синяя сидела на полу, как ребёнок, разбросав вокруг смертоносные игрушки. Она что-то упорно мастерила.

– Чем меньше взрыв, тем больше подготовки.

Рор перевалился на спину. Бока болели:

– Что мы вообще здесь делаем?

– Мы имитируем секретную деятельность, – сосредоточенно протянула девушка, – Пусть Часовщик со своими шавками ломает голову, что же мы замыслиаем, и почему они ничего не знают.

– Они не знают, потому что мы бездействуем! – взорвался Рор, подскакивая на полу.

Он хотел подойти к девице. Но разложенные запчасти

бомб стали для неё прикрытием.

– Мы не бездействуем, мы готовимся.

Рор раздражённо всплеснул руками. Оставалось лишь выдохнуть и успокоиться. Он чувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Его поставили главным на эту операцию, но сейчас плана у него не было. А у девчонки был. Безумный, как обычно, но других у неё не водилось. Пришлось согласиться.

По этому же плану им надлежало ждать. Но чем дольше тянулось ожидание, тем больше оно раздражало.

Рор сел на полу у барьера девицы. Скрестил ноги, взяв самую безопасную на вид деталь. Чтобы руки занять.

– Синяя...

– Что? – она сосредоточилась на работе, но боковым зрением фиксировала всё происходящее.

И чувствовала, что сейчас что-то будет.

– Почему ты никак не умрёшь?

– Тебе бы этого хотелось? – спросила она совершенно спокойно.

Мужчина с ухмылкой признал:

– Ещё не решил.

– А ты, значит, скорбишь по молодости, старичок? – ради насмешливого взгляда она даже оторвалась от занятия, – Я видела, как ты смотрел на брата.

– Ты не ответила.

– Не умираю, потому что бессмертна, – произнесла она

так, будто объясняла простую истину несмышлёному ребёнку.

– Это я понял, – мужчина скопировал её интонацию, – Просто... Тебе же громадная туча лет. А ты не стареешь, не болеешь. Но ты обычный оборотень, ничего больше. Ты не Бессмертная. Ты стала бессмертной.

– Ты не задал последний вопрос.

– Что? – он вскинул брови, – Какой?

– У твоей тирады есть последний вопрос: «Как мне сделать так же?». Верно?

– Ну... Допустим.

Синя подняла голову. Критически обзрев Рора, она почему-то обернулась на его парней.

– Сверяйте часы, ребятки – скоро выступаем.

– 17:37, – отозвался один.

Второй подкрутил стрелку наручных часов и кивнул.

– Хорошо. Помните, вы должны синхронизироваться с точностью до секунды. Малейшее промедление загубит замысел.

– Ты мне не ответила! – взорвался Рор.

Привычка девчонки напускать туману и недосказанности бесила.

Синя вымученно повернулась к нему:

– Я отдала за своё бессмертие самое дорогое, что у меня было, Рор. У тебя не получится так же, просто потому... что тебе нечего отдать.

***

Гео вернулся из города очень уставшим. В кабинете Часовщика он первым делом упал на кресло, без сил откидывая голову. Всё казалось бесполезным...

Больше недели команда рыскала по городу. Они искали хоть что-нибудь, малейшую зацепку, намёк. Но ничего не находили. Диверсанты затаились. Готовят ли они что-то, сидят тихо или вообще покинули город? Парни не знали. Но хуже всего было от подозрения... Что парни не замечают действий диверсантов.

Единственным плюсом в охоте были бомбы. Обходя город, ребята находили их десятками. Не сказать, чтобы Синэя их сильно прятала. Скрывала от глаз в подвалах или на чердаках, чтобы не нашли случайные прохожие, но не более того. Парни приносили бомбы в Башню, Часовщик их обезвреживал. К нему постепенно возвращалось потерянное время, но он говорил:

– Здесь только малая толика того, что они забрали. Боюсь представить, куда Синэя дела остальное.

Гео с шумом выдохнул. Руки ослабли. Голова гудела.

– Тяжелый патруль? – спросил Часовщик.

Он был в кабинете один. Лев и Рид ещё не вернулись. Парень приоткрыл глаз, замечая, что Хранитель развернулся к нему на кресле. А на столе остались на подставке чьи-то

разобранные наручные часы.

– Всё бесполезно. Мы не знаем, где они.

– Что предлагаешь? – невозмутимо спросил Хранитель.

– Сменить тактику? Вы говорили, что знакомы с Синэей.

Может, Вам попытаться встретиться с ней?

– Не получился, – Часовщик порывисто отвернулся к столу.

– Почему?

– Она не станет говорить со мной.

Гео вновь закрыл глаза. Мгла под веками и мерный тик часов успокаивали. За время пребывания в Башне звук часов перестал его раздражать. Хотя поначалу тиканье было назойливым.

– Что вообще Вас связывает с такой девушкой, как она? – пространно начал парень.

– Что тебя удивляет?

– Ну... Она... Мягко говоря не такая, как Вы. Опасная. Правильно Рид сказал, отбитая на голову. И жестокая. А Вы... Ну это Вы. Так на чём вы сошлись?

– Она... – Гео услышал, как выдохнул Хранитель, – Она не всегда была такой. Или мне так казалось.

Парень заинтересовался. Что же должно было произойти?

Гео открыл глаза, приподнимаясь. Но видел лишь спинку кресла Часовщика.

– Расскажите. Вдруг в её прошлом найдётся что-нибудь, что нам поможет.

Хранитель молчал.

– Вы ведь понимаете, что это может быть важно.

Снова молчание. Гео начинал догадываться, почему.

– Вы её любили?

Часовщик потёр пальцами усталые глаза. Повернулся к собеседнику боком на кресле.

– Да, я любил её. Но она выбрала бессмертие.

Парень хотел задать следующий вопрос, но повременил. Молчаливая пауза была нужнее красивых слов.

– Когда я жил в мире Лета, в мою Башню стремились многие. Они считали, что, попав ко мне в ученики, разгадают тайну бессмертия. Людей тянули ко мне алчность... Страх... Я выставял каждого. Но Синэя... Она с самого начала была другой. Не знаю, как так получилось, но она смогла остаться. И до неё... Мне кажется, что я ничего не видел в своей жизни. Я обучил её своему ремеслу, открыл некоторые тайны. А она показала мне мир. Согласись, в таких обстоятельствах не сложно влюбиться.

– Угу, – кивнул парень.

– Я понимал, что мы не всегда будем вместе. Я – Бессмертный. А она состарится и умрёт. Но я был благодарен Судьбе за каждое мгновение, проведённое вместе. Как оказалось, она видела нашу любовь несколько иначе.

Хранитель прикусил губу.

– Вскоре она стала спрашивать меня о том, как стать Бессмертной. Я сказал ей, что это невозможно. У Бессмертных

нет смерти, потому что и рождения у них не было. Мы имеем человеческое воплощение, но на самом деле ещё меньше живые, чем вы – люди. Но Синэя... Она считала, что я жадничаю. Утаиваю информацию, а значит не очень-то и люблю. Не добившись правды от меня, она... Догадалась обо всём сама.

– И украла часы?

– Да, у неё как-то получилось их остановить. Сам не понимаю, как она умудрилась. Всегда была смышлёной. Потому теперь она не может умереть, и даже я над её временем не властен.

Гео понимающе кивнул. Да, история была грустной, трагичной, но... К сожалению, к разгадке не приближала. Если всё так, как сказал Хранитель, Синэя – слишком расчётливый человек, и ради былых чувств не поставит под угрозу операцию. Зря он заставил Часовщика вспоминать всё это.

Снаружи послышалось конское ржание. Гео поднялся, и, перегнувшись через стол, выглянул в круглое окно:

– Ребята вернулись.

– Хорошо, – Хранитель потёр покрасневшие глаза, – Пойдём, встретим их.

Вряд ли Рид и Лев нуждались во встрече. Это Хранитель хотел забыть о сказанном хоть ненадолго.

Вдвоём они спустились по лестнице. Вышли через пустой вестибюль на площадь у Башни, где прибывшие привязывали коней к коновязи. Да, Часовщик снабдил механических

друзей удобными сёдлами и упряжью, чтобы всадникам было комфортнее на них сидеть. А карету очень мягкими диванами и круглыми колёсами.

– Ну как? – ещё издали спросил Хранитель.

Парни покачали головами.

– Нашли несколько бомб, – кивнул Рид на широкую сумку с золотыми часами на боку коня, – Но больше ничего.

– Что же они всё-таки?..

Гео не успел договорить. Неожиданно свет померк. Нет, не в Башне... В городе. Золотистые отблески на снегу в одно мгновение исчезли, и парням потребовалось время, чтобы понять, что случилось. Они застыли, смотря в пустоту. А кони заволновались, переступая с ноги на ногу.

Парень с ужасом перевёл взгляд на город. Ближайшие к ним дома погасли. Несколько кварталов остались полностью без света, со скрипом остановились трамваи. А улицы вдалеке светились, как ни в чём не бывало.

– Неужели... – застал парня упавший голос Часовщика, – ...началось?

***

Они гнали коней во весь опор. Счёт шел на секунды.

– Неужели... Началось? – стояло в голове.

– Что?! Что – костёр? – голос Льва упал.

– Да.

Все всё поняли.

– Рид, оставайтесь здесь. На случай, если кто-то заявится, – Гео тряхнул обмершего Часовщика, – Тайна раскрыта! Где костёр? Мы ещё можем успеть!

Хранитель кивнул. Они вскочили на коней, помчавшись что было мочи.

Как диверсанты смогли найти его? Неужели парни действительно что-то проморгали? Гео ведь говорил, эти ребята не раз совершали невозможное.

Тени погасших домов проносились мимо. Они сливались в одну печальную картину – их беспомощности. Ребята могли только догонять. И в который раз катастрофически не успевали.

Свет ворвался в сознание надеждой. Город ещё держится, погас не до конца.

– Всё пламя Синэе не высосать так быстро, – крикнул Часовщик, словно прочитав мысли, – Время есть.

Верно, кому как не Хранителю знать об этом.

Горящие окна, деревья, провода в инее, встревоженные лица прохожих... Всё взывало о помощи. Если они опоздают, то проиграют окончательно.

Ребята не знали, куда ехать. Просто следовали за Часовщиком, а тот галопом нёсся сквозь широкие улицы.

Гео специально оставил Рида в Башне. Министр уже предал Зиму однажды, да и коней всего три.

Хранитель резко остановился. Он затормозил на площади

с фонтаном, той самой, на которой когда-то моряки собирали добровольцев. Гео огляделся, пытаясь понять, к чему они, собственно, приехали.

Часовщик откинул магией канализационный люк у самого фонтана, бросаясь вниз. Парни застыли у прохода. Переглянулись, и Гео первым полез по ступеням.

Под площадью оказался коридор. Толстые, наполненные светом провода тянулись по стенам, уходя вглубь. Парень побежал следом за Хранителем, пока Лев спускался вниз. Никто не просил подождать. Никто не думал, как подойти к диверсантам, которые наверняка уже качают огонь из костра. У них была единственная задача – успеть.

Тоннель шел под углом всё глубже. Парни долго бежали вниз по пологому спуску, пока дорога не вывела их к двери. У неё все трое догнали друг друга. На массивной железной ставне не было ни засова, ни замка, только одна круглая петля. Часовщик потянул её на себя.

– Серьёзно? – Гео тоже ухватил ручку, – Сюда так легко пройти?

– Мы никогда не думали, что костёр придётся защищать. Дверь с металлическим скрипом отворилась. Взбудораженные парни вбежали внутрь. Что же они увидели?

Широкий балкон заканчивался закопчёнными перилами. За ним полыхало огромное пламя. Оно поднималось столбом к высокому потолку, наверху расходясь шестью самыми толстыми проводами. Как снежинка.

Огонь горел без помех. Балкон был пуст. У костра никого не было.

– Что же это?.. – начал было Лев, но договорить не успел.

– Спасибо, парни, – усмехнулся за их спинами девчачий голос.

Они затравленно обернулись. В дверях стояли Рор и Синэя.

– Спасибо, в самом деле, – морщинистый с размаху бросил колбу под ноги ребятам.

Стекло с хрустом разбилось, всё заволокло сладким, зеленеватым дымом. Запах не удушающий, скорее приятный. Но приторный в сильной концентрации. Так пахла ночная фиалка. Так пах цвет сновидений.

Гео потерял опору. Он падал, и последнее, что услышал, были слова Рора:

– Без вас мы бы никогда не нашли это место.

***

– Сынок, просыпайся, – ласково шепчет Зима.

Лёд поворочался в снежной постели. Сугробы Пустоши были мягче самых легчайших перин.

– Ещё немного, мам, – пробурчал он, поворачиваясь на бок.

Он лежал головой на её коленях, укрытый одеялом снегопада.

Мама... Она прилетела сразу же. Бросила дела, и всё время была со Льдом, пока Пустошь лечила его. Держала за руку, пела колыбельные. Она одна умела так сладко убаюкать, что сон становился блаженством.

Лёд давно поправился. Раны затянулись, боль унялась. Но ему не хотелось возвращаться. Здесь, среди бескрайнего снега и бесчисленных звёзд, он забыл обо всём. С ним была мама... Они нежились в снежной стихии, будто валялись на широкой постели. Что ещё нужно для счастья?

Он открыл глаза. Сон постепенно отступал, освобождая место мыслям. Думать не хотелось, но приходилось. Даже в блаженном забытии Лёду не хватало чего-то для полной гармонии. Он вспоминал брата.

Глаза наткнулись на перелив платья. Парень приподнялся на снегу, потирая заспанные глаза. Зима... Его мама была прекрасна. Она редко являла миру человеческое обличье – считала его слишком чопорным и официальным. Но Лёд любил её острые скулы и снежные волны волос. Здесь, в Пустоши, он создал ей новое платье. Совсем простое, обтекающее фигуру, на тонких лямках, из тончайших кристалликов льда. Длинный свободный подол обнажал босые белые ноги. Мама сняла корону, скинула свой тяжёлый наряд, и в платье сына казалась совсем девчушкой. Но такой очаровательной.

– Как спалось? – ласково спросила она, глядя в глаза.

И вопрос, и ответ на него имели для Льда сакральное значение.

– Как всегда... Рядом с тобой.

Зима улыбнулась. Обняв руками освободившиеся колени, она перевела взгляд на город. Отсюда он казался светлой полосой на горизонте.

Да, она переживала. Недавно до них докатился звук взрыва с севера, и Зима сказала, что на их глазах творится история.

Мама хотела вернуться. Но не оставляла сына. Она покорно и терпеливо ждала, когда он отпустит её сам. А Лёд... Тянул мгновение подольше. Никогда ещё он не чувствовал себя таким счастливым, таким любимым. До этого мама замечала его лишь когда он что-то творил. Хорошее или плохое, не важно... А сейчас она была просто рядом. Ради этого стоило оказаться при смерти.

– Ты зря так думаешь, – вдруг сказала Зима.

Сын обернулся на неё удивлённо. Мама точно не умела читать мысли.

– Ты полагаешь, что должен что-то делать, чтобы я любила тебя, – она подняла на сына глубокие белые глаза.

Слова застали врасплох.

– Нет, – слабо попытался оправдаться он, – Я ничего такого... Я не...

– Лёд, я всё чувствую, – Зима протянула к сыну руку, закрыла пальцы в его волосах, – И вижу. Ты думаешь, я люблю тебя за что-то? За то, что ты создаёшь свои прекрасные скульптуры, за то, что заботишься о брате?.. За то, что спас

тех троих и Алмазную библиотеку от Жара? Так ты думаешь?

Он не ответил, лишь опустил глаза. А мама покачала головой:

– Это не так. Я люблю тебя. Просто за то, что ты есть. И ты... Ты прости, я не умею... Ещё не научилась выражать чувства правильно. Несколько лет любви не перекроют тысячелетия одиночества. Знаю, у меня плохо получается, но я стараюсь.

Лёд поднял на неё взгляд. Хотел улыбнуться, утешить её. Хотел радоваться до глубины души. Ведь это те слова, что он всегда мечтал услышать. Но на язык лезло не то. Наконец с губ сорвалось:

– А Солнце? Его ты...

Он не договорил «любишь больше». Но внезапно осознал, как жестоко это звучит.

– Вы оба – мои сыновья, – Зима переложила тонкие пальцы на плечо сына, – Я люблю вас одинаково.

Прозвучало не убедительно. Мама и сама поняла, что нужно сказать иначе. Беда в том, что она не знала – как.

– Но ты ведь хочешь спросить о другом? – настал её черёд опускать голову, – Почему я его не остановила? Хотя всё знала. И почему просила тебя молчать? Ты прости меня, я взвалила на тебя большую ношу своей тайны. Но потому что знала... Ты выдержишь. А для меня она стала слишком тяжелой, чтобы нести её в одиночку. Нужно было её с кем-то

разделить. Понимаешь?

Он кивнул.

Всё верно. Бремя семейного секрета Зима возложила на Льда после первой их ссоры с Солнцем. В самом начале этой истории. Как это было давно.

– Почему ты ему не сказала? Ещё тогда, – наконец решился он, – Может, он бы остановился?

Она грустно и коротко рассмеялась.

– Я у тебя... Та ещё трусиха. Я просто не могла. Знаю, это глупо и малодушно, но я надеялась, что всё само образуется. И мне удастся избежать этих объяснений.

– Даже... – у Льда перехватило дыхание, – Такой ценой?

Росчерк нежной улыбки озарил бледные губы:

– Между миром и сыновьями я всегда выберу сыновей.

Ведь всё это создавалось для вас. Вам в детстве так нравился ваш дом. И Солнце был в восторге от своей роли. Представь, как больно ему было бы узнать, что он... Убивает меня.

Лёд порывисто выдохнул, сжав в кулаке снег. Всё так...

Огонь противоположен природе Зимы. Потому в её мире никогда не было пламени. Снежная пустошь между Вселенским холодом и мирами Огня, существует ради равновесия. А Зима – его страж. Она – как плечо между чашами Весов Мироздания. Но сама принадлежит холодной стороне.

Пламя убивает её. Когда Весна принесла сестре язычок Изначального огня, он обжог Зиму дикой болью. Оттого она его уронила. Но если бы не боль, она не обрела бы сыновей.

Никто ничего не знал. Даже Весна тогда ни о чём не догадалась. А появившийся в Снежной пустоши огонь стал потихоньку убивать мир, и Зиму вместе с ним. Чем больше рос город, тем слабее становилась Зима. И она знала... Это уже не остановить. Рано или поздно город разрастётся так сильно, что погубит её окончательно, но она... Будет счастлива. Она сама сказала об этом – лучше смерть в любви, чем жизнь в одиночестве. Мама наверняка знала, о чём говорит. Вряд ли кто-нибудь во всех мирах знает об одиночестве столько же, сколько она.

Нести эту тайну одной тяжело. Открыть правду Солнцу она не могла, а потому поведала всё старшему сыну. Это была чудовищная истина. Лёд долгое время не мог её принять. Будучи Бессмертным, он не собирался когда-нибудь расстаться с матерью. Он не задумывался о том, что она может умереть. А потерять её... Гораздо хуже, чем погибнуть самому. Лёд не хотел жить в мире, в котором нет его мамы.

Часовщик, конечно, помогал. Оттягивал момент, как мог. Он собирал недожитое время, понемногу переводя его в часы Зимы. Не из корысти, а из сострадания. Он тоже не хотел с ней расставаться. Она стала ему самым верным другом.

Но рано или поздно это случится. Когда умрёт Зима, умрёт и Пустошь. Равновесие нарушится, и Изначальный огонь сожжёт все миры. Мама не говорила ему об этом, сын сам догадался. Это осознание... Неожиданно облегчило страдания. Лёд успокоился. Его утешила мысль, что он тоже

умрёт, и ему не придётся горевать о матери.

Но это будет очень нескоро.

Однако не всех это успокаивало. Весна... Непонятно как тётка узнала о том, что натворила. Сама того не желая, она расшатала равновесие, и теперь стремилась вернуть всё назад. Но очистить мир Зимы от огня оказалось не просто. Мама зубами вгрызлась в свою погибель, не желая отдавать. Мир... Целый мир для двоих сорванцов. И любовь, что прогнала одиночество. Ради неё стоило и жить, и умирать.

– Рассказать всё равно придётся, – Лёд взял руку матери в ладони.

– Знаю, – скорбно кивнула она, – Всё слишком закрутилось. Но как-нибудь образуется. Я верю, что судьба у моего мира светлая.

– Ты веришь... – хитро прищурился Лёд, – ...или знаешь?

Зима улыбнулась такой же задорной, с хитрецей улыбкой:

– В некоторые вещи можно только верить.

Они так и сидели. Вдвоём, на нежном одеяле снега. Сын держал руку матери, и оба они понимали, что конечны. Что когда-нибудь умрут, но до того момента будут жить. И наслаждаться каждым мгновением жизни. Им досталось счастье, о котором они не мечтали. Льду – счастье родиться, Зиме – счастье стать матерью. Они не откажутся от своей радости так просто. Они будут бороться.

Горизонт померк. Будто в один момент погасла лампочка. Мать и сын не сразу заметили, что из света остались лишь

звёзды.

Зима долгое мгновение смотрела на место, где была золотая полоса.

– Кажется, началось, – прошептала она.

Лёд быстро вскочил на ноги:

– Занеси меня в город. Я посмотрю, что там и как, и позабочусь о Солнце. А ты лети к Звезде Рандеву. Может, ещё удастся это остановить.

Мама тоже поднялась из снега, взяв сына за руку:

– Хорошо, – она сжала его ладонь сильнее, – Всё будет хорошо.

***

Когда Гео проснулся, в мире царила кромешная тьма. Он распахнул веки, но, казалось и не открывал. Секунда ушла на осознание случившегося. Они были на галерее, и...

– Лев! Часовщик! – вскричал он, резко садясь в темноте.

Поодаль послышались заспанные стоны. Кто-то завозился на железном полу.

– Здесь я, – голос Льва вымученный и раздраженный, – Голова раскалывается.

– Что случилось? – спросил из-ниоткуда Часовщик, – Где мы?

– Посветите.

Шар фиолетовой магии загорелся во мраке. Очертания

вырисовывались перед глазами. Они всё ещё были здесь. Тот же широкий балкон, черные, в копоты перила, только столб пламени за ними исчез. В огромном пространстве было пусто. Гео вскочил на ноги, вцепившись в перегородку.

Нет... Он не хотел верить глазам! Они не опоздали, они... Поторопились! С выводами. И сами привели сюда диверсантов! Почему Гео понимает всё так поздно? Преступно поздно.

Сжимая пальцами железо, парень лихорадочно соображал. Должно быть, Синэя сделала две маленькие бомбы, и их взорвали у основных проводов. Огонь перестал поступать в дома, что погасило некоторые кварталы. А ребята подумали, что диверсанты нашли центральный очаг и уже качают пламя! Какая беспечность.

А город? Что теперь с ним?

Парень развернулся, на всех парах бросаясь к выходу. Часовщик пустил фиолетовый шар следом.

В дверном проёме Гео наткнулся на тело Рора. Поодаль от него лежали два незнакомых бугая, что должно быть, пришли позже. Все трое спали, связанные и опоенные цветом сновидений. Что с ними? В прочем, сейчас не важно.

Перебравшись через них, парень побежал по коридору. Путь вверх был долгим и утомительным. Икры заболели от бега. Гео не нашел бы лестницу в темноте, если бы не наткнулся на неё. Лиловый шар едва поспевал за ним.

Парень отчаянно влез по ступеням. Выбрался наружу, и

увидел... Собственно, вряд ли он мог ожидать чего-то другого. Но теперь это было абсолютно точно. Город... Погас.

Глава 16. «Всегда».

Весна ждала её. Зима прилетела метелью, ступив босыми ногами на поверхность звёзды. Колыхнулся подол ледяного платья.

Сестра... По её прекрасному лицу сложно было понять эмоции. Смесь сожаления и торжества. Вымученная победа. Она не сомневалась, что выиграет войну. Но хочет поговорить перед битвой.

Они стояли. Между ними расстояние шагов в десять. Никто не знал, с чего начать.

Сёстры любили друг друга, как любят те, между кем пролегал пропасть длинной в два мира.

– Новое платье? – наконец спросила Весна.

На зелёном капюшоне расцвели красные цветы. Зима провела тонкими пальцами по ледяной ткани:

– Сын сотворил.

– Тебе не подходит.

– По-твоему, Зима должна быть величественной?

Младшая чуть склонила голову на бок.

– Пожалуй.

– Ты прекрасно знаешь, я никогда не была такой.

Старшая сделала шаг навстречу. Это оказалось самым сложным. За ним белые ножки сами повели её по холодной звезде.

– Весна, прошу тебя, остановись, – она подошла к младшей вплотную.

Осторожно протянув руку, она хотела тронуть нежную щеку. Но остановилась. Лишь скинула капюшон с тёмных волос.

– Всё ещё можно решить миром.

– Можно, – кивнула Весна, перехватывая холодные пальцы, погружая их в нежные объятия своих ладоней, – Я только заберу пламя и уйду.

Зима покачала головой:

– Я не отдам тебе сына. И мой мир разрушить не дам.

– Но он... Убивает тебя, – объятия тёплых рук стали жестче, – Ты понимаешь, что умрёшь? Рано или поздно... И потянешь за собой остальные миры?

Зима с улыбкой прищурилась:

– Ты боишься потерять меня, или сама не хочешь умирать?

Весна на секунду остановилась. Зима усмехнулась коротко:

– Позволь мне снять камень с твоей души. Умру только я.

Очаровательные глаза расширились от удивления. Сестра что-то хотела сказать, возразить, поспорить, но в последнюю секунду передумала.

– Да, знаю, – Зима с улыбкой отвела взор, – Все думают, что с моей смертью Изначальный огонь сожжёт миры. Но... Равновесие нельзя расшатать так просто. Не будет ме-

ня, Вселенский холод создаст другого стража. Снежная пустошь протянется дальше в бесконечность, оставляя этот небольшой мир под властью огня. Ничего не случится. Ни с тобой, ни с кем бы то ни было ещё.

Весна смотрела на сестру во все глаза. Многое рвалось изнутри, но задала она один вопрос:

– Почему ты раньше не сказала?

– Я просто боялась! – вскрикнула она, но быстро выдохнула, заговорив спокойнее, – Весна, пойми меня правильно. Рядом со мной никогда никого не было. Никогда. Никого. Я не знала, какого это – жить. Но вдруг... У меня появился мир! И поверь, я знаю, какая жизнь... Хрупкая. Люди легко ломаются. А я очень боюсь терять. Мне страшно только от мысли, как моя правда повлияет на сыновей. Лёд... Его предстоящая смерть успокоила. Он с облегчением думает, что ему не придётся переживать мою утрату. Я не могла взвалить на него ещё более разрушительную истину. А Солнце... Он вообще ничего не знает. Правда убьёт его. Но... Весна, послушай. Никто не пострадает. Воевать не имеет смысла. Всё будет хорошо.

Сестра долго молчала. Смотрела Зиме в лицо, и взгляд её было очень тяжело выдержать. Но старшая стоически вынесла всё, что видела в её глазах.

– Нет, – наконец выдохнула младшая, – Я не согласна.

– Но...

– Мне больно от мысли, что ты погибнешь. Я ничего не

знала. Я не хочу... Не хочу думать, что это я убила тебя!

– Весна, – Зима перехватила тёплые руки, накрывая их своими, – Ты меня не убила. Ты меня спасла. Ты подарила мне смысл. Самое лучшее, что было в моей жизни, не случилось бы без тебя. Ты сделала меня счастливой. Я прошу тебя, не отнимай моё счастье!

На миг старшей показалось, что она убедила сестру. Глаза Весны покраснели, в четких очертаниях уголков проступили слёзы. Её руки обмякли в холодных пальцах, и вот сейчас она готова была всё понять. И отступить.

– Нет, – но любовь затмила разум, – Ты не понимаешь, о чём говоришь.

Весна вырвала пальцы из ладоней Зимы.

– Я спасу тебя, сестра, хочешь ты того или нет.

Старшая скорбно опустила голову.

– Насильно не спасают, – выдохнула она, уходя, – Но если на то твоя воля... Значит будет война.

***

Лев и Часовщик догнали Гео на улице. Они озирались на погасшие окна, почерневшие деревья, и отчаяние заволакивало их взоры.

На мгlistые улицы высыпал народ. Тот немногочисленный, что остались в городе. Звёздные отсветы высвечивали на лицах непонимание, тревогу. Люли ещё не боялись. По-

тому что не ведали, что случилось, и надолго ли темнота. В городе словно отключили свет. И жители терпеливо ждали, пока ответственные за это разберутся с проблемой, и всё придёт в норму. Но они не знали... Никто не придёт. Ответственные проиграли.

Гео упал на корточки, хватаясь за голову. Опоздали... Опять опоздали! В самый последний раз.

Наверху раздались залпы. Очень далеко, но звук хорошо разносился над звенящей темнотой. Парень задрал голову вверх, распрямился.

В небесах начинался бой. С земли это хорошо видно. Светлые днища кораблей, сливающиеся в продолговатые точки. Горячие ореолы взрывов, потрясающих небеса.

– Всё, – выдохнул Лев, обречённо глядя вверх, – Они ещё не знают, но уже обречены. Мы проиграли.

Гео с силой сжал кулак.

– Ещё нет.

– Что?

Парни воззрились на него. Но если во взгляде Часовщика фиолетовый шар высвечивал надежду, то Лев... Смотрел раздражённо.

– Ещё нет? Ещё нет?! – закричал он, – О чём ты?! Посмотри вокруг! Город погас, Солнце прячется в замке, Лёд в Пустоши, а кораблям Весны осталось разгромить Небесный флот, чтобы выиграть. И когда Синяя передаст огонь Весне, а та вложит его в пушечный залп – всё! Бум! Пиши «пропа-

ло»! А может она уже передала? Сколько мы там валялись без сознания?!

Ошарашенный Гео отозвался:

– Всё равно нельзя сдаваться.

Неунывающий оптимизм друга лопнул. Он кричал на всю площадь, не стесняясь:

– Нельзя сдаваться? Нельзя? Очень даже можно, и пора бы! Может, если б мы сдались раньше, Синэя не добралась бы до огня!

Лев яростно жестикулировал, то потирал глаза, то ерошил волосы, пытаясь как-то успокоиться, совладать с руками.

– Даже если мы виноваты, – Гео начинал злиться, – От самобичевания проку мало. Надо что-то делать.

– Что-то делать? А что?! Бесят меня такие люди. Вы тратите столько усилий впустую, когда разумнее сдать! А ради чего?! Какой смысл трепыхаться теперь? Вот где?.. Где ты собрался её искать?

Гео вскинул палец к небу:

– Там.

Лев перевел бешеный взгляд вверх. Секунду смотрел на воздушный бой. Потом снова на Гео:

– Ты рехнулся.

– Отнюдь, – вмешался Часовщик, – Ты сам сказал, что Синэя должна передать огонь Весне. Сейчас Весна на своей армаде. Она не останется в стороне, пока её корабли ведут сражение. Логично искать Синэю там.

– И как, позволь узнать, мы туда доберёмся?! – голос друга повысился до визга, и тот закашлялся, – Или ваши кони умеют летать?

– Вон наш транспорт, – Гео махнул головой в сторону горизонта.

Действительно, меж ярких звёзд летела золотая точка. Это шлюпка, кто-то спускался в город.

Часовщик проследил траекторию:

– Как думаете, куда он летит?

Гео резко осенило:

– К Министерству! Военные с кораблей летали в основном туда.

Он хотел рвануть с места, но Лев схватил его за руку:

– Стой! А если ты ошибаешься?

– В любом случае, мы должны попробовать.

***

Метель вынесла Льда к подножью замка. В полёте масштаб бедствия ощущался не так заметно. Теперь же парень видел... Город погас. Везде, куда дотягивался взгляд, распласталась густая, мёрзлая тьма.

Но самое ужасное – окна замка были черны. У Льда упало сердце... Солнце! Он должен быть там!

Слома голову, парень помчался внутрь. Распахнув главные двери, он пролетел холл и через три ступени пробежал

лестницу. Везде было темно. Отчаянно темно! Неужели с братом что-то случилось?

Дверь солнечных покоев почернела. Лёд схватился за ручку, но пришлось напрячься, чтобы сдвинуть створку с места. Дверь поддавалась туго, со скрипом. Парень разозлился.

Швырнув в крепления шары мороза, Лёд снёс дверь с петель. Вбежал внутрь:

– Солнце!

Никто не отозвался. В комнате застыла мгла. Если в городе темнота была густая, то здесь – каменная.

– Солнце, – упавшим голосом прошептал Лёд.

– Брат? – слабый огонёк затеплился вдалеке.

Парень бросился на него.

Юноша, сжавшись, лежал на постели. Одни глаза выглядывали из-под одеяла. Он был совсем черным, как застывшая лава, лишь маленький язычок пламени плясал внутри.

– Солнце! – Лёд подбежал к кровати, откидывая покрывало и хватая ослабевшего брата за плечи, – Что с тобой? Ты...

– Ты жив... – слабая улыбка коснулась черных губ, – Лёд, ты в порядке?

Огонь разгорался сильнее. Глаза Солнца открывались, он понимал, кто перед ним. Слабыми пальцами он вцепился в жёсткие одежды:

– Брат... Брат! Бра-а-ат!

Лёд не сразу догадался, что Солнце пытался его обнять. Пришлось взвалить младшего на себя, чтобы юноша обхва-

тил его растрескавшимися руками.

– Прости!.. Прости меня! Я так боялся, что ты умер! Боялся, что потерял тебя, и всё из-за того, что я струсил! Брат!

Объятия становились крепче.

– Солнце. Так ты... Ты погас из-за меня? Потому что винил себя в том, что со мной случилось?

Юноша мягко отстранился, слабо кивнув головой:

– Я места себе не находил. Тебя долго не было. А мама... Где мама? Я знаю, она не хочет меня видеть, но с ней всё хорошо?

– Да, да, – поспешил успокоить его старший, – С ней всё в порядке, она была со мной.

Льда уколола совесть. Пока он наслаждался покоем, Солнце измучился ожиданием. Его так съели вина и страх, что он погас!

Но теперь Лёд вернулся, и младший брат разгорался вновь.

В комнате становилось светлее. Кожа Солнца выбелилась, волосы наполнились сиянием. Огонь дотянулся до кончиков пальцев, и Лёд почувствовал тепло. Юноша оживал. Подумать только, его эгоистичный, самовлюблённый брат может так искренне бояться и переживать за других.

Лёд резко опомнился:

– Мама... Летим скорее! В небе начался бой. Мы должны защитить наш мир!

Парень хотел убежать, но юноша остановил его, вцепив-

шись в запястье:

– Погоди. Объясни мне, я ничего не понимаю! Весна говорила, что не будет войны. За что тогда они сражаются?

– С чего ты... – начал, было, Лёд, но брат перебил его:

– Я знаю! Я знаю, что ты знаешь. Расскажи. Я больше не могу так мучиться.

Старший оценивающе глянул на младшего. С одной стороны, брат только зажегся. А если мама права, и истина убьёт его? Но Солнце смотрел осознанным, решительным взглядом, и Лёд сдался.

– Они сражаются за пламя. Видишь ли оно... Убивает маму. Этот мир не предназначен для огня. И чем больше его здесь, тем слабее она делается. Рано или поздно она умрёт. А Весна... Весна не хочет этого. Потому она собирается уничтожить всё созданное Зимой.

– Я... – пламя внутри брата колыхнулось, затухая.

Казалось, он не сразу понял сказанное.

– Я тоже не хочу, чтобы мама умирала. А что же, я... Получается... Делаю ей больно? Каждый раз?

– Получается так, – раздражённо буркнул Лёд, – Но... Послушай. У нас катастрофически нет времени. Наш мир в опасности, и я намерен его защищать. Ты со мной?

Солнце медлил всего секунду. Затрепетавший огонь разгорелся с новой силой:

– Да, брат.

***

Шлюпка ждала ребят у Министерства. Откуда она взялась? Хотя тоже не важно.

Парни остановили коней на площади, спрыгивая на брусчатку. В шлюпку бросились все, даже Часовщик не пожелал остаться в стороне.

Небеса с их знакомой качкой встретили ребят, как родных. Гео прыгнул за руль, пришпорив шлюпку и во весь опор взмывая в воздух. Парней резко качнуло назад, Лев и Часовщик вцепились в борта.

Погоня продолжалась. Они снова гнали по небу, но теперь навверх. А в поднебесье... Шла настоящая битва.

Приблизившись, ребята смогли рассмотреть Летучие корабли Весны. Они напоминали смесь истребителя, ракеты и субмарины. Были гораздо легче армады Небесного флота и куда манёвреннее. Зависнув в воздухе, они выпускали из-под крыльев клубы сизого дыма. Значит, летали на топливе.

По всем военным законам, силы Весны имели три части – центр, правый и левый фланги. В центре располагались тяжёлые корабли. Массивные, будто подводные лодки, с широкими крыльями и открытыми палубами, они обстреливали флот Зимы из трёх рядов огромных пушек. Огневая мощь, кстати, строилась на Жаре. Наверняка проектировала Синэя.

На правом и левом флангах располагались корабли по-

меньше. С крытыми палубами, стреляющие с носа. Их основной задачей было – подобраться к противнику. Если получится, обойти с тыла или прорвать плотный ряд кораблей.

Кораблей... Гео перевёл взгляд на их силы. Рядом с блестящей армадой Небесный флот казался прошлым веком. Красивые, мощные, изящные, но устаревшие.

Судна стояли плотной цепочкой, намереваясь не пропустить неприятеля к городу. Они отстреливались всем, что было. Гео заметил... В ход шли и обычные ледяные ядра, и залпы морозных пушек, что насылали на противника фронт экстремально низкой температуры. И разрывные снаряды, при взрыве освобождающие целые лавины. Корабли отбивались, как могли... Но едва сдерживали натиск.

Чтобы как-то выжить, им приходилось палить по Жару. На одну сферу расходовали три-четыре ледяных снаряда, только тогда она гасла. С первого взгляда очевидно, что силы не равны.

Бешеный рёв битвы становился ближе. Часовщик перегнулся через борт, вглядываясь в яркие вспышки.

– Видишь её? – крикнул Гео.

– Нет.

Он смотрел. Отчаянно смотрел и не замечал. Наконец, Хранитель сел в шлюпку, поманив парней к себе. Ребята придвинулись, но, чтобы услышать друг друга, всё равно приходилось кричать.

– Возвращайтесь на свой корабль, – Часовщик положил

руки парням на плечи, – Вы там сейчас нужнее. Я найду Синэю. Одному мне будет удобнее.

Лев и Гео переглянулись. Парень чуть сильнее сжал руль:
– Вы умеете этим управлять?

Хранитель улыбнулся:

– За вечность всему можно научиться.

Ребята согласно кивнули.

Гео уколола совесть. С одной стороны, они бросают Часовщика. Но именно сейчас парню казалось, что они поступают правильно. Они должны вернуться на «Всегда».

Найти четырёхмачтовик оказалось не сложно. Он стоял в центре, рядом с флагманом. Гео заметил на соседнем корабле большую рысь.

Стоило подлететь ближе, как воздушные потоки сражения отнесли ребят прочь. Небеса кипели, бушевали, стонали от взрывов.

Гео подводил аккуратно. Он справился со встречным ветром, пристав правым краем к левому борту судна. Часовщик перехватил управление.

Не прощаясь, ребята перепрыгнули на палубу. Шлюпка умчалась куда-то, быстро скрываясь из виду.

Команда действовала слажено и четко. Часть приносила снаряды из трюма, часть заряжало пушки. С капитанского мостика разносилось частое:

– Огонь! Огонь!

Ребята оторопели в первую секунду. Они стояли на палу-

бе, как вдруг их чуть не снесло. Ощущение – будто накрыло волной, а на парней всего лишь налетел Ксандр.

– Опа, вернулись, дезертиры, – удивился квартирмейстер, разглядев моряков.

Чертовски хотелось поспорить. Сказать, что они вовсе не дезертиры, и выполняли долг так же, как моряки. Но Гео лишь спросил быстро:

– Чем помочь?

– Таскайте снаряды к пушкам. Давайте, бегом-бегом-бегом!

Парни помчались в трюм. Они прекрасно знали, где лежат боеприпасы, ведь сами их когда-то складывали. На нижней палубе и в арсенале напряжённая беготня. Но ни капли суеты. Моряки собраны, сосредоточены, в глазах ни тени страха. Они давно готовы... Они очень долго ждали.

Гео и Лев, добравшись до нижних отсеков, похватали разрывные снаряды. Те были самыми тяжелыми, но руки ещё помнили трудную науку звёзд.

Дотазив боеприпасы до верхней палубы, парни положили их рядом с первой подходящей пушкой:

– Принимайте!

На орудие легли сухие скрюченные пальцы. Гео кинул взгляд на моряка:

– Фёдор?

Да, это был он. Старик быстро и тепло улыбнулся ребятам:

– Вот, сынки, мы и встретились.

Горячий шар взорвался недалеко. Корабль тряхнуло, и Гео, не удержав равновесия, шлёпнулся на палубу.

Фёдор устоял, легко загружая в ледяное дуло тяжёлый снаряд.

– Много там таких ещё?

– Не очень, – Лев успел схватиться за борт, – Уже на исходе. Надеюсь, это не всё, что у нас есть?

– Зря надеешься, – оборвал старик.

Парни напряжённо переглянулись. Битва только началась, а на корабле уже кончаются снаряды?

– Подвела нас гнилая голова, – пояснил Федор, запаливая фитиль, – Расстреляли почти всё в первые минуты. Вот теперь лупим, чем осталось. Капитан-то наш как почуял, что жареным запахло, сразу фьють!

Пушка оглушительно выстрелила. В ледяном жерле вспыхнул огонь, снаряд вылетел со скоростью кометы, обрушившись на скопление Жара. Сферы с диким шипением потухли.

– Что значит «фьють»? – завопил Лев.

– То и значит, – старик подхватил второй снаряд, – Смылся. Вы что ж, не заметили, что на его шлюпке прилетели?

– А кто же?... – Гео порывисто обернулся на капитанский мостик, – Кто тогда у руля?

За спиной рулевого стоял старпом. Парню резко стало спокойнее. Значит, шансы на победу ещё есть. Хотя пустой арсенал подкачал. Как можно так бездарно всё растратить?

– Тащите ещё, ребят! – крикнул Федор сквозь рёв битвы, – Чую, будет жарко!

***

Ингу подняла Лора. Она вбежала в бытовку с бешеными глазами, и девушка подскочила на раскладушке. Миль свалился с её груди на колени, недовольно мявкнув.

– Инга... Началось!

Девушка выбежала на улицу.

Она выделила пять минут отдыха, потому что долго зажигала фонари.

Город погас. И депо погасло, но работу останавливать никто не собирался. Лора подсказала, что огонь в груди Инги вполне может зажечь фонари снова. Так и сделали. Девушка облетела все столбы, прикоснулась к каждой лампочке, но теперь всё снова работало как надо.

Лора... Она на удивление прижилась. Даже в форме железнодорожника эта женщина была прекрасна. За тот короткий срок, что провела здесь Лора, она уже успела многому научиться. И часто помогала Инге.

На улице девушка взлетела на ближайший фонарь. Из общего зала высыпал народ. Нох и Грея сидели на крыше локомотива Ласточки, взявшись за руки. Поезда выглядели из ангаров. Все тревожно смотрели на юг. Между депо и полем битвы простирался целый город, что позволяло чувствовать

себя дальше от сражения.

– Смотри-ка, какой фейерверк устроили, – слышалось с земли.

– Да. Так палить – снарядов не хватит.

– Надеюсь, мы не зря грузили.

– Инга, они правы, – закричала снизу Лора.

Девушка слетела на снег. К ним запоздало присоединился Миль.

– Им понадобится больше боеприпасов, – женщина кивнула на открытые ворота склада, – Мы многое не отправили.

– Но куда я пошлю поезда? – возразила девушка, – В пекло?

– Нет. Пусть останятся на безопасном расстоянии. А корабли, которым требуются снаряды, сами подойдут к ним.

– Верно, Инга, – Миль быстро переводил взгляд с неба на девушку, – Будет два ряда – передний стреляет, задний перезаряжается.

– В этом есть смысл, – кивнула она, – Можно посадить по паре человек в поезд, чтобы разгрузка пошла быстрее.

– Вперёд.

– Внимание, погрузочная бригада! – крикнула она, взлетая, – На изготовку!

Работники разбежались по местам. Никого не нужно инструктировать, все знали, кто что должен делать.

– Нох, Грея, – девушка опустилась на крышу локомотива, – Вы ближе всего. Цепляйте по три-четыре вагона, чтоб

побыстрее, и отправляйтесь. Держитесь от кораблей на расстоянии, пусть сами к вам подходят. Как только разгрузитесь – мигом назад. Я пока выведу из ангара остальных.

Пара в едином порыве кивнула.

– Хорошо. Поняли.

Девушка легко перелетела на фонарь. Внизу началось движение. В одно мгновение замершее депо оживилось, собралось, в сосредоточенном напряжении продолжая работу.

Миль сел на столб рядом с девушкой:

– Ну что? Кажется, история близится к финалу?

***

Братья летели вдвоём на колеснице. Расправив крылья самолёта, она тяжело взмыла в небо, позволив Льду и Солнцу влететь прямо в центр сражения.

Сбоку взорвался Жар. Сверху их окатило лавиной. Залпы оглушали, и Солнце растерялся на секунду.

– Выруливай к нашим! – крикнул старший в ухо, – Иначе нас раздавят.

Юноша крутанул руль. Ему хотелось взлететь повыше и посмотреть на всё сверху, но вдруг... Он заметил, как с фланга отошли два маленьких корабля Весны, погнавшись за ними. Пришлось улепётывать.

Солнце прибавил скорости. Но лёгкая колесница не рассчитана на вес старшего брата. Они сдавали. Манёвренные

суда с крытой, стеклянной палубой и широкими крыльями мчались следом, стремительно приближаясь.

– Попробую оторваться! – Солнце завернул вверх по красивой дуге.

Преследователи открыли огонь. Мелкие горячие сферы летели в них неотвратно и точно. Колесница словила пару ударов. Братьев нещадно тряхнуло.

– Вот это битва, это я понимаю! – зло рассмеялся Лёд.

Ему было забавно, но совсем не весело.

– Жаром стреляют, черти!

– Откуда знаешь, что Жаром? – обернулся Солнце.

– Я его теперь ни с чем не спутаю.

Юноша сильнее сжал руль.

Весенние умны. Зря Солнце решил, что легко оторвётся. Два корабля заходили снизу и сверху, они хотели зажать колесницу, и юноша чувствовал, что нужно быстро что-то предпринимать.

– Жаром... – его осенило, – Значит где-то должен быть центральный очаг!

– Ты уверен?

– Да! Весна говорила... Центральный очаг – тот самый сосуд, куда вложили время живого человека. Эти сферы, что были в городе, содержали в себе часть Жара, но главное его воплощение в очаге. Погасим его, и считай, выиграли!

– Его сначала надо найти! Хотя... – Лёд на секунду задумался, – Он наверняка там, где Весна. На одном из кораблей.

Преследователи сжимались плотнее. Сверху и снизу на колесницу Солнца наступала волна обжигающе горячего воздуха, но юноша лишь усмехнулся. Не на того напали. Подпустив корабли ближе, он резко затормозил. Те пролетели вперёд, нещадно опалая корпуса друг другу.

Солнце обернулся ко Льду:

– Ты сможешь отвлечь всех, пока я буду искать Весну?

Брат хищно осклабился:

– Раз плюнуть, – он указал на корабль Небесного флота, – Там наши парни. Высади меня к ним.

***

Арсенал не просто подводил. Он кончался! Кончался с небывалой скоростью. Безжалостно, безысходно. Но они не могли тратить меньше. Лишь частые залпы позволяли держаться на плаву.

Центральные силы Весны пустили сплошную стену Жара. Стало совсем туго. В неё пришлось бешено палить, чтобы хоть немного разбить на отдельные куски.

Гео забежал в оружейный отсек. И понял... Там пусто. Они расстреляли всё. Ему и ещё нескольким морякам пришлось мчаться назад ни с чем.

– Фёдор! – крикнул парень, подбегая, – Конец.

В глазах старика слова блеснули догорающим закатом. Ну всё... Больше защищаться не чем. Теперь поможет только

чудо.

Но чудо... Не заставило себя ждать. Прямо в гущу сражения влетела стрелой золотая колесница. За ней тут же погнались двое весенних с фланга, но юноша стряхнул хвост. Лихо пролетев над флотом, он завис над «Всегда» на минуту. Из кабины на палубу спрыгнул... Лёд! Живой и здоровый.

– Что, не ждали?!

– Не ждали, но очень надеялись! – Гео, совершенно не стесняясь, первым бросился обниматься.

К Льду подбежал Лев, и Фёдор одобрительно хмыкнул со своего места. Команда взорвалась криками. Хотя Ксандр запрещал орать, моряки радовались нечаянному спасению, как дети.

– Ну что, зададим Жару?! – крикнул Лёд, стряхивая с себя объятия и разминая пальцы.

Его голосу вторила вся команда. Одним движением Лёд наколдовал ещё ядер. Корабль потяжелел. Моряки бросились к снарядам, растаскивая их по пушкам, а Лёд вышел к борту.

На них двигалась новая стена Жара. Отвесная, густая. Дьявольская. Она вспарывала беззащитное, холодное небо.

Лёд хищно усмехнулся:

– Посмотрим, так ли ты силён в честном бою.

Он отправил в противовес горячей волне поток морозного воздуха.

Они схлестнулись посередине. Жар напирал, но и Лёд да-

вил изо всех сил. На полупрозрачном лбу выступила холодная испарина. Гео впервые видел такое.

– Эй, смотрите! – крикнул кто-то.

Оказалось, Лев. Он показывал назад, и Гео пришлось броситься к другому борту, чтобы увидеть... Но зрелище стоило того.

На соседнем корабле тоже заметили приближающийся свет. Ликование разнеслось под парусами.

К авангарду на всех парах мчались поезда. Их тёплые фары и золотые линии рельс вдалеке выглядели как... Надежда.

***

Инга отправила все поезда. Абсолютно все. Оставалось ждать, когда вернутся первые. Но ожидание будило беспокойство.

В рядах работников депо поубавилось. Людей не пришлось уговаривать, они с удовольствием запрыгивали в вагоны, отправляясь прямо на передовую. Каждый хотел быть полезен. Инга молила лишь об одном... Чтобы они вернулись. В своём желании помочь они могут остаться на фронте, и только помешают морякам, так как мало смыслят в их деле. А здесь они нужны.

Инга кусала губы, бродя между погрузочными путями из стороны в сторону. Она не могла ни сидеть, ни стоять... Ду-

ша рвалась куда-то. Хруст снега успокаивал, но это всё равно, что тушить пожар водой из стакана.

– Успокойся, – Лора наблюдала за хождениями Инги, скрестив руки, – Они вернутся.

Она тоже смотрела на небо. Как и остальные работники депо, стоявшие поодаль. Но в глазах женщины плескалось куда меньше тревоги. Смирилась ли она с судьбой, или просто успокоилась, Инга не знала. И не представляла, как достичь того же.

Девушка волновалась. За всех. За Ноха и Грею, за работников в вагонах, за каждый поезд, что она отправила прямо к центру битвы. Вдруг с ними что-то случится? Если они не разберутся? На войне нужно быстро координировать действия, вдруг они не справятся сами? Инга сильнее сжала в руках бордовую тетрадь. Она должна быть там.

Что-то тянуло её в небо. Тревога ли то была, или предчувствие, она не знала. Лишь ощущала, как что-то схватило за огненное сердце и тащит... Тащит, тащит вверх.

– Если хочешь – лети, – вдруг сказал Миль.

Он сидел на блестящей рельсе, совершенно спокойный, но собранный. Кот её понял.

– Но как же я?.. – начала, было, она.

– Вернёшься обратно. Если захочешь.

Девушка смотрела в бездонные жёлтые глаза. Холодная рука Лоры легла на плечо неожиданно.

– Он прав, Инга, – в её голосе обезоруживающая уверенность.

ность, – Мы справимся. Назад вернёшься с поездами.

– Хорошо, – она порывисто всучила женщине бордовую тетрадь с ледяным пером, – Лора... Присмотри за депо, пока я не вернусь. Думаю, у тебя это получится лучше.

Женщина быстро кивнула. Секундой позже она поняла, что значили слова, но было поздно. Девушка отошла на пару шагов, обернувшись к Милю:

– Ты-то со мной?

Он по-кошачьи усмехнулся:

– Ты ещё сомневаешься?

Кот и девушка наперегонки взмыли в ночное небо. На крыльях лететь до битвы ужасающе долго, но девушке было всё равно. Она чувствовала, что должна быть там! Значит долетит!

Ветер морозом хлестал щеки. Снежные перья ласкал воздух. Огонь в груди разгорелся жарче от стремления. Девушка летела над городом и смотрела на него, словно прощалась. Она действительно не знала, вернётся ли сюда снова. Раз на раз не приходится, а на войне умирают.

Гул воздуха звенел в ушах. Ветер сносил голос Миля, и всё же девушка слышала:

– Инга! Экспресс!

Она обернулась. Проследила взглядом за лапкой, и увидела... То, что заставляло плакать от счастья. Полуночный экспресс! Он мчал в отдалении в том же направлении, что и Инга. Вот, что так сильно тянуло её в небо... Судьба!

– Миль, заворачивай! – крикнула она, лихо уводя правое крыло вверх, и по красивой дуге поворачивая влево.

Кот последовал за ней.

Поезд мчался бешено. Даже на крыльях ей будет тяжело его догнать. Но она не сомневалась, вся её дальнейшая жизнь зависит от этого момента. Если не сдастся, если догонит, значит всё будет хорошо. Она не представляла, как именно. Но чувствовала, что в этот миг творится её судьба.

Приблизиться оказалось не сложно. Она легко пересекла напоенное свежестью небо, поравнявшись с поездом на уровне локомотива.

Порыв ветра с силой ударил в грудь. У Инги перешибло дыхание, и воздушный поток откинул её назад. Она кубарем покатила по воздуху. Пришлось распахнуть крылья, чтобы остановиться. Воздух... Он обтекал мчащийся на огромной скорости состав, создавая вокруг него отталкивающий барьер. Да... Это будет не легко.

Пришлось усерднее замахать крыльями. Всё болело. Как тогда, в первый полёт. Сейчас Инга опытнее, но и нагрузка больше.

Пламя в груди тревожно полыхало, искрило. Девушка снова приблизилась к поезду. Каких-то пять метров до корпуса... Три... Два. Она совсем близко. Расстояние бежало секундами.

Резкий удар... Её вновь откинуло прочь. В полёте она заметила округлившиеся глаза Милия. Для его небольших кры-

льев открытое небо казалось бескрайним. И он поражался, как девушка до сих пор упорствует.

Она резко затормозила. Экспресс умчался далеко вперёд. Снова... Всё придётся делать снова. Инга тяжело дышала. От боли, от напряжения. Она привыкла, что не устаёт, но сейчас состояние приблизилось к этому чувству. К обычной земной усталости, делающей её такой... Живой.

Начинать сначала всегда невыносимо. Особенно, когда почти достиг цели, сорвавшись на финишной прямой. Но ничего не делать тоже бесполезно. Инга с усилием рванулась вперёд.

«Готовься к тому, что это будет не просто» – звучал в голове насмешливый голос.

– Да знаю я! – процедила она сквозь сжатые зубы.

«Если начинаешь что-то делать, будь добра пойти до конца».

До конца... Сейчас конец выглядел как длинный поручень старинного вагона.

Инга мчалась за экспрессом. Крылья толкали вперёд рывками. Она словно катилась грудью по шершавому льду. Воздух обволакивал тело жестким холодом. Она выставила вперёд руку. Ветер бешено бил по плечам, в грудь, выворачивал крылья. Инга тянулась...

«Если невозможно, или все говорят, что нет надежды... Не сдавайся Никогда» – услышала она Гео. Этот совет не раз помогал ей.

Девушка стиснула зубы. Лететь тяжело, будто продира́ться против течения горной реки. Но поручень, заветная ручка уже рядом.

Её отделяли сантиметры на бешеной скорости, и всего секунда. Инга тянулась... Пока пальцы не нащупали заиндевелую сталь.

Девушка ухватила поручень. Встречный поток яростно потащил за крылья назад, и она их сложила. Ингу болтало боковым ветром из стороны в сторону. Резким порывом закинуло на крышу. Рука соскользнула, и девушка что есть мочи вцепилась в гладкую поверхность. Зажмурилась.

Внезапно... давление прекратилось. Она ощутила лёгкий ветерок и непонимающе открыла глаза. Инга сидела на крыше, цепляясь за неё ногами, как за бока коня. Перед ней возник угольный козырёк, как лобовое стекло кабриолета, закрывающий от встречного ветра. Высокий и надёжный. Девушка готова была поклясться, что минуту назад его здесь не было. Но так ли это важно?

Она выставила вверх руку, налёту хватая Миля. Кот с облегчением выдохнул, когда она посадила его перед собой.

Полуночный экспресс вёз её меж звёзд навстречу судьбе.

***

Поезда стали настоящим спасением. Кто-то в депо очень вовремя отправил их сюда. Задержись они на десять минут,

от флота остались бы щепки.

«Всегда» и ещё пара кораблей первыми вышли из плотно-го строя на перезарядку. Остальные, что немного держались, сомкнули ряды.

Жар нападал бешено. Любой пропущенный удар жесто-ко плавил суда. Но Небесный флот стоял. И все... Все были полны решимости защитить то, что им так дорого. Новый мир, ставший вторым домом.

Поезда останавливались поодаль от кораблей. Пристав к первому составу левым бортом, моряки кинули широкий трап в открывшуюся дверь вагона. А в нём... Были люди. Улыбающиеся, возбуждённые. Их воодушевление заражало радостью измождённых моряков.

– Разгружаемся и назад, ребята! – крикнул из кабины ма-шинист – улыбчивый мужчина в накинутом на плечи кителе и фуражкой набекрень.

Команда с готовностью принимала ледяные снаряды, как вдруг... Рядом раздался взрыв.

Гео бешено обернулся. Это Лёд... У правого борта он в одиночку сдерживал атаки напирającego Жара. А посылали эти сферы... Корабли Весны!

Конечно, противник не мог оставить поезда незамечен-ными. Трое весенних отделились от левого фланга, облетели Небесный флот снизу и теперь целились прямо в прибываю-щие поезда.

Гео крикнул Льду:

– Брось в наших чем-нибудь! Привлечь внимание.

Лёд перевёл на парня быстрый взгляд. Он всё понял. Сотворив ледяную стрелу, он послал её в мачту ближайшего судна. Увлечённые боем, моряки всё же не могли этого не заметить. Раздались ответные залпы с левых бортов по Летучим кораблям. Три маневренных агрегата оказались в ловушке. Один успел удрать, двое других разлетелись в клочья.

Моряки радовались нечаянной победе, но... Не долго. Из-за защиты поездов огневая мощь авангарда снизилась. Жар чаще добирался до кораблей, и ряды Небесного флота изрядно потрепало. Одному трёхмачтовику полностью пробили днище, он накренился, теряя снаряды и людей... Но Гео видел, как все падающие вязли в небе далеко внизу. Не только из Зимы, но и противники. Парня осенило! Купол! Зима создала подобие купола под полем битвы, чтобы падающие не разбились о Пустошь. Всё же, как бы ни стремилась она защитить свой мир, больше всего ей не хотелось никого терять. Но спасти от смерти поверженных противников... Это более чем гуманно, это благородно.

Гео таскал боеприпасы. Было тяжело... Но стоило взглянуть в лица железнодорожников, тяжесть забывалась. Они так вдохновенно, так слаженно выгружали снаряды, отдавая их в руки подбегающим морякам, будто готовились к этому моменту всю жизнь.

– Достаточно! – крикнул с капитанского мостика старпом, – Возвращаемся!

Парень оценил растащенные по палубе боеприпасы. Да, на первое время хватит.

Рулевой крутанул штурвал, «Всегда» лихо развернулся. Они возвращались. Небольшое расстояние, но захваченные азартом моряки преодолевали его, как по бушующему морю. Им предстояло вновь занять своё место.

Но весенние не собирались оставлять поезда так просто. Парень заметил не сразу, как с правого фланга отделилась группа кораблей. Они двинулись по широкой дуге, рассредоточились, и самое крайнее судно Зимы помчалось за ними. Но вряд ли они успеют... Летучие корабли быстрее и маневры проходят лучше.

Гео побежал к капитанскому мостику, указывая на группу неприятеля:

– Мы ближе всех, капитан! Остальные не успеют.

Старпом проследил взглядом траекторию. Всё верно.

Весенние решили зайти к поездам с другой стороны. Локомотивы попадут под шквальный обстрел, и спасти их будет проблематично.

– Разворот, – спокойно сказал мужчина рулевому.

Тот хмыкнул, пожал плечами, но так круто завернул, что морякам пришлось хвататься за всё, что попадалось под руки.

Пара крайних левых кораблей Зимы тоже поспешили на помощь.

Летучие корабли, «Всегда», Небесный флот, все летели со

своих мест к незащитным поездам. Но те стояли. Даже не двигались.

Первый поезд уже разгрузился, спеша обратно. Настал черёд второго. Гео краем глаза увидел в кабине девушку со светлыми волосами.

Весенние обгоняли. Они приготовились стрелять, но Лёд оказался быстрее. Он выставил вперёд руки, направляя в неприятеля шквал острых ледяных глыб. Те изрядно поколотили тонкие корпуса. Один особенно маленький корабль подбили, и тот по спирали помчался вниз. Но основные силы двигались. Раскалялись их жаровые пушки на широких крыльях. Они подходили вплотную... С такого расстояния невозможно не попасть. Тогда как неповоротливый «Всегда» ещё нужно развернуть боком, чтобы выстрелить.

У Гео замерло сердце. Неужели не успеют? Неужели...

Снизу вертикально вверх взмыла золотая стрела. Она пронеслась между локомотивами и Летучими кораблями, отчего противники заклевали носом вверх. Кто это? Солнце? Не похоже... Слишком большой.

Моряки задрали головы, чтобы увидеть:

– Полуночный экспресс! – раздался рядом голос Льва.

По команде побежал шепоток: «Полуночный экспресс! Полуночный экспресс!». Гео о нём ничего не слышал, но значимость момент зацепила и его.

Когда поезд выровнялся, парень увидел кое-кого на крыше вагона. И не поверил глазам. Она невообразимо измени-

лась. Железнодорожная форма, белые крылья... Но он узнал её... И закричал:

– Инга!

Она услышала. Невероятно – через шум, ветер, взрывы, рёв двигателей она услышала его, поворачивая к нему голову. Замахала руками...

Пока экспресс отвлёк весенних, «Всегда» успел развернуться. Команда сновала у бортовых пушек, и с капитанского мостика раздалось:

– Готовься! Огонь!

Залп из всех орудий оглушил. Противники не успели ничего понять. Ледяные ядра, разрывные со снежными лавинами, всё помчалось в их сторону, дырявя и сминая хрупкие корпуса. Группу кораблей лихо снесло шквальным огнём.

Инга спрыгнула с крыши экспресса, на всех крыльях помчавшись к судну.

А сердце... Захватила радость. Гео не понимал, отчего. То ли от того, что они спасли поезда, то ли... Что девушка, та самая, безалаберная, слабая, раздражающая... Та, которую он бросил, чуть не убив, мчит сейчас к нему и улыбается.

Она налетела на него сверху, и парень едва не упал. Но устоял на ногах, заключая девушку в объятия.

– Инга! – крикнул он в счастливое лицо, – Ты как здесь?

– Гео! – она обеими руками обхватила его шею, повиснув в воздухе, – Это же я послала вам поезда.

Девушка хитро улыбнулась:

– Знала, что пригодятся.

– Ты ж наша спасительница! – он совершенно беззастенчиво приподнял её за талию, закружив по палубе.

Им было всё равно, что идёт бой, что вокруг суетится команда, и что друзья смотрят на них во все глаза. Они уже не помнили своей первой встречи. Маски сброшены. И оказалось, они безмерно рады друг друга видеть.

– Надо же, – усмехнулся парень.

Он смотрел на неё. В пылающие глаза, на горящий огонь, снежные крылья... И совершенно не узнавал.

– У меня ощущение, что мы не виделись целую жизнь.

Инга смутилась, отводя глаза в сторону:

– А у меня... Словно не расставались.

***

Гео! Он жив! Подумать только!

Инга смотрела в осунувшееся лицо, на растрепавшиеся рыжие волосы, и видела... Улыбку. Счастье, что преображало до неузнаваемости. И это тот хамоватый парень, раздражающе грубый в их первую встречу?

Нет... Она всегда чувствовала, что он не такой. А теперь притворяться не за чем. Забылось всё, что разделяло их. Осталось лишь то, что сблизило.

Парень поставил её на палубу. Ноги коснулись твёрдых досок. Секунда упоительной радости истекла, Инга вспом-

нила, где она, и зачем.

– Чем помочь? – быстро спросила она.

Гео обернулся на составы, на сражение.

– Это твои поезда, тебе и командовать разгрузкой. Возьми пару кораблей для защиты и координируй действия сверху.

– Идёт.

Она взмыла в небо... Ночное, но совсем светлое от взрывов Жара. Жара?!

«Инга!» – позвал настойчивый голос в голове. Она схватилась за виски, стараясь отмахнуться.

– Инга, что с тобой? – её друг...

Он всё время был здесь, летел за девушкой не отставая.

– Нормально, – тяжело выдохнула она, – Пока могу сопротивляться. Миль...

Она взяла кота на руки, сажая на плечо:

– Держись за меня, ладно?

Кот не возражал. Он был ужасающе маленьким рядом с громадами кораблей. Инга и себя-то чувствовала щепочкой в океане.

Она выбрала два судна для защиты. Координация действий много времени не отняла. Девушка лишь опускалась на капитанские мостики, перебрасывалась парой слов с командирами, и всем всё было понятно.

В итоге разгрузка пошла быстрее. Теперь локомотивы снизу и сверху защищало по судну. Поезда останавливались посреди, и корабли Небесного флота приставали к ним в

плотную.

В рядах авангарда тоже быстро поняли, что к чему. Когда судно покидало строй, брешь затягивалась, или на его место вставало другое, уже загруженное.

Так у них понемногу получилось. Весну это злило...

«*Инга!*» – девушка вновь услышала его, стоя на крыше вагона. Он тянул её к себе.

– Неужели... Уже время?

Инга затравленно обернулась на Миля. Он, как всегда, понял всё верно.

– Но, если я сдамся сейчас... Небесный флот проиграет, да? – огонь в груди защемило.

Девушка почувствовала себя слабой и беззащитной. Обречённой. Она знала, что это когда-нибудь случится. Что Жар сожрёт её, но в последние дни стала об этом забывать. Теперь он напомнил о себе. Она отчаянно смотрела на корабли Весны, рассылающие горячие сферы, и с силой сжимала кулаки.

– Если Жар вырвется на свободу, он никого не пощадит, – кивнул кот.

– Что же мне делать?

Ей не дали додумать.

«*Инга! Немедленно лети ко мне!* – Жар страшным голосом ревел в её сознании, – *Я должен пожрать тебя!*».

«*Не дождёшься!*» – мысленно крикнула она.

Как дорого пришлось заплатить за смелые слова.

Жар взбесился. Инга чувствовала его гнев, его всепоглощающую ярость. Он ревел обезумевшим чудовищем, и злоба придавала ему сил.

Вдруг с флагмана Весны... корабля в самом центре с открытой палубой... взметнулись в воздух огромные обжигающие щупальца. Толстые, пластичные и ужасающе быстрые. Не успела девушка осознать это, как горячие лапы обвили один из кораблей. Сжали его... Моряки отстреливались, а что толку? Снаряды калечили Жар, но не убивали до конца. Каждый раз он успевал восстановиться.

Раздался оглушительный треск. Сжатое судно щепками посыпалось вниз. У девушки перехватило дыхание.

«Инга! Стоит ли твоя жизнь стольких жертв?!» – кричал на неё Жар.

– Если сдашься сейчас, смертей будет больше! – в ухо вопил Миль.

Она не слышала ни того, ни другого. Упруго слетев с крыши поезда, Инга помчалась к кораблям. Бессмысленно звала её из кабины Грея, девушка видела лишь змеистые лапы Жара.

Инга опустилась на «Всегда». Пробежала сквозь моряков, вцепившись в борт руками. Жар ждал её. Ей казалось, что она видит на далёкой палубе горящую фигуру отца. Он властно тянул к ней руки.

Значит, это всё? Она обречена. Это должно случиться сейчас? Девушка в страхе попятилась от борта. Она не хо-

тела умирать. Ей неведома была своя судьба, но она точно знала одно... Она чертовски не хотела умирать!

Разгорячённое запястье накрыла холодная ладонь. Девушка быстро обернулась.

– Что с тобой? – она встретилась с глазами Гео вплотную.

На миг мир снова перестал существовать.

– Жар, – наконец совладала с голосом она, – Он хочет сожрать меня, чтобы освободиться. Но не может против моей воли. Потому убивает всех остальных. И я... Как бы уже обречена, но я не хочу...

– Обречена? Что за глупости? – Гео тряхнул головой, – Куда ты влезла?

– Это долгая история, – она с раздражением вырвала руку, – Ты всего не знаешь.

– Я всего не знаю, – повторил он, – Но я точно уверен, что твоё самопожертвование пользы не принесёт. Должен быть другой способ.

– Другого способа нет! – взорвалась она, сама не понимая, почему кричит.

Спор казался бесполезным. О чём Гео может говорить, если не в курсе всей истории?

– Он убьёт меня, понимаешь? Убьёт! Даже если я спасусь сейчас, он достанет меня позже!

Ей в жизни больше ничего не нужно. Она совершила невозможное, испытала невероятное счастье, встретила Гео в последний раз. В принципе, на этом можно заканчивать,

если надо. Инга не могла больше видеть, как люди страдают из-за неё. И кого бы Жар ни погубил после её смерти, она этого не увидит.

Девушка отчаянно рассмеялась. Какой эгоистичный поступок. Приговорить весь мир, чтобы не испытывать вины за несколько смертей. Вряд ли у Жара после освобождения миролюбивые цели, и он просто будет греть людей теплом. И всё же... Всё же.

– Его не победить! Это не... – она остановилась.

Наткнулась на слово, как на невидимую преграду.

– ...невозможно, – её осенило.

Инга уже совершала то, что считалось невозможным. Но невозможное оно только... В нашей голове. Мы решаем, что что-то в мире невозможно, потому перестаём пытаться. А если... Если всё же попробовать? Кто знает, как получится.

Девушка подняла на Гео наполненные пониманием глаза.

Он разглядел в них всё, что нужно:

– Ты сама ответила на свой вопрос.

Инга медленно кивнула.

– Послушай, я постараюсь увести эти щупальца подальше отсюда, а вы палите, что есть мочи, хорошо?

Парень улыбнулся:

– Лети. Будь осторожна, и... не сдавайся.

Глава 17. Солнце.

Инга бросилась с корабля вниз. Щупальца помчались за ней. Они обвивали друг друга лианами, тянулись, змеились, а девушка летела всё ниже.

Гео видел её стремительный полёт с палубы. Пальба и взрывы, крики, всё слилось в голове в фоновый шум.

Жар быстро понял, что его хотят обмануть. Он отделил несколько лап от толстого ствола, вновь бросаясь на корабли.

Фёдор загрузил в дуло разрывной:

– Эка пададь, ведь лезет же!

Оглушительный залп. Щупальце лишилось острого края. Жар пару секунд помахал в воздухе обрубок, но быстро восстановился. И так снова и снова.

Гео прекрасно понимал – это игра в одни ворота. Пока у Весны есть Жар, её огневая мощь не уменьшится. Тогда как Зима уже сдавала позиции.

Из-за яростного напора, корабли сдвинулись на несколько метров назад. Но пока держались.

Гео заметил, как дёрнулась на соседнем флагмане Зима. Огромная рысь передними лапами оперлась о борт, и, кажется, хотела что-то сделать. Парень побежал ко Льду. Тот сражался с щупальцем ближе к корме.

– Скажи матери, чтобы не вмешивалась. Пусть позволит нам сражаться за её мир.

Лёд отрывисто кивнул. На этот раз посланием стал сноп ледяных искр, перелетевших через борт.

Всё верно... Если Зима вмешается в сражение, битва перейдёт на иной уровень. Сестра сразиться против сестры. Кто бы ни победил, все пострадают.

У них снова кончались снаряды. Следовало поберечь, но вряд ли это возможно.

Отбиваясь от атак Жара, Небесный флот почти не задевал Летучие корабли. Армаду Зимы была изрядно потрепана, с пробоинами и потерями, а силы Весны плотно стояли на позициях, целёхонькие и блестящие.

Нет... Таким методом не выиграть.

Щупальца хватали и хватали судна. Корабль, через один в ряду от «Всегда», разнесло в щепки от мощного удара, будто кулаком. Строй быстро редел. И люди умирали.

Старпом тоже заметил, что снаряды кончались. Он уже собирался поворачивать корабль, как вдруг... Сзади что-то с грохотом пронеслось. В воздухе повис звук трёх ударов.

Гео обернулся, и... Застыл в ужасе. Длинное щупальце Жара, словно копьём, пронзило корабль и поезда. Он зашел глубоко снизу, его не остановить. Стрела взметнулась вверх, насаживая на древко и нижний корабль, и наполовину разгруженные поезд, и верхнее судно. Послышались крики... Люди в отчаянии падали. Боеприпасы летели в Пустошь.

Остальные поезда разнесло взрывной волной. Несколько составов сошли с рельс, беспомощной цепочкой вагонов

уносясь вниз.

Жар высвободил змеистую руку, с презрением стряхивая щепки. Гео был уверен... Он смеётся. Гадко, жестоко. Разбитый поезд и два павших корабля уносились в сумрачную бездну.

Моряков охватил страх. Парень чувствовал, как засуетилась команда. Волнение витало над палубой сизым, разлагающим дымком. Они ещё не думали, что обречены, но уже догадывались об этом.

Щупальце зацепило соседний корабль. Очень-очень близко. Гео видел, как Жар бил его корпус, сжирал людей, а те металась в панике. Обречённые... Без возможности спастись. Без надежды. Каждому из них умирать не впервой, но это не делало смерть менее страшной.

– Надо что-то делать, – спокойно заметил Фёдор, – Тут такая каша заварилась, что трудно будет расхлебать.

Жар жрал соседний корабль. Бешено... Изголодавшимся зверем. Летели мачты, с треском рвались паруса. Раздавленные деревом, тела людей рассыпались в ледяную крошку. А те, кому сильно везло, успевали прыгнуть за борт. И это на глазах. Гео всё видел... Но не мог ничего сделать.

– Команда! – неожиданно с капитанского мостика раздался голос старпома.

Все в едином порыве обернулись на него. Возможно, не самое время толкать речи, но... Людям это нужно. Сейчас как никогда.

– Я скажу кратко. Мы должны выстоять! – мужчина вышел к самым перилам, положив на них обе руки.

Он возвышался над палубой. Его тёмная, смурная фигура, как олицетворение войны, вряд ли могла вселить в кого-то надежду. Но он говорил вещи, от которых пробирала дрожь.

– Погибнем мы сегодня или выживем, не важно. Главное... Мы должны защитить наш дом! – он вскинул руку, – Я... Не умею говорить красиво. Но я хочу сказать... Что люблю это мир! Мой сын... Умер очень рано. В проруби утонул. Я тосковал, но потом получил возможность встретиться с ним здесь! Пускай он снова погиб, и я опять остался один, потерял смысл к существованию и бесцельно бродил по городу, мне... Всё равно дали второй шанс! И я хочу защитить Зиму!

– Да! – закричала команда.

– Вы со мной?!

– Да-а-а!!!

– Так давайте же спасём то, что нам так дорого! За родных...

– Да-а-а-а-а-а!!!

– За дом! Полный...

Он не успел договорить. Горячий поток в миг снёс его фигуру. Он был и нет. Дырка.

Команда не успела ничего понять. А Гео задворками мозга осознал... Жар принялся за их корабль.

Пока они таранились на всё, что осталось от старпома,

щупальце съело рулевого. Лишившись управления, «Всегда» пошел страшным юзом, накренился. Парень сам не понял, как взбежал на капитанский мостик. Лишь когда руки вцепились в гладкое дерево штурвала, он осознал, что сделал. Взял на себя ответственность за управление почти обречённым судном. Но кто-то должен был.

– Так, и? – Лев едва смог пробраться к другу через бешеную качку, – Что дальше?

– Отступаем, – бросил Гео, поворачивая.

– Что? – друг хотел вцепиться в управление, но быстро понял, что не стоит, – Ты же не привык сдаваться.

Гео сильнее сжал пальцы:

– Никто не говорит о сдаче. Стратегическое отступление.

Парень резко крутанул штурвал, и нос корабля, зачерпывая воздух, лёг на обратный курс.

– Лёд, – крикнул Гео парню на палубе, – Подай сигнал всем, чтобы шли за нами!

Тот недоверчиво покосился, но кивнул, выполняя.

– Что ты задумал? – допытывался Лев.

По правде, Гео и сам не знал. Но понимал, что действовать нужно иначе. Они расстреляли все запасы, лишились снабжения в виде поездов, потеряли половину кораблей, а Весне хоть бы хны. Нет. Нужно придумать что-то другое.

Управлять огромным четырёхмачтовым кораблём оказалось не сложнее, чем маленькой шлюпкой. Этот был резвее, но более неповоротливый.

Конечно же, Летучие корабли погна́ли отста́ющего про-
тивника. Они атаковали с удовольствием, громили отходя-
щие силы Зимы. Наверняка Весна решила, что уже победи-
ла.

«Думай, думай, думай!» – твердил он. Между тем, чистое
небо кончалось. На поднятых парусах они неслись прямо в
звёздную плотность.

– Звёздная плотность! – Гео осенило.

– Что? – спросил Лев.

На капитанский мостик взлетел запыхавшийся Лёд, бро-
саясь в весенних волнами мороза с кормы.

– Если у кого-то есть идеи, – крикнул он сквозь залпы, –
То нам лучше поторопиться.

– Звёздная плотность! – крикнул Гео, – Пойдём сквозь
неё!

Лев не выдержал, вцепившись в штурвал:

– Ты с ума сошёл?! Корабли и так потрепало. Ты хочешь,
чтобы звёзды нас окончательно разбили!

– Нет же, – Гео стряхнул руки друга, – Я хочу, чтобы они
разбили их!

Лев недоумённо поднял брови. До Льда дошло быстрее:

– Может сработать!

– Наши корабли тяжелее, но крепче, – сказал парень, на-
правляя «Всегда» в ближайшую плотность, – И мы здесь уже
ходили. Нас не так заденет. Тогда как у весенних корпуса
лёгкие. И им невдомёк, какие здесь тяжелые звёзды. Их по-

треплет даже та мелочь, которую мы с тобой таскали на баке.

Лев с шумом выдохнул, опуская руки. Он побледнел, но глаза горели решимостью:

– Ты прав. Может сработать.

***

Инга неслась в крутом пике вниз. Жар тянулся за ней, отращивая щупальца всё длиннее.

– Ты же не собираешься спуститься до Пустоши? – крикнул на ухо Миль сквозь бешеный порыв ветра.

– Собиралась!

– А возвращаться как будешь, гений?!

Инга прикусила губу. Действительно, как? Опустившись к Пустоши, она погасит тот кусок щупальца, что будет внизу. Но когда станет подниматься, уцелевшая часть мигом захватит её. Сожмёт в горячий кокон, из которого не выбраться, и трюк со свободой выбора не прокатит. Хороший был план... Жаль провалился.

Девушка резко завернула, выходя из падения. По крутой параболе она взмыла вверх, и от резкого виража заложило уши. Жар, ещё не осознавший положения, мчался вслед за ней. Она петляла из стороны в сторону. Небо несло её само, и бешеная скорость пьянила свежестью и прохладой.

– А если... Закрутить его вокруг корабля? – крикнула она, на секунду перехватив глаза Милия.

Тот всем телом обвивал её шею:

– Безумие, но план.

Идея и вправду хороша. Девушка мчалась наверх, заходя в тыл весенним. По ней не думали палить. Она одна, безоружна и не опасна. К тому с Жаром на хвосте. На такую беспечность девушка и надеялась.

Она взмыла вверх, выше линии Летучих кораблей. В азарте погони Жар совсем обезумел. Она чувствовала, как ярость поглощает его живую сторону.

Лихо взмахнув крыльями, она откинулась назад. Спиной вниз скользила над кораблями. Горячая лапа летела следом. Бешено, неотступно. Когда на её пути встал корабль, который Инга обогнула сверху, Жар просто снёс его. Небольшое судно с закрытой палубой разлетелось на части. Но вряд ли противник понял свою ошибку.

Девушка хищно улыбнулась. Значит, ей удастся проверить этот трюк ещё раз.

Пара кораблей побольше отделились от плотного строя весенней армады. Они летели на неё, и Инга пошла с одним в лобовую атаку. Лишняя секунда, и её размажет по корпусу. Но и смалодушничать нельзя.

Девушка мчалась прямо на корабль. Она уже видела вытянувшееся лицо пилота. Оставалось метров тридцать... Двадцать... Десять... Жар гнался за ней, не отступая. Пять... Четыре... Инга с силой рванулась вверх. Щупальце столкнулось с кораблём, раздался мощный взрыв. Волной девушку

и второго весеннего разметало в стороны.

Она потеряла контроль на несколько секунд. Летела спиной вперед, пока вдруг... Не наткнулась на что-то. Резко перелетев через препятствие, она кубарем покатилась по твёрдой поверхности. Миль, не удержавшись, слетел с её шеи. Она катилась, пока не впечаталась ногами в противоположную стенку.

Мир отчаянно крутился. Стало светло... Слишком светло, даже для битвы. Когда мозг привык к смене обстановки, девушка смогла видеть. Она лежала в широкой корзине дирижабля ногами кверху. На полу распластались крылья. Навверху огромный пылающий шар, такой светлый, что смотреть больно. А рядом... Улыбающийся юноша подаёт ей руку.

– Не ушиблась?

Это Солнце... В первую секунду Инга испугалась до истошного ужаса. Но добродушное лицо успокоило.

Она приняла руку, кое-как поднимаясь. Прикосновения юноши были тёплыми, совсем живыми.

– Порядок, – отозвалась она.

– Хорошо. Тогда с твоего позволения... – он отошел обратно к панели управления.

Девушка едва могла отдышаться. Здесь Солнце, и она попала к нему... А он за кого? За друзей или за врагов? Что он вообще здесь делает?

– Ты прости, объяснять мне некогда, – он опустил светя-

щиеся рычаги, и колесница помчалась вперёд.

Инга не знала, что дирижабли могут лететь так быстро.

– Нужно найти центральный очаг Жара. В нём твоё время. Если заберём его оттуда, обезоружим Весну.

– А... Ага, – она ошарашенно подняла с пола Миля.

Тот махал потяжелевшей головой, но уцелел.

– Он на флагмане, – Инга вспомнила властную фигуру отца на открытой палубе.

Солнце обернулось на неё:

– Ты его видела?

– Угу.

– Хорошо, покажешь. До Жара могу дотрагиваться только я, всех остальных он спалит. Сама к нему ни в коем случае не прикасайся. Поняла?

– Догадалась, – съязвила она.

Девушка быстро выглянула наружу. Горячая лапа исчезла. Кажется, Жар наконец понял, что девушка водила его за нос. А второй корабль летел за ними, не отставая.

– Ты можешь унести нас подальше? – метнулась она к Солнцу, – Он догоняет.

– Боюсь, что нет, – юноша переключил пару рычажков, – Тепло Небесного флота пока позволяет мне удерживаться. Но если я отойду, Снежная пустошь высосет меня. Даже быстрее, чем тебя.

Ингу осенило:

– Вот почему ты не мог покидать пределов города!

Солнце напряженно сжал губы:

– Давай не будем об этом, – но ему самому не терпелось сказать, – Слушай, меня обманули, ясно? Я вовсе не хотел тебя убивать, извини.

Миль яро вмешался:

– Ага, ты из большой любви гонял нас по всему городу! Будь Инга менее шустрой, от нас осталась бы лужа.

– Я извинился, – процедил юноша, – Чего тебе ещё надо?

Инга с интересом наблюдала за их перепалкой. В принципе, она на Солнце уже не сердилась. Некогда. Главное сейчас он за них, и знал, как справиться с Жаром. А Милю нужны более веские основания, чтобы к кому-то потеплеть.

Внезапный взрыв разнял их. Кусок Жара залетел в кабину. Девушку с котом откинуло назад, Солнце отлетел на панель. Инга шлёпнулась на пятую точку, уперевшись руками за спиной.

Бесформенная субстанция угрожающе поднялась над полом корзины. Он складывался в человеческие очертания, и томительную секунду на Ингу смотрели осуждающие глаза отца.

«Тебе не сбежать!» – прошелестел Жар, но вдруг...

Его втянуло куда-то, словно засосало в трубу. Фигура пропала, а за ней распрявился Солнце. Это он вобрал его в себя.

– Не сбежать, но я попробую! – рассмеялась девушка, поднимаясь на ноги, – Так ты можешь поглощать его?

– Ага, – сосредоточенно кивнул Солнце, – У нас с ним

особые отношения. Я собираю его, как могу. Видишь, как шар пылает. Благодаря ему. Когда наберу достаточно, смогу ударить по Весне со всей силы.

– В этом есть смысл, – Инга выглянула наружу, – Я помогу тебе. Жар летит за мной, и я могу привести его на тебя.

Солнце быстро обернулся на неё:

– Идёт.

– Миль, ты пока оставайся здесь, – девушка сняла кота с плеч.

Он хотел поспорить, но не стал. Сам понимал, как снаружи опасно.

– Не переживай, я присмотрю, – отозвался Солнце.

Миль презрительно хмыкнул:

– Нужен мне твой присмотр.

***

Звезда с силой ударила в корпус. Совсем маленькая, но Гео отчётливо слышал её. Хорошо... Нужно идти дальше.

Небесный флот следовал за «Всегда». Они скрывались в плотности мерцающих булыжников, и ничего не подозревающая Весна гнала свои корабли туда же. Пока всё получалось.

Жар немного отстал. Парень видел краем глаза, какие выражи выделявала Инга, и как лихо разнесла два корабля. Молодчинка. Она всегда была такой, или жизнь здесь изме-

нила?

– Э... Гео, – друг отчаянно задёргал парня за плечо, – У нас проблемы.

Тот быстро глянул вперёд.

– Большие звёзды! Плотные! – из вороньего гнезда раздался голос Егора.

– Не пройдем, – замотал головой Лев.

– С чего ты взял?

Хотя причина была. Булыжники были... Огромные. Некоторые размером с корабль, иные больше. Когда «Всегда» ходил здесь в прошлый раз, у них был гениальный рулевой. Сейчас же в распоряжении команды только Гео, учившийся летать на маленькой шлюпке.

– Помнишь, что Фёдор говорил. Корабль виляет задом. Мы не проскочим... Поворачивай!

– А если пройдем? Представляешь, сколько Летучих здесь поколотиться?

Перспектива слишком заманчивая. Да, они могли пойти чуть ниже или выше. Обойти скопление... Но тогда и весенние двинутся за ними. А здесь для них настоящее минное поле.

Гео держал курс прямо:

– Прошмыгнём как-нибудь.

Лев обречённо закатил глаза. В его словах был смысл... Он подал Гео идею.

– Лев, Лёд! – крикнул он, оборачиваясь на друзей, – Фёдор

прав. Снесите бонавентур-мачту!

Друг отчаянно завопил:

– Ты... Вообще в своём уме?! Портить свой корабль!

Лёд только усмехнулся. Его глаза блеснули хитрецей:

– По глазам вижу, что-то придумал.

Гео быстро кивнул. Парни бросились исполнять приказ.

Лёд приложил холодные руки к последней мачте, и дерево у её основания стало ужасающе хрупким. А Лев полез по вантам наверх, рубить такелаж.

Парень быстро обернулся. Летучие корабли не отставали. Они прошли плотность маленьких звёзд, но их изрядно поколотило. Корпуса помяты, кому-то оторвало крылья или пушки. Однако противники не собирались отступить. Верно, они же победители. И обязаны добить неприятеля. Ничего-ничего. Может, азарт погони их и погубит.

Мачта полетела с треском. Рухнули перегоревшие паруса, уязвлённо свистнули верёвки. Когда бонавентур-мачта с грохотом свалилась с кормы, корабль вздохнул свободнее. Израненный, но не сломленный, он резвее помчался в звёздную высь. Как раз вовремя. Они приближались к первой огромной звезде.

– Больше огня! – крикнул Гео морякам.

Те без колебаний выполнили приказ. Разгоняться сейчас – самоубийство, но это им и нужно. Когда иного выхода нет, остаётся только рисковать.

Лёд сосредоточенно наблюдал с капитанского мостика за Гео. Он никогда не боялся... Но от близости звёзд по спине бегали мурашки.

Гео вёл «Всегда» с ювелирной точностью. Они огибали холодные камни, будто обтекали их. Плотный коридор небесных светил петлял и извивался, но парень умудрялся проходить каждую. Чего не скажешь о пилотах Весны. Массивные корабли побились ещё о первые звёзды. Не прошли по ширине. Те, что поменьше, колотились об острые углы, цеплялись крыльями, но упрямо гнали. Кто-то пытался стрелять. Но звёзды стали для Небесного флота защитой.

Мама... В редких просветах Лёд видел флагман армады, что шел через звёзды по соседнему коридору. Зима взволнованно смотрела назад. Конечно, где-то там её сестра. А впереди её люди, которые жизнь готовы отдать за неё. Как и он.

По верхним небесам метался Солнце. Брат видел отсветы его колесницы, и белую точку, носящуюся вокруг неё. Сначала он не понимал, что Солнце делает, но позже сообразил... Он копит силы. Хочет ударить.

– Гео, слушай, – Лёд подошел к парню, – Когда дойдём до чистого неба, выведи корабль повыше. Я ударю по Летучим кораблям морозом, это сделает их корпуса хрупкими. А Солнце закончит.

– Хорошо, – сосредоточенно кивнул тот, – Как только мы...

Договорить не дали. Обжигающая лапа влетела в соседнюю звезду. Она разнесла её в клочья, и мерцающие осколки с грохотом посыпались на палубу. Моряки разбегались, закрывая головы руками. Корабль отнесло взрывной волной, впечатало в соседний булыжник. «Всегда» плотно напоролся левым бортом на острый край, в корпусе зияла пробоина. Гео едва вырулил, чтобы судно не стащило.

В месте, где разбилась звезда, образовалось пустое пространство. Жар добрался туда. Заполонил его весь, засиял огромной сферой. Он парил в самом центре, и будто оглядывался... Целился, прикидывал. Отсюда никто не сможет уйти быстро. Плотные скопления звёзд не выпустят ни Небесный флот, ни Летучие корабли. На секунду всё застыло... Все в оцепенении смотрели на Жар. Как вдруг раздался вопль:

– Вихрь! Вихрь!!! – кричал моряк из вороньего гнезда.

Страх сменился ужасом. Бешеным, животным, диким... На мгновение матросы совершенно потеряли головы, готовые разбежаться кто куда, прыгать за борт. Но то была не самая страшная новость.

На месте разбитой звезды пространство закручивалось в воронку. А Жар... Этого и добивался. Он подплыл ближе к центру завихрения, начиная крутиться с ним в такт. В бешеном кружении черной ночи и светлого Жара они сплета-

лись... Смешивались, становясь единым целым.

У Льда замерло сердце. Ничего страшнее он не видел. Жар непостижимым образом вплёлся в ткань пространства, захватил воронку, и теперь... Пытается поглотить весь мир!

Весенние первыми поняли, в чём дело. Они стали разлетаться в разные стороны, но звёзды, маленькие и большие, ещё плотнее стянулись, утягиваемые воронкой. Это ловушка. Жар не собирался покорно помогать Весне, он хотел сожрать обе стороны, и ему совершенно плевать на исход конфликта. Он хотел есть... Такова его природа. Ненасытная, алчная... Пожирающая.

Пространство, звёзды, корабли, небеса, всё летело в адское жерло. Так выглядела смерть. Так выглядела безысходность. Лёд сильнее сжал кулаки. Он, конечно, собирался умирать, но не так скоро. А как остановить это, он не знал. Не знал... И оттого было страшно.

Он искал взгляд мамы на соседнем корабле. Но из-за бешеной кутерьмы не находил. Их подхватило силой горячего вихря, и тянуло с неотвратимой быстротой в горячую глотку. Лёд вцепился пальцами в борт. Что же делать... Что же?

Отчаяние захватило. Парень не привык сдаваться. Всё нужно решать на холодную голову. Но он не мог... Не мог ничего придумать!

Колесницу брата тоже уволакивало завихрение. Солнце по спирали летел вниз, и старший испугался... Испугался за младшего, как никогда не боялся за себя. Нет, этот засранец

должен жить! Должен!

– Лёд, – крикнул вдруг Гео, оборачиваясь от штурвала, – Можешь наколдовать глыбу побольше?

Тот непонимающе обернулся на парня:

– Ну... Сделаю.

– Фёдор! На «Всегда» осталась шлюпка?

– А как же? – отозвался приземистый старик у пушки.

Он почему-то улыбался:

– В отсеке стоит.

– Тогда бери управление, – крикнул парень, – А мы заткнём эту тварь.

Моряк поднялся на капитанский мостик, перехватывая у Гео штурвал. Тот подхватил с собой Льда и Льва, бросаясь в трюм. Они мчались сквозь тёмные отсеки, по узким лестницам. Из-за пробоины корабль растерял огонь, но держался.

Добравшись до нижнего, парни прыгнули в шлюпку. Люк открывать не пришлось – дыра в корпусе послужила им проходом.

– Что ты задумал? – ошарашенно спросил Лёд, но отозвался ему Лев:

– Настоящее сумасшествие.

Гео усмехнулся:

– Не бойся. Мы так уже делали.

Лёд рассмеялся их браведе. Смертные люди... Но отчаянно смелые.

Шлюпка вылетела из бреши, лихо стартуя вперёд. Моряки

мчали... К эпицентру урагана. Бешено ревел ветер, смешиваясь с рыком Жара. В груди неприятно засадило. Лёд ещё помнил свои раны. Это было больно. Умирать больно.

Дыхание сбилось, прерываясь. Парень не хотел показывать страха, но пальцы сами сжались на крае борта. Зрачки сузились... А моряки были спокойны. Хотя нет, Лев дёргался, стараясь не смотреть в сторону воронки. А Гео... Он словно занимался этим всю жизнь. На плотно сжатых губах едва заметная улыбка. Вряд ли он понимает, какая опасность их ждёт. Какая дикая, болезненная смерть.

– Как только подлетим... – его спокойный голос продирался сквозь бешеный рёв, – По моей команде брось ледяную глыбу прямо в центр.

– Угу, – кивнул тот медленно.

Парень быстро сотворил ледышку побольше, и шляпка заметно просела от её веса. Гео поморщился, но ничего не сказал.

Жар ждал... С нетерпением ждал их в свои объятия. Он, как кровожадный волк из человеческих сказок, раскрыл огромную клыкастую пасть, поджидая, когда в неё залезет жертва. Какими маленькими... Какими беспомощными они были рядом с ним.

Жар захватил всё пространство. Казалось, ничего не осталось в мире, кроме него. В кратер летели ближайšie звёзды, от него бешено пытались улепетнуть корабли. Но он тянул... Тянул их всех в себя. И смеялся. Знал, что его никто

не остановит.

Лев ухватился за глыбу с другой стороны. Они поднатужились, приподнимая её в шлюпке, и ждали сигнала. Но Гео молчал... Хотелось спросить его, но тот опередил:

– Рано!

Они подлетели ближе. Стало ужасающе жарко. По лбу текли горячие струи. Льду было хуже остальных. Он сильнее связан с холодом, и был отчаянно далеко от спасительной стихии.

– Рано!

Руки затекли. От воды в глазах двоилось. Пальцы дрожали в напряжении. Они подобрались совсем близко. Казалось, вытяни руку, и ты достанешь до воронки, но это обманчивое видение.

– Давай!

Парни бросили глыбу. Она летела... Секунду... Одну, но такую томительную. Отдельными кадрами, замедленной съёмкой видел парень её полёт. Она впечаталась в центр воронки. А Жар... С хрустом разломил её! И засмеялся. Радостно, ликующе... Он хохотал тёмным небом и горячими лапами. Он потешался над всем мирозданием.

Всё. Это конец. Осталась пара мгновений, и их затянет. Лёд обмер в шлюпке, и готов был встретить смерть. Пусть такая ранняя, пусть болезненная, но он сделал всё, что мог.

– Мама... – зашептал он, – Прости.

– Ещё одну! – бешеный крик ворвался в сознание.

Лёд обернулся, видя перед собой звериные глаза Гео. Он был в ярости:

– Ещё одну!

Лёд подумал, чего уж теперь трепыхаться. Они всё равно проиграли и не успеют. Всё бесполезно. Смерть неизбежна. Воронка откусила нос шлюпки.

Но Гео вопил ему в лицо:

– Ещё. Одну!!!

Парень подчинился. Он легко сотворил ледяной камень больше прежнего, и вместе с бледным Львом они бросили его в воронку. Ну как бросили? Перекатили дальше к носу.

А Жар вдруг... Подавился. Парень слышал, как он захлебнулся, не в силах перегрызть ледяную глыбу. На миг всё застыло. Парни смотрели на забитый центр воронки. Жар сопротивлялся... Пытался прокрутить горячие лезвия, но... Зря.

Бу-у-ум! Горячий взрыв разметал всех в разные стороны. Пространство разглаживалось. Шлюпка с парнями, звёзды, корабли, всё отлетало по краям. А Лёд осознал... Так они... Победили? Правда победили?

– Да-а-а-а-а! – завопил он ещё в полёте.

Парни поддержали его. Плевать, что они бесконтрольно летели в кутерьме неба, главным было одно. Они победили! Они живы! И это... Невероятно!

Лёд бросился на парней с криками. Его трясло, он осознал, что они сделали. Они всех спасли! Три парня спасли

целый мир, а может и больше, от сжигающих лап Жара. Возможно это? Конечно нет, но они это сделали!

Мимо проносились корабли Небесного флота. Измождённые, испуганные моряки высыпали на палубы, вопя от радости, размахивая руками. Они бросали в воздух всё, что находили под рукой, если не было шляп. Каждого захватила нечаянная волна счастья. Они спасли... Всех спасли.

***

Инга с облегчением выдохнула. Сейчас она действительно испугалась. Когда Жар слился с вихрем, она слышала его дьявольский смех. Он собирался сожрать всех. Между кораблей ему попала бы и девушка. Как хорошо, что ребята справились.

Взрывом её отнесло наверх. Захваченная счастьем, она помчалась за уносимой шлюпкой. Парни обнимались, и ей пришлось широко махать руками:

– Гео-о-о!

Он замахал в ответ, когда заметил её. Кое-как знаками показал, чтобы она следовала к кораблю. Инга кивнула, выискивая глазами «Всегда».

Она опустилась на палубу, парни тоже пристали к борту. Девушка хотела броситься к Гео, но он опередил её, прыгнув прямо к ней в объятия. Она улыбнулась на выдохе:

– Значит, можно выиграть в полушаге от смерти... Если

не сдаваться до конца?

Его губы тронула нежная улыбка:

– Я всегда тебе об этом говорил.

– Инга-а-а-а! – мурчащий голос хищно нёсся прямо на неё.

Девушка подняла голову, и кот впечатался ей в лицо. Не удержавшись, она с хохотом повалилась на палубу, потянув и Гео за собой. Они шлёпнулись, парень упал на Ингу, но быстро перекатился.

– Миль! – весело крикнула она, – Не усидел, да?

– Очень хотел тебя видеть живой, – рассмеялся котик, переползая с головы на грудь. Глянув на Гео, он недоверчиво прищурился и фыркнул:

– Не отдам же я тебя какому-то парню просто так!

Теперь они смеялись вместе. Гео, что лежал на крыле девушки, Инга, раскинувшая белые перья по обожжённым доскам, кот на её груди, и вся команда. Казалось, и корабль разразился ликованием, ведь всем уже было очевидно. Они победили! После того, что выкинул Жар, Весна не решится использовать его силу снова.

– Ну будет вам, чего разлеглись, – беззлобно ворчал спустившийся с мостика старик, подавая Гео руку.

– Такое счастье – можно и поваляться, – отозвался кто-то весело, и очень знакомо.

Инга закинула голову назад. Нет, она не могла ошибиться. По корабельным доскам к девушке шла... Левтина! Неверо-

ятно. Она? Здесь?

– А мир-то тесен, – усмехнулась женщина, помогая Инге подняться.

– Да-а, – протянула девушка, – Мир невероятно тесен. Но... Как Вы здесь?

– Меня привёз Полуночный экспресс, – улыбнулась она, подхватывая старика под локоть, – Кстати, познакомься. Мой муж – Фёдор.

– Инга, – девушка протянула моряку руку, тот пожал её сухими пальцами.

– Ваша жена? – Гео переводил удивлённый взгляд со старика на женщину, – Но как...

– Так мы корабельная династия, – усмехнулась Левтина, – Вон, кстати, наш правнук – Егор.

По рее с мачты лихо спустился улыбочивый парнишка. Он пожал руки парням, Льву и Льду, долго благодарил Гео. А Левтина отвела Ингу в сторону, чтобы сказать:

– Представляешь, Фёдор давно нашёл его. Но ждал меня... Когда я смогу простить его, чтобы всё мне рассказать.

– Но как?..

– Оказалось, просто. Маша не уплыла на корабле, она осталась служить на нём. Мы-то искали её в портах, а она ходила по морям так же, как мы. Поручик бросил её, а она в море родила сына. Команда приняла его, как родного, и со временем он вырос, женился. Его ребёнок, наш правнук тоже стал моряком... Представляешь, какая судьба. Но главное, я

знаю, что Маша прожила свою жизнь. Тяжелую, сложную, но жизнь. И я... Счастлива знать об этом.

– Я очень рада, – отозвалась девушка.

Это не пустые слова. Она действительно радовалась за Левтину. Женщина не просто осталась жива, но и обрела свою семью в вечности. Это ли не счастье!

– Солнце-е-е-е! – истошный крик прервал мысли.

Это кричал Лёд. В едином порыве все бросились к борту, задирая головы. Колесница Солнца удалялась от кораблей.

– Куда он опять помчался?! – парень ударил кулаком, и дерево покрыла корка льда, – Пустошь его высосет!

Девушка проследила траекторию полёта.

– Он летит за Жаром! За моим временем... – она порывисто взмыла в воздух.

***

Солнце гнал неистово. Запаса тепла, что есть в колеснице, ему должно хватить. Весна сбегала... Она не должна уйти! Юноша летел за флагманом Летучих кораблей на самолёте. Потому что знал, там и центральный очаг, и время Инги, и его ненавистная тётка. Он поквитается с ней за всё! За обман, за сожженных людей, за слова, что она ему говорила! За всё постигнет расплата!

«Ты не стал Солнцем даже для матери» – так она сказала. Почему она так сказала?! Ведь он всё... Всё делал для этого

мира! Почему же? Что ещё ей от него нужно? Что им обеим от него нужно?!

Мама... С тех пор, как улетела к Небесному флоту, она так и не пришла. Солнце ждал. Бродил в опустевшем замке, один, среди холодных стен не находя места. Его огонь гас. Юноша боялся за брата, винил себя в том, что с ним случилось. Но больше всего... Ему было стыдно перед мамой. Он до ужаса испугался, что она никогда его не простит. Что больше не захочет его видеть. Он не смог бы этого перенести.

А ещё эта правда... Та, которую наконец поведал Лёд. Мама всё время скрывала, что существование Солнца убивало её? Теперь всё встало на места. Вот почему Зима была против создания дня. Вот почему не расширяла город. Она просто... Не хотела умирать. А Солнце своими дурацкими идеями по незнанию требовал от неё больших жертв. Ну почему... Почему она не сказала сразу? Может, всё было бы иначе.

Сердце пронзила боль. Как же он виноват перед ней! Он ничего не знал, но это его не оправдывает. Он не знал... И не стремился узнать. Закрылся в коконе вселенской обиды, выставил себя жертвой материнской тирании, вообразил невесть что! Целую теорию сочинил... А нужно было поговорить. Откровенно, по душам. От осознания этого ещё больнее.

Он мчался... Полный стремления искупить вину. Юноша хотел сделать что-нибудь. Что-то грандиозное, невозмож-

ное! Лишь бы мама его простила. Солнце планировал ударить по Летучим кораблям, но моряки разобрались сами. Теперь весенняя армада разлеталась кто куда.

Он гнался... А Весна уязвлённо удирала прочь. Азарт погони захватил его. Пускай он уже над Пустошью, ерунда! Юноша успеет её догнать. Успеет!

Холод подбирался к плечам. Солнце закутался в светлое одеяние. Крылья колесницы медленно затухали. Дышать стало труднее, и изо рта вырывались облачка пара. Вселенский холод... Да, он сожрёт его. Но может, так будет лучше? Лишь бы долететь.

Солнце видел из кабины, как метались по подбитому кораблю люди Весны. Видел тётку с перекошенным от отчаяния лицом. Юноша сильнее сжал штурвал в пальцах. Вот и расплата!

Он лихо посадил колесницу на палубу. Выбежал... Вселенский холод мгновенно набросился, и у Солнца подогнулись колени. Плевать! Он дойдёт! Доберётся!

В мире больше ничего не осталось. Он видел лишь тётку. Весна стояла в десяти шагах. Вызывающе спокойная, гордо вскинув голову. Она проиграла. Но никто не дождётся от неё покаяния.

– Давай, – сказала она, – Я не стану сопротивляться.

Юноша яростно сжал кулаки. Над согнувшейся фигурой полыхало пламя. Обжигающие волны расходились полукругом. Он стремительно терял тепло. Но его хватит, чтобы вы-

рвать из этой прекрасной женщины её черное, насквозь прогнившее сердце!

Он выбросил ладонь вперёд, и готов был пронзить Весну огненным копьем, как вдруг...

– Солнце-е-е! – отчаянно закричал кто-то.

Юноша с трудом вспомнил, что остальной мир существует. Затравленно обернувшись, он заметил, как на палубу приземлилась Инга. Девушка побежала к нему по светлым лакированным доскам. Схватила руку, пытаясь опустить её:

– Солнце, не надо! Оно того не стоит!

– Ещё как стоит! – он попытался стряхнуть Ингу, но она повисла на локте, – Ты ничего не понимаешь!

Драгоценные секунды уходили. Пустошь сосала его с бешеной силой, и юноша чувствовал, как затухает.

– Разве этого хочет твоя мать?! – отчаянно закричала девушка.

Мать... Стыдно признавать, но теперь он не знал, чего она хочет. Сын разучился её понимать. Его мир рухнул, а Солнце не умел строить новый из обломков. Не проще ли уничтожить всё разом?

Чувствуя, что рука поддаётся, Инга надавила сильнее:

– Месть – не выход. А твои мама с братом очень волнуются за тебя. Давай... Полетели обратно. Пока у тебя есть силы.

Юноша обернулся на неё, кинув взгляд исподлобья:

– Зачем ты здесь? Я пытался убить тебя!

– Долго объяснять, – зачастила она, – Если бы не ты, я бы

не встретила Гео, не попала бы в депо, да и Миля бы вряд ли слепила. Не важно! Короче, нет худа без добра. Солнце... Ты гаснешь. Полетели.

Юноша тяжело дышал. Да, он гас. Теперь сил ему не хватает. Он упустил своё время... Время!

Солнце бросил короткий взгляд на Весну. В её глазах плескалось удивление. Опасливое, смешенное с непониманием.

Юноша огляделся. Заметил очаг Жара, и... Сделал первый шаг к нему. Это было самым сложным. Он едва не упал, но Инга поддержала его под локоть. Солнце шел, чувствуя на себе испытующий взгляд тётки. Ничего, пускай... Отомстить он не успел, но другое успеет точно.

Очаг Жара стоял на высоком постаменте посреди палубы. Обычная плетёная корзина. Совсем маленькая, с витой ручкой. В ней лежала хрупкая, потрёпанная сферка. А в центре плавал сосуд. Изящный, миниатюрный сосуд в виде двух чаш песочных часов. А в них время. Золотое, переливающееся... Нетронутое. Время живого человека. Время Инги.

Заглянув в корзину, девушка отпрянула. Не удивительно, она-то его слышала. Кто знает, что он ей говорил.

Солнце собрался с духом. Быстро выдохнув и засучив рукав, он погрузил руку в горячий шар. Больно не было. Ему одному на весь мир Зимы было не больно касаться Жара.

Тот истошно, визгливо вопил. Раненым птенцом, брошенным ребёнком. Жалостливо и противно. Но Солнце не соби-

рался его жалеть. Он схватил часы за тонкую перемычку, с силой вырывая их из шара. В ту же секунду Жар потух. Нет, он остался в корзине, но теперь не имел материального воплощения.

Юноша пошатнулся. Инга подхватила его, удерживая от падения, и хотела взвалить на себя, но Солнце отпихнул её.

– Что?

– Вот, – юноша бессильно протянул ей время, – Возвращаю то, что взял. Ты прости меня... И улетай.

– А ты? – не сразу поняла она, ошарашенно принимая часы.

– Я... – юноша бросил быстрый взгляд через плечо на тётку.

Руки костенели, кончики пальцев покрывались чернотой.

– А я... Так и не стал для мамы Солнцем. Лучше я останусь здесь.

– Умереть назло матери? – усмехнулась она, с силой закидывая его руку на плечо, – Ну уж нет. Это плохой план.

– Но...

– Слушай, – девушка свободной ладонью повернула лицо юноши к себе.

Пальцы её... Были тёплыми. Солнце краем глаза увидел в них огонь, которым девушка его подпитывала.

– Что бы у вас ни случилось, я знаю одно... Родители любят нас. Со всеми нашими ошибками, недостатками и промахами. И всё... Слышишь меня? Всё можно исправить! Нуж-

но лишь пытаться, и не сдаваться. До самого конца. Если ты умрёшь сейчас, твоей матери от этого лучше не станет.

Юноша смотрел Инге в лицо, утопая в её решительном взгляде. Перехватив заочневшими пальцами её руку, он всё не мог понять:

– Почему ты меня спасаешь?

– Ну... Ты осветил мне путь. Даже таким экстремальным способом, – улыбнулась она, – А теперь подарил надежду.

Девушка указала взглядом на часы. В тот миг... Солнце нащупал в почерневшем мире одну светлую истину. Он пока не осознал её, но чувствовал.

Сжав ладонь девушки, он слабо распрямился:

– Нужно возвращаться.

Они бросились к колеснице. Медленно, хромя, едва держась на ногах. Но юноша не мог иначе. Да и Ингу Пустошь изрядно потрепала. Её прикосновения стали холоднее.

Солнце ковылял... И видел Весну. Она не отрывала от него взгляда. Но в глазах больше не было презрения. Лишь изумление... Такое тёплое, словно она вновь обрела веру во что-то, сильно разочаровавшее её. Маска гордости упала, тётя разомкнула розовые губы, хватая воздух мелкими глотками.

Прощаясь, Весна кивнула Солнцу. Как равному. И юноша понял, что тётка вверяет судьбу Зимы и всего мира в руки племянника. Сердце заколотилось чаще. Трудно было описать, что значил для Солнца этот короткий жест.

Юноша забрался в колесницу. Та почти потухла. Снежная пустошь быстро высосала всё тепло от Жара, что Солнце на-собирал за битву. Но хватить должно... Должно.

Он коснулся рукой передней панели. Колесница ожила. Девушка кивнула, поднимаясь в воздух на своих крыльях. Да, сейчас ему двоих не поднять.

Самолёту негде было взлететь, и юноша покрутил лунные фазы. Колесница обернулась вертолётom, лопасти со скреже-том закрутились. Солнце тяжело оторвался от палубы. Им предстояла дорога обратно. Дорога гораздо длиннее пути сю-да.

Юношу качало и мотало по небу. Он едва справлялся с управлением. А заветные корабли, напоенные огнём, были ужасающе далеко.

Инга держалась близко, не вырываясь вперёд. Хотя сейчас её крылья были гораздо сильнее.

Солнце отрывисто дышал. Пальцы одеревенели на рычаге управления. Чернота подбиралась к локтям и коленям. Он видел, как почернели длинные волосы. Мама... Брат... Где-то там они ждут его. Но лететь так долго.

Юноша ощутил, что теряет управление. Колесница погас-ла, лопасти остановились. Вертолёт на мгновение замер в воздухе, и сила притяжения безжалостно потянула его вниз. Солнце едва смог разжать пальцы. Всё... На большее он не способен.

Глаза закрывались. Он не чувствовал тела. Лишь слышал,

как сердце сжимается в ледяных пальцах Вселенского холода.

«Мама, прости... Я хотел вернуться».

Но у Судьбы всегда другие планы. Юношу схватили за запястье тёплые руки, с силой вытаскивая из падающего вертолёта. Солнце порывисто распахнул веки, увидев... Ингу! Весь её огонь переместился в ладони, она отчаянно старалась удержать юношу. И немного согреть.

– У-ух, а ты тяжелый, – улыбнулась она сверху.

Солнце подхватил её улыбку.

Инга истошно махала крыльями, улетая в сторону кораблей. С обозом в виде юноши она не смогла бы развить большую скорость. Солнце прикидывал, что Пустошь высосет их быстрее, чем они доберутся, но вдруг... Корабль. Он появился из-ниоткуда, пробитый, измождённый, но сияющий невообразимым светом. Тёплый. На грубом деревянном корпусе реяло название: «Всегда».

Девушка с облегчением выдохнула. Она занесла Солнце над палубой, и оба рухнули на неё с наслаждением. К ним тут же бросились люди, команда. Ингу поднял с досок парень, что охранял Солнце вместе с Часовщиком. Юноша забыл его имя... Какое-то короткое.

Он совсем потерялся. Несколько минут лежал, пока огонь внутри не разгорелся сильнее. А когда ему хватило сил открыть глаза, он увидел... Маму.

Она подлетела к ним на другом корабле. Рысью перепрыг-

нула через борта, мягкими лапами опускаясь на палубу.

Солнце постарался подняться. Он пытался привести себя в порядок, но смог лишь сесть, судорожно поправляя волосы. Ему стало стыдно и неловко. А Зима... Приняла свой человеческий облик. На ней было простое ледяное платье, что с первого взгляда очаровало сына. Такое лёгкое и воздушное.

Босыми ногами мама пробежала корабль, падая на колени рядом с Солнцем. В её глазах было столько любви, столько тревоги. Она порывисто обняла юношу, прижалась, зарываясь пальцами в его волосы. Сын опасливо обнял её в ответ. Будто не знал, может ли... Имеет ли право после всего.

– Как же я за тебя перепугалась, – с жаром зашептала Зима, – Моё Солнце.

Она поцеловала его в щёку. А юноша ощутил тепло от холодных губ. Огонь разгорелся сильнее, а с сердца упала тоска. Её Солнце? Она действительно считает его своим... Солнцем?

Он всё понял. Понял, и засиял. Мама отпрянула от неожиданного света, но теперь юноша знал, что не доставляет ей боли. Он лишь светил, но не согревал.

Да, наконец ему открылась простая истина. Солнце – тот, кто освещает путь, кто дарит надежду. Он не был таким для своей матери. Будучи эгоистом, он причинял родным лишь боль. Но теперь он осознал, в чём его истинное предназначение. Он должен нести надежду... Надежду на жизнь.

Нечаянное счастье окрыляло. И юноша... Воспарил. Он поднялся на ноги, сияя всё сильнее. Радость захватила его сердце. Стало так легко, как никогда в жизни. Он наконец почувствовал себя на своём месте. Нужным... Любимым. Всё, чего он отчаянно желал, у него уже было. Нужно лишь внимательнее посмотреть.

Он летел. Всё выше, свет его лился дальше. Колесница оказалась не нужна. Солнце захватывал всё поднебесье, проливаясь нежным золотом на вечные снега. А те искрили и сверкали так, что глаза слепило.

Юноша поднялся над кораблями и звёздами, над потухшим городом... И мир вечной ночи озарил день.

***

– Понтуется, зараза, – весело, по-доброму усмехнулся Лёд, прикрывая глаза рукой, чтобы смотреть на брата.

Он гордился им... Хоть не подавал вида.

Гео тоже улыбнулся. Кажется, они всё-таки спасли мир. Коряво, постоянно опаздывая, но спасли. Победа пьянила горячим счастьем.

День... Так странно его видеть. Солнечный свет, золотистый, но без тепла, прокрадывался к каждой щели. Он обнял корабль, высвечивая его трещинки и усталые, но радостные лица команды. Он обтекал звёзды... Что удивительно неподходяще смотрелись в посветлевшей картине. В этом

мире много индивидуального. Сияние пролилось на погасший город, озаряя людей светом надежды. Надежды на завтрашний... День.

Зима поднялась с колен. Она шурилась проснувшимся котёнком, и в ярком свете её ледяное платье отливало небесным блеском. Она двинулась к команде, а моряки сгрудились кучкой вокруг неё. Но все знали, к кому она идёт.

Инга, стоявшая рядом с Гео, загадочно отошла на шаг. Парень не сразу понял. А когда сообразил, Зима уже стояла перед ним. Он заглянул ей в лицо.

– Знала, что это будешь ты, Гео, – нежно улыбнулась она, – Из всех, именно ты и мог нас спасти. Спасибо. От всего мира тоже.

Парень выдохнул ошарашенно, попытался протестовать:

– Я... Просто...

Но это было уже не важно. Зима протянула руку параллельно палубе. Из корабля поднялся небольшой огненный вихрь, складываясь в шар под её опущенной ладонью. Текли секунды. Парень слышал и считал быстрые удары сердца. На шестидесятом Зима развернула ладонь вверх. Сфера перетекла выше.

– Теперь огонь «Всегда» будет гореть в тебе. Он у вас один на двоих.

Она приложила руку к его груди. И Гео почувствовал... Тепло. Долгожданное, заветное. Оно пролилось внутрь, захватывая всё естество. Мир в одночасье стал осязаемым, ре-

альным. Парень чувствовал, как наполняется огнём, и бешеная радость захватила сознание. Он так долго шел к нему. Невообразимо долго... Слишком многое случилось, он сильно изменился. Но наконец он ощущает пламя внутри себя. Он... Горит.

– Теперь ты можешь смело возвращаться домой, – улыбнулась Зима, отнимая ладонь.

Гео часто задышал. Воздух казался холодным. Как давно он этого не чувствовал! Весь мир слился для него в одну температуру до этого момента, а теперь... Он ощущал себя по-настоящему живым.

– Да, – улыбнулся он, – Спасибо, что даёте возможность вернуться. Хоть я и... Ненадолго.

– Почему? – обернулась к нему Инга.

Парень замялся:

– Ну, у меня... На часах времени осталась дня на два. Потом я умру. Но я всё равно рад.

Это действительно так. Он чувствовал счастье и облегчение. Будто вырвали ноющий зуб. И Гео больше не ненавидел. Не обвинял и не судил. Он был просто счастлив.

– Хм, – девушка задумчиво глянула на песочные часы в своих руках, – Думаю, это дело поправимо.

Гео хотел проследить её взгляд, но не успел. К нему подошел Лёд. С суровым взглядом парень протянул ему руку, и Гео горячо её пожал. Они поняли друг друга.

– Фух... Хорошо то, что хорошо кончается, – из общей

толпы моряков к Зиме неожиданно вышел Лев, – Да уж, сестрёнка. Заставила ты меня поволноваться.

Та нежно улыбнулась, положив парню руку на плечо:

– Я рада, что ты пришел сражаться за меня. Спасибо тебе, – обернувшись на ошарашенных матросов, она со смехом добавила, – Кстати, позвольте вам представить. Мой брат – Лето.

Гео пораженно выдохнул. Его друг сжал руку у груди. Яркий свет обнял фигуру. Он вспыхнул... В васильковых глазах засияли блики, бледная кожа налилась румянцем, простая одежда сменилась величественным одеянием, а золотые волосы обнял венец цветущих ветвей.

– Лев, так ты... – пораженно выдавил парень, но так и не договорил.

– Ага, – улыбнулся изменившийся друг, – Уж прости, что обманул. Но ты очень кстати мне встретился. Я переживал за сестёр, когда узнал, что из моего мира забрали Жар. И решил сам присмотреть за всем, но... Вижу, моё вмешательство и не понадобилось.

Лето перевёл нежный, с хитрецей взгляд на старшую сестру:

– Твои люди справились сами. Всё-таки, Зима, они любят тебя.

Тонкие губы на холодном лице растянулись тёплой улыбкой:

– А я люблю их.

Зима поманила старшего сына, и Лёд вышел к ней, с удовольствием принимая её объятия.

– Что ж...

Лето взглянул на воссоединившуюся семью, на Ингу с котом на руках и Гео, что вновь стояли рядом. На сияющего высоко над Пустошью Солнце... Такого счастливого, что Вселенский холод был над ним не властен. И заключил:

– Думаю, нам всем пора домой.

Глава 18. Время.

Часовщик с облегчением выдохнул. Всё время он наблюдал за битвой издалека. Но в его силах нужды не возникло. Всё-таки они с Зимой сделали правильную ставку.

А Лето Хранитель увидеть не ожидал. Конечно, он сразу узнал его, но не думал, что брат и впрямь вступить за старшую сестру. Впрочем, он лишь приглядывал и помогал из позиции человека. Так что со вселенской точки зрения всё правильно.

Всё завершилось благополучно, можно и возвращаться. Часовщик легко пересёк Пустошь, сажая шлюпку на площадке рядом с Башней.

Здесь всё было благополучно. Часовые кони уже вернулись домой, вальяжно прогуливаясь рядом с коновязью. Дневной свет играл бликами на их медных крупах и в стенках повозки. Башня встречала приветливым светом круглых окон.

С крыльца сбежал встревоженный Рид... Хранитель совсем про него забыл.

– Что там произошло? – налетел на него министр, – Я видел битву!

– Всё потом, – отмахнулся Хранитель, – Возьми коней, карету и скачи к Центральной площади. У фонтана увидишь открытый люк. Спустишься, пройдёшь по коридору до кон-

ца. Там лежит твой брат и ещё двое парней связанные. Думаю, их опоили цветом сновидений.

– Угу, – Рид метнулся, было, к коням, но остановился через два шага.

Спросил, не оборачиваясь:

– Что теперь с ним... С нами будет?

Часовщик пожал плечами:

– Зима милосердна. На всё её воля.

Рид порывисто кивнул, уходя к лошадям. А Хранитель потопал к себе. Он очень устал. Это были невероятные, но изматывающие приключения, и всем думам он предпочёл бы чашку горячего чая.

В пустынном холле величественно оседала пыль. Он поднимался по винтовой лестнице, гладкие перила ласкались к пальцам. Ступени текли вереницей.

В кабинете всё осталось на своих местах. Разобранные часы, вырванные из стены кресла. Лишь на столе лежал дьявольский аппарат Синэи, а сверху стояла домиком короткая записка. Часовщик развернул её:

«Возвращаю, что взяла».

Хранитель нежно улыбнулся. Коснулся пальцами стеклянных чаш. В них полыхало пламя из костра под городом. Огромный поток уместился в крошечном приборчике.

– Знал, что найду тебя здесь, Синька, – в пустой кабинет бросил Хранитель, – В прочем... Я бы не нашел, если б ты не позволила. Выходи, не прячься.

Синичка вспорхнула с подоконника приоткрытого окна. Сделав быстрый круг, она девушкой опустилась на другом конце кабинета. Хранитель мягко улыбнулся. Она совсем не изменилась. А прошло много лет.

– Не могла уйти, не попрощавшись, – усмехнулась она.

– Ты удивишься, но я рад тебя видеть.

Он приблизился к ней на шаг. Она отступила. Потом посмотрела на себя, коротко рассмеялась, и сделала два шага навстречу.

– Рад? Не забывай, я помогала уничтожать этот мир.

– Брось, – он сделал ещё шаг к ней, – Ничего бы ты не уничтожила. С самого начала ты вела свою игру, и город взрывать не собиралась, и Солнце убивать.

Синя опустила голову, коротко выдохнув:

– Почему ты так уверен?

– Я знаю тебя.

Она с силой сжала миниатюрные кулачки:

– Только ты единственный.

– Ты не расскажешь мне всё? – он приглашающе указал ей на кресло.

Девушка присела. Часовщик сам разлил по бокалам согревающий ароматный чай. Синя пригубила, с наслаждением откинувшись на спинку.

– Что рассказать? Весна искала подрывника, чтобы заслать сюда. Когда я узнала, сама вызвалась. А дальше... Город я действительно взрывать не собиралась.

– Конечно, иначе мы не нашли бы твои бомбы так просто, – Хранитель отхлебнул из позолоченной кружки, – А тот взрыв на окраине? Ты его устроила?

– Скажем так, поспособствовала, – замялась она, – Мне нужно было как-то сообщить вам, что мы в городе. А взрыв – шикарный способ. Да и планы Весны попортил.

– Ты в своём репертуаре, – рассмеялся он.

– Когда Рор стал охотиться за Солнцем, я подумала, что безопаснее всего ему будет у меня. Ну согласишься? Весна не тронула бы паренька лишь в случае, если б была уверена, что он в её власти. Я, кстати, соврала, мой аппарат не убил бы его, а преобразил в иное состояние.

– Согласен, в этом... Есть смысл.

– Угу. Но ты со своими бравыми морячкам помешал моим планам. Тогда я решила спасти хотя бы огонь. Конечно, для начала его нужно было найти. И вы мне в этом помогли.

– Дай угадаю, – Хранитель поставил чашку на блюде, магией отправляя их на рабочий стол, – Ты соорудила маленькие бомбочки, так, чтобы взрыва никто не услышал. Те двое парней взорвали их на двух основных проводах, что помогло тебе погасить несколько кварталов. И создать ощущение кражи огня.

– Ага, – кинула она, – Хороший план, а? Конечно, я не собиралась отдавать пламя Весне. Об этом ты догадался по тем связанным ребятам. Но иначе это никогда бы не закончилось.

– Ты, как всегда... Не боишься заводить могущественных врагов. Весна будет ненавидеть тебя за предательство.

Синэя отмахнулась:

– Её проблемы. Хочет убить, пусть записывается у секретаря.

Хранитель коротко рассмеялся. Он всё смотрел на неё... Таковую же задорную, безбашенную. На лице девушки не было ни тени усталости, хотя прожитые год должны отражаться. Но нет... Будто они расстались вчера.

– Я одного не понимаю, – Часовщик обнял пальцами подлокотники, руки его едва заметно напряглись, – Ты узнала, что Весна хочет уничтожить город в Зиме, и тут же помчалась его спасать. Хотя не имеешь отношения ни к одной, ни к другой. Откуда такое рвение?

– Ну... – улыбнулась девушка, поднимая на него короткий взгляд, – Я не могла позволить уничтожить то, что ты любишь.

Хранителю хотелось кричать, вопить, трясти девчонку за плечи, чтобы добиться от неё правды. Почему для неё ещё важно, что он любит? Почему она до сих пор сражается за него? Он не понимал... Их разделяли миры. Предательство. Слишком большая пролегла между ними брешь, и всё же... Всё же... Всё же...

– Что ж, – она спокойно поднялась с кресла, отставляя чашку на край рабочего стола, – Мне пора. А тебя ждёт работа.

– Подожди, – он хотел схватить её за руку.

Хоть остановить, что-то сказать... Но рука застыла в воздухе, а с губ сорвалось безликое:

– Ты... Ещё вернёшься?

Синэя пожала плечами:

– Кто знает. Случайности не случайны, а значит всё может быть.

И Синька, единственная в мире девушка, которую Часовщик любил, упорхнула маленькой птичкой в приоткрытое окно.

***

Инга и Гео стояли у Башни. Мерно падал снег. Крупные снежинки ловили на себе отсвет пламени двух огней. Парень и девушка смотрели на город.

Он снова погрузился в ночь, но мгла казалась нежной, обволакивающей. Хранитель ускакал на коне, а спустя время город загорелся. Дома, трамваи, поезда... Деревья. Всё сияло мягким, тёплым золотом, всё ожило.

Пока Часовщик не вернулся, у обоих было время подумать. Метель шуршала по сугробам, заботливо укрывая мир. Когда Зима сняла купол, жители радовались первому снегопаду, как дети. Катались в сугробах, играли в снежки, лепили снеговиков. Всех захватило счастье... Мир спасён. Их предстоящая вечность цела и безоблачна.

– Значит, мы всё-таки расстаёмся? – вздохнул Миль на земле, когда корабли пристали к ледяной гавани.

– На время, – нежно улыбнулась она, обнимая кота и руками, и крыльями, – Вот увидишь, я ещё вернусь.

Он серьёзно кивнул:

– Я буду ждать тебя.

– Ты позволишь мне за ним присмотреть? – неожиданно попросил Солнце.

Юноша спустился в город вместе с матерью и братом.

– Это не у меня нужно спрашивать, – улыбнулась девушка, обращая взор к коту.

Тот оценивающе оглядел сияющего юношу, скептически цыкнул зубом, и сказал, словно делал большое одолжение:

– Ну... Ла-а-а-адно. Но не вздумай будить меня с утра пораньше.

Солнце радостно рассмеялся.

Инга улыбнулась... Какие тёплые воспоминания. Перед уходом она успела заглянуть в депо. Все поезда вернулись. Побитые, раненые, потерявшие вагоны, но живые. Нох и Грея долго обнимали Ингу, а она гладила их по волосам, приговаривая, что всё хорошо.

Лора намеревалась отдать девушке тетрадь. Но та накрыла её руки своими:

– У депо всегда должна быть начальница. И ты справишься с этим прекрасно.

Женщина понимающе улыбнулась. Пожалуй, эта долж-

ность стала тем смыслом, что был ей так необходим. Не успев при жизни позаботиться о дочери, Лора вложила свою материнскую любовь в депо, его поезда и работников.

Девушка обернулась на Гео. Он смотрел на город, и ему тоже было, что вспомнить. Наедине друг с другом они замолчали. Маски сброшены, и им следовало решить, кто же они друг другу. Но оставалась одна неясность.

– Ты ведь... Поняла, что я хотел сделать? Тогда, в квартире? – спросил парень, не отводя взгляд от далёких улиц, – Я пытался украсть твоё пламя.

– Угу, – выдохнула Инга, – С самого начала поняла. Просто... Не хотела верить.

– А сейчас веришь?

– И сейчас не верю.

Гео обернулся на неё. Девушка взяла его за руку:

– Слушай, какие бы мотивы не привели тебя в ту квартиру, намерение – это ещё не дело. Ты остановился.

– Я остановился, потому что не смог!

– Не правда, – Инга с улыбкой покачала головой, – Такие люди как ты при желании могут всё. При желании.

Гео хотел поспорить... Но лишь в кивке уронил голову на грудь. Кажется, он наконец согласился с собой. Мысли его пришли в порядок окончательно.

На тропинке меж снегов показался часовой конь. Через несколько мгновений Хранитель времени спрыгивал из седла.

– Давно ждёте? – спросил он.

Те синхронно покачали головами:

– Не очень.

Часовщик приглашающе указал на свою обитель:

– Идёмте.

Внутри было непривычно светло. Башня тоже радовалась победе, миру. Инга смутно вспомнила, что холл был забит часами, а потому не мало удивилась, найдя его совершенно пустым. Она вопросительно глянула на Гео. Тот пожал плечами. Что-то было в его глазах из разряда: «Я тебе позже обо всём расскажу».

Сплетение винтовой лестницы, ковёр со звёздным небом... Как же это было давно. Девушка поднималась вслед за парнями, а в предпоследнем зале задержалась на ступенях. Над этой комнатой весела потёртая надпись: «Зал Бессмертных». Среди прочих Инга нашла взглядом трое часов неизвестных ей Швей. И показалось девушке, что они таят в себе невероятную историю.

– Инга, ты идёшь?

– А? – опомнилась она, поднимаясь, – Да, да.

В кабинете на рабочем столе Часовщика стояло две пустые чашки на блюдцах.

Гео и Инга разместились в красных креслах. Девушка ещё удивилась, что они делают на полу – на том обычном полу, который она привыкла считать полом.

– Ну что же, – Хранитель шаром фиолетовой магии убрал

со стола чашки, – Точно намерены вернуться?

– Угу, – кивнула Инга.

– А ты, Гео?

– Я тоже. Пусть два дня, но я хочу их прожить.

– Кстати об этом, – девушка достала из кармана пальто золотой сосуд, – А можно моё время разделить между нами?

– Инга! – вскричал Гео, – Подожди. Одумайся...

– А тут и думать нечего.

Хранитель обнял пальцами подбородок.

– Ты уверена? У тебя осталось шестьдесят четыре года. Из них ты проживёшь всего тридцать два.

Инга улыбнулась:

– Тридцать два года – целая жизнь. И я рада... Что этих жизней будет две.

– Что ж... Тогда конечно, – кивнул Хранитель, забирая сосуд из рук девушки.

Пока он отвернулся к столу, Гео во все глаза смотрел на Ингу. Пытался ли он отговорить её, или просто не верил своему счастью, она не знала.

– Подождите, – вспомнил парень, – Это же против правил. У каждого свой срок, и моя судьба была...

– Да, – вставил Часовщик, – У каждого свой срок. Но даже я порой не знаю, какой.

Он вынул из секретера двое часов. Одни наручные, командирские, из тех, что дарят полицейским или военным. Наверняка Гео. Другие – изящный инкрустированный кулон,

часы с крыльями. Её... Так вот, как они выглядят. Хранитель разломил сосуд в тонкий перемычке, и время патокой потекло по его рукам. Он положил пальцы на часы. Года потекли в них... Девушка чувствовала это движение.

Закончив, Часовщик отдал часы Инге и Гео:

– Вы умрёте вместе. В одно мгновение с точностью до секунды. Часы покажут, когда придёт время. А там уж сами решайте, куда вам – сюда, или... – он указал глазами к потолку, – ...наверх. Ну что, давайте прощаться?

Он протянул паре обе руки.

– Спасибо, – отозвалась девушка.

– Было... Весело, – усмехнулся парень.

Они пожали его ладони синхронно. И мир залил белый-белый свет.

***

Писк кардиомонитора. Запах больницы и холодная ткань под пальцами. Инга чувствовала, как всё болит. Но это было... Так приятно. Она открыла глаза, наткнувшись слабым взглядом на вытянувшиеся лица мамы и сестры. Они были с ней... Когда она очнулась. Девушка видела мамины слёзы и Лерин восторг. На несколько минут забылась, пока из неё вытаскивали трубку аппарата ИВЛ.

Стоило вдохнуть полной грудью тяжелый больничный воздух, как Инга поняла... Она вернулась.

Мама крепко держала её руку. Сестрёнка носилась по палате, не в силах сдержать счастья. Любимая Снежка очнулась прямо в день её рождения. Кажется, о лучшем подарке сестрёнка и не мечтала.

Инга смотрела на родное, любимое лицо матери, хрипло сказав:

– Мам... Бабушка Лора просила передать... Что она очень... Тебя любит.

Мама заулыбалась сквозь слёзы. А Лера бросилась к кровати сестры:

– Снежка, я тебе такое покажу! Тако-о-ое! – она спохватилась, – Ой, не покажу! Рюкзак забыла!

Девочка вихрем умчалась, настежь распахнув дверь. А в коридоре... Суетились медсёстры, и врач вышел из соседней палаты, ошарашенный, но счастливый:

– Признаться, я уже не надеялся, – донеслись до девушки его слова, – Но мать не зря верила. Позвоните ей, сообщите, что Георгий очнулся.

Эпилог.

Как и тогда, падал снег. Столицу который день замечали метели, но сегодня снегопад успокаивал. Они шли под руку по припорошённому тротуару. Где-то под наледью прячется плитка, но зимой вспомнить о ней особенно трудно. Зимой существует только снег.

Женщина посильнее укуталась в плащ. Мужчина поправил тёплый вязанный шарф. Они прожили свою жизнь. Оставались минуты на последнюю в этом мире чашку глинтвейна.

Ресторан встретил хрустальным переливом колокольчика. Всё те же мягкие красные диваны, что и тридцать с лишним лет назад. Тот же свободный столик. Над этим местом будто не властно время.

– Инга Валентиновна, Георгий Романович, – милая, бойкая официантка с двойными стрелками на глазах легко узнала завсегдатаев, – Вам как обычно?

– Да, Лена, – кивнула женщина, – Две чашки глинтвейна.

– Я плачу, – мужчина опередил её на секунду.

Она рассмеялась. Скинув тяжелые одежды, они сели за любимый столик.

С тех событий прошло тридцать два года. Целая жизнь. Им было за пятьдесят – тот возраст, когда всё уже успел, но от жизни ещё не устал. Самое время. Время...

Мужчина взглянул на старые наручные часы. Женщина посмотрела на кулон. Им оставалось совсем недолго. Пора. Но ни один из них не жалел о проведённых годах. Зная, сколько точно им осталось, они прожили жизнь, наслаждаясь каждой секундой. Теперь их ждала вечность.

– Ваш глинтвейн, – девушка поставила на столик ароматные чашки.

Всё та же гвоздика и апельсин, игривая коричневая палочка. Его вкус никогда не меняется... Он способен зажечь сердце.

Они пили молча. Их уже ничего не тревожило. Хотелось проводить эту реальность, чтобы счастливо встретить другую.

На сцене играл одинокий пианист. Разыгрывался перед вечерним концертом. Мелодия струилась потоком.

Они допили последние глотки. Посмотрели на себя взрослых. И вместе, не одеваясь, двинулись к выходу.

Приветливо звякнул ледяной колокольчик. С плеском капнула последняя секунда. И дверь открылась в другой мир...

Отринув постаревшие тела, они шагнули на заснеженный тротуар. Ночной, в звёздной россыпи город встретил их долгожданными объятиями. В них больше не было огня. Но у парня вспыхнули пламенем рыжие волосы, а за девушкой волочились по сугробам снежно-белые крылья.

Инга и Гео возвращались в мир Зимы.